

ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Главная тема:

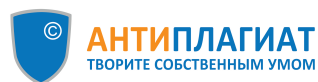
Частноправовые проблемы
современной юриспруденции

3(69)/2022

THE RULE-OF-LAW STATE: THEORY AND PRACTICE

Cover theme:

Private Law Issues of Modern
Jurisprudence

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО
«Башкирский
государственный
университет»

**Правовое государство:
теория и практика.**
Научно-практический
журнал.
Издается с 2005 года.
Выходит ежеквартально.
(12+)

ISSN 2500-0217

УДК 340.1+34(091)(05)
ББК 67.0я5

Адрес редакции:
450005, Российская
Федерация, Республика
Башкортостан, г. Уфа,
ул. Достоевского, д. 131.
Тел: 8(347)228-83-51.
Сайт: <http://pravgos.ru>.
E-mail: ippravgos@yandex.ru

Журнал включен:

- в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук;
- в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в научной электронной библиотеке eLibrary.ru.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-73609
от 31 августа 2018 г.
выдано Федеральной
службой по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций
(Роскомнадзор).

**Редактор англоязычных
текстов:** Юсупова З.А.

**Подписной индекс
в объединенном каталоге
«Газеты. Журналы»
(Урал-Пресс): 81192**

Мнения авторов могут не
совпадать с точкой зрения
редакции.
Использование материалов
в других изданиях
допускается только
с письменного
согласия редакции.
Ссылка на журнал
обязательна.

Требования и условия
публикации статей
размещены на сайте
журнала pravgos.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

**ГИЗАТУЛЛИН
Ирек Альфредович**

кандидат юридических наук
(Башкирский государственный университет, г. Уфа)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Научный руководитель

**РАЯНОВ
Фанис Мансурович**

доктор юридических наук, профессор
(Башкирский государственный университет, г. Уфа)

Члены редакционного совета

**АБАШИДЗЕ
Аслан Хусейнович**

доктор юридических наук, профессор
(Российский университет дружбы народов, г. Москва);

**АЗЗУЗ
Кердун**

доктор юридических наук, профессор (университет им. братьев
Ахмеда и Башира Ментури, (г. Константина, Алжир);

**АРЗАМАСКИН
Николай Николаевич**

доктор юридических наук, профессор
(Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск);

**БОГОЛЮБОВ
Сергей Александрович**

доктор юридических наук, профессор (Институт законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);

**ДИКАРЕВ
Илья Степанович**

доктор юридических наук, доцент
(Волгоградский государственный университет, г. Волгоград);

**ДОВГАНЬ
Елена Федоровна**

доктор юридических наук, профессор (Белорусский
государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь)

**ЗАЙНУЛЛИН
Руслан Ильдарович**

кандидат юридических наук, доцент
(Башкирский государственный университет, г. Уфа);

**ЛИПИНСКИЙ
Дмитрий Анатольевич**

доктор юридических наук, профессор
(Тольяттинский государственный университет, г. Тольятти);

**МАКАРЕНКО
Илона Анатольевна**

доктор юридических наук, профессор
(Башкирский государственный университет, г. Уфа);

**МАКАРОВА
Тамара Ивановна**

доктор юридических наук, профессор (Белорусский
государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь);

**МОРОЗОВ
Сергей Юрьевич**

доктор юридических наук, профессор
(Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск);

**ПОЛЯКОВА
Татьяна Анатольевна**

доктор юридических наук, профессор (Институт государства
и права Российской академии наук, г. Москва);

**РОССИНСКИЙ
Сергей Борисович**

доктор юридических наук, доцент (Институт государства
и права Российской академии наук, г. Москва);

**СЕМИТКО
Алексей Павлович**

доктор юридических наук, профессор
(Гуманитарный университет, г. Екатеринбург);

**ТЛЕПИНА
Шолпан Валерьевна**

доктор юридических наук, профессор (Евразийский национальный
университет им. Л.Н. Гумилева, г. Нур-Султан, Казахстан);

**ШАБУРОВ
Анатолий Степанович**

доктор юридических наук, профессор (Уральский
государственный юридический университет, г. Екатеринбург)

**ЮДИН
Андрей Владимирович**

доктор юридических наук, профессор (Самарский национальный
исследовательский университет им. академика С.П. Королёва, г. Самара)

Редакционная коллегия

**АГАПОВ
Павел Валерьевич**

доктор юридических наук, профессор
(Университет Генеральной прокуратуры, г. Москва);

**АЗНАГУЛОВА
Гузель Мухаметовна**

доктор юридических наук, доцент (Институт законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва);

**ГАЛИЕВ
Фарит Хатипович**

доктор юридических наук, доцент
(Башкирский государственный университет, г. Уфа);

**ГИЗАТУЛЛИН
Равиль Хасанович**

доктор юридических наук, доцент
(Башкирский государственный университет, г. Уфа);

**ДБЯКОНОВА
Оксана Геннадьевна**

доктор юридических наук, доцент (Московский государственный
юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва);

**КАСИМОВ
Тимур Салаватович**

кандидат юридических наук, доцент
(Башкирский государственный университет, г. Уфа);

**ЛАТЫПОВА
Наталья Сергеевна**

кандидат юридических наук
(Башкирский государственный университет, г. Уфа);

**НИГМАТУЛЛИН
Ришат Вахидович**

доктор юридических наук, профессор
(Башкирский государственный университет, г. Уфа);

**ТАРАСОВ
Александр Алексеевич**

доктор юридических наук, профессор
(Башкирский государственный университет, г. Уфа);

**ТУЖИЛОВА-ОРДАНСКАЯ
Елена Марковна**

доктор юридических наук, профессор
(Башкирский государственный университет, г. Уфа);

**ФРОЛОВА
Елизавета Александровна**

доктор юридических наук, доцент (Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва);

**ХАЛИКОВ
Аслям Наилевич**

доктор юридических наук, профессор
(Башкирский государственный университет, г. Уфа);

**ЭКСаРХОПУЛО
Алексей Алексеевич**

доктор юридических наук, профессор
(Башкирский государственный университет, г. Уфа)

FOUNDER

Federal State Budgetary
Educational Institution
of Higher Education
«Bashkir State University»

The rule of law: theory and practice.

Scientific and practical journal.
Since 2005. The Journal
is published quarterly.
(12+)

ISSN 2500-0217

UDC 340.1+34(091)(05)
LBC 67.0я5

Postal address:

131 Dostoevsky str., Ufa,
Republic of Bashkortostan,
Russian Federation, 450005.
Tel: 8(347)228-83-51.
Website: <http://pravgos.ru>.
E-mail: ippravgos@yandex.ru.

The journal is included:

- in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of theses for Candidate and Doctor Degrees in Law Sciences should be published;
- in the Russian Science Citation Index (RSCI) and it is registered in the scientific electronic library eLibrary.ru.

The certificate of registration of PI №FS77-73609 dated August 31, 2018 was issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor).

Translation Reviewer:

Z.A. Yusupova.

Subscription index in the combined catalog «Newspapers. Magazines» (Ural-Press): 81192.

Authors' opinions may not coincide with those of the editorial staff.
The use of materials in other publications is allowed only with the written consent of the editorial staff.
Reference to the journal is mandatory.

The requirements and conditions for the publication of articles are posted on the journal's website pravgos.ru

EDITOR-IN-CHIEF

**Irek A.
GIZATULLIN**

Candidate of Legal Sciences
(Bashkir State University, Ufa)

EDITORIAL COUNCIL

Academic Supervisor

**Fanis M.
RAYANOV**

Doctor of Law, Professor
(Bashkir State University, Ufa)

Editorial councilmembers:

**Aslan Kh.
ABASHIDZE**

Doctor of Law, Professor
(RUDN University, Moscow);

**Azzouz
KERDOUN**

Doctor of Law, Professor
(Mentouri Public University, Constantine, Algeria);

**Nikolai N.
ARZAMASKIN**

Doctor of Law, Professor
(Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

**Sergej A.
BOGOLJUBOV**

Doctor of Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);

**Ilya S.
DIKAREV**

Doctor of Law, Associate Professor
(Volgograd State University, Volgograd);

**Elena F.
DOVGAN**

Doctor of Law, Professor
(Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

**Ruslan I.
ZAINULLIN**

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
(Bashkir State University, Ufa);

**Dmitry A.
LIPINSKIY**

Doctor of Law, Professor
(Togliatti State University, Togliatti);

**Ilon A.
MAKARENKO**

Doctor of Law, Professor
(Bashkir State University, Ufa);

**Tamara I.
MAKAROVA**

Doctor of Law, Professor
(Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus);

**Sergey Y.
MOROZOV**

Doctor of Law, Professor
(Ulyanovsk State University, Ulyanovsk);

**Tatyana A.
POLYAKOVA**

Doctor of Law, Professor
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

**Sergey B.
ROSSINSKY**

Doctor of Law, Associate Professor
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow);

**Alexey P.
SEMITKO**

Doctor of Law, Professor
(Liberal Arts University, Yekaterinburg);

**Sholpan V.
TLEPINA**

Doctor of Law, Professor
(L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan);

**Anatoly S.
SHABUROV**

Doctor of Law, Professor
(Ural State Law University, Yekaterinburg);

**Andrey V.
YUDIN**

Doctor of Law, Professor
(Samara National Research University, Samara)

Editorial board

**Pavel V.
AGAPOV**

Doctor of Law, Professor
(University of Prosecutor's Office, Moscow);

**Guzel M.
AZNAGULOVA**

Doctor of Law, Associate Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow);

**Farit Kh.
GALIEV**

Doctor of Law, Associate Professor
(Bashkir State University, Ufa);

**Ravil Kh.
GIZATULLIN**

Doctor of Law, Associate Professor
(Bashkir State University, Ufa);

**Oksana G.
DYAKONOVA**

Doctor of Law, Associate Professor
(Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow);

**Timur S.
KASIMOV**

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
(Bashkir State University, Ufa);

**Nataliya S.
LATYPOVA**

Candidate of Legal Sciences
(Bashkir State University, Ufa);

**Rishat V.
NIGMATULLIN**

Doctor of Law, Professor
(Bashkir State University, Ufa);

**Alexander A.
TARASOV**

Doctor of Law, Professor
(Bashkir State University, Ufa);

**ELENA M. TUZHILOVA-
ORDANSKAYA**

Doctor of Law, Professor
(Bashkir State University, Ufa);

**ELIZAVETA A.
FROLOVA**

Doctor of Law, Associate Professor
(Lomonosov Moscow State University, Moscow);

**ASLYAM N.
KHALIKOV**

Doctor of Law, Professor
(Bashkir State University, Ufa);

**ALEXEY A.
EXARKHOPULO**

Doctor of Law, Professor
(Bashkir State University, Ufa)

**ГЛАВНАЯ ТЕМА:
ЧАСТНОПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ**

RU

- 5 **Аминева А.Ю.**
К вопросу об особенностях обязанностей сторон в соседских правоотношениях
- 13 **Атнабаева Ю.В.**
К вопросу о классификации рискованных договоров как специальных гражданско-правовых конструкций
- 20 **Ахтямова Е.В., Алсынбаева Э.М., Масалимова А.А.**
Проблемы правового регулирования защиты генетической информации, полученной методами преимплантационной и пренатальной генетической диагностики, в Российской Федерации
- 27 **Балякина Е.Б.**
К вопросу об охране изображения гражданина
- 34 **Барков А.В., Завьялов М.М.**
Концепция управления стратегическими предприятиями в условиях иностранных санкций в рамках технологического суверенитета
- 41 **Березина Е.А.**
Проблемы правового регулирования юридической ответственности за вред, причиненный эксплуатацией беспилотных (автономных, высокоавтоматизированных) транспортных средств
- 56 **Гибадуллина А.А., Гаймалеева А.Т., Королёва Д.В.**
К вопросу совершенствования механизма выявления и учета выморочного недвижимого имущества
- 63 **Даутия Т.В.**
Отдельные аспекты использования фонограммы как объекта смежных прав
- 71 **Демиева А.Г.**
Концептуальный вопрос о единстве активной экономической деятельности как социального и правового явления
- 77 **Рузанова В.Д.**
Персональные данные как гражданско-правовая категория
- 84 **Сапега В.А.**
Транспортно-экспедиционная деятельность в области почтовых услуг
- 89 **Сахарова Ю.В.**
Особенности хозяйственных партнерств и их место в системе коммерческих корпоративных юридических лиц

**COVER THEME:
PRIVATE LAW ISSUES
OF MODERN JURISPRUDENCE**

EN

- 5 **Amineva A.Y.**
On the specificity of the obligations of the parties to neighborhood legal relations
- 13 **Atnabaeva Y.V.**
On the classification of risk contracts as special civil law structures
- 20 **Akhtyamova E.V., Alsynbaeva E.M., Masalimova A.A.**
Problems of legal regulation of the protection of genetic information obtained by methods of preimplantation and prenatal genetic diagnosis, in the Russian Federation
- 27 **Balyakina E.B.**
On the issue of protecting the image of a citizen
- 34 **Barkov A.V., Zavyalov M.M.**
The concept of managing strategic enterprises under foreign sanctions within the framework of technological sovereignty
- 41 **Berezina E.A.**
The problems of legal regulation of legal liability for damage caused by the operation of unmanned (autonomous, highly automated) vehicles
- 56 **Gibadullina A.A., Gaimaleeva A.T., Korolyova D.V.**
On the issue of improving the mechanism for identifying and accounting for escheated real estate
- 63 **Dautia T.V.**
Certain aspects of using a phonogram as an object of related rights
- 71 **Demieva A.G.**
The conceptual issue of the unity of active economic activity as a social and legal phenomenon
- 77 **Ruzanova V.D.**
Personal data as a civil law category
- 84 **Sapega V.A.**
Forwarding activities in the field of postal services
- 89 **Sakharova Y.V.**
Features and place of business partnerships in the system of commercial corporate legal entities

98 **Серова О.А.**
Субъекты научно-исследовательской деятельности: от традиционных представлений к гражданской науке

104 **Трофимец И.А.**
Принципы правового института записей актов гражданского состояния в условиях цифровизации

111 **Юдин А.В.**
Правовая природа срока на обращение в суд по делам административного судопроизводства

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

117 **Воронков К.И., Исмагилов Р.Ф., Сальников М.В.**
Национальная идея добра и всеобщего союза как возможный вариант государственной идеологии в Российской Федерации

124 **Игнат'ева С.В., Вашкович Н.Ю., Галиев Ф.Х.**
Теоретические аспекты привлечения должностных лиц к юридической ответственности

132 **Малый А.Ф., Нигметзянов А.А.**
Модификация избирательного законодательства – веление времени

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

137 **Гольцов В.Б., Голованов Н.М., Игбаева Г.Р.**
Пробелы правового регулирования служебно-трудовых отношений в следственном комитете Российской Федерации

144 **Пашкова Т.В.**
Делегирование полномочий в системе органов публичной власти

150 **Троян Н.А.**
Формирование системы правовой информации на основе единой информационной инфраструктуры

159 **Химченко А.И.**
Вопросы формирования цифровой среды доверия как структурного элемента в цифровизации государственного управления

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

165 **Сейтенов К.К.**
Понятие уголовного правонарушения в законодательстве Республики Казахстан: современное состояние и перспективы развития

171 **Фильченко А.П., Жандров В.Ю.**
Использование режима санкций и системы комплаенс в снижении рисков незаконных операций с виртуальными активами: зарубежный и российский опыт

98 **Serova O.A.**
Subjects of research activities: from traditional concepts to civil science

104 **Trofimets I.A.**
Principles of the legal institution of civil Registration in the context of digitalization

111 **Yudin A.V.**
The legal nature of the period for applying to the court for administrative proceedings

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

117 **Voronkov K.I., Ismagilov R.F., Sal'nikov M.V.**
The national idea of goodness and general union as a possible option of the state ideology in the russian federation

124 **Ignat'eva S.V., Vashkovich N.Y., Galiev F.K.**
Theoretical aspects of bringing officials to legal responsibility

132 **Malyi A.F., Nigmatzyanov A.A.**
Modification of the electoral legislation is the imperative of our times

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

137 **Goltsov V.B., Golovanov N.M., Igbaeva G.R.**
Gaps in the legal regulation of employment relations in the investigative committee of the Russian Federation

144 **Pashkova T.V.**
Delegation of powers within the system of public authority

150 **Troyan N.A.**
Building the legal information system based on a unified information infrastructure

159 **Khimchenko A.I.**
Issues of creating the digital environment of trust as a structural element in the digitalization of public administration

CRIMINAL LAW SCIENCES

165 **Seitenov K.K.**
The concept of a criminal offense in the legislation of the republic of Kazakhstan: current state and prospects of development

171 **Filchenko A.P., Zhandrov V.Y.**
The use of the sanctions regime and compliance system to reduce the risks of illegal transactions involving virtual assets: Foreign and russian experience

Главная тема: ЧАСТНОПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Cover Theme: PRIVATE LAW ISSUES OF MODERN JURISPRUDENCE

Научная статья
УДК 347.2
DOI 10.33184/pravgos-2022.3.1

Original article

АМИНЕВА Айгуль Юлаевна
Башкирский государственный университет,
Уфа, Россия;
e-mail: aigulbika@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-0061-0963>

AMINEVA Aigul Yulaevna
Bashkir State University, Ufa, Russia.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ОБЯЗАННОСТЕЙ СТОРОН В СОСЕДСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

ON THE SPECIFICITY OF THE OBLIGATIONS OF THE PARTIES TO NEIGHBORHOOD LEGAL RELATIONS

Аннотация. Существование добрососедских отношений основано на неукоснительном исполнении каждой из сторон своих обязанностей, что в конечном счете приводит к соблюдению порядка, основанного на праве. Цель: анализ проблем правового регулирования обязанностей сторон соседского правоотношения, его характерных черт и содержания. В процессе проведенного исследования использованы общенаучные и частнонаучные (юридико-догматический, толкования правовых норм и др.) методы исследования. Результаты: установлено, что на сегодняшний день отсутствует легальное определение обязанностей соседей, обязанности сторон соседского правоотношения закреплены в различных нормативных актах, в том числе в источниках публичных отраслей права. Сделан вывод о том, что под обязанностью стороны в соседском правоотношении следует понимать установленную законодательством, соглашением сторон или обычаем меру должного поведения одного лица (соседа) в целях удовлетворения интересов другого лица (другого соседа), обеспеченную возможностью применения мер принуждения. Основная цель исполнения гражданско-правовых обязанностей соседей – обеспечение соблюдения прав и законных интересов сторон соседского правоотношения, при котором поведение каждой из сторон данного правоотношения не будет выходить за рамки допустимых пределов, установленных законодательством, в том числе санитарными, градостроительными, строительными, техническими правилами и нормами, либо соглашением сторон, либо обычаями, действующими на той или иной территории.

Ключевые слова: обязанности сторон соседского правоотношения, признаки обязанностей, содержание обязанностей

Для цитирования: Аминев А.Ю. К вопросу об особенностях обязанностей сторон в соседских правоотношениях / А.Ю. Аминев // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 3. – С. 5–12. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.1.

Abstract. The existence of good neighborhood relations is based on the scrupulous performance by each of the parties of their obligations, which ultimately results in the observance of an order based on law. Purpose: to analyze the problems of legal regulation of the obligations of the parties to neighborhood legal relations, their characteristics and content. In the course of the study, general scientific and specific scientific (legal and dogmatic, interpretation of legal norms, and others) research methods are used. Results: it is established that, to date, there is no legal definition of the obligations of neighbors, the obligations of the parties to neighborhood legal relations are separately enshrined in various normative acts, including in sources of public branches of law. It is concluded that an obligation of a party in neighborhood legal relations should be understood as a measure of proper behavior of one person (neighbor) established by law, agreement of the parties or custom in order to satisfy the interests of another person (another neighbor), provided with the possibility of applying coercive measures. The main purpose of fulfilling civil law obligations of the neighbors is to ensure the observance of the rights and legal interests of the parties to neighborhood legal relations, in which the conduct of each party to this legal relationship will not exceed the permissible limits, established by law, including sanitary, urban planning, building, technical regulations and standards, either by any agreement of the parties or by customs in force in a particular territory.

Keywords: obligations of the parties to neighborhood legal relations; characteristics of obligations; content of obligations

For citation: Amineva A.Yu. On the specificity of the obligations of the parties to neighborhood legal relations. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 3, pp. 5–12. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.1 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Добрососедские отношения предполагают наличие не только определенных субъективных прав и свобод, но и надлежащее исполнение сторонами соседских правоотношений своих обязанностей.

Современное российское гражданское законодательство не содержит определения понятия обязанностей соседей, а также их перечня. Обязанности сторон соседского правоотношения закреплены в различных нормативных актах.

К ПОНЯТИЮ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОБЯЗАННОСТИ СТОРОН СОСЕДСКОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ

Исходя из анализа действующего гражданского законодательства можно установить, что под соседским правоотношением следует понимать общественное отношение, складывающееся между собственниками или иными владельцами объектов недвижимого имущества (жилых и нежилых помещений, земельных участков).

Если обратиться к действующему российскому законодательству, то можно обнаружить, что регулирование соседских отношений не имеет системного характера.

Конституция РФ провозглашает, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17).

В ст. 17 ЖК РФ говорится, что пользование жилым помещением осуществляется с учетом соблюдения прав и законных интересов проживающих в нем граждан (соседей). Аналогичная обязанность, но только в отношении собственников, содержится в ст. 30 ЖК РФ.

В ст. 687 ГК РФ содержится положение, согласно которому если наниматель систематически нарушает права и интересы соседей, то наймодатель может сделать сначала предупреждение о необходимости устранения данного нарушения, а если предупреждение не подействовало – расторгнуть договор найма жилого помещения. Однако нормы, непосредственно закрепляющей обязанности соблюдения прав и законных интересов соседей, в ГК РФ нет.

Каждый проживающий в многоквартирном доме должен соблюдать установленные Правила пользования жилыми помещениями: «Пользование жилым помещением осуществляется с учетом соблюдения прав и законных интересов проживающих в жилом помещении граждан и соседей, требований пожарной

безопасности, санитарно-гигиенических, экологических и иных требований законодательства, а также в соответствии с настоящими Правилами» (п. 1)¹.

Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»² предусматривает, что «граждане обязаны не осуществлять действия, влекущие за собой нарушения прав других граждан на охрану здоровья и благоприятную среду обитания».

Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³, положения которого уточняются в региональном законодательстве, а также в актах муниципалитетов, обязывает владельцев собак, кошек и других животных не нарушать права и законные интересы других жильцов (соседей). Так, в Республике Башкортостан действует Закон «Об ответственном обращении с животными в Республике Башкортостан»⁴, а в Уфе – Правила благоустройства территории городского округа город Уфа Республики Башкортостан, которыми предусмотрены требования к содержанию зданий и сооружений, к отдельным деталям и элементам фасада, входным группам, к окнам, витринам, лоджиям, дорогам, объектам капитального строительства и т. д., в том числе к содержанию домашних животных⁵.

В субъектах Российской Федерации принимаются различные нормативные акты,

1 Об утверждении правил пользования жилыми помещениями : приказ Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 14.05.2021 № 292/пр [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.05.2022).

2 О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения : федер. закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ (ред. от 02.07.2021) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.05.2022).

3 Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ (ред. от 11.06.2021) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.05.2022).

4 Об ответственном обращении с животными в Республике Башкортостан : закон Республики Башкортостан от 29.06.2020 № 289-з (ред. от 24.12.2021) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 25.05.2022).

5 Об утверждении Правил благоустройства территории городского округа город Уфа Республики Башкортостан : решение Совета городского округа город Уфа Республики Башкортостан от 23.06.2020 № 62/4 [Электронный ресурс] // Совет городского округа г. Уфа Республики Башкортостан : сайт. URL: <https://www.gorsovnet-ufa.ru/npa/> (дата обращения: 25.05.2022).

регулирующие обеспечение покоя граждан, находящихся в организациях образования, здравоохранения, торговли, бытового обслуживания; на территории садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединений граждан, жилых помещений и помещений общего пользования многоквартирных домов, придомовых территорий.

Современное российское публичное законодательство содержит градостроительные, санитарные, технические и иные нормативы, которые необходимо соблюдать сторонам соседского правоотношения⁶.

Однако ни гражданское, ни публичное законодательство не содержит понятия обязанностей сторон соседского правоотношения. В ст. 294 Проекта ГК РФ они лишь перечисляются, но только в отношении собственника земельного участка⁷. Данный перечень не является исчерпывающим. Законодательными, иными правовыми актами, соглашениями могут быть установлены иные меры должного поведения сторон соседского правоотношения. Норма, изложенная в ст. 294 Проекта ГК РФ, является диспозитивной, то есть действует только в том случае, если соглашением между соседями земельных участков не предусмотрено иное.

Анализ действующего законодательства, а также Проекта ГК РФ позволяет сделать вывод

6 Например: О принятии свода правил «Планировка и застройка территорий малоэтажного жилищного строительства» и свода правил «Разработка, согласование, утверждение и состав проектно-планировочной документации на застройку территорий малоэтажного жилищного строительства»: постановление Госстроя РФ от 30.12.1999 № 94 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; СП 54.13330.2016 «СНиП 31-01-2003 Здания жилые многоквартирные»: приказ Минстроя России от 03.12.2016 № 883/пр [Электронный ресурс] // Минстрой России: сайт. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/> (дата обращения: 25.05.2022); СП 53.13330.2019 «Планировка и застройка территории ведения гражданами садоводства. Здания и сооружения» (СНиП 30-02-97* Планировка и застройка территорий садоводческих (дачных) объединений граждан, здания и сооружения): приказ Минстроя России от 14.10. 2019 № 883/пр [Электронный ресурс] // Минстрой России: сайт. URL: <https://minstroyrf.gov.ru/> (дата обращения: 25.05.2022); СанПиН 2.1.2.2645-10 «Санитарно-эпидемиологические требования к условиям проживания в жилых зданиях и помещениях»: постановление Главного государственного санитарного врача Российской Федерации от 10.06.2010 № 64 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2022).

7 О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: проект федерального закона от 27.04.2021 № 47538-6 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.05.2022).

о том, что отношения между субъектами, которым принадлежат близлежащие объекты недвижимости, предполагаются добрососедскими, предусматривающими наличие симметричных прав и обязанностей, когда один из соседей не должен нарушать права, свободы и интересы другого соседа, а последний, в свою очередь, обязан терпеть действия первого и исполнять возложенные на него соседским соглашением обязательства. При этом другой сосед обязан терпеть только такие действия первого соседа, которые не выходят за определенные рамки, то есть являются допустимыми, не оказывающими длительного негативного влияния на использование соседней недвижимости и (или) не выходящими за пределы, установленные действующим законодательством, соседским соглашением или местным обычаем.

Для того чтобы разобраться в понятии соседской обязанности, необходимо сначала обратиться к общему понятию гражданско-правовой обязанности, которое большинство цивилистов определяют через понятие «мера должного поведения» обязанного лица в интересах управомоченного, обеспеченная возможностью применения государственного принуждения.

Р.О. Халфина определила обязанность как обеспеченную законом меру «должного поведения, которой следует обязанное лицо в соответствии с требованиями управомоченного» [1, с. 242].

О.С. Иоффе писал: «Правовая обязанность – юридическое средство обеспечения такого поведения ее носителя, в котором нуждается управомоченный и которое государство признает обязательным» [2, с. 218].

В.С. Ем рассматривал правовую обязанность как «закрепленное в норме права требование к субъекту, выражающее социально обусловленную необходимость определенного поведения, обеспеченное возможностью государственного принуждения субъекта к такому поведению» [3, с. 39–40].

Е.Я. Мотовиловкер, анализируя существующие в юридической доктрине определения, пишет, что само понятие гражданско-правовой обязанности через замену синонимичных терминов не раскрывает его родовую сущность [4, с. 54].

Проанализировав цивилистическую доктрину, мы можем сделать вывод, что в определение гражданской обязанности учеными включаются различные признаки и элементы, составляющие содержание данной категории, в которых нам необходимо разобраться,

чтобы на основе их изучения сформулировать понятие обязанности соседей.

ПРИЗНАКИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОБЯЗАННОСТИ СОСЕДЕЙ

К признакам гражданско-правовой обязанности, в том числе гражданско-правовой обязанности соседей, большинство цивилистов относят: совершение действия, удовлетворяющего законный интерес управомоченного лица; признак категоричности; соответствие поведения требованиям закона или соглашения, заключенного между сторонами правоотношения; возможность применения мер принуждения за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанности; конкретность (точность) и др.

Одним из признаков гражданско-правовой обязанности является совершение действия, удовлетворяющего законный интерес управомоченного лица, то есть другого лица (контрагента, третьего лица, возможно, общества и государства), которое имеет основанное на законе или договоре право требовать от обязанного лица совершения определенных действий.

Некоторые авторы по поводу данного признака указывают на то, что обязанность является способом осуществления уже реального существующего или могущего возникнуть в будущем субъективного гражданского права. Например, В.А. Витушко, исследуя вопросы симметрии прав и обязанностей, пишет, что в любом законе или договоре можно обнаружить связанность гражданских прав и обязанностей [5, с. 63–68]. Например, обязанность одного соседа не нарушать тишину в ночное время обусловлена правом другого соседа на покой. Также автор указывает на то, что даже если в законодательном или договорном порядке закрепить определенные права, все же с течением времени в процессе осуществления гражданских прав появятся конкретные жизненные обстоятельства, которые приведут к возникновению симметричных обязанностей. Избежать данного обстоятельства не получится, даже прибегнув к воле публичных органов власти, потому что это является закономерным процессом.

О.А. Шемчук в качестве одного из признаков именно гражданско-правовой обязанности, являющейся институтом частноправовой отрасли, называет право обязанного лица действовать при исполнении обязанности как в интересах правообладателя, так и в своих собственных интересах [6, с. 58].

В этом высказывании О.А. Шемчук,

наверное, есть доля истины, поскольку, вступая в какое-либо правоотношение, любой субъект преследует, прежде всего, свою собственную выгоду и исполняет обязанность на максимально выгодных для себя условиях, но в соответствии с правовыми предписаниями. Таким образом, один сосед исполняет свои обязанности, прежде всего, исходя из своих собственных интересов, но в соответствии с действующим законодательством или соглашением, заключенным между сторонами правоотношения, которые, во-первых, устанавливают конкретные границы поведения обязанного лица, во-вторых, отражают и охраняют интересы других лиц (соседей).

Значительную роль в регулировании соседских правоотношений играют соседские соглашения (например, о порядке несения расходов на ремонт общего забора) и обычаи, под которыми понимаются устоявшиеся в определенной местности правила, не установленные, но не противоречащие актам гражданского законодательства и договорам, заключенным между соседями.

Следующим признаком гражданско-правовой обязанности является признак категоричности, означающий наличие властного предписания в отношении обязанного лица, которое предусматривает необходимость совершения определенного действия.

По поводу наличия данного признака в литературе высказываются две противоположные позиции. Так, одни авторы (например, О.А. Шемчук, Л.А. Чеговадзе) отмечают, что реализация интереса обязанного основывается на принципе свободы, которая проявляется в том числе в том, что субъект гражданского права обладает свободой выбора исполнения (исполнять либо не исполнять) возложенной на него обязанности. То есть субъективная гражданская обязанность, как и субъективное гражданское право, основывается на принципе свободы волеизъявления.

Другие авторы (например, С.С. Алексеев, Е.Я. Мотовиловкер) заняли совершенно противоположную позицию – о невозможности отказа от исполнения обязанности.

Конечно, в силу диспозитивного метода гражданско-правового регулирования у обязанного лица имеется определенная свобода варьировать свое поведение, например, в случае принятия на себя выполнения определенных обязанностей либо же при выборе в случаях, предусмотренных законом или соглашением сторон, способа исполнения обязательства. Все же со своей стороны отметим, что если бы обязанное лицо имело

право выбора в вопросе исполнять или не исполнять возложенную на него обязанность, то это противоречило бы сути юридической обязанности, а являлось бы правом субъекта правоотношения. Исполнение юридической обязанности предполагает необходимость действовать должным образом, даже если это будет идти вразрез с его собственными интересами.

Признак категоричности указывает на наличие определенной власти со стороны управомоченного лица требовать безусловно-го исполнения предписанного поведения.

В то же время неисполнение обязанности или исполнение обязанности ненадлежащим образом предусматривает возможность применения мер принуждения, то есть наступления неблагоприятных последствий юридического характера в отношении обязанного лица. Речь идет именно о возможности, а не об обязательности применения мер государственного воздействия за неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных обязанностей, поскольку, во-первых, управомоченное лицо может вообще не предъявлять каких-либо требований, во-вторых, обязанное лицо может само устранить причиненный вред, в-третьих, управомоченное лицо может защитить свои права, не обращаясь в юрисдикционные органы, например, путем самозащиты.

Однако если в публичных отраслях права применение принуждения предполагает применение мер помимо воли субъекта права, то в гражданском праве провозглашен принцип недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела (ст. 1 ГК РФ), в том числе со стороны государственных органов.

Таким образом, признак принуждения за неисполнение гражданско-правовой обязанности не является ее обязательной характеристикой, поскольку защита гражданских прав может осуществляться без обращения в органы публичной власти, а зависит от самих участников гражданского правоотношения, прежде всего лица, в отношении которого было совершено правонарушение.

Еще одним признаком юридической обязанности является конкретность (точность), означающая, что обязанное лицо обязано совершить строго определенное действие. С данным признаком связан такой признак гражданско-правовой обязанности, как существование его в рамках определенного правоотношения.

По данному вопросу в правовой литературе сложилось несколько точек зрения.

Так, С.Ф. Кечекьян, А.В. Мицкевич и др. считают возможным существование некоторых обязанностей вне правоотношения, то есть без корреспондирующих им прав [7, с. 63–64; 8, с. 34]. Н.Г. Александров вводит в связи с этим в правоведение понятие «эвентуальная обязанность» [9, с. 89–90], означающее допустимость существования обязанности вне правоотношения при определенных обстоятельствах.

Е.Я. Мотовиловкер высказал довольно интересную мысль о «пассивной обязанности», то есть обязанности воздержаться от определенных действий. Он пишет, что интерес других лиц в пассивной обязанности в том, чтобы запрещение действия не совершалось, то есть совершенное действие будет считаться правонарушением. Поэтому, по его мнению, «выраженный в запрете интерес существует ... вне правоотношения» [4, с. 60].

Действительно, обязанности активного типа не могут существовать вне правоотношения, поскольку действия обязанного лица непосредственно приводят к удовлетворению интересов управомоченного лица, которое имеет право требовать. Мы отчасти согласимся с мнением Е.Я. Мотовиловкера по поводу пассивной обязанности, поскольку, по общему правилу, гражданские обязанности возникают на основании юридических фактов. Например, в случае с соседским правом у соседей существует обязанность не нарушать права и законные интересы соседей, то есть изначально придерживаться заведенных правил общежития (так, существуют определенные санитарные, градостроительные, технические и др. нормативы, нарушать которые недопустимо). Получается, что при соблюдении определенных требований норм права активно (например, негромкое прослушивание музыки) не нарушаются права и законные интересы соседей (их покой). Обязанности пассивного типа как бы устанавливают определенные границы, в соответствии с которыми обязанное лицо не должно совершать определенные действия, чтобы таким образом создать предпосылки для удовлетворения интересов управомоченного лица на совершение положительных действий.

Еще одним признаком юридической обязанности является наличие у нее определенного содержания, или структуры. В целом в цивилистике под термином «обязанности», применимым и к содержанию обязанностей соседей, понимают определенную совокупность действий обязанного субъекта, совершаемых с целью удовлетворения интересов управомоченного лица.

СОДЕРЖАНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОБЯЗАННОСТИ СОСЕДЕЙ

В цивилистике существует несколько концепций содержания гражданско-правовой обязанности. Так, существует теория двусоставного содержания гражданско-правовой обязанности, согласно которой последняя состоит из обязанностей активного и пассивного типа (М.М. Агарков, Г.Ф. Шершеневич и др.).

Кроме того, существует позиция, предполагающая необходимость рассматривать содержание гражданско-правовой обязанности с точки зрения трех ее составляющих: обязанностей активного и пассивного типа и обязанности отвечать (С.С. Алексеев, А.В. Владова и др.).

В.В. Груздев рассматривает структуру гражданско-правовой обязанности с точки зрения двух ее составляющих: обязательных и факультативных элементов. При этом под обязательной частью автор понимает регулятивную составляющую гражданско-правовой обязанности, например, воздержаться от совершения определенных действий или выполнить определенное действие в пользу кредитора. Под факультативной частью он рассматривает охранительное правоотношение, например, необходимость устранить допущенные нарушения [10, с. 95–104]. Кроме того, В.В. Груздев отмечает, что в состав гражданско-правовой обязанности наряду с должностными входят правомочия обязанного лица. Предложенное автором строение гражданско-правовой обязанности, в принципе, всего лишь уточняет существующий традиционный взгляд на ее содержание, потому что названная им в качестве обязательного элемента часть обязанности есть не что иное, как активная и пассивная обязанность. Довольно логично выделена факультативная часть гражданско-правовой обязанности, поскольку ее может и не быть, например, в случае надлежащего исполнения обязанности.

Таким образом, можно установить, что большинство цивилистов в содержание обязанности сторон соседского правоотношения включают следующие элементы: активную и пассивную обязанность и обязанность отвечать. При этом суть активной обязанности состоит в совершении полезных действий.

Формой реализации обязанности активного типа является исполнение, когда субъект права должен действовать определенным образом, например, получить согласие соседей на перевод жилого помещения в нежилое.

Данная обязанность означает действие в интересах соседей, которые в случае определенных отступлений от нее могут потребовать признания изменения функционального назначения помещения незаконным и применения мер ответственности за неисполнение возложенных обязанностей. Обязанности активного типа исходят из диспозитивного метода правового регулирования гражданско-правовых отношений, предполагающего определенную свободу волеизъявления, например, в вопросах приобретения и регламентации содержания обязанностей, их исполнения. В основном обязанности активного типа возникают на основе самостоятельного волеизъявления стороны правоотношения.

В соседских правоотношениях большинство составляют именно обязанности пассивного типа, реализация которых осуществляется путем соблюдения определенных запретов, содержащих безусловные к исполнению всеми обязанными лицами императивные требования, связанные с недопустимостью совершения тех или иных действий. Установление запретов – это и есть форма закрепления обязанности данного типа. Действительно, если мы обратимся к законодательству, регулирующему соседские правоотношения, то мы в основном увидим нормы, где говорится, что недопустимо нарушать права и интересы сторон соседского правоотношения. Так, к обязанностям пассивного типа в соседском правоотношении относятся недопустимость крика, свиста, пения, танцев, игры на музыкальных инструментах, использования пиротехники в ночное время, за исключением определенных обстоятельств, например, проведения новогоднего торжества. То есть установление данных обязанностей означает необходимость бездействовать в отношении такого блага, как покой граждан. При этом под запретами в гражданском праве понимают обращенные ко всем субъектам требования воздержаться от тех действий, которые могут повлечь нарушение прав и законных интересов управомоченных лиц, то есть лиц, которые осуществляют активные действия. Данные требования могут содержаться как в законодательстве, так и устанавливаться в соглашениях, заключаемых между сторонами, в данном случае – соседями.

Что касается такого элемента, как обязанность отвечать, то, по справедливому указанию А.Б. Бабаева и В.А. Белова, претерпевание государственного принуждения как элемент гражданско-правовой обязанности лежит вне юридической обязанности [11, с. 239].

При рассмотрении такого элемента содержания обязанности, как обязанность отвечать, речь, скорее всего, должна идти не о государственном принуждении (поскольку оно лежит вне рамок гражданского (соседского) правоотношения), а о необходимости претерпевать определенное принуждение от соседа, права и интересы которого были нарушены. Например, хотя действующее законодательство не предусматривает выплату денежной компенсации за нарушение прав соседа, все же в случае, если одним соседом не были соблюдены строительные нормы при возведении бани, сарая или других подсобных помещений, другой сосед может обратиться либо не обратиться в судебные органы за защитой своего права, кроме того, сами соседи могут заключить соглашение о возмещении причиненных неудобств путем разовых или периодических отчислений денежных сумм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основная цель исполнения гражданско-правовых обязанностей соседей – обеспечение соблюдения прав и законных интересов сторон соседского правоотношения, при котором поведение каждой из сторон данного правоотношения не будет выходить за рамки допустимых пределов, установленных законодательством, в том числе санитарными,

градостроительными, строительными, техническими правилами и нормами, либо соглашением сторон, либо обычаями, действующими на той или иной территории.

Сопоставляя понятие гражданско-правовой обязанности, признаки и содержание обязанности соседского правоотношения, можно прийти к выводу, что под обязанностью стороны в соседском правоотношении следует понимать установленную законодательством, соглашением сторон или обычаям меру должного поведения одного лица (соседа) в целях удовлетворения интересов другого лица (другого соседа), надлежащая реализация которой обеспечивается возможностью применения мер принуждения.

К признакам гражданско-правовой обязанности соседей можно отнести: совершение действия, удовлетворяющего законный интерес управомоченного лица; признак категоричности; соответствие поведения требованиям закона или соглашения, заключенного между сторонами правоотношения; возможность применения мер принуждения за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанности; конкретность (точность) и др.

В содержание обязанности сторон соседского правоотношения включаются такие элементы, как активная и пассивная обязанность и обязанность отвечать.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении / Р.О. Халфина. – Москва : Юрид. лит., 1974. – 351 с.
2. Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву / О.С. Иоффе. – Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1949. – 144 с.
3. Ем В.С. Категория обязанности в советском гражданском праве (вопросы теории) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / В.С. Ем. – Москва, 1981. – 209 с.
4. Мотовиловкер Е.Я. Логика определения гражданско-правовой обязанности (преодоление штампа «мера должного поведения» и развенчание пассивной обязанности) / Е.Я. Мотовиловкер // Юридическая наука. – 2015. – № 2. – С. 54–60.
5. Витушко В.А. К вопросу о симметрии гражданских прав и обязанностей / В.А. Витушко // Современные проблемы права, экономики и управления. – 2016. – № 2 (3). – С. 63–68.
6. Шемчук О.А. «Обязанность» как гражданско-правовая категория / О.А. Шемчук // Бизнес в законе. – 2014. – № 1. – С. 57–59.
7. Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе / С.Ф. Кечекьян. – Москва : Изд-во АН СССР, 1958. – 185 с.
8. Мицкевич А.В. Некоторые вопросы учения о субъективных правах / А.В. Мицкевич // Правоведение. 1958. – № 1. – С. 28–36.
9. Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе / Н.Г. Александров. – Москва : Госюриздат, 1955. – 176 с.

REFERENCES

1. Khalfina R.O. Obshchee uchenie o pravootnoshenii [General doctrine of legal relations]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1974. 351 p.
2. Ioffe O.S. Pravootnoshenie po sovetskomu grazhdanskomu pravu [Legal relations according to Soviet civil law]. Leningrad State University, 1949. 144 p.
3. Em V.S. Kategoriya obyazannosti v sovetskom grazhdanskom prave (voprosy teorii). Kand. Diss. [The Category of Obligation in Soviet Civil Law (Questions of Theory). Cand. Diss.]. Moscow, 1981, 209 p.
4. Motovilovker E.Ya. The logic of the definition of a civil obligation (overcoming the stamp «measure of proper behavior» and debunking a passive obligation). Yuridicheskaya nauka = Legal Science, 2015, no. 2, pp. 54–60. (In Russian).
5. Vitushko V.A. To the question of symmetry of the civil rights and duties. Sovremennye problemy prava, ekonomiki i upravleniya = Modern Problems of Law, Economics and Management, 2016, no. 2 (3), pp. 63–68. (In Russian).
6. Schemchuk O.A. The duty as a civil law category. Biznes v zakone = Business in Law, 2014, no. 1, pp. 57–59. (In Russian).
7. Kechekyan S.F. Pravootnosheniya v socialisticheskom obshchestve [Legal relations in a socialist society]. Academy of Sciences of the USSR, 1958. 185 p.
8. Mitskevich A.V. Some questions of the doctrine of subjective rights. Pravovedenie, 1958, no. 1, pp. 28–36. (In Russian).

10. Груздев В.В. Структура субъективных гражданских прав и гражданско-правовых обязанностей / В.В. Груздев // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 5 (90). – С. 95–104.

11. Бабаев А.Б. Проблемы общего учения о гражданском правоотношении / А.Б. Бабаев, В.А. Белов // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В.А. Белова. – Москва : Юрайт-Издат, 2007. – 993 с.

9. Aleksandrov N.G. Zakonnost' i pravootnosheniya v sovetskom obshchestve [Legality and legal relations in the Soviet society]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1955. 176 p.

10. Gruzdev V.V. Structure of subjective civil rights and civil obligations. Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law, 2018, no. 5 (90), pp. 95–104. (In Russian).

11. Babaev A.B., Belov V.A. Problems of the general doctrine of civil law relations. In Belov V.A. (ed.). Grazhdanskoe pravo: aktual'nye problemy teorii i praktiki [Civil Law: Actual Problems of Theory and Practice]. Moscow, Yurayt-Izdat Publ., 2007. 993 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Аминева Айгуль Юлаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Amineva Aigul Yulaevna – Candidate of Sciences (Law), Senior Lecturer of the Chair of Civil Law of the Institute of Law, Bashkir State University.

Статья поступила в редакцию 01.06.2022; одобрена после рецензирования 02.08.2022; принята к публикации 04.08.2022. The article was submitted 01.06.2022; approved after reviewing 02.08.2022; accepted for publication 04.08.2022.

Научная статья
УДК 347.45/.47
DOI 10.33184/pravgos-2022.3.2

Original article

АТНАБАЕВА Юлия Вилевна
Башкирский государственный университет,
Уфа, Россия;
e-mail: kursovaya309@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-3220-4441>

ATNABAEVA Yuliya Vilevna
Bashkir State University, Ufa, Russia.

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ РИСКОВЫХ ДОГОВОРОВ КАК СПЕЦИАЛЬНЫХ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ КОНСТРУКЦИЙ

ON THE CLASSIFICATION OF RISK CONTRACTS AS SPECIAL CIVIL LAW STRUCTURES

Аннотация. Развитие рыночных отношений сопровождается увеличением у участников гражданских правоотношений потребностей в договорных формах, обеспечивающих перераспределение рисков. Установленный перечень нормативно закреплённых договорных форм, содержащих элементы рискового характера, представляется весьма не гибким и не отвечающим требованиям гражданского оборота. Основная тенденция реформирования российского гражданского законодательства заключается в усложнении системы рисковых договоров и самой их правовой конструкции, в частности в появлении новых гражданско-правовых конструкций рисковых договоров (договор о возмещении потерь, опционный договор). Указанные обстоятельства обуславливают необходимость их систематизации, выделения признаков, присущих отдельным видам рисковых договоров. Цель: комплексный анализ и выявление признаков специальных гражданско-правовых конструкций рисковых договоров, авторская классификация рисковых договоров. Методы: применялись общенаучные и специальные методы исследования: диалектический, сравнительно-правовой, формально логический, системного анализа и синтеза. Результаты: выявлена множественность классификационных критериев, которые можно свести к двум группам оснований: общим и специальным, на основании которых выделяются специальные гражданско-правовые конструкции рисковых договоров.

Ключевые слова: гражданско-правовая конструкция, классификация, риск, рисковый договор, договор страхования, договор ренты, возмещение потерь, опционный договор, модель рисковых договоров

Для цитирования: Атнабаева Ю.В. К вопросу о классификации рисковых договоров как специальных гражданско-правовых конструкций / Ю.В. Атнабаева // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 3. – С. 13–19. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.2.

Abstract. The development of market relations is accompanied by an increase in the needs of participants in civil law relations for contractual forms that ensure the redistribution of risks. At the same time, the established list of legally enforceable contractual forms containing elements of a risk nature seems to be very flexible and does not meet the requirements of civil turnover. The main trend of reforming Russian civil legislation is the complication of both the system of risk contracts and their legal structure itself, in particular, new civil law constructions of risk contracts have emerged (a contract for compensation of losses, an option contract). These circumstances make it necessary to systematize them, to identify the features inherent in certain types of risk contracts. Purpose: comprehensive analysis and identification of signs of special civil law constructions of risk contracts, as well as the author's classification of risk contracts. Methods: general scientific and special research methods are used such as dialectical, comparative legal, formal logical, system analysis and synthesis. Results: the study helps to identify the multiplicity of classification criteria that can be reduced to two groups of grounds: general and special, on the basis of which special civil law constructions of risk contracts are distinguished.

Keywords: civil law construction, classification, risk, risk contract, insurance contract, rent contract, compensation of losses, option contract, model of risk contracts

For citation: Atnabaeva Yu.V. On the classification of risk contracts as special civil law structures. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 3, pp. 13–19 DOI 10.33184/pravgos-2022.3.2 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Сложность социальных явлений предопределяет множественность классификаций этих явлений. Данное суждение можно применить и к рисковому договору. Многоаспектный характер риска как правовой категории влечет множественность классификационных критериев, на основании которых выделяются различные модели рисковых договоров.

В наших предыдущих исследованиях нами было сформулировано определение рискового договора, где отмечено, что риск не просто присутствует в нем в той или иной степени, а приобретает определяющий смысл, характеризует договор [1, с. 40].

Классификация – общенаучное и общеметодологическое понятие, означающее такую форму систематизации знания, когда вся область изучаемых объектов представлена в виде системы классов или групп, по которым эти объекты распределены на основании сходства их определенных свойств [1, с. 98].

Классифицировать специальные гражданско-правовые конструкции рисковых договоров можно по общим и специальным основаниям.

ОБЩИЕ ОСНОВАНИЯ КЛАССИФИКАЦИИ РИСКОВЫХ ДОГОВОРОВ

По общим основаниям рисковые договоры, в зависимости от факта закрепления договоров в ГК РФ и иных нормативно-правовых актах, делятся на поименованные и непоименованные. К поименованным относятся все договоры, которые прямо названы в ГК РФ и иных нормативно-правовых актах, к непоименованным – договоры, которые прямо в ГК РФ или иных правовых актах не называются. В соответствии со ст. 8 ГК РФ стороны могут заключить любой договор, в том числе и не предусмотренный законом, но не противоречащий ему [3, с. 255].

Считаем, что большинство рисковых договоров являются поименованными. Например, к ним относятся договор страхования, договор ренты.

К непоименованным можно отнести договор о возмещении потерь (ст. 406.1 ГК РФ). Стороны обязательства, действуя при осуществлении ими предпринимательской деятельности, могут своим соглашением предусмотреть обязанность одной стороны возместить имущественные потери другой стороны, возникшие в случае наступления определенных в таком соглашении обстоятельств, не связанные с нарушением обязательства (потери,

вызванные невозможностью исполнения обязательства, предъявлением требований третьими лицами или органами государственной власти к стороне или к третьему лицу, указанному в соглашении, и т. п.)¹. Правила о возмещении потерь применяются как при ведении предпринимательской деятельности, путем заключения договоров купли-продажи, аренды, подряда, перевозки т. д., так и применительно к корпоративному договору и договору об отчуждении акций или долей в уставном капитале хозяйственного общества, если стороной договора является физическое лицо (п. 5 ст. 406.1 ГК РФ).

Также в качестве примера можно привести опционный договор, предметом которого может выступать право на оказание комплекса услуг, например, по упаковке багажа в аэропорту и по реализации товаров посредством вендинговых аппаратов. Такой договор с продажей права (опцион) не подпадает ни под одну из поименованных в законе договорных конструкций, относится к непоименованным контрактам, заключение которых допустимо в силу принципа свободы договора. Поскольку стороны по такому договору связали себя обязательством, они не могут от него произвольно отказаться².

Следующим общим основанием классификации рисковых договоров является деление их в зависимости от момента возникновения обязательства на консенсуальные и реальные (ст. 433 ГК РФ). Различие между данными видами договоров состоит в моменте вступления соглашения в силу.

Консенсуальный договор заключается с момента достижения соглашения сторонами по всем существенным условиям и его оформления. Для реального договора помимо соглашения обязательно необходима передача вещи.

Например, договор страхования относят к реальным, так как он вступает в силу в момент уплаты страховой премии или ее первого взноса, если в нем не предусмотрено иное (п. 1 ст. 957 ГК РФ). Уплата страховой премии необходима не для заключения договора, который считается заключенным с момента подписания его сторонами, а для вступления

1 О взыскании задолженности : решение Арбитражного суда Нижегородской области от 21.11.2017 № А43-37041/2016 [Электронный ресурс] // Федеральные арбитражные суды : сайт. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 14.06.2022).

2 О взыскании долга по договору коммерческой концессии : постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 24.03.2014 № Ф03-665/2014 [Электронный ресурс] // Федеральные арбитражные суды : сайт. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 14.06.2022).

его в силу, что подтверждается судебной практикой.

Так, на основании ст. 395 ГК РФ страховщик обратился к страхователю с иском о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами. В обоснование своего требования он указал, что между ним и страхователем был заключен договор обязательного страхования, по которому страховая премия уплачивается страхователем страховщику наличными деньгами или по безналичному расчету при заключении договора обязательного страхования. Однако страхователем не исполнена обязанность по уплате страховых премий, а именно страховые премии не были уплачены полностью. Страхователь возражал против удовлетворения исковых требований. В обоснование возражений он указал на то, что договор страхования является незаключенным в силу отсутствия уплаты страхового взноса.

Исследовав материалы дела, арбитражный суд установил следующее.

В соответствии со ст. 936 ГК РФ обязательное страхование осуществляется путем заключения договора страхования лицом, на которое возложена обязанность такого страхования (страхователем), со страховщиком. Обязательное страхование осуществляется за счет страхователя. Согласно п. 1 ст. 954 ГК РФ под страховой премией понимается плата за страхование, которую страхователь (выгодоприобретатель) обязан уплатить страховщику в порядке и в сроки, установленные договором страхования. В соответствии с п. 1 ст. 957 ГК РФ договор страхования, если в нем не предусмотрено иное, вступает в силу в момент уплаты страховой премии или первого ее взноса. Страхование, обусловленное договором страхования, распространяется на страховые случаи, произошедшие после вступления договора страхования в силу, если в договоре не предусмотрен иной срок начала действия страхования. Таким образом, в связи с неуплатой страховой премии со стороны ответчика договор страхования является незаключенным. Факт выдачи полисов страхования не является самостоятельным основанием для признания договоров страхования заключенными³.

Следующим общим основанием классификации рискованных договоров является деление

их в зависимости от наличия или отсутствия встречного предоставления на возмездные и безвозмездные.

Возмездным признается договор, по условиям которого сторона должна получить плату или иное встречное предоставление за исполнение обязанностей, вытекающих из договора. Безвозмездным является договор, согласно которому одна сторона принимает на себя обязательство предоставить что-либо другой стороне без получения от нее платы или иного встречного предоставления.

Так, возмездность страхового договора устанавливается прямым указанием закона, а именно ст. 929, 934, 954 ГК РФ и ст. 11 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации». Эта черта страхового договора вытекает из сущности страхования и страховых отношений [4, с. 135]. В силу договора страхователь уплачивает страховщику страховую премию (страховые взносы). Встречное предоставление со стороны страховщика – страховая выплата [5, с. 10].

Опционный договор, по общему правилу, является возмездным. За право заявить требование по опционному договору сторона уплачивает предусмотренную таким договором денежную сумму. Вместе с тем законодатель предусматривает возможность заключения безвозмездного опционного договора (п. 2 ст. 429.3 ГК РФ).

По общим основаниям рискованные договоры также делятся на предпринимательские и непредпринимательские.

Определение понятия «предпринимательский договор» отсутствует в российском законодательстве, однако в доктрине есть мнение, что предпринимательским считается договор, в котором хотя бы одна из сторон является субъектом, имеющим статус предпринимателя [6, с. 6].

В противовес данному мнению профессор В.С. Белых утверждает, что в предпринимательском договоре обе стороны должны быть субъектами предпринимательской деятельности [7, с. 343].

Предпринимательский договор – это тип гражданско-правового договора, заключаемый между участниками торгового оборота в процессе осуществления ими предпринимательской деятельности. Из содержания норм закона и из общепризнанных положений доктрины можно вывести особенности так называемых предпринимательских договоров. Считаем, что главными и определяющими признаками предпринимательского договора являются: 1) цель заключения договора – осуществление предпринимательской деятельности с целью получения прибыли; 2) особый

³ О взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами по договору страхования : решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 07.05.2014 по делу № А56-72652/2013 [Электронный ресурс] // Федеральные арбитражные суды : сайт. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 14.06.2022).

субъектный состав (сторонами или одной из сторон договора являются субъекты предпринимательской деятельности).

Таким образом, предпринимательскими договорами считаются договоры, которые заключаются с целью извлечения прибыли особыми субъектами – предпринимателями.

ГК РФ закрепляет конкретные поименованные гражданско-правовые договоры, которые могут заключаться лишь между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, то есть представляют собой коммерческие договоры, изначально предусмотренные законодателем. К таким договорам относится, в частности, договор страхования предпринимательских рисков (п. 2 ст. 929 ГК РФ) [8, с. 56]. Остальные рискованные договоры обладают свойством непредпринимательских (потребительских) договоров.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ КЛАССИФИКАЦИИ РИСКОВЫХ ДОГОВОРОВ

Далее рассмотрим группу оснований специальных гражданско-правовых конструкций, которые характерны только для рискованных договоров.

Во-первых, в зависимости от способа закрепления условия о распределении риска между контрагентами рискованные договоры делятся на императивные и диспозитивные.

В диспозитивных рискованных договорах распределение риска происходит путем установления условий в соглашении в силу действия принципа свободы договора (ст. 406.1 ГК РФ). В некоторых ситуациях стороны считают более целесообразным осуществить «внутреннее страхование»: риск возникновения сопутствующих некоему заключенному договору потерь у одной из сторон «страхуется» другой стороной. Премия за принятие на себя риска возникновения таких потерь и предъявление их к возмещению закладывается в цену договора [9, с. 85]. Стороны вправе установить такой порядок определения размера потерь, по которому одна из сторон возмещает другой все возникшие у нее потери, вызванные соответствующими обстоятельствами, или их часть⁴.

В отличие от возмещения убытков по правилам ст. 15 и 393 ГК РФ возмещение потерь по правилам ст. 406.1 ГК РФ осуществляется вне зависимости от наличия нарушения (неисполнения или ненадлежащего исполнения)

4 О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 [Электронный ресурс] // Верховный Суд РФ : сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/28856/> (дата обращения: 14.06.2022).

обязательства соответствующей стороной и независимо от причинной связи между поведением этой стороны и подлежащими возмещению потерями, вызванными наступлением определенных сторонами обстоятельств, что подтверждается судебной практикой.

Так, между обществом (покупатель) и предпринимателем (поставщик) были заключены договоры поставки. Общество и предприниматель с целью исключения имущественных потерь вследствие неурегулирования признаков несформированного источника по цепочке поставщиков товаров, работ, услуг для принятия к вычету сумм НДС включили в договоры соответствующие условия. Согласно положениям договоров поставщик возместит покупателю полностью все имущественные потери, возникшие вследствие неустранения признаков несформированного источника для вычета по НДС по операциям из договора, если вследствие такого неустранения покупатель отказался от уменьшения суммы подлежащего уплате налога по операциям с поставщиком. При этом стороны в договорах определили следующее: если поставщик не устранил признаки несформированного по цепочке хозяйственных операций с участием ФИО1 источника для принятия обществом к вычету сумм НДС в указанный в договоре срок, поставщик обязуется возместить имущественные потери общества (и (или) третьих лиц). Требование о возмещении понесенных обществом имущественных потерь было направлено ФИО1, однако осталось без удовлетворения, что послужило причиной обращения общества с иском в суд.

НДС является косвенным налогом и представляет собой изъятие в бюджет части добавленной стоимости, создаваемой на всех стадиях производства и определяемой как разница между стоимостью реализованных товаров (работ, услуг) и стоимостью материальных затрат, отнесенных на издержки производства и обращения. Уплате в бюджет по итогам налогового периода подлежит отрицательная разница между суммой налоговых вычетов и суммой налога, исчисленного налогоплательщиком по операциям – объектам налогообложения; что касается положительной разницы, то она возмещается из бюджета налогоплательщику⁵.

5 Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Тайга-Экс» на нарушение конституционных прав и свобод положениями пункта 2 статьи 169, абзаца второго пункта 1 и пункта 6 статьи 172 и абзаца третьего пункта 4 статьи 176 Налогового кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 15.02.2005 № 93-О [Электронный ресурс] // Конституционный суд РФ : сайт. URL: <http://doc.krsf.ru/> (дата обращения: 14.06.2022).

Следовательно, общество как покупатель, приобретающий товар в условиях общего режима налогообложения с целью его использования в предпринимательской деятельности, имеет разумные ожидания, связанные с возможностью уменьшения собственных налоговых обязательств, которые компенсируются за счет заключения договора о возмещении потерь (ст. 406.1 ГК РФ).

Судом установлено, что включение в условия заключенных договоров положений, предусматривающих специальный порядок возмещения имущественных потерь его стороны, не является формой злоупотребления гражданскими правами. В равной степени в отсутствие доказательств наличия явного неравенства преддоговорных возможностей, вынужденного вступления субъекта предпринимательской деятельности в договорные отношения отказ в применении к отношениям сторон, основанных на законе и согласованных ими условиях договора, является недопустимым.

Согласно положениям ст. 406.1 ГК РФ между сторонами настоящего спора достигнуто явное и недвусмысленное соглашение об обстоятельствах, с наступлением которых возникает обязанность поставщика возместить имущественные потери, и о размере имущественных потерь или порядке его определения. Из буквального толкования условий договоров усматривается, что наступление имущественных потерь связано с обстоятельством в виде неустранения признаков несформированного по цепочке хозяйственных операций с участием поставщика источника для принятия покупателем к вычету сумм НДС, вследствие которого покупатель применил право на добровольный отказ от применения вычета по НДС по операциям с поставщиком. Наступление указанного обстоятельства подтверждается информацией от налогового органа.

Стороны в договорах заранее оценили размер имущественных потерь, которые поставщик обязуется возместить покупателю в случае добровольного неприменения покупателем налоговой льготы по операциям с поставщиком в виде вычета по НДС, в размере суммы налога на добавленную стоимость, который был уплачен поставщику в составе цены товара. То обстоятельство, что в рассматриваемом случае в качестве основания, с которым стороны связали возникновение обязанности по возмещению потерь, является ситуация, возникшая по поводу налоговых обязательств, не превращает сумму, взыскиваемую в качестве возмещения потерь по договору, в удержание НДС в рамках налоговых

правоотношений в какой-либо форме. Сумма вычетов по НДС применяется в договоре для определения размера таких потерь, что автоматически не влечет распространение на договорные условия налогового права и не требует от сторон спора углубления в налоговые взаимоотношения, в том числе в изучение вопроса о правомерности заявления вычетов, поскольку это является публично-правовыми отношениями.

Таким образом, в полном соответствии с согласованными сторонами спора условиями право общества на возмещение фактически понесенных имущественных потерь в связи с отказом от применения вычета НДС по операциям с ФИО1 по договорам обусловлено наступлением согласованных сторонами обстоятельств и подтверждено доказательствами добровольной уплаты налога и пени на основании уточненной налоговой декларации.

Приведенные ответчиком в отзыве на исковое заявление доводы подлежат отклонению судом, поскольку они ошибочно основаны на нормах о возмещении убытков/ущерба (ст. 15 ГК РФ), что противоречит условиям заключенных договоров поставки, нормам гражданского законодательства и правоприменительной практике.

Соглашением между истцом и ответчиком, содержащемся в договорах поставки, явно и недвусмысленно определены все обязательные условия, предусмотренные ст. 406.1 ГК РФ, что квалифицирует его именно как соглашение о возмещении имущественных потерь, понесенных при возникновении определенного этим соглашением обстоятельства.

В связи с примененной правовой конструкцией договоров (в рамках ст. 406.1 ГК РФ) в его буквальном значении (ст. 431 ГК РФ), в отсутствие необходимости установления вины стороны договора наличие/отсутствие решения (требования) налогового органа, порождающего правовые последствия для истца, не является значимым для исполнения обязанности по возмещению имущественных потерь при возникновении обстоятельства, обозначенного в договоре. При этом, поскольку предметом спора является взыскание имущественных потерь по ст. 406.1 ГК РФ, а не убытков по ст. 15 ГК РФ, отсутствует необходимость установления причинно-следственной связи между противоправными действиями (бездействием) ответчика и понесенным ущемлением имущественной сферы истца.

Ответчиком не учтено, что для взыскания имущественных потерь (в отличие от убытков) неважен факт нарушения основного обязательства по договору или установление вины

ответчика в налоговом правонарушении. Равным образом не подлежат доказыванию факты отсутствия у ответчика задолженности перед бюджетом, проявления ответчиком должной осмотрительности при выборе контрагентов, поскольку они не относятся к данному спору. Ключевой особенностью возмещения потерь является тот факт, что обязанность возместить потери возникает в результате наступления согласованных сторонами обстоятельств.

Таким образом, Арбитражный суд взыскал с индивидуального предпринимателя имущественные потери на основании ст. 406.1 ГК РФ⁶.

В императивных рискованных договорах, в отличие от диспозитивных, условие о распределении риска не создается сторонами договора, а устанавливается императивным предписанием закона (например, страховой риск), в силу чего риск приобретает значение основного элемента обязательства. Так, обязательство по страхованию невозможно без страхового риска, который является его необходимым условием. Страховым риском является предполагаемое событие, на случай наступления которого проводится страхование.

Согласно ч. 1 ст. 944 ГК РФ при заключении договора страхования страхователь обязан сообщить страховщику известные страхователю обстоятельства, имеющие существенное значение для определения вероятности наступления страхового случая и размера возможных убытков от его наступления (страхового риска), если эти обстоятельства не известны и не должны быть известны страховщику. По смыслу указанной нормы событие, риск наступления которого страхуется, должно обладать такими признаками, как вероятность и случайность, а также независимость его наступления от воли участников страхового правоотношения (страховщика, страхователя, выгодоприобретателя)⁷.

Таким образом, риск в рискованных договорах может распределяться либо путем установления условий в соглашении в силу принципа свободы договора (договор возмещения потерь), либо в силу действия императивных норм гражданского законодательства в рамках соответствующих договорных форм (договор страхования).

Во-вторых, в зависимости от возможности влиять на наступление вероятностного обстоятельства рискованные договоры делятся на допускающие и не допускающие такое вмешательство.

Отличием рискованного договора является то, что исполнение обязательства зависит от неизвестного случая (условия). Как правило, сущность условия предполагает его наступление без вмешательства сторон.

Так, в ст. 9 Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» указано, что событие, рассматриваемое в качестве страхового риска, должно обладать признаками вероятности и случайности его наступления. Также в ст. 605 ГК РФ указано, что обязательство пожизненного содержания с иждивением прекращается смертью получателя ренты. Поэтому рискованный характер договора пожизненной ренты характеризуется неопределенностью времени действия договорных отношений, когда каждая из сторон допускает и принимает вероятность того, что кто-то фактически получит встречное удовлетворение меньшего объема, чем им самим предоставленное. При этом каждая из сторон несет риск потерь в том объеме, какой соответствует его собственному предоставлению. Данный факт налагает на стороны известную долю риска, поскольку на момент заключения договора возможность установления эквивалентности передаваемого имущества относительно будущих платежей и наоборот не представляется возможным [10, с. 136].

Однако в некоторых рискованных договорах заинтересованная сторона путем установления условия активно стимулируется к совершению действий, обуславливающих наступление вероятностного обстоятельства. К данной модели рискованного договора можно отнести договор купли-продажи опциона, который заключается с целью приобретения права на приобретение актива (например, покупка или получение в аренду имущества). Существующее законодательство допускает куплю-продажу имущества или имущественных прав, в частности права аренды (п. 4 ст. 454 ГК РФ), в том числе тех, которые будут созданы или возникнут в будущем⁸.

6 О взыскании имущественных потерь : решение Арбитражного суда Краснодарского края от 17.12.2021 № А32-41754/2021 [Электронный ресурс] // Федеральные арбитражные суды : сайт. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 14.06.2022).

7 О выплате страхового возмещения : постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.07.2019 № А40-4925/2019 [Электронный ресурс] // Федеральные арбитражные суды : сайт. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 14.06.2022).

8 О внесении дополнений в Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17.11.2011 № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда от 25.01.2013 № 13 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_143724/ (дата обращения: 14.06.2022).

Выводы

Таким образом, существует множество специальных гражданско-правовых конструкций рискованных договоров, которые обладают только им характерными особенностями. Однако все эти конструкции можно объединить в две группы.

По общим основаниям все договоры, в том числе рискованные, делятся на поименованные и непоименованные, консенсуальные

и реальные, возмездные и безвозмездные, предпринимательские и не предпринимательские.

К специальным основаниям мы относим такие характеристики, которые свойственны только группе рискованных договоров. По данной классификации рискованные договоры делятся на императивные и диспозитивные и на рискованные договоры, допускающие и не допускающие вмешательство в наступление вероятностного обстоятельства.

Список источников

1. Тужилова-Орданская Е.М. Наследственный договор и договор пожизненного содержания с иждивением: соотношение понятий / Е.М. Тужилова-Орданская, Ю.В. Атнабаева // Наследственное право. – 2018. – № 4. – С. 38–40.
2. Новая философская энциклопедия : в 4 т. / под ред. В.С. Степина. – Москва : Мысль, 2010. – Т. 3. – 694 с.
3. Гражданское право в вопросах и ответах : учебное пособие / С.С. Алексеев, Д.В. Мурзин, Б.М. Гонгало, С.А. Степанов ; под ред. С.С. Алексеева и С.А. Степанова. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Проспект ; Екатеринбург : Ин-т частного права, 2016. – 352 с.
4. Глушкова Е.М. Теоретические основы понятия и применения договора страхования в современном российском праве / Е.М. Глушкова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – № 3. – С. 135–137.
5. Белых В.С. Договор страхования: понятие, форма и содержание / В.С. Белых, И.В. Кривошеев // Юридический вестник. – 1999. – № 9-10. – С. 5–16.
6. Яковлев В.Ф. Понятие предпринимательского договора в российском праве / В.Ф. Яковлев // Журнал российского права. – 2008. – № 1 (133). – С. 3–9.
7. Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России : монография / В.С. Белых. – Москва : Проспект, 2005. – 432 с.
8. Стригунова Д.П. Критерии отнесения гражданско-правового договора к коммерческой сделке / Д.П. Стригунова // Современное право. – 2015. – № 5. – С. 54–58.
9. Карапетов А.Г. Условие о возмещении потерь: комментарий к статье 406.1 ГК РФ / А.Г. Карапетов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2016. – № 5. – С. 80–98.
10. Атнабаева Ю.В. К вопросу о рисковом характере договора ренты / Ю.В. Атнабаева // Правовое государство: теория и практика. – 2017. – № 2 (48). – С. 135–140.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Атнабаева Юлия Вилевна – старший преподаватель кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Atnabaeva Yuliya Vilevna – Senior Lecturer of the Chair of Civil Law of the Institute of Law, Bashkir State University.

Статья поступила в редакцию 09.07.2022; одобрена после рецензирования 09.08.2022; принята к публикации 11.08.2022. The article was submitted 09.07.2022; approved after reviewing 09.08.2022; accepted for publication 11.08.2022.

REFERENCES

1. Tuzhilova-Ordanskaya E.M., Atnabaeva Yu.V. An inheritance and a life estate agreement: correlation of concepts. *Nasledstvennoe pravo = Inheritance Law*, 2018, no. 4, pp. 38–40. (In Russian).
2. Stepin V.S. (ed.). *Novaya filosofskaya enciklopediya [New Philosophical Encyclopedia]*. Moscow, Mysl' Publ., 2010. Vol. 3. 694 p.
3. Alekseev S.S., Murzin D.V., Gongalo B.M., Stepanov S.A.; Alekseev S.S., S.A. Stepanov (eds.). *Grazhdanskoe pravo v voprosah i otvetah [Civil law in questions and answers]*. 3rd ed. Moscow, Prospekt Publ., Institute of Private Law Publ., 2016. 352 p.
4. Glushkova E.M. Theoretical foundations concepts and application of the insurance contract in the modern Russian law. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennyye nauki = Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 2017, no. 3, pp. 135–137. (In Russian).
5. Belykh V.S., Krivosheev I.V. Insurance contract: concept, form and content. *Yuridicheskij vestnik = Legal Bulletin*, 1999, no. 9-10, pp. 5–16. (In Russian).
6. Yakovlev V.F. The concept of a business contract in Russian law. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2008, no. 1 (133), pp. 3–9. (In Russian).
7. Belykh V.S. *Pravovoe regulirovanie predprinimatel'skoj deyatel'nosti v Rossii [Legal regulation of entrepreneurial activity in Russia]*. Moscow, Prospekt Publ., 2005. 432 p.
8. Strigunova D.P. Criteria for referring of a civil contract to a commercial transaction. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2015, no. 5, pp. 54–58. (In Russian).
9. Karapetov A.G. Indemnity clause: commentary on Article 406.1 of the Civil Code of the Russian Federation. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii = Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 2016, no. 5, pp. 80–98. (In Russian).
10. Atnabaeva Yu.V. To the question of a risk nature of the annuity agreement. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2017, no. 2 (48), pp. 135–140. (In Russian).

Научная статья
УДК 618.2-056.7-07; 342.4
DOI 10.33184/pravgos-2022.3.3

Original article

АХТЯМОВА Евгения Викторовна
Башкирский государственный университет,
Уфа, Россия;
e-mail: evaah@rambler.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-7454-5041>

AKHTYAMOVA Evgeniya Viktorovna
Bashkir State University, Ufa, Russia.

АЛСЫНБАЕВА Эльвира Махаматовна
Башкирский государственный университет,
Уфа, Россия;
e-mail: elish@list.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-6527-3398>

ALSYNBAEVA Elvira Makhamatovna
Bashkir State University, Ufa, Russia.

МАСАЛИМОВА Альбина Алмазовна
Башкирский государственный университет,
Уфа, Россия;
e-mail: masalimova_albina@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0003-3411-5773>

MASALIMOVA Albina Almazovna
Bashkir State University, Ufa, Russia.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ, ПОЛУЧЕННОЙ МЕТОДАМИ ПРЕИМПЛАНТАЦИОННОЙ И ПРЕНАТАЛЬНОЙ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ, В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE PROTECTION OF GENETIC INFORMATION
OBTAINED BY METHODS OF PREIMPLANTATION AND PRENATAL GENETIC DIAGNOSIS,
IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В условиях активного развития направлений, определенных Концепцией предиктивной, превентивной и персонализированной медицины, особое значение приобретает генодиагностика, применяемая уже на этапе планирования семьи. Внедрение методов преимплантационной и пренатальной генодиагностики порождает проблемы не только этического, но и правового характера. Особую значимость приобретают проблемы защиты генетической информации, полученной с использованием указанных методов, от ее несанкционированного использования, что актуализирует потребность в совершенствовании действующей нормативной базы для определения и конкретизации условий проведения таких генодиагностик. Цель: выявление актуальных правовых проблем, возникающих при использовании генетической информации, полученной методами преимплантационной и пренатальной генетической диагностики, определение оптимальных путей их решения, основных направлений дальнейшего технологического развития и совершенствования отечественного законодательства в сфере генетической диагностики. Методы: эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридикто-догматический и толкования правовых норм. Результаты: анализ действующего законодательства, регулирующего преимплантационную и пренатальную генетическую диагностику в Российской Федерации, позволил

Abstract. In the context of the active development of the areas defined by the Concept of Predictive, Preventive and Personalized Medicine, genodiagnostics, applied at the stage of family planning, is of particular importance. The introduction of preimplantation and prenatal genodiagnostics poses not only ethical but also legal problems. Of particular importance are the problems of protecting genetic information obtained using these methods from unauthorized use, which actualizes the need to improve the current regulatory framework for determining and specifying the conditions for carrying out such genodiagnostics. Purpose: to identify actual legal problems arising from the use of genetic information obtained by methods of preimplantation and prenatal genetic diagnosis, to determine the best ways of their solution as well as the main directions of further technological development and improvement of national legislation in the field of genetic diagnosis. Methods: the authors apply empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; specific scientific methods: legal-dogmatic and interpretation of legal norms. Results: the analysis of the current legislation regulating preimplantation and prenatal genetic diagnosis in the Russian Federation reveals a number of pressing legal problems arising from the use of genetic information obtained in diagnostics. It is established that the current legislation does not take into account the specifics of genetic information and cannot provide effective protection against its il-

выявить ряд актуальных правовых проблем, возникающих при использовании генетической информации, полученной при проведении таких диагностик. Установлено, что действующее законодательство не учитывает особенности генетической информации и не может обеспечить эффективную защиту от неправомерного ее использования при проведении генетических диагностик. Обозначены общие направления совершенствования отечественного законодательства для преодоления проблем, связанных с соблюдением прав человека при использовании методов преимплантационных и пренатальных генетических диагностик.

Ключевые слова: преимплантационная и пренатальная генетическая диагностика, генетика, регулирование редактирования генома человека, геномная информация, биобанки, права граждан

Для цитирования: Ахтямова Е.В. Проблемы правового регулирования защиты генетической информации, полученной методами преимплантационной и пренатальной генетической диагностики, в Российской Федерации / Е.В. Ахтямова, Э.М. Алсынбаева, А.А. Масалимова // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 3. – С. 20–26. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.3.

legal use in genetic diagnostics. General directions of improving national legislation in order to overcome problems related to the observance of human rights in the use of methods of preimplantation and prenatal genetic diagnostics are outlined.

Keywords: preimplantation and prenatal genetic diagnosis, genetics, regulation of human genome editing, genomic information, biobanks, citizens' rights

For citation: Akhtyamova E.V., Alsynbaeva E.M., Masalimova A.A. Problems of legal regulation of the protection of genetic information obtained by methods of preimplantation and prenatal genetic diagnosis, in the Russian Federation. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 3, pp. 20–26. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.3 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

ДНК-диагностика является основным инструментом персонализированной медицины, а внедрение молекулярно-генетических технологий в медицинскую практику – приоритетным направлением любого развитого государства, поскольку позволяет существенно снизить расходы в сфере здравоохранения. О важности развития генетических технологий в нашей стране свидетельствуют недавно принятые нормативные акты.

Так, исходя из целей формирования медицины, отвечающей современным требованиям развития общества, приказом Минздрава России от 24 апреля 2018 г. № 186 была утверждена Концепция предиктивной, превентивной и персонализированной медицины¹.

Особое значение в целях ускорения процесса развития технологий в сфере генетики имеет Указ Президента РФ от 28 ноября 2018 г. № 680 «О развитии генетических технологий в Российской Федерации»², а также разработанная во исполнение данного указа Федеральная научно-техническая программа развития генетических технологий на

2019–2027 годы, определяющая основные направления развития таких технологий по особо значимым для государства отраслям³. Основной целью программы в медицинской сфере является разработка генетических технологий для повышения качества жизни человека и эффективного снижения потерь от заболеваний, что предполагает применение методов генетического редактирования еще на этапе зачатия. В этой связи, на наш взгляд, особое значение имеют проблемы защиты генетической информации, полученной при применении вспомогательных репродуктивных технологий на этапе формирования и развития плода.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕИМПЛАНТАЦИОННОЙ И ПРЕНАТАЛЬНОЙ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящее время репродуктивные технологии получили активное развитие в Российской Федерации, особенно с учетом применения методов генетических диагностик. В частности, применение в обозначенной сфере пренатальной диагностики и преимплантационной генетической диагностики (далее – ПГД)

¹ Об утверждении Концепции предиктивной, превентивной и персонализированной медицины : приказ Министерства здравоохранения РФ от 24.04.2018 № 186 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2022).

² Собрание законодательства РФ. 2018. № 49 (ч. VI), ст. 7586.

³ Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019–2027 годы : постановление Правительства РФ от 22.04.2019 № 479 // Собрание законодательства РФ. 2018. № 49 (ч. VI), ст. 7586.

способствует рождению здорового потомства у пар с наследственными генетическими заболеваниями.

Условием проведения ПГД является экстракорпоральное оплодотворение (ЭКО), проведение которого напрямую связано со стадиями развития при культивировании эмбрионов *in vitro*. Главное преимущество проведения ПГД – отсутствие селективного прерывания беременности, возможность отобрать здоровые эмбрионы еще до стадии их имплантации, что, безусловно, повышает вероятность рождения ребенка без диагностированного у потенциальных родителей генетического заболевания [1, с. 4].

Нормативная база, регулирующая отношения в сфере вспомогательных репродуктивных технологий, является комплексной и представлена как актами федерального значения, так и актами Министерства здравоохранения РФ.

Базовым актом в системе здравоохранения является Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁴. Данный нормативный акт обозначенные методы генодиагностики относит к видам специализированной, в том числе высокотехнологичной, медицинской помощи.

Рассматриваемую сферу затрагивают также Федеральный закон от 5 июня 1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»⁵, который вводит и раскрывает понятие «генодиагностика», и Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах»⁶, предметом регулирования которого являются отношения, связанные как с обращением биомедицинских клеточных продуктов, так и с донорством биологического материала.

Особое значение в правовом регулировании вспомогательных репродуктивных технологий имеют акты Министерства здравоохранения РФ, более детально регулирующие рассматриваемую сферу:

– приказ от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаний и ограничений к их применению»⁷, который содержит показания и противопоказания к применению вспомогательных

репродуктивных технологий и в котором определены сроки годности результатов обследования. Также в приказе отражено, что в программу госгарантий входит ЭКО, криоконсервация и перенос эмбрионов;

– приказ Министерства здравоохранения РФ от 20 октября 2020 г. № 1130н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи по профилю «акушерство и гинекология»⁸, в котором детально регламентированы процедуры пренатальной диагностики.

Следует согласиться с мнением ученых о том, что правовое регулирование таких диагностик, особенно ПГД, несмотря на наличие специальной правовой базы, представленной, прежде всего, актами Министерства здравоохранения РФ, нуждается в доработке и согласовании с актами федерального значения [2, с. 10].

О ПРОБЛЕМАХ ЗАЩИТЫ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ, ПОЛУЧЕННОЙ ПУТЕМ ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДОВ ПРЕИМПЛАНТАЦИОННОЙ И ПРЕНАТАЛЬНОЙ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ

Отметим некоторые правовые проблемы, возникающие при проведении преимплантационной и пренатальной диагностики, напрямую связанные с использованием и защитой полученной в результате таких исследований генетической информации.

Во-первых, стоит заметить, что сама правовая природа генетической информации и определение ее правового режима на сегодняшний день нуждаются в доработке. Так, Федеральный закон от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации» (п. 3 ст. 1) 1) определяет геномную информацию как персональные данные, включающие кодированную информацию об определенных фрагментах дезоксирибонуклеиновой кислоты физического лица или неопознанного трупа, не характеризующие их физиологические особенности⁹. В то же время согласно положениям Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» геномная информация тесно связана с категорией биометрических персональных данных (ст. 11) и требует оформления согласия индивида на ее последующую обработку и распространение (ст. 7)¹⁰.

Заслуживает поддержки мнение исследо-

⁴ Собрание законодательства РФ. 2011. № 48, ст. 6724.

⁵ Российская газета. 1996. 12 июля.

⁶ Российская газета. 2016. 28 июня.

⁷ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2022).

⁸ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2022).

⁹ Собрание законодательства РФ. 2008. № 49, ст. 5740.

¹⁰ Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1), ст. 3451.

вателей о том, что «генетическую информацию субъекта некорректно относить только к его персональным данным, поскольку обладателем данной информации является не только само лицо, предоставившее ДНК, но его генетические родственники, как предки, так и потомки, и, следовательно, разрешение на ее распространение не должно определяться только волеизъявлением конкретного лица» [3, с. 43]. Соответственно, ввиду особых характеристик такой информации представляется важным на законодательном уровне отнести ее к особому самостоятельному виду.

Во-вторых, в связи с указанной первой проблемой большую важность имеет обеспечение особого режима использования полученной генетической информации для блага и интересов не только ее носителя, но и его кровных родственников. Основными критериям, служащими основаниями для раскрытия им такой информации, являются установление факта потенциальной угрозы здоровью не только самого пациента и доказательства того, что эта информация может быть использована для предотвращения вреда.

С целью обеспечения конфиденциальности информации, полученной в результате генетического теста, требуется законодательное определение критериев, на основании которых возможны рекомендации врача по привлечению кровных родственников такого клиента к прохождению ими соответствующего генетического исследования.

В-третьих, серьезная проблема возникает при использовании информации, полученной посредством применения технологий ЭКО и ПГД. Такая информация представляет интерес, прежде всего, для родителей, имеющих цель отобрать эмбрион с набором желаемых характеристик, например по половым признакам или с иммунитетом к ряду заболеваний. В связи с этим в науке указывается на этическую спорность применения метода ПГД исходя из возможности отбора эмбрионов по ожидаемым качествам, поскольку «отбор одного ребенка преимущественно перед другим, манипуляции по улучшению его генома могут изменить природу родительских отношений и в итоге повлиять на общество в целом» [4, с. 130].

Таким образом, налицо необходимость введения законодательных ограничений генетических манипуляций с эмбрионом человека при проведении в процедуре ЭКО метода ПГД.

В научных статьях, посвященных данной проблеме, учеными неоднократно указывалось на этическую спорность применения

метода ПГД исходя из возможности отбора эмбрионов по запросу пациентов, что, бесспорно, может оказать влияние на демографическую ситуацию в стране [5, с. 126; 6, с. 64]. Такие дискуссии связаны с отсутствием легального статуса эмбриона в отечественном законодательстве.

Предлагаем следующие законодательные дополнения применительно к процедуре ПГД:

- запретить развигать человеческий эмбрион в экстракорпоральных условиях дольше 14 дней с момента оплодотворения и имплантацию генетически модифицированного эмбриона. Данное ограничение позволит исключить возможность использования эмбриона для иных, не связанных с рождением здорового потомства целей (например, забор стволовых клеток и др.);

- регламентировать случаи допуска определения пола на раннем сроке по показаниям высокого риска рождения ребенка с наследственными заболеваниями, связанными с данным признаком.

В-четвертых, имеет значение процедура легального определения случаев реализации права на информацию о донорах (биологических родителях) ребенком, рожденным с использованием такого донорского генетического материала, даже если эта информация составляет врачебную тайну.

Учеными и ранее отмечалось отсутствие правовой позиции законодателя относительно реализации прав детей, рожденных с помощью применения геномных технологий, на информацию о своих донорах (биологических родителях) и указывалась пробельность законодательства в этом вопросе [7, с. 101].

Отметим, что право донора на определение (предоставление его материала может быть как на условиях анонимности, так и открытости – на его выбор) уже закреплено в подзаконных актах, например в приказе Минздрава России от 31 июля 2020 г. № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению»¹¹.

С целью соблюдения балансов интересов не только донора, но и ребенка, рожденного с помощью биоматериалов донора, представляется важным легально закрепить его право на получение соответствующей информации о доноре, если такая информация имеет значение для правильного диагностирования наследственных заболеваний ребенка (такие поправки касаются положений Семейного

¹¹ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2022).

кодекса РФ и должны быть внесены в Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах»). Для соблюдения такого права ребенка, рожденного с помощью применения геномных технологий, необходимо законодательно установить больший промежуток времени хранения данных о доноре в архиве. С целью возможности исключения права донора на анонимность в судебном порядке привести в соответствие положения федеральных законов и подзаконных актов, которые закрепляют право донора на определение анонимности. Ввести расширенное обследование потенциального донора биологического материала, с включением дополнительных молекулярно-генетических методов обследования, которые в дальнейшем помогут ребенку, рожденному при помощи вспомогательных технологий, получить ответы на вопросы, касающиеся его здоровья. В этой связи видим необходимость внесения поправок в соответствующие приказы Министерства здравоохранения РФ, регламентирующие порядок медицинского обследования донора биологического материала.

В-пятых, постепенное внедрение неинвазивной пренатальной диагностики в отечественную практику медико-генетического консультирования для широких слоев населения также связано с проблемой, касающейся использования генетической информации в личных целях.

Эффективность неинвазивной пренатальной диагностики подтверждена клиническими исследованиями [8, с. 35; 9, с. 445]. Однако простота и безопасность ее применения по сравнению с инвазивными методами, а также «эффективность по результатам выявления синдромов Дауна, Эдвардса и Патау в сравнении с комбинированным тестом» [10, с. 126] выявляет сопутствующую проблему – возможность пациентов прервать беременность без медицинских показаний, по своим личным критериям (к примеру, незначительные отклонения в развитии, не влияющие в целом на жизнеспособность будущего ребенка) и без дополнительного обследования. В этой связи учеными справедливо указывается влияние такого метода на снижение демографических показателей в стране как одно из основных последствий его применения [11, с. 155].

В настоящее время, согласно Федеральному закону № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», учитывается право женщины на прерывание беременности вне зависимости от медицинских показаний, но только на ранних сроках

развития плода (до 12 недель). На более поздних сроках развития плода такое право ограничено медицинскими показаниями¹². В этой связи рекомендовано законодательно определить срок сообщения результатов неинвазивной пренатальной диагностики пациентам – с 12 недель развития плода. Заметим, что такая практика уже имеется в некоторых медицинских центрах.

В-шестых, на сегодняшний день актуален вопрос о возможной реализации государством права вмешиваться в процесс принятия потенциальными родителями решения о рождении детей с использованием технологий ЭКО, методов ПГД, CRISPR и других технологий. Конечно, в большинстве стран такое вмешательство государства недопустимо, в том числе и в Российской Федерации, однако не стоит отрицать тот факт, что такая необходимость имеется в отношении пар с генетическими отклонениями, поскольку существует значительный риск рождения ими ребенка с таким же генетическим дефектом.

Ограничение права государства на вмешательство в процесс принятия потенциальными родителями решения о рождении детей с использованием вспомогательных репродуктивных технологий не способствует рождению и развитию здорового поколения, более того, предполагает определенные существенные расходы на содержание лиц с генетическими отклонениями. Полагая, что подобное вмешательство государства следует признать допустимым, соответственно, такая информация в отношении пар с имеющимися генетическими отклонениями должна быть доведена до сведения соответствующих органов. Кроме того, именно в отношении таких пар должно быть установлено обязательное дополнительное проведение ПГД с целью исключения рождения больного ребенка.

В-седьмых, немаловажную проблему составляет обеспечение сохранности полученной генетической информации в результате генодиагностики. В настоящее время растет практика создания собственных геномных банков в частных медико-генетических центрах, благодаря которым есть возможность хранить биоматериал в различных целях (репродуктивные, исследовательские и др.). Основной риск деятельности биобанков связан с нарушением прав граждан на тайну

12 Об утверждении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности : приказ Министерства здравоохранения РФ от 03.12.2007 №736 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2008. № 9.

и неприкосновенность персональных данных. Такие нарушения имеют место при незаконном сборе и хранении биоматериалов, при использовании биоматериалов без согласия донора и др. Поэтому справедливо мнение М.Н. Малеиной о том, что контроль за деятельностью биобанков со стороны государства «в форме лицензирования деятельности, отчетности, установления в федеральном законе отдельных запретов и ограничений, необходим»¹³ [12, с. 105].

Между тем российское законодательство о деятельности биобанков не обладает системностью, отсутствуют четкие требования, позволяющие обеспечить сохранность генетической информации в результате хранения биоматериала в таких банках, а наличие только информированного согласия от пациента не решает проблему несанкционированного использования такой информации. Вследствие этого видится необходимым разработать отдельный нормативный акт, определяющий правовой статус биобанков, принципы их деятельности, специфику управления, правовой режим имущества, правила взаимоотношений с донорами.

¹³ Цитата приведена с сохранением пунктуации оригинала. – Прим. ред.

Выводы

Выявление ряда проблем, связанных с защитой генетической информации, полученной в результате преимплантационной и пренатальной генетических диагностик, позволяет согласиться с мнением ученых о том, что «отечественная нормативная база России, регулирующая сферу генетических исследований, в настоящее время находится только на начальном этапе ее развития» [13, с. 24].

Учитывая интенсивное развитие технологий в сфере генетических диагностик, а соответственно, увеличение возможностей различных манипуляций с геномом человека, видится необходимым эффективно защищать права граждан. Обозначенные в исследовании проблемы в данной сфере требуют совершенствования действующего отечественного законодательства либо путем принятия комплексного федерального закона, детально регулирующего применение молекулярно-генетических технологий с соблюдением прав человека, либо посредством внесения существенных поправок в уже действующие нормативные акты.

Список источников

1. Баранов А.А. Тенденции заболеваемости и состояние здоровья детского населения Российской Федерации / А.А. Баранов, В.Ю. Альбицкий, А.А. Иванова, Р.Н. Терлецкая, С.А. Косова // Российский педиатрический журнал. – 2012. – № 6. – С. 4–9.
2. Комарова В.В. Международно-правовое регулирование преимплантационной генетической диагностики (ПГД) и тенденции развития российского законодательства в сфере вспомогательных репродуктивных технологий / В.В. Комарова, Н.А. Алтынник, М.А. Бородина, Е.И. Суворова, С.С. Зенин, Г.Н. Суворов // Lex Russica. – 2019. – № 6 (151). – С. 9–17. – DOI: 10.17803/1729-5920.2019.151.6.009-017.
3. Владимиров В.Ю. К вопросу о безопасности геномной информации / В.Ю. Владимиров, И.Н. Горбулинская, С.Н. Кубитович // Биосфера. – 2018. – Т. 10, № 1. – С. 42–47.
4. Богданова Е.Е. Отдельные проблемы защиты прав граждан при использовании геномных технологий / Е.Е. Богданова, М.Н. Малеина, Д.С. Ксенофонтova // Lex Russica. – 2020. – № 5 (162). – С. 129–142. – DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.129-142.
5. Хусаинова Р.И. Современные молекулярно-генетические технологии в медицине: этические и правовые вопросы / Р.И. Хусаинова, Е.В. Ахтямова, И.Р. Миннихметов, Р.И. Султанова // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 2 (60). – С. 123–133. – DOI: 10.33184/pravgos-2020.2.11.

REFERENCES

1. Baranov A.A., Albitsky V.Yu., Ivanova A.A., Terletskaia R.N., Kosova S.A. Trends and the health status of the child population of the Russian Federation. Rossiiskii Pediatricheskii Zhurnal = Russian Pediatric Journal, 2012, no. 6, C. 4–9. (In Russian).
2. Altynnik N.A., Komarova V.V., Borodina M.A., Suvorova E.I., Zenin S.S., Suvorov G.N. International legal regulation of preimplantation genetic diagnostics (PGD) and trends in the development of Russian legislation in the field of assisted reproductive technologies. Lex Russica, 2019, no. 6 (151), pp. 9–17. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.151.6.009-017. (In Russian).
3. Vladimirov V.Yu., Gorbuninskaya I.N., Kubitovich S.N. The issue of genomic data security. Biosfera = Biosphere, 2018, vol. 10, no. 1, pp. 42–47. (In Russian).
4. Bogdanova E.E., Maleina M.N., Ksenofontova D.S. Certain problems of citizens' rights protection when using genomic technologies. Lex Russica, 2020, no. 5 (162), pp. 129–142. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.162.5.129-142. (In Russian).
5. Khusainova R.I., Akhtyamova E.V., Minniakhmetov I.R., Sultanova R.I. Modern molecular genetic technologies in medicine: ethical and legal issues. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2020, no. 2 (60), pp. 123–133. DOI: 10.33184/pravgos-2020.2.11. (In Russian).
6. Khayat S. Sh., Kurilo L.F., Chernykh V.B. Assisted reproductive technologies and legal aspects of sex selection. Andrologiya i genital'naya hirurgiya = Andrology and Genital Surgery, 2019, no. 20 (2), pp. 64–68. DOI: 10.17650/2070-9781-2019-20-2-64-68. (In Russian).

6. Хаят С.Ш. Вспомогательные репродуктивные технологии и правовая проблема выбора пола плода / С.Ш. Хаят, Л.Ф. Курило, В.Б. Черных // Андрология и генитальная хирургия. – 2019. – № 20 (2). – С. 64–68. – DOI: 10.17650/2070-9781-2019-20-2-64-68.
7. Хусаинова Р.И. Юридические проблемы защиты прав человека в Российской Федерации при использовании молекулярно-генетических технологий в медицине / Р.И. Хусаинова, И.Р. Миннихметов, Б.И. Ялаев, Е.В. Ахтямова, Э.М. Алсынбаева // Гены и клетки. – 2021. – Т. XVI, № 3. – С. 97–103. – DOI: 10.23868/202110014.
8. Касеева Т.К. Новые технологии и тенденции развития пренатальной диагностики / Т.К. Касеева, Т.В. Кузнецова, В.С. Баранов // Журнал акушерства и женских болезней. – 2017. – № 66 (2). – С. 33–39.
9. Salomon L.J. Risk of miscarriage following amniocentesis or chorionic villus sampling: systematic review of literature and updated meta-analysis / L.J. Salomon, A. Sotiriadis, C.B. Wulff, A. Odibo, R. Akolekar // Ultrasound Obstet Gynecol. – 2019. – № 54. – P. 442–451. – DOI: 10.1002/uog.20353.
10. Оленев А.С. Ративно-правовое регулирование дородового скрининга с использованием неинвазивного пренатального теста в Российской Федерации / А.С. Оленев, Е.Е. Баранова, О.В. Сагайдак, А.М. Галактионова, М.С. Беленикин, В.А. Гнетецкая, Г.Ю. Зобкова, Е.В. Косова, М.В. Макарова, Е.Н. Сонголова // Вопросы гинекологии, акушерства и перинатологии. – 2020. – № 19 (6). – С. 124–132. – DOI: 10.20953/1726-1678-2020-6-124-132.
11. Ахтямова Е.В. Правовые и этические проблемы применения неинвазивных пренатальных тестов в Российской Федерации / Е.В. Ахтямова, Р.И. Султанова, Э.М. Алсынбаева, И.Р. Миннихметов, Р.И. Хусаинова // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 9 (160). – С. 154–158. – DOI: 10.46320/2073-4506-2021-9-160-154-157.
12. Малеина М.Н. Правовой статус биобанка (банка биологических материалов человека) / М.Н. Малеина // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 1. – С. 98–117. – DOI: 10.17323/2072-8166.2020.1.98.117.
13. Рузанова В.Д. Проблемы легализации и использования генетических технологий и данных циркадианной физиологии в сфере профессионального отбора / В.Д. Рузанова, В.И. Беляков // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – Т. 6, № 2. – С. 28–35. – DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-2-28-35.
7. Khusainova R.I., Minniakhmetov I.R., Yalaev B.I., Akhtyamova E.V., Alsynbaeva E.M. Legal problems in the use of molecular genetic technologies in medicine. Geny i kletki = Genes and Cells, 2021, vol. XVI, no. 3, pp. 97–103. DOI: 10.23868/202110014. (In Russian).
8. Kasheeva T.K., Kuznetsova T.V., Baranov V.S. New technologies and trends of prenatal diagnostics. Zhurnal akusherstva i zhenskih boleznej = Journal of Obstetrics and Women's Diseases, 2017, no. 66 (2), pp. 33–39. (In Russian).
9. Salomon L.J., Sotiriadis A., Wulff C.B., Odibo A., Akolekar R. Risk of miscarriage following amniocentesis or chorionic villus sampling: systematic review of literature and updated meta-analysis. Ultrasound Obstet Gynecol, 2019, no. 54, pp. 442–451. DOI: 10.1002/uog.20353.
10. Olenov A.S., Baranova E.E., Sagaydak O.V., Galaktionova A.M., Belenikin M.S., Gnetetskaya V.A., Zobkova G.Y., Kosova E.V., Makarova M.V., Songolova E.N. Prenatal screening and non-invasive prenatal testing regulation in the Russian Federation. Voprosy ginekologii, akusherstva i perinatologii = Gynecology, Obstetrics and Perinatology, 2020, no. 19 (6), pp. 124–132. DOI: 10.20953/1726-1678-2020-6-124-132. (In Russian).
11. Akhtyamova E.V., Sultanova R.I., Alsynbaeva E.M., Minniakhmetov I.R., Khusainova R.I. Legal and ethical problems of application non-invasive prenatal tests in the Russian Federation. Evrazijskij yuridicheskij zhurnal = Eurasian Law Journal, 2021, no. 9 (160), pp. 154–158. DOI: 10.46320/2073-4506-2021-9-160-154-157. (In Russian).
12. Maleina M.N. Legal status of a biobank (bank of human biological materials). Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics, 2020, no. 1, pp. 98–117. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.1.98.117. (In Russian).
13. Ruzanova V.D., Belyakov V.I. Problems of legalizing the use of genetic technologies and circadian physiology data in the professional selection system. Iuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University, 2020, vol. 6, no. 2, pp. 28–35. DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-2-28-35. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ахтямова Евгения Викторовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета;

Алсынбаева Эльвира Махаматовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета;

Масалимова Альбина Алмазовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Akhtyamova Evgeniya Viktorovna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Civil Law of the Institute of Law, Bashkir State University;

Alsynbaeva Elvira Makhamatovna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Chair of Civil Law of the Institute of Law, Bashkir State University;

Masalimova Albina Almazovna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Chair of Civil Law of the Institute of Law, Bashkir State University.

Статья поступила в редакцию 10.06.2022; одобрена после рецензирования 14.07.2022; принята к публикации 15.07.2022. The article was submitted 10.06.2022; approved after reviewing 14.07.2022; accepted for publication 15.07.2022.

Научная статья
УДК 347.1
DOI 10.33184/pravgos-2022.3.4

Original article

БАЛЯКИНА Елена Борисовна
Башкирский государственный университет,
Уфа, Россия;
e-mail: elena_f@ufanet.ru;
<https://orcid.org/0000-0001-6212-1535>

BALYAKINA Elena Borisovna
Bashkir State University, Ufa, Russia.

К ВОПРОСУ ОБ ОХРАНЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ГРАЖДАНИНА

ON THE ISSUE OF PROTECTING THE IMAGE OF A CITIZEN

Аннотация. В 2006 г. в ГК РФ была введена ст. 152.1, посвященная охране изображения гражданина. Предполагается, что наличия только этой нормы недостаточно для полного и эффективного решения проблем, связанных с использованием изображения гражданина и охраной прав на него. Активное использование социальных сетей способствует распространению фотографий, содержащих изображение гражданина, в том числе и без его согласия, а также содержащих измененный облик изображенного гражданина, что может затронуть его честь, достоинство или нарушить его деловую репутацию. Современные технологии позволяют без труда изменить облик гражданина на фотографии или видеозаписи, например, путем наложения цифровой маски, понятия которой в российском законодательстве нет. Отсутствует и четкое правовое регулирование отношений, в ходе которых иное лицо использует изображение гражданина, в том числе для извлечения прибыли. Цель: комплексное исследование проблем правовой охраны изображения гражданина и выявление проблем правового регулирования его использования, выработка предложений по совершенствованию законодательства об охране изображения гражданина. Методы: диалектический метод познания, сравнительно-правовой, формально-юридический, системно-аналитический, логический. Результаты: предложено авторское определение цифровой маски, даны предложения по охране изображения гражданина при размещении материала в сети Интернет.

Abstract. In 2006, Article 152.1, devoted to the protection of the image of a citizen was introduced into the Civil Code of the Russian Federation. This rule alone does not seem to be sufficient to fully and effectively address the problems associated with the use and protection of the image of a citizen. Active use of social networks facilitates the dissemination of photos containing the image of a citizen, including without his consent, as well as containing a modified image of the citizen, which may affect his honor, dignity, or violate his business reputation. Modern technology makes it easy to change the image of a citizen in photographs or videos, for example, by imposing a digital mask, the concept of which is not in Russian legislation. There is also no clear legal regulation of relations in which another person uses the image of a citizen, including for profit. Purpose: to conduct a comprehensive study of the problems of legal protection of the image of a citizen and the identification of problems of legal regulation of its use, the development of proposals for improving the legislation on the protection of the image of a citizen. Methods: dialectical method of cognition, comparative-legal, formal-legal, system-analytical, logical. Results: the author gives her definition of the digital mask and makes proposals for the protection of the image of a citizen when placing material on the Internet.

Ключевые слова: изображение гражданина, охрана изображения гражданина, персональные данные, цифровая маска, тайна частной жизни, фотография, социальные сети, внешний облик лица

Keywords: image of a citizen, protection of the image of a citizen, personal data, digital mask, privacy, photography, social networks, facial appearance

Для цитирования: Балякина Е.Б. К вопросу об охране изображения гражданина / Е.Б. Балякина // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 3. – С. 27–33. DOI. 10.33184/pravgos-2022.3.4.

For citation: Balyakina E.B. On the issue of protecting the image of a citizen. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 3, pp. 27–33. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.4 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Отношения, связанные с использованием изображения гражданина, регулируются ст. 152.1 ГК РФ, которая определяет формы фиксации изображения гражданина: фотографии, видеозаписи, произведения изобразительного искусства. В настоящей статье предлагается любые формы фиксации изображения гражданина обозначить как материал.

Н.А. Аблятипова под изображением понимает «предмет, содержащий образ кого-либо, а также характерные внешние черты, с помощью которых можно идентифицировать ту или иную личность» [1, с. 252].

К.Н. Евдокимова, опираясь на содержание ст. 152.1 ГК РФ, определяет изображение гражданина как материальный предмет (вещь), который воплощает нематериальный внешний облик гражданина [2, с. 68].

Интересной представляется позиция А.М. Эрделевского. Он отмечает, что «изображение любого объекта – это то, что создается из образа такого объекта. ...В случае изображения гражданина образом является его внешний облик (внешность)» [3, с. 10].

Исследование правовой природы понятия «изображение гражданина» предполагает соотнести его с понятием «частная жизнь гражданина».

Статья 152.1 ГК РФ содержится в гл. 8, посвященной нематериальным благам. Зачастую охрану изображения гражданина отождествляют с охраной частной жизни, что представляется ошибочным. В первую очередь отметим, что после ст. 152.1 в ГК РФ размещена норма, посвященная охране частной жизни гражданина (ст. 152.2). Согласно ч. 1 ст. 11 Федерального закона «О персональных данных»¹ изображение гражданина относится к биометрическим персональным данным. На практике изображение гражданина также относят к персональным данным, что подтверждается разъяснениями Минцифры РФ².

¹ О персональных данных : федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 04.06.2022).

² Разъяснения Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ о некоторых нормах Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» : письмо Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ от 17.07.2020 № ОП-П24-070-19433 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74362653/> (дата обращения: 04.06.2022).

В науке поддержана позиция правоприменителя А.В. Тумакова, который отмечает необходимость оператора, получившего доступ к таким биометрическим данным, получить согласие лица, изображенного в этом материале [4, с. 32].

Изображение гражданина по своей природе является статичной информацией, которая зафиксирована на фотографии, видеозаписи, в произведении изобразительного искусства. Во всей этой информации именно изображение лица играет ключевую роль, в отличие от частной жизни, где главенство имеет информация о том, какие действия совершаются конкретным лицом, то есть о его поведении.

Б.М. Гангало отмечает, что гражданское законодательство охраняет изображение гражданина, если он оказался запечатленным помимо его воли [5, с. 227]. Позволю отчасти не согласиться с мнением авторитетного ученого, поскольку гражданское законодательство должно гарантировать охрану изображения гражданина, даже если он был запечатлен по своей воле, но отсутствовала воля на распространение или публикацию данного изображения.

Развитие информационных и компьютерных технологий способствовало появлению компьютерных программ, позволяющих создавать и использовать цифровые маски. Понятие цифровой маски в российском законодательстве отсутствует. Она позволяет изменить исходное изображение гражданина (его облик) путем добавления различных элементов, включая изображение иного гражданина. Использование цифровой маски позволяет сформировать представление о том, что изображен иной гражданин, а не лицо, к которому были применена цифровая маска, либо о том, что облик данного гражданина наделен определенными специфическими чертами, либо, напротив, имеющиеся специфические черты облика данного гражданина отсутствуют.

Говоря об изменении облика гражданина, представляется необходимым исследовать данное понятие ввиду его отсутствия в действующем законодательстве. Обращаясь к доктрине, приведем позицию А.М. Эрделевского. По его мнению, внешний облик представляет собой индивидуализирующий человека в социуме элемент его личности, следовательно, изображение гражданина как сведения о нем непосредственно связано с материальными объектами, поэтому на него нельзя распространять способы защиты нематериальных благ [3, с. 10].

А.С. Мограбян предлагает под обликом понимать «неотделимое от физического лица и индивидуализирующее его личное нематериальное благо, которое направлено на обеспечение физической неприкосновенности физического лица и включает в себя совокупность внешних признаков физического лица (цвет кожи, волос, разрез глаз, форма носа, телосложение, рост и др.), воспринимаемых окружающими как единое целое или как части целого, подверженных изменениям на протяжении жизни физического лица» [6, с. 9].

Изучение понятия внешнего облика гражданина не ограничивается сферой гражданского права. Так, ученым-криминалистом Т.А. Солодовой предложено авторское определение понятия внешнего облика человека как «присущей конкретному человеку совокупности специфических идентифицирующих особенностей его внешности, способной отображаться в памяти людей и материальных средствах фиксации» [7, с. 8].

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ МАСОК

Исследование понятия цифровой маски приобретает особую актуальность и значимость ввиду следующих обстоятельств: фотографии и видеозаписи, содержащие изображение конкретного гражданина, могут быть использованы в качестве доказательства в гражданском или уголовном процессе, что может привести к негативным последствиям и вынесению незаконных судебных актов. В этой связи представляется необходимым выработать нормы, регулирующие использование цифровых масок применительно к изображениям граждан. В качестве примера следует привести рекламу известного оператора связи, в которой была использована цифровая маска – изображение известного голливудского актера. Применение такой маски на актере, имеющем схожие черты лица и телосложение с иностранным актером, позволило сформировать представление у зрителя, что изображен именно голливудский актер. В этом случае невольно возникает вопрос о природе договора, по которому лицо предоставляет возможность использования своего изображения за плату. Несмотря на имеющийся интерес к такому договору, изучению его природы мы посвятим отдельное исследование.

Таким образом, можно сделать вывод, что цифровая маска – это набор различных элементов, включая части лица, представленных в электронном виде, применяемых к изображению гражданина, используемому

в форме электронного документа, в результате чего внешний облик гражданина может быть изменен полностью или частично.

Следует упомянуть отдельные нормы, которые содержат определенные требования к изображению гражданина. Так, административным регламентом МВД РФ по предоставлению государственной услуги по выдаче, замене паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации на территории России (далее – Регламент)³ установлены требования к личной фотографии, которая представляется в составе документов для оформления паспорта. В частности, в п. 36.1 Регламента отмечается, что изображение гражданина должно соответствовать его возрасту на дату подачи заявления о выдаче паспорта, гражданин должен быть изображен без головного убора. В п. 36.2 указывается, что на фотографии должны быть изображены голова и верхняя часть плеч гражданина.

В п. 36.8 Регламента установлен запрет на представление фотографии с отредактированным изображением гражданина с целью улучшения его внешнего вида или художественной обработки изображаемого лица. Примечательно, что в Регламенте отсутствует такое основание для отказа в предоставлении услуги, как невыполнение требований п. 36.1–36.8 Регламента в отношении фотографии гражданина. Не указаны последствия представления фотографии с нарушением требований Регламента для получения паспорта.

Говоря об охране прав на изображение гражданина, отметим, что для обнародования изображения гражданина необходимо получение его согласия. Мы разделяем мнение А.А. Николаевой о том, что обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина являются двумя не связанными между собой юридическими фактами, требующими отдельного согласия гражданина [8, с. 13]. В этой связи возникает вопрос о необходимости идентификации материала, на опубликование которого дано согласие изображенного на нем лица. Так, при оказании услуги фотосессии исполнители предлагают

³ Административный регламент МВД РФ по предоставлению государственной услуги по выдаче, замене паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации (утв. Приказом МВД России от 16.11.2020 № 773) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373184/65fd40e0c9ecc32fa34905c44a6f63cd28e7bead/ (дата обращения: 04.06.2022).

заказчику на выбор фотографии из серии, на которых заказчик, по его мнению, получился более удачно. В такой серии фотографии маркируются исполнителем для дальнейшей идентификации. Соответственно, подписание материала с изображением заказчика самим заказчиком будет служить доказательством одобрения такого изображения. Ситуация усложняется, если материал исполнителя будет представлен в электронном виде.

Помимо этого, в согласии на использование изображения гражданина должна быть четко определена сфера использования такого изображения. Так, Калининский районный суд г. Уфы при рассмотрении иска об охране изображения гражданина установил, что работодатель осуществлял фотографирование сотрудников коллектива с целью дальнейшего размещения их фото на стендах внутри предприятия (досках почета и т. п.). Однако истец обнаружила свое фото на настольном календаре работодателя, что и послужило основанием для обращения в суд⁴.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ УМЕРШЕГО ЛИЦА

В случае смерти лица его изображение может использоваться только с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии – с согласия родителей. Такое согласие не требуется, если:

1) использование изображения осуществляется в государственных, общественных или иных публичных интересах;

2) изображение гражданина получено при съемке, которая проводилась в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях (собраниях, съездах, конференциях, концертах, представлениях, спортивных соревнованиях и подобных мероприятиях), за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования;

3) гражданин позировал за плату.

Также необходимым представляется затронуть вопрос о возможности обнародования изображения умершего гражданина, если при жизни согласие на обнародование своего изображения он не давал. В частности, в шествиях «Бессмертного полка» используются изображения ветеранов Великой Отечественной войны. Безусловно, правом

на охрану изображения ветеранов обладают дети и переживший супруг (при наличии). Но в действительности в шествиях принимают участие внуки и даже правнуки ветеранов, которых ГК РФ в ст. 152.1 не упоминает. Соответственно, налицо столкновение интересов родственников ветерана, упомянутых и не упомянутых в Кодексе.

Далее хотелось бы затронуть вопрос об использовании изображения умершего лица в коммерческих целях. Данный вопрос законодательно не регламентирован. В этой связи представляется необходимой выработка следующих норм, устанавливающих, что для использования изображения гражданина в коммерческих целях должно быть получено его нотариальное согласие. В частности, необходимо законодательно закрепить, что в случае смерти лица дальнейшее использование его изображения за плату осуществляется на основании письменного согласия всех прямых родственников этого лица. При отсутствии согласия хотя бы одного из родственников использование такого изображения не допускается. При этом согласие родственников тоже оформляется нотариально. При совершении нотариального действия по удостоверению согласия на использование изображения умершего лица нотариус проверит наличие согласия умершего лица, выданного при жизни. При отсутствии такого согласия в совершении нотариального действия родственникам умершего лица будет отказано.

Несомненно важным представляется вопрос о сроке охраны прав на изображение гражданина. В данном случае можно было бы провести аналогию с авторским правом, однако важную роль здесь играет именно изображение лица, которое является нематериальным благом. И хотя в авторском праве закреплены сроки, по истечении которых произведения переходят в общественное достояние, представляется, что в отношении изображения гражданина такая охрана будет осуществляться бессрочно.

ПУБЛИЧНАЯ ФОТОСЪЕМКА

Следующий проблемный аспект – определение места, открытого для свободного посещения. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26 марта 2009 г. № 5/29 под съемкой, проводимой в местах, открытых для свободного посещения, понимается в том числе кино- и фотосъемка, видеозапись, осуществляемая в ходе проведения открытых

⁴ Решение Калининского районного суда г. Уфы от 23.07.2020 по делу № 2-3678/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fxVis7ct90U3/> (дата обращения: 11.06. 2022).

судебных заседаний⁵. Как отмечают суды, кино- и фотосъемка, видеозапись открытого судебного заседания должны проводиться в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством (ч. 5 ст. 241 УПК РФ, ч. 7 ст. 10 ГПК РФ, ч. 7 ст. 11 АПК РФ), согласия на использование такой записи от участников судебного заседания не требуется. Несмотря на то что указанное постановление утратило силу, положение, отраженное в нем, сохраняет актуальность по сей день.

Так, в социальных сетях была размещена фотография гражданина, нарушающего правила дорожного движения. На фотографии преимущественно изображен сам гражданин, а не окружающая его обстановка на дороге, при этом гражданин находится в своем автомобиле. С одной стороны, улица – это место, открытое для свободного посещения, но внутреннее пространство автомобиля, думается, является границей личного пространства лица. Аналогично и с окнами дома, в котором гражданин находится. В подобной ситуации можно говорить о нарушении тайны частной жизни. Описанная ситуация подтверждает, что зачастую охрана тайны частной жизни тесно связана с охраной изображения гражданина.

Так, при рассмотрении иска о нарушении тайны частной жизни суд установил факт монтажа камеры видеонаблюдения на территории домовладения ответчика. Установленная видеокамера позволяет осуществлять запись, просматривать ее; также установлен микрофон, который позволяет записывать звук. Записи с видеокамеры предоставляются только в правоохранительные органы и в суд, при этом только те записи, на которых зафиксированы правонарушения со стороны истца или членов его семьи. Более того, установленная видеокамера фиксирует улицу и прилегающую территорию, которые являются местами общего пользования. При просмотре камер видеонаблюдения судом установлено, что в обзор камеры видеонаблюдения, направленной в сторону ворот и калитки домовладения ответчика, попадают входные ворота, въезд в домовладение, а также частично захватывается двор истца. Камеры видеонаблюдения подключены к телевизору, находящемуся в жилом доме ответчика, имеется техническая возможность производить запись, сохранять ее и просматривать. Установленные обстоятельства

послужили основанием для удовлетворения исковых требований об обязанности ответчика демонтировать камеры видеонаблюдения⁶.

РАЗМЕЩЕНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ГРАЖДАНИНА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

Особый интерес вызывает вопрос охраны опубликованного в социальных сетях изображения гражданина. Данному вопросу посвящено немало работ. Рост использования социальных сетей наблюдается с каждым годом, а распространение коронавирусной инфекции еще более увеличило количество пользователей социальных сетей. Размещение фотографий в социальных сетях порождает немало проблем, требующих правовой регламентации. Например, возникает вопрос о том, как осуществлять право на охрану изображения гражданина, если пользователь социальной сети разместил материал (фотографию или видеозапись) со своим изображением и изображением другого лица. В данной ситуации предлагаемое решение носит технический характер. Так, при размещении материала в социальной сети ее пользователь устанавливает перечень прав в отношении использования материала путем предоставления или непредоставления к нему доступа [9, с. 37]. В качестве примера приведем сеть «ВКонтакте», где при загрузке фотографии предлагается предоставить доступ к данному материалу неограниченному кругу лиц, либо ограниченному кругу лиц (друзьям), либо не предоставлять доступ никому [10, с. 201]. В случае установления какого-либо ограничения материал будет размещен на странице пользователя, но доступ к нему иные пользователи иметь не будут. Следует отметить, что под доступом подразумевается предоставление возможности ознакомления с материалом, содержащим изображение гражданина, и (или) предоставление возможности использования и (или) распространения такого материала.

При размещении материала, содержащего изображение нескольких граждан, предлагается возложить на владельца социальной сети обязанность запросить согласие каждого из них на публикацию данного материала при условии, что к данному материалу будет предоставлен ограниченный или неограниченный доступ. Отметим, что нормами ГК РФ установлено требование предоставления письменного согласия на размещение изображения гражданина. Представляется возможным выражение такого

⁵ О некоторых вопросах, возникших в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 26.03.2009 № 5/29 [Электронный ресурс] // Верховный Суд РФ : сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8103/> (дата обращения: 13.06. 2022).

⁶ Решение Центрального районного суда г. Оренбурга Оренбургской области от 02.07.2020 по делу № 0907/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/dVtSgo1fA3x0/> (дата обращения: 11.06. 2022).

согласия путем ответа на запрос администратора социальной сети пользователю, зарегистрированному в данной сети, чье изображение проходит стадию опубликования. Установление такого пользователя представляется возможным, поскольку современные поисковые системы осуществляют поиск не только по буквенно-символьным комбинациям, но также по звуку и изображению. Возникает вопрос: как получить согласие на публикацию изображения гражданина, не зарегистрированного в данной социальной сети. Ввиду отсутствия согласия гражданина, чье изображение размещено в социальной сети, доступ к такому изображению будет ограничен, то есть доступ будет иметь исключительно лицо, загрузившее это изображение на свою страницу в социальной сети. Данные правила относятся и к ситуациям, когда изображение гражданина, размещаемое в социальной сети, подверглось любым изменениям, но в результате таких изменений гражданин по-прежнему может быть идентифицирован (узнан).

Если материал будет размещен на странице пользователя, загрузившего данный материал, без предоставления к нему доступа другим пользователям, то согласие всех лиц на размещение данного материала в социальной сети не требуется.

А.А. Барина и А.О. Плосухина предлагают следующий механизм охраны изображения гражданина при его публикации в сети Интернет:

«1. Необходимо усилить ответственность за нарушение обязательств стороной, расширить перечень санкций в п. 3 ст. 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации.

2. При условии незаконного распространения и опубликования изображения необходимо закрепить факт нарушения посредством нотариально заверенных скриншотов.

3. Контрагентам необходимо конкретизировать структуру договора с целью сокращения претензионных писем в судебные инстанции.

4. Возможность потерпевшего ходатайствовать о начислении процентов за использование его изображений в коммерческих целях в сети Интернет со срока осведомленности приобретателя о неосновательности получения или сбережения финансовых средств.

5. С целью сокращения исковых заявлений в суд на основании ст. 152.1 Гражданского кодекса Российской Федерации стоит повысить количество специальных сайтов, содержащих фотоматериалы для профессиональной деятельности специалистов в различных сферах» [11, с. 78].

Сформулированное предложение, безусловно, является интересным и практически значимым, за исключением последнего пункта, в котором отсутствует обоснование необходимости выделения из общей массы информационных ресурсов специальных сайтов, содержащих описанные авторами материалы. Полагаю, что количество таких сайтов зависит исключительно от количества специалистов, деятельность которых связана с фиксацией и обнародованием изображения гражданина, и их волеизъявления создавать такие сайты, в связи с чем необходимость увеличения количества таких сайтов отсутствует.

Одним из наиболее проблемных вопросов, которому уделено недостаточно внимания в российской доктрине, является вопрос охраны изображения несовершеннолетних лиц, в частности малолетних граждан. Зачастую в сети Интернет можно встретить материал, содержащий изображение ребенка, ущемляющий достоинство данного малолетнего гражданина. Представляется необходимым более подробно раскрыть обозначенную проблему в отдельном исследовании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из изложенного сделаем несколько выводов:

1) категории «изображение гражданина» и «тайна частной жизни» разнопорядковые. Изображение гражданина – это статичная информация, которая зафиксирована на фотографии, видеозаписи, в произведении изобразительного искусства. Во всей этой информации именно изображение лица играет ключевую роль. В информации, относящейся к тайне частной жизни, главенство имеют сведения о том, какие действия совершаются конкретным лицом, то есть ключевой аспект имеет именно поведение лица;

2) в случае использования изображения гражданина в коммерческих целях лицу, ответственному за размещение такого изображения, необходимо получение нотариального согласия изображенного гражданина;

3) нормы ГК РФ о даче согласия на использование изображения умершего лица необходимо расширить путем включения в круг лиц, уполномоченных на выдачу согласия, внуков и правнуков умершего лица.

В настоящей статье освещены основные наиболее проблемные аспекты использования и охраны изображения гражданина, которые требуют детальной научной проработки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аблятипова Н.А. Право гражданина на неприкосновенность изображения: анализ эффективности правоприменительной практики при определении критериев неправомерности использования / Н.А. Аблятипова, И.Ю. Волкова // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7, № 1. – С. 251–260. – DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-1-251-260.
2. Евдокимова К.Н. Понятие и правовое регулирование изображения человека в гражданском праве / К.Н. Евдокимова // Инновационная наука. – 2021. – № 12-1. – С. 67–69.
3. Эрделевский А.М. Об охране изображения гражданина / А.М. Эрделевский // Законодательство. – 2007. – № 7. – С. 9–13.
4. Тумаков А.В. Соотношение объектов гражданского права, категории «изображение гражданина», а также цифровых изображений внешности человека / А.В. Тумаков // Энциклопедия судебной экспертизы. – 2020. – № 4 (27). – С. 31–37.
5. Гражданское право : учебник : в 2 т. / С.С. Алексеев, О.Г. Алексеева, К.П. Беляев, М.М. Валеев, Н.Г. Валева, А.С. Васильев, Ю.А. Волочай и др. ; под ред. Б.М. Гонгало. – 2-е изд. перераб. и доп. – Москва : Статут, 2017. – Т. 1. – 511 с.
6. Мограбян А.С. Право физического лица на неприкосновенность внешнего облика : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А.С. Мограбян. – Волгоград, 2011. – 27 с.
7. Солодова Т.А. Криминалистическое установление лиц с измененным внешним обликом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Т.А. Солодова. – Москва, 2021. – 24 с.
8. Николаева А.А. Изображение гражданина: проблемы правового регулирования, использования, охраны и защиты : автореферат дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А.А. Николаева. – Москва, 2015. – 34 с.
9. Коваленко Ю.А. Актуальные проблемы охраны изображения гражданина в сети «Интернет» / Ю.А. Коваленко // Право. Общество. Государство : сборник научных трудов студентов и аспирантов / отв. ред. Е.В. Трофимов. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский институт, 2021. – С. 36–42.
10. Алтухова А.А. Охрана изображения в социальных сетях / А.А. Алтухова / А.А. Алтухова // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 17. – С. 195–207.
11. Полосухина А.О. Изображение гражданина, распространенное в сети интернет без его согласия / А.О. Полосухина, А.А. Барина // Общество, государство, личность: молодежное предпринимательство в поведенческой экономике в условиях цифровизации : материалы XXI Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых : в 2 ч., Казань, 29 апр. 2021 г. / под ред. А.Н. Грязнова. – Казань : Университет управления «ТИСБИ», 2021. – Ч. 2. – С. 75–78.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Балякина Елена Борисовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Balyakina Elena Borisovna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Chair of Civil Law of the Institute of Law, Bashkir State University.

Статья поступила в редакцию 25.06.2022; одобрена после рецензирования 17.08.2022; принята к публикации 18.08.2022. The article was submitted 25.06.2022; approved after reviewing 17.08.2022; accepted for publication 18.08.2022.

REFERENCES

1. Ablyatipova N.A., Volkova I.Yu. The citizen's right to image invalidity: analysis of the effectiveness of law enforcement practice in determining the criteria of unlawful use. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki* = Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. *Juridical Science*, 2021, vol. 7, no. 1, pp. 251–260. DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-1-251-260. (In Russian).
2. Evdokimova K.N. The concept and legal regulation of the image of a person in civil law. *Innovacionnaya nauka* = Innovative Science, 2021, no. 12-1, pp. 67–69. (In Russian).
3. Erdelevsky A.M. On the protection of the image of a citizen. *Zakonodatel'stvo* = Legislation, 2007, no. 7, pp. 9–13. (In Russian).
4. Tumakov A.V. The ratio of objects of civil law, the category of «image of a citizen», as well as digital images of a person's appearance. *Enciklopediya sudebnoy ekspertizy* = Encyclopedia of Forensic Science, 2020, no. 4 (27), pp. 31–37. (In Russian).
5. Alekseev S.S., Alekseeva O.G., Belyaev K.P., Valeev M.M., Valeeva N.G., Vasiliev A.S., Volochay Yu.A. et al.; Gongalo B.M. (ed.). *Grazhdanskoe pravo* [Civil law]. 2nd ed. Moscow, Statut Publ., 2017. Vol. 1. 511 p.
6. Mograbyan A.S. *Pravo fizicheskogo lica na neprikosnovennost' vneshnego oblika*. Avtoref. Kand. Diss. [The right of an individual to inviolability of appearance. Cand. Diss. Thesis]. Volgograd, 2011. 27 p.
7. Solodova T.A. *Kriminalisticheskoe ustanovlenie lic s izmenyonnym vneshnim oblikom*. Avtoref. Kand. Diss. [Forensic identification of persons with a changed appearance. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2021. 24 p.
8. Nikolaeva A.A. *Izobrazhenie grazhdanina: problemy pravovogo regulirovaniya, ispol'zovaniya, ohrany i zashchity*. Avtoref. Kand. Diss. [Image of a citizen: problems of legal regulation, use, protection and protection. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2015. 34 p.
9. Kovalenko Yu.A. Actual problems of protecting the image of a citizen on the Internet. In Trofimov E.V. (ed.). *Pravo. Obshchestvo. Gosudarstvo. Sbornik nauchnykh trudov studentov i aspirantov* [Law. Society. State. Collection of scientific works of students and graduate students]. Saint Petersburg, 2021, pp. 36–42. (In Russian).
10. Altuhova A.A. Image protection in social networks. *Voprosy rossijskoj yusticii* = Issues of Russian Justice, 2022, no. 17, pp. 195–207. (In Russian).
11. Polosukhina A.O., Barinova A.A. The image of a citizen distributed on the Internet without his consent. In Gryaznov A.N. (ed.). *Obshchestvo, gosudarstvo, lichnost': molodezhnoe predprinimatel'stvo v povedencheskoj ekonomike v usloviyakh cifrovizatsii*. Materialy XXI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii studentov, magistrantov, aspirantov i molodykh uchenykh, Kazan', 29 aprelya 2021 g. [Society, state, personality: youth entrepreneurship in the behavioral economy in the context of digitalization. Proceedings of the XXI International Scientific and Practical Conference of Students, Undergraduates, Postgraduates and Young Scientists, Kazan, April 29, 2021]. University of Management «TISBI», 2021, pt. 2, pp 75–78. (In Russian).

Научная статья
УДК 347.73
DOI 10.33184/pravgos-2022.3.5

Original article

БАРКОВ Алексей Владимирович
Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия;
Департамент правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия;
e-mail: barkov_a_v@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-5236-1954>

BARCOV Alexey Vladimirovich
Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia;
Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

ЗАВЬЯЛОВ Михаил Михайлович
Юридическое управление Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг), Москва, Россия;
e-mail: Mmkl1@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0001-8806-9640>

ZAVYALOV Mikhail Mikhailovich
Legal Department of the Federal Financial Monitoring Service (Rosfinmonitoring), Moscow, Russia.

КОНЦЕПЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ В УСЛОВИЯХ ИНОСТРАННЫХ САНКЦИЙ В РАМКАХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

THE CONCEPT OF MANAGING STRATEGIC ENTERPRISES UNDER FOREIGN SANCTIONS WITHIN THE FRAMEWORK OF TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY

Аннотация. В условиях недружественных действий иностранных государств необходимо осуществлять разработку актуальных методов минимизации негативных последствий с учетом интересов национальной безопасности Российской Федерации. Экономические драйверы комплексного территориального развития [1, с. 129] следует основывать на рациональной концепции управления стратегическими предприятиями в целях обеспечения технологического суверенитета страны и безопасности государства, с учетом рисков иностранного санкционного противодействия технологическому и экономическому развитию страны. Особые условия управления стратегическими предприятиями в Российской Федерации обуславливаются необходимостью реализации долгосрочного развития предприятия и его контрагентов, в качестве единого организма позволяющего обеспечить технологический суверенитет. Отсутствие концептуального исследования, направленного на формирование функциональной концепции суверенного управления ведущими отраслевыми предприятиями [2, с. 25] с возможностью привлечения отечественных и иностранных инвестиций, вызывает необходимость выработки сбалансированного механизма управления, позволяющего обеспечить эффективность, результативность и экономность управления стратегическими предприятиями с нивелированием рисков иностранного санкционного воздействия. Авторами предлагается обеспечить эффективный механизм реализации управления стратегическими предприятиями одновременно с их независимостью от мажоритарных инвесто-

Abstract. In the conditions of unfriendly actions of foreign states, it is necessary to develop relevant methods of minimizing negative consequences, taking into account the interests of the national security of the Russian Federation. The economic drivers of integrated territorial development [1, p. 129] should be based on a rational concept of managing strategic enterprises in order to ensure the technological sovereignty of the country and the security of the state, taking into account the risks of foreign sanctions against the technological and economic development of the country. Special conditions for managing strategic enterprises in the Russian Federation are necessary to implement the long-term development of the enterprise and its counterparties, as a single organism allowing to ensure technological sovereignty. The absence of a conceptual study aimed at forming a functional concept of sovereign management of leading industry enterprises [2, p. 25], with the possibility of attracting national and foreign investments, makes it necessary to develop a balanced management mechanism that allows ensuring the efficiency, effectiveness and economy of managing strategic enterprises with leveling the risks of foreign sanctions. The authors propose to provide an effective mechanism for implementing the management of strategic enterprises simultaneously with their independence from majority investors by developing a unique legal mechanism of interaction that allows for a balance between private investors and public interests. Purpose: legal substantiation of the concept of managing strategic enterprises in the conditions of foreign sanctions within the framework of technological sovereignty, taking into account the interests of the economic security of the country and the long-term

© Барков А.В., Завьялов М.М., 2022

ров посредством разработки уникального правового механизма взаимодействия, позволяющего достичь баланса между частными инвесторами и публичными интересами. Цель: правовое обоснование концепции управления стратегическими предприятиями в условиях иностранных санкций в рамках технологического суверенитета с учетом интересов экономической безопасности страны и долгосрочной стратегии комплексного территориального развития. Методы: комплекс общенаучных (анализа, синтеза, дедукции, индукции) и частнонаучных методов познания. Достоверность и обоснованность результатов, полученных в ходе исследования, достигается за счет комплексного применения методов исследования в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Результаты: разработаны и определены основные элементы концепции управления стратегическими предприятиями в условиях санкций посредством создания рамочного вида правовых отношений между иностранными инвесторами и стратегическими предприятиями Российской Федерации. Предлагаемый авторами формат правоотношений с иностранным инвестором, осуществляющим инвестирование в стратегические отрасли экономики страны, без возможности оказания неблагоприятного влияния, позволяет обеспечить высокий уровень финансовой привлекательности проектов и достичь целей комплексного территориального развития в условиях санкционного давления иностранных государств.

Ключевые слова: технологический суверенитет, импортозамещение, иностранные санкции, контроль за иностранными инвестициями, экономическая безопасность

Для цитирования: Барков А.В. Концепция управления стратегическими предприятиями в условиях иностранных санкций в рамках технологического суверенитета / А.В. Барков, М.М. Завьялов // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 3. – С. 34–40. DOI. 10.33184/pravgos-2022.3.5.

strategy of integrated territorial development. Methods: the authors apply a complex of general scientific (analysis, synthesis, deduction, induction) and specific scientific methods of cognition. The reliability and validity of the results obtained in the course of the study is achieved through the integrated application of research methods in their interrelation and interdependence. Results: the authors develop and define the main elements of the concept of managing strategic enterprises under sanctions by creating a framework type of legal relations between foreign investors and strategic enterprises of the Russian Federation. The authors propose the format of legal relations with a foreign investor who invests in strategic sectors of the country's economy, without the possibility of adverse influence, that allows to ensure a high level of financial attractiveness of projects and to achieve the goals of complex territorial development under the sanctions pressure of foreign states.

Keywords: technological sovereignty, import substitution, foreign sanctions, control over foreign investments, economic security

For citation: Barkov A.V., Zavyalov M.M. The concept of managing strategic enterprises under foreign sanctions within the framework of technological sovereignty. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 3, pp. 34–40. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.5 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ: АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ

В условиях иностранного санкционного давления экономическая система Российской Федерации [3, с. 103] испытывает беспрецедентное внешнее воздействие, направленное на ограничение технологического суверенитета и сокращение потока иностранных инвестиций. Предприятия в стратегических секторах экономики испытывают сложности в сохранении текущих рынков сбыта, а также сложности, связанные с отсутствием собственных технологических решений и разработок и сокращением иностранного инвестиционного финансирования крупных проектов.

Стратегические предприятия Российской Федерации вследствие односторонних недружественных действий иностранных государств не имеют возможности в полной мере выполнять собственные обязательства по внешнеторговым контрактам по

причине валютных таможенных ограничений [4, с. 76]. Кроме того, внутренние традиционные рынки сбыта для стратегических предприятий страны также оказались утеряны по причине низкой покупательской способности населения и высокой налоговой нагрузки. В этой связи возникает необходимость разработки единой концепции управления стратегическими предприятиями в условиях иностранных санкций в рамках технологического суверенитета.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ РИСКИ НЕДРУЖЕСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ

Недружественные действия иностранных государств влекут возникновение взаимообусловленных рисков (угроз) для работоспособности стратегических предприятий и, как следствие, подрывают основы национальной

безопасности Российской Федерации [5, с. 237]. Текущая геополитическая концепция построения экономических связей между иностранными партнерами и отечественными предприятиями имеет высокую степень сходства с начальным этапом реализации программы ООН «Нефть в обмен на продовольствие» на территории Ирака, когда указанная страна воспринималась исключительно в качестве сырьевой базы для развитых стран мира. В условиях значительного внешнеполитического давления на Российскую Федерацию и актуализации обсуждения западными партнерами предельных цен на нефть и газ, которые позволят ограничить доходы бюджетной системы страны, необходимо действовать на опережение и исключить вероятность внедрения аналогичной программы в качестве очередной меры ужесточения секторальных санкций.

Российская Федерация, обладающая значительными запасами полезных ископаемых, стремится осуществлять взаимовыгодный обмен с контрагентами. Долгое время единой мерой стоимости для внешнеторговой деятельности была свободно конвертируемая денежная единица. В настоящий момент указанный формат построения финансовых правоотношений «отмирает» и на его место приходит механизм бартерных сделок, в том числе с использованием модернизированной денежной единицы – переводного рубля, – оборот которой происходил между странами – членами Совета экономической взаимопомощи [6, с. 106], о чем свидетельствует деятельность БРИКС по разработке новой общей валюты для государств – членов объединения. Особо актуальным в этой связи представляется вопрос о возможности построения внешней торговли государства с использованием цифровых финансовых активов и (или) криптовалюты, отслеживание финансовых операций в которых требует от подразделений финансовых разведок специализированных технических средств. Использование переводного рубля позволяло осуществлять сбалансированное перераспределение товаров, работ и услуг между государствами в совокупности с низкими рисками (угрозами) отслеживания непосредственных финансовых операций. Указанное обусловлено прежде всего отсутствием у переводного рубля конкретно-предметной формы (банкнот или казначейских билетов), его использованием исключительно для безналичных расчетов посредством бухгалтерских записей на счетах государств в уполномоченной финансовой организации.

Аналогичными свойствами обладает

криптовалюта, но она имеет два существенных недостатка, отсутствовавших у переводного рубля: 1) невозможность отмены ошибочной или нежелательной (незаконной) финансовой операции, за исключением совершения зеркальной финансовой операции; 2) сохранение и отражение в каждой части программного кода всей истории финансовых операций во всем контуре. Следствием таких рисков является невозможность пресечения незаконных финансовых операций, в том числе хищения бюджетных средств, при переходе внешнеторговых расчетов по государственным контрактам на использование криптовалюты в качестве средства оплаты и свойственных ей механизмов, связанных рисками (угрозами) использования государственных институтов в процессах легализации (отмывания) доходов. Кроме того, недружественные лица из иностранных государств имеют возможность отслеживания всех экономических операций в системе блокчейн вне зависимости от объема полученной криптовалюты в качестве средства платежа, что подразумевает полную дискредитацию системы внешнеторговой деятельности в случае разового сбоя системы информационной безопасности или при совершении финансовой операции с неблагонадежным контрагентом. Соответственно, внедрение технологии криптовалютных расчетов в качестве идейной модернизации концепции переводного рубля может иметь высокие риски распространения секторальных санкций на всех участников внешнеэкономической деятельности.

В этой связи необходимо особо отметить роль средства платежа в качестве меры стоимости, однако один и тот же товар (мера стоимости) может иметь различную ценность для контрагентов в зависимости от внешних и внутренних факторов. Условный объем валютной денежной массы, находящийся в собственности у предпочтительного контрагента, может позволить приобрести необходимый товар, однако кратный размер валютной массы у нежелательного контрагента может не позволить приобрести аналогичный товар. На основании изложенного необходимо отметить, что в целях обеспечения интересов национальной безопасности Российской Федерации в рамках текущих рыночных правоотношений второстепенным фактором является валюта платежа за реализуемые в иностранные государства товары, работы или услуги.

Основным параметром обеспечения достижения целей технологического

суверенитета является мера стоимости получаемой денежной массы. Так, вне зависимости от того, нарастает или снижается объем доходов бюджетной системы Российской Федерации, представляется важным фактором отказ в принятии от отечественных юридических и физических лиц платежей рядом иностранных финансовых организаций, что фактически означает покрытие иностранными контрагентами обязательств перед Российской Федерации фиатными денежными средствами или денежными средствами, выведенными из обращения в финансовой системе и, как следствие, не обладающими реальной мерой стоимости. Получаемые от иностранных контрагентов отечественными стратегическими предприятиями денежные средства не позволят последним приобретать критические технологии и осуществлять своевременную модернизацию производственных мощностей, что повлечет снижение конкурентоспособности и технологическую деградацию секторов экономики. В целях превентивного нивелирования внешних рисков (угроз) в качестве актуального механизма обеспечения мер воздействия (противодействия) на недружественные действия иностранных государств считаем необходимым поручить Правительству Российской Федерации, профильным министерствам и ведомствам проработку и имплементацию в законодательство страны авторской концепции управления стратегическими предприятиями в условиях недружественных действий иностранных государств, международных организаций и иных лиц, связанных с введением ограничительных мер в отношении граждан Российской Федерации, а также российских юридических и физических лиц.

ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ КОНЦЕПЦИИ УПРАВЛЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИМИ ПРЕДПРИЯТИЯМИ В УСЛОВИЯХ ИНОСТРАННЫХ САНКЦИЙ В РАМКАХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Среди текущих мер по противодействию недружественным действиям иностранных государств следует особо отметить деятельность Правительства РФ по временному ограничению экспорта из страны минеральных удобрений, редкоземельных металлов и иных видов товаров. Осуществляется указанная деятельность в качестве ответной меры, однако она имеет негативные последствия в виде утраты торговых рынков для отечественных производителей и одновременного кратного увеличения стоимости конечного товара для

потребителей. Кроме того, ограниченная емкость отечественных рынков сбыта и возможности переориентации на новые рынки сбыта в дружественных странах затруднены логистическими издержками и высокими расходами на продвижение продукции стратегических предприятий, что влечет сокращение объема производства продукции и снижение доходов у предприятия. Невозможность в краткосрочной перспективе обеспечить сохранность объемов привлекаемых средств в совокупности с блокированием системы финансовых расчетов во внешнеторговой деятельности иностранными финансовыми организациями создают высокие риски (угрозы) для экономического суверенитета страны и обеспечения социально-экономического развития [7, с. 10].

Особо необходимо отметить, что недружественные государства нуждаются в различных уникальных полезных ископаемых, которые используются для создания высокотехнологичных товаров. Поэтому ограничение экспорта указанных товаров способно породить эффект ответных контрсанкций [8, с. 123]. В то же время оплата недружественными государствами указанных товаров при их приобретении для собственных целей отнюдь не означает, что их финансовые организации примут полученные от продажи полезных ископаемых денежные средства Российской Федерации в качестве платы за критические технологии и товары для импорта. Напротив, вне зависимости от валюты платежа с высокой долей вероятности произойдет отказ от совершения финансовой операции, если к стоимости товара, работы или услуги не будет прибавлена существенная премия. Указанные факторы фактически создают скрытую немонетарную инфляцию внутри Российской Федерации. Формирование платежного баланса [9, с. 274] искусственно корректируется недружественными государствами, поскольку технологических возможностей и денежных средств у стратегических предприятий страны на производство продукции с высокой добавленной стоимостью практически не остается.

С учетом изложенного авторами предлагаются следующие меры по минимизации неблагоприятных последствий от недружественных действий иностранных государств в целях обеспечения технологического суверенитета страны. В качестве основы реализации концепции управления стратегическими предприятиями представляется рациональным рассмотреть опыт взаимодействия между инвесторами и государством

в конструктивных рамках соглашений о разделе продукции. Недружественным государствам, вынужденным приобретать для собственных целей продукцию у российских стратегических предприятий, предлагается войти в юридическое соглашение на условиях предоставления стратегическим предприятиям инвестиционных ресурсов и технологического обеспечения для создания конечной продукции на территории Российской Федерации с одновременным отказом от экономической политики поставки сырья и отдельных компонентов в иностранные государства [10, с. 303]. Особо необходимо отметить, что поставка в недружественные государства полезных ископаемых в совокупности с импортом конечной продукции, произведенной на их основе, является пагубной для экономической системы страны и технологической безопасности государства. Единственным возможным условием развития внутренних замкнутых контуров производства конечной продукции и освоения технологий в среднесрочной перспективе является внедрение особой концепции управления стратегическими предприятиями в условиях санкций, которая основывается на следующих элементах:

1) инвестор из недружественной страны предоставляет иностранные технологии и инвестиции для создания стратегических производств полного цикла реального сектора экономики на территории Российской Федерации;

2) созданное предприятие находится под управлением назначенных Российской Федерацией должностных лиц;

3) стратегическое предприятие осуществляет полный цикл работ и глубокой переработки сырья для создания продукции с высокой добавленной стоимостью;

4) обусловленная правоотношениями с инвестором часть готовой продукции направляется в недружественные государства в качестве покрытия их финансовых издержек и платы за пользование иностранными технологиями, а остальная продукция направляется на внутренний рынок или рынки дружественных государств.

Указанный механизм обуславливает отсутствие необходимости импорта конечной продукции, стимулирует процессы импортозамещения и расширение экономической и технологической базы Российской Федерации. Привлечение инвесторов, обладающих достаточными финансовыми ресурсами и

технологиями, необходимыми для создания в Российской Федерации новых стратегических предприятий замкнутого цикла, а равно расширения и углубления производственных мощностей действующих предприятий в различных секторах экономики страны, следует стимулировать установлением запрета экспортных поставок товаров за рубеж, добыча и создание обязательных элементов которых возможны исключительно на территории Российской Федерации. Таким образом, будет обеспечиваться не только импортозамещение, но и принуждение иностранных лиц из недружественных государств к реальному инвестированию в экономику страны.

Предполагается, что иностранный инвестор будет устранен от текущего управления стратегическим предприятием, однако его участие не должно ограничиваться предоставлением финансовых ресурсов, технологий и получением доли конечной продукции. Важную роль иностранный инвестор из недружественного государства сможет сыграть в качестве субъекта внешнего аудита эффективности деятельности стратегического предприятия, что позволит привлечь заинтересованное в высоком качестве продукции и увеличении объемов выпуска конечной продукции лицо. Таким образом, по причине отсутствия возможности изготовления конечной продукции за пределами Российской Федерации недружественные государства будут заинтересованы в предоставлении передовых технологий, создании высококвалифицированных рабочих мест и гибком применении ограничений во внешнеторговой деятельности к отечественным стратегическим предприятиям и их экспортируемой продукции в совокупности с импортируемыми технологиями и финансовыми ресурсами для покрытия производственных издержек. Невозможность замещения ряда полезных ископаемых, используемых для изготовления конечной продукции, позволит перенести производственные и перерабатывающие мощности на территорию Российской Федерации и обеспечить технологический суверенитет, нивелировать риски (угрозы) утраты меры стоимости, поскольку себестоимость конечной продукции будет определяться стратегическим предприятием.

Предложенный формат взаимодействия между инвестором и стратегическими предприятиями в условиях иностранных санкций позволит нивелировать ограничение

иностранных инвестиций и внешнеторговой деятельности, создать внутри страны технологические цепочки глубокой переработки и производства товаров с высокой добавленной стоимостью. Одновременно с этим произойдет таргетирование немонетарных факторов инфляции и перестройка платежного баланса государства с повышением в нем доли высокотехнологичной продукции в совокупности со снижением оттока трудовых ресурсов, технологий и сырья для производства конечной продукции.

Особо необходимо отметить, что качественный стимул получит также инфраструктурное строительство внутри страны, поскольку иностранные инвесторы из недружественных государств будут заинтересованы не только в высоких темпах производства качественной конечной продукции, но и ее своевременной и полной доставке на экспорт.

Оплата экспорта конечной продукции из Российской Федерации, в свою очередь, может происходить посредством бартерных сделок, без необходимости движения безналичных денежных средств, а равно создания финансовой инфраструктуры для оборота высокорискованных цифровых финансовых активов и криптовалют [11, с. 83]. Бартерные сделки могут осуществляться на основе опыта и нормативно-правовой базы переводного рубля или созданной по подобию системы бухгалтерских записей взаиморасчетов между государствами и их стратегическими предприятиями. Кроме того, использование технологических разработок переводного рубля позволит установить фиксированный курс обмена товаров, работ и услуг, различный для каждого государства, предприятия или обмениваемых товаров.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ОЦЕНКА ОЖИДАЕМОГО ЭФФЕКТА ОТ РАЗРАБОТАННЫХ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ

Использование концепции управления стратегическими предприятиями в условиях иностранных санкций можно закрепить в рамках договорных правоотношений на основе действующего законодательства Российской Федерации, без необходимости корректировки норм права. В случае массового распространения указанного опыта предполагается рациональным закрепить в гражданском законодательстве Российской Федерации базовые

элементы правоотношений в совокупности с высокой степенью свободы договора в целях его индивидуализации, учетом рисков и интересов по отношению к отдельным видам продукции и особому статусу иностранных инвесторов. Базовыми элементами юридической конструкции предлагается установить неизменность условий налогообложения, механизмов и методов финансового контроля на весь срок его действия, гарантированный минимум конечной продукции, получаемой инвестором за период, определенный сторонами самостоятельно, невозможность участия иностранного лица из недружественного государства в текущем управлении стратегическим предприятием, обязанность инвестора в предоставлении финансовых ресурсов и технологическом оснащении производства конечной продукции на территории страны. Отдельно предлагается закрепить необходимость финансирования и технологического оснащения стратегического предприятия, производящего конечную продукцию на территории Российской Федерации, с возможностью вовлечения в технологические процессы изготовления товаров стратегических действующих предприятий, расположенных в дружественных государствах, а равно союзных с Российской Федерацией государствах и территориальных образованиях, если указанное не создает рисков (угроз) для технологического суверенитета страны и безопасности государства.

Предложенный механизм взаимодействия позволит нивелировать существующие и вероятные риски (угрозы) ограничения технологического развития страны, произвести пересмотр действующих процессов построения внешнеторговых отношений, сбалансировать платежный баланс государства и обеспечить экономический рост внутри страны за счет создания высокотехнологичной конечной продукции, обеспечения гарантированными рабочими местами и стабильного уровня иностранных инвестиций, направленных на обеспечение результативности, эффективности и экономности применения стратегическими предприятиями на территории Российской Федерации ограниченных полезных ископаемых. Стратегические предприятия обеспечат возможность внедрения в стране передовых стандартов корпоративного управления и станут драйвером экономического развития и обеспечения технологического суверенитета.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Завьялов М.М. Корпорации как функциональный драйвер государственности в условиях турбулентности / М.М. Завьялов // Проблемы экономики и юридической практики. – 2019. – Т. 15, № 2. – С. 126–129.
2. Наточеева Н.Н. Экономический суверенитет банковского сектора России в условиях геополитической напряженности / Н.Н. Наточеева, А.И. Бородин, Т.В. Белянчикова // Банковское дело. – 2022. – № 6. – С. 25–30.
3. Завьялов М.М. Финансовая политика Российской Федерации в санкционных условиях / М.М. Завьялов, В.С. Никлаус // Самоуправление. – 2019. – Т. 2, № 4 (117). – С. 103–106.
4. Хаменушко И.В. Валютное регулирование в условиях санкций / И.В. Хаменушко // Налоговед. – 2022. – № 4. – С. 75–81.
5. Шогенова Д.Х. Угрозы экономической безопасности России в условиях санкций / Д.Х. Шогенова // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2022. – № 4-2 (86). – С. 234–238.
6. Усманова К.Н. Российский опыт построения платежных систем: от переводного рубля к расчетам в национальных валютах стран СНГ и ЕАЭС / К.Н. Усманова // Финансовый бизнес. – 2021. – № 7 (217). – С. 105–108.
7. Голобородько А.Ю. Социально-экономическое развитие России: угрозы, возможности, современные векторы национальной политики / А.Ю. Голобородько, Т.А. Щербакова, А.В. Ляхов // Финансовая экономика. – 2022. – № 4. – С. 7–10.
8. Стрельцов Р.С. Экономические последствия западных санкций и контрсанкций Российской Федерации / Р.С. Стрельцов, А.В. Полковникова // Наука Красноярья. – 2022. – Т. 11, № 1-3. – С. 121–125.
9. Завьялов М.М. Правовые механизмы финансового контроля платежного баланса государства в условиях немонетарных факторов инфляции / М.М. Завьялов, А.Г. Литвин // Самоуправление. – 2022. – № 1 (129). – С. 269–274.
10. Завьялов М.М. Влияние экономической политики государства на устойчивый экономический рост субъектов Российской Федерации / М.М. Завьялов // Самоуправление. – 2021. – № 3 (125). – С. 300–303.
11. Захаров Г.Г. Виртуальная валюта: место в финансовой системе, особенности, преимущества и недостатки / Г.Г. Захаров, А.С. Харланов // Финансовые рынки и банки. – 2021. – № 10. – С. 81–86.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Барков Алексей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;

Завьялов Михаил Михайлович – ведущий специалист-эксперт Юридического управления Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Barkov Alexey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation;

Zavyalov Mikhail Mikhailovich – Leading Specialist-Expert of the Legal Department of the Federal Financial Monitoring Service (Rosfinmonitoring).

Статья поступила в редакцию 06.06.2022; одобрена после рецензирования 03.07.2022; принята к публикации 07.07.2022. The article was submitted 06.06.2022; approved after reviewing 03.07.2022; accepted for publication 07.07.2022.

REFERENCES

1. Zavyalov M.M. Corporations as a functional state driver under turbulence conditions. Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki = Economic Problems and Legal Practice, 2019, vol. 15, no. 2, pp. 126–129. (In Russian).
2. Natocheeva N.N., Borodin A.I., Belyanchikov T.V. Economic sovereignty of the banking sector of Russia in the context of geopolitical tensions. Bankovskoe delo = Banking, 2022, no. 6, pp. 25–30. (In Russian).
3. Zavyalov M.M., Niklaus V.S. Financial policy of the Russian Federation in sanctional conditions. Samoupravlenie, 2019, vol. 2, no. 4 (117), pp. 103–106. (In Russian).
4. Khamenushko I.V. Currency regulation in the context of sanctions. Nalogoved = Tax Expert, 2022, no. 4, pp. 75–81. (In Russian).
5. Shogenova D.H. Threats to Russia's economic security under sanctions. Ekonomika i biznes: teoriya i praktika = Economy and Business: Theory and Practice, 2022, no. 4-2 (86), pp. 234–238. (In Russian).
6. Usmanova K.N. Russian experience in constructing payment systems: from ruble rate to payment in national currencies of the CIS and EAEU countries. Finansovyy biznes = Financial Business, 2021, no. 7 (217), pp. 105–108. (In Russian).
7. Goloborodko A.YU., Shcherbakova T.A., Lyakhov A.V. Socio-economic development of Russia: threats, opportunities, modern vectors of national policy, Finansovaya ekonomika = Financial Economy, 2022, no. 4, pp. 7–10. (In Russian).
8. Streltsov R.S., Polkovnikova A.V. Economic consequences of Western sanctions and counter-sanctions of the Russian Federation. Nauka Krasnoyarsk = Science of Krasnoyarsk, 2022, vol. 11, no. 1-3, pp. 121–125. (In Russian).
9. Zavyalov M.M., Litvin A.G. Legal mechanisms of financial control of the balance of payments of the state in the conditions of non-monetary factors of inflation. Samoupravlenie, 2022, no. 1 (129), pp. 269–274. (In Russian).
10. Zavyalov M.M. Influence of the economic policy of the state on the sustainable economic growth of the subjects of the Russian Federation. Samoupravlenie, 2021, no. 3 (125), pp. 300–303. (In Russian).
11. Zakharov G.G., Harlanov A.S. Virtual currency: place in the financial system, features, advantages and disadvantages. Finansovye rynki i banki = Financial Markets and Banks, 2021, no. 10, pp. 81–86. (In Russian).

Научная статья
УДК 340.1: 347.518
DOI 10.33184/pravgos-2022.3.6

Original article

БЕРЕЗИНА Елена Александровна
Уральский государственный юридический
университет, Екатеринбург, Россия;
e-mail: helalex@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-7999-9966>

BEREZINA Elena Aleksandrovna
Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ЭКСПЛУАТАЦИЕЙ БЕСПИЛОТНЫХ (АВТОНОМНЫХ, ВЫСОКОАВТОМАТИЗИРОВАННЫХ) ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

THE PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF LEGAL LIABILITY FOR DAMAGE CAUSED
BY THE OPERATION OF UNMANNED (AUTONOMOUS, HIGHLY AUTOMATED) VEHICLES

Аннотация. Мировое сообщество в настоящее время находится на этапе стремительного развития всех видов технологий – информационных, промышленных, социальных, каждая из которых, в идеале, должна быть предназначена для совершенствования различных сфер общественной жизни. Но любая технология несет в себе определенные риски, которые должны учитывать общество и законодатель. Одной из технологий, набирающих все большую популярность во многих развитых странах мира, выступает технология автономного вождения, которая ставит перед законодателями новые вызовы, заставляет решать новые проблемы, возникающие в связи с внедрением новых технологий в общественную жизнь. К числу таких проблем может быть отнесена проблема ответственности за вред, причиненный деятельностью, связанной с эксплуатацией беспилотных (автономных, высокоавтоматизированных) транспортных средств. Скорость развития новых технологий постоянно увеличивается, и законодатель не всегда успевает за развитием общественных отношений. В этой ситуации наука призвана помочь обнаружить проблему и обозначить возможные направления ее решения. Цель: анализ проблем правового регулирования юридической ответственности за вред, причиненный эксплуатацией беспилотных (автономных, высокоавтоматизированных) транспортных средств. Методы: для достижения поставленной цели использовались специально-юридические методы: формально-юридический, основанный на знаниях специальной юридической терминологии, юридических конструкций, классификации правовых явлений, и толкования права, примененный при анализе текстов нормативно-правовых актов и их проектов. Результаты: сделан вывод о необходимости более взвешенного подхода при законодательном закреплении юридической ответственности за вред, причиненный эксплуатацией беспилотных (автономных, высокоавтоматизированных) транспортных средств. Автор приводит обоснование необходимости отнесения высокоавтоматизированных транспортных средств (далее – ВАТС) и деятельности, связанной с их эксплуатацией,

Abstract. The world community is currently at the stage of rapid development of all types of technologies – information, industrial, social, each of which, ideally, should be designed to improve various spheres of public life. However, any of the technologies carries certain risks that society and the legislator should take into account. One of the technologies gaining increasing popularity in many developed countries of the world is autonomous driving technology, which poses new challenges to legislators of all countries, forces them to solve new problems arising in connection with their introduction into public life. Such problems may include the problem of liability for damage caused by activities related to the operation of unmanned (autonomous, highly automated) vehicles. The pace of development of new technologies is constantly increasing, and the legislator does not always keep up with the development of social relations. In this situation, science should help to detect the problem and identify possible solutions. The purpose of the study is to analyze the problems of legal regulation of legal liability for damage caused by the operation of unmanned (autonomous, highly automated) vehicles. Methods: to achieve this goal, special legal methods are used: formal legal, based on knowledge of special legal terminology, legal constructions, classifications of legal phenomena; the method of interpretation of law used in the analysis of normative legal acts and their projects. Results: the conclusion is made about the need for a more balanced approach when legislating legal liability for damage caused by the operation of unmanned (autonomous, highly automated) vehicles. The author provides a justification for the need to classify highly automated vehicles (hereinafter referred to as HAV) and activities related to their operation to sources of increased danger, by analyzing the specifics of HAV; reveals the features of the composition of such a civil law tort as causing harm by the operation of HAV; indicates the grounds for civil liability for damage caused by the operation of HAV; designates the conditions and features of legal liability in the area under consideration. The article proposes as a priority for the Russian Federation to choose a concept accord-

к источникам повышенной опасности, проводя анализ специфики ВАТС; раскрывает особенности состава такого гражданско-правового деликта, как причинение вреда эксплуатацией ВАТС; указывает основания наступления гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный эксплуатацией ВАТС; обозначает условия и особенности юридической ответственности в рассматриваемой сфере. В статье предлагается выбрать в качестве приоритетной для Российской Федерации концепцию, согласно которой субъектами юридической ответственности за вред, причиненный эксплуатацией беспилотного транспортного средства, являются как его владелец, так и изготовитель (производитель), которые должны нести солидарную ответственность независимо от наличия или отсутствия вины.

Ключевые слова: технология, правовая технология, высокоавтоматизированные транспортные средства, беспилотные транспортные средства, автономные транспортные средства, ответственность за причиненный источником повышенной опасности вред, гражданско-правовая ответственность за причиненный высокоавтоматизированным транспортным средством вред, источник повышенной опасности, монистические теории источника повышенной опасности, плюралистические теории источника повышенной опасности

Для цитирования: Березина Е.А. Проблемы правового регулирования юридической ответственности за вред, причиненный эксплуатацией беспилотных (автономных, высокоавтоматизированных) транспортных средств / Е.А. Березина // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 3. – С. 41–55. DOI. 10.33184/pravgos-2022.3.6.

ing to which the subjects of legal liability for damage caused by the operation of the unmanned vehicle are both its owner and maker (manufacturer), who must bear joint responsibility regardless of the presence or absence of guilt.

Keywords: technology, legal technology, highly automated vehicles, unmanned vehicles, autonomous vehicles, liability for damage caused by a source of increased danger, civil liability for damage caused by a highly automated vehicle, source of increased danger, monistic theories of a source of increased danger, pluralistic theories of a source of increased danger

For citation: Berezina E.A. The problems of legal regulation of legal liability for damage caused by the operation of unmanned (autonomous, highly automated) vehicles. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 3, pp. 41–55. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.6 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Одной из проблем частноправового регулирования в Российской Федерации является проблема гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих.

Активно проходящие в последнее время в большинстве стран мира процессы технологизации и цифровизации различных видов деятельности оказали существенное влияние на сложившееся в юриспруденции понятие «источник повышенной опасности», в объем которого в настоящее время предлагается включать и деятельность, связанную с использованием систем искусственного интеллекта, а также «дрон, компьютерные вирусы и искусственный интеллект» [1, с. 385].

Одним из этапов технологизации и внедрения инноваций в современном обществе выступает эксплуатация ВАТС, которая неизбежно порождает множество проблем, требующих правовой регламентации, в том

числе проблемы, связанные с юридической ответственностью, научный анализ которых уже достаточно давно ведется во многих странах мира, в том числе и в отечественной юридической науке [2].

Особенное место отводится беспилотному автотранспорту, который, в отличие от железнодорожного, воздушного, морского транспорта, может стать наиболее массовым и востребованным средством сообщения в городской среде, что неминуемо вызовет необходимость законодательного решения вопросов о субъектах юридической ответственности за вред, причиненный деятельностью, связанной с его эксплуатацией.

ИСТОРИЯ ВОПРОСА

Наиболее остро вопросы юридической ответственности за вред, причиненный эксплуатацией беспилотных транспортных средств, а также проблемы их упорядочения в нормативно-правовых актах государств были поставлены в марте 2018 г.,

когда произошло первое ДТП с участием ВАТС, в котором погиб пешеход¹.

Авария подняла ряд проблем, которые необходимо решить законодателю при урегулировании общественных отношений, связанных с эксплуатацией ВАТС. В частности, один из основных вопросов касался субъекта юридической ответственности: кто должен нести ответственность за вред, причиненный деятельностью, связанной с эксплуатацией ВАТС? Судебное разбирательство все еще не завершено. Пока в качестве единственного субъекта ответственности правоохранительные органы США рассматривают не производителя или владельца, а оператора ВАТС². Данный пример демонстрирует необходимость обратить внимание юридической науки и законодателя на вопросы справедливости распределения бремени ответственности за вред, причиненный эксплуатацией беспилотного автомобиля.

С развитием беспилотного транспорта вопросы привлечения к юридической ответственности за вред, причиненный эксплуатацией ВАТС, стали возникать все чаще. Если в Российской Федерации еще не было ни одного смертельного случая с участием ВАТС, то в США по состоянию на конец июня 2022 г. произошло уже несколько несчастных случаев со смертельным исходом, в которых участвовали беспилотные автомобили³.

Нужно учесть, что ВАТС представляет опасность не только для других участников дорожного движения, но и для операторов, а также для пассажиров, юридическая ответственность за причинение вреда которым тоже должна быть регламентирована. Так, 7 мая 2016 г. произошло ДТП с электромобилем

Tesla Motors, двигавшимся в автоматическом режиме, в результате которого погиб его оператор. Яркое солнце и белый цвет прицепа не позволили системе автономного вождения распознать прицеп, в который врезался автомобиль «Тесла», как «объект»⁴.

Вред эксплуатацией ВАТС может быть причинен как жизни и здоровью граждан, так и имуществу граждан или организаций. Например, 26 августа 2019 г. низкоскоростной беспилотный автомобиль попал в аварию из-за ошибочного определения направления движения в ситуации, когда его стало обгонять обычное транспортное средство, ехавшее с большей скоростью, тем самым причинив вред имуществу собственника автомобиля⁵.

Как мы видим из приведенных примеров, проблемы привлечения тех или иных субъектов права к юридической ответственности в случае причинения вреда имуществу, жизни и здоровью граждан или имуществу юридических лиц эксплуатацией ВАТС требуют разрешения.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ЭКСПЛУАТАЦИЕЙ БЕСПИЛОТНЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Основной проблемой правового регулирования юридической ответственности за вред, причиненный эксплуатацией ВАТС, является отсутствие в России федерального закона о ВАТС. Разработка законопроекта ведется уже довольно давно, было предложено несколько вариантов его редакций, но пока все находится на этапе обсуждения, проект даже не внесен в Государственную Думу Федерального Собрания РФ⁶.

Следующей проблемой можно назвать то,

1 Collision Between Vehicle Controlled by Developmental Automated Driving System and Pedestrian [Электронный ресурс] // National Transportation Safety Board. URL: <https://www.nts.gov/investigations/Pages/HWY18MH010.aspx> (дата обращения: 20.06.2022).

2 Smiley L. 'I'm the Operator': The Aftermath of a Self-Driving Tragedy [Электронный ресурс] // Wired (monthly American magazine). 2022 8 Mar. URL: <https://www.wired.com/story/uber-self-driving-car-fatal-crash/> (дата обращения: 22.06.2022).

3 Рекордсменом по числу различных аварий, связанных с технологиями беспилотных транспортных средств, согласно статистике, приведенной Национальной администрацией безопасности дорожного движения США за последние 11 месяцев, стала «Тесла», на которую приходится 273 случая отчетов о различных видах ДТП с участием беспилотных автомобилей, за ней следует Honda с 90 отчетами (Киреев А. Tesla стала рекордсменом по числу аварий с участием автомобиля без водителя [Электронный ресурс] // Хайтек. АНО «Иннополис Медиа». 2022. 16 июня. URL: <https://hightech.fm/2022/06/16/tesla-antirecords> (дата обращения: 21.06.2022).

4 Yampolskiy R. (2016-07-01) Incident Number 52. in McGregor S. (ed.) Artificial Intelligence Incident Database. Responsible AI Collaborative [Электронный ресурс]. URL: <https://incidentdatabase.ai/cite/52?lang=en> (дата обращения: 21.06.2022).

5 Комитета по расследованию причин аварии 26.08.2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.nagoa-u.ac.jp/info/upload_images/20191206_report.pdf (дата обращения: 21.06.2022).

6 О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : проект федерального закона (доработанный текст), четвертая редакция (подготовлен Минтрансом России, ID проекта 02/04/06-21/00116763) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 16.04.2022) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.06.2022).

что даже в последней, четвертой, редакции проекта федерального закона «О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» вопросам юридической ответственности посвящена всего одна статья, которая носит бланкетный характер: «Лица, виновные в нарушении требований настоящего Федерального закона, несут предусмотренную законодательством Российской Федерации ответственность» (ст. 11).

На несовершенство законопроекта в области гражданско-правового регулирования обращает внимание и председатель Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства П.В. Крашенинников, 19 мая 2022 г. подписавший экспертное заключение № 219-2/2022 по законопроекту. В качестве недостатков отмечается отсутствие норм права, содержащих отсылку к положениям ст. 1079 ГК РФ, предусматривающих ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих; отсутствие решения вопроса о том, кто является причинителем вреда; отсутствие в проекте каких-либо повышенных требований к ВАТС при регулировании вопросов гражданского права (например, повышенных гарантий для потребителей при оказании услуг по перевозке пассажиров и багажа).

Еще одной проблемой является то, что в законопроекте в качестве субъектов права, которые могут быть привлечены к ответственности, указываются только производитель, владелец и диспетчер ВАТС, но ничего не говорится об ответственности иных лиц, деяния которых также могут привести к причинению вреда, например, заказчика программного обеспечения (если производитель ВАТС и заказчик программного обеспечения не совпадают), который может допустить ошибки или указать неверные требования в техническом задании на разработку программного обеспечения; разработчика программного обеспечения для ВАТС; владельца интеллектуальной дорожно-транспортной инфраструктуры; аккредитованного производителем эксплуатанта (СТО), который будет осуществлять оценку соответствия ВАТС обязательным требованиям безопасности, проводя технический осмотр ВАТС; лиц, отвечающих за информационную безопасность в процессе эксплуатации ВАТС (если эти функции отданы на аутсорсинг,

что сейчас осуществляется довольно часто в целях повышения эффективности деятельности, оптимизации расходов, повышения уровня информационной безопасности, которая обеспечивается профессионалами в данной сфере).

Говоря о проблемах правового регулирования юридической ответственности за вред, причиненный эксплуатацией ВАТС, необходимо упомянуть и о трудностях разграничения сфер ответственности вышеназванных субъектов. Для их преодоления в законе должны быть четко зафиксированы обязанности каждого из них, а не только владельца, оператора и изготовителя ВАТС, что предусмотрено сейчас в анализируемом законопроекте.

К проблемным моментам можно отнести и распределение бремени ответственности между производителем и владельцем ВАТС. Можно выделить три основных подхода к распределению между данными субъектами обязанностей по возмещению вреда: либо в качестве субъекта ответственности рассматривается владелец ВАТС, либо производитель ВАТС, либо предлагается рассматривать обязанными субъектами владельца ВАТС и производителя одновременно. В анализируемом законопроекте этот вопрос оставлен без внимания. Ничего не говорится создателями проекта и о виде ответственности в зависимости от способа ее распределения между производителем и владельцем ВАТС. Представляется, что производитель и владелец ВАТС должны нести солидарную гражданско-правовую ответственность за вред, причиненный ВАТС как источником повышенной опасности.

При усовершенствовании законопроекта необходимо обратить пристальное внимание и на вопросы страхования риска гражданско-правовой ответственности владельца и производителя ВАТС. Если относительно страхования риска ответственности владельцев ВАТС говорится, что они «обязаны страховать риск своей гражданской ответственности в соответствии с Федеральным законом от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств»⁷, то о страховании риска гражданско-правовой ответственности производителя ВАТС в законопроекте самостоятельных норм права не предусмотрено. Если же в качестве обязанных субъектов обязательств, возникших из причинения вреда эксплуатацией ВАТС,

7 Собрание законодательства РФ. 2002. № 18, ст. 1720.

рассматривать и владельца ВАТС, и производителя ВАТС, то необходимо закрепить нормы права, касающиеся и страхования риска ответственности производителя ВАТС.

Таким образом, законопроект, хотя в определенной степени и усовершенствованный, все еще требует доработки, особенно в части установления норм о юридической ответственности за вред, причиненный деятельностью, связанной с эксплуатацией ВАТС. Для этого правотворческие органы могут обратиться к теоретическим положениям юридической науки и к интерпретационной практике, сложившейся в сфере гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКСПЛУАТАЦИИ ВЫСОКОАВТОМАТИЗИРОВАННЫХ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Согласно положениям общей теории права под юридической ответственностью понимаются предусмотренные правовыми нормами вид и мера государственного принуждения за совершенное правонарушение. В зависимости от вида правонарушения в сфере эксплуатации ВАТС можно говорить об административной, уголовной, гражданско-правовой, материальной и дисциплинарной ответственности лиц, совершивших правонарушение. Проблемы уголовной ответственности предлагается решать путем внесения изменений в УК РФ, например, путем добавления таких составов преступлений, как нарушение правил эксплуатации беспилотного транспортного средства (ст. 264.2 УК РФ), подделка, уничтожение или незаконное внесение изменений в черный ящик беспилотного транспортного средства (ст. 326.1 УК РФ) [3, с. 341], а также закрепления новой нормы права в УК РФ, предусматривающей ответственность за внешнее вмешательство в функционирование беспилотника [4, с. 123]. Существует и точка зрения, согласно которой «для квалификации ряда общественно опасных деяний пригодны существующие составы преступлений» [5, с. 264].

В сфере административного права предложения касаются как изменений в правила дорожного движения, правила сертификации и стандартизации, правила выдачи разрешений,

так и совершенствования статей КоАП РФ, предусматривающих ответственность за совершение административных правонарушений⁸.

Для целей настоящей статьи особый интерес представляет анализ третьего вида юридической ответственности – гражданско-правовой. Разновидностью данного вида юридической ответственности в зависимости от основания ее возникновения выступает внедоговорная ответственность, в качестве самостоятельного подвида которой выделяется ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих. Юридическая ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность эксплуатации ВАТС, будет относиться именно к этому виду внедоговорной гражданско-правовой ответственности.

Понятие гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный эксплуатацией высокоавтоматизированных транспортных средств как источником повышенной опасности. Рассматривая гражданско-правовую ответственность за вред, причиненный эксплуатацией ВАТС, как одну из разновидностей юридической ответственности, ее можно определить как вид и меру государственно-правового принуждения за совершенный гражданско-правовой деликт в виде причинения вреда жизни, здоровью, имуществу личности или имуществу юридического лица эксплуатацией ВАТС, заключающегося в применении к правонарушителю предусмотренных нормами гражданского права неблагоприятных последствий имущественного характера, имеющих своей целью восстановление нарушенной имущественной сферы лица, которому был причинен вред.

Можно выделить следующие признаки гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный эксплуатацией ВАТС:

– это вид юридической ответственности,

⁸ В частности, предлагается предусмотреть в КоАП РФ «отдельную главу 12-1, в которой закрепить новые составы административных правонарушений, связанных с эксплуатацией ВАТС». Учеными обосновывается необходимость установления административной ответственности, закрепленной в нормах права, за следующие правонарушения: эксплуатацию ВАТС без специального разрешения; использование оборудования, не отвечающего требованиям безопасной эксплуатации; неправомерные действия по сертификации и выдаче разрешений; допуск к эксплуатации неисправного автомобиля; действия по вмешательству в программное обеспечение, не повлекшее тяжких последствий, и за ряд других составов административных правонарушений [6].

а именно особый ее вид – гражданско-правовая ответственность, основная цель которой – правовосстановительная, ответственность направлена на восстановление имущественной сферы лица, которому был причинен вред;

- эта ответственность носит компенсационный характер;

- данный вид ответственности наступает за совершение гражданско-правового деликта – причинения вреда эксплуатацией ВАТС;

- это вид и мера (у некоторых авторов – форма [7, с. 590]) государственно-правового принуждения, выражающегося для лица, причинившего вред, в лишениях имущественного характера в пользу лица, которому был причинен вред;

- данный вид ответственности возникает на основании императивных норм права, закрепленных в ГК РФ, а также иных нормативно-правовых актах, регулирующих имущественные, личные неимущественные, связанные и не связанные с имущественными отношения;

- данная ответственность наступает только в порядке и при наличии оснований, установленных законом, а также при отсутствии оснований, исключающих гражданско-правовую ответственность (непреодолимая сила, умысел потерпевшего или вина в виде грубой неосторожности потерпевшего, если вред причинен имуществу при отсутствии вины причинителя вреда (абз. 2 п. 1 ст. 1083 ГК РФ), выбытие ВАТС из обладания его владельца в результате противоправных действий других лиц (для производителя – внешнее противоправное вмешательство в программное обеспечение ВАТС других лиц));

- это внедоговорная ответственность;

- это ответственность за вред, причиненный особым видом источника повышенной опасности – эксплуатацией ВАТС.

Анализируя вопросы юридической ответственности за вред, причиненный эксплуатацией ВАТС, необходимо остановиться на общих основаниях привлечения к юридической ответственности, к которым относятся, во-первых, фактическое основание – сам факт совершения того или иного правонарушения (в данном случае – гражданско-правового деликта – причинения вреда ВАТС как источником повышенной опасности); во-вторых, юридическое основание: а) нормативно-правовое – наличие нормы права, которая предусматривает правонарушение и устанавливает правовые последствия за совершение данного деяния; б) индивидуально-правовое – наличие

правоприменительного акта, содержащего конкретные вид и меру юридической ответственности.

Поскольку особенностью рассматриваемого вида ответственности является то, что она наступает за вред, причиненный эксплуатацией ВАТС как источником повышенной опасности, необходимо проанализировать данное понятие.

ТЕОРИИ ИСТОЧНИКА ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ

В науке гражданского права можно выделить несколько подходов к пониманию источника повышенной опасности, которое имеет большое значение для квалификации возникших гражданско-правовых отношений как обязательств из внедоговорного причинения вреда и совершенного правонарушения как специального вида гражданско-правового деликта. Все точки зрения можно объединить в две большие группы: монистический и плюралистический подходы к анализу понятия «источник повышенной опасности».

Рассмотрим вначале монистические концепции источника повышенной опасности, согласно которым в качестве источника повышенной опасности в любых правоотношениях может быть только что-то одно: либо определенная деятельность (деятельностная теория), либо предметы материального мира (объектная теория), либо свойства предметов (теория свойств).

С позиции первого подхода источник повышенной опасности ассоциируется с деятельностью: «проявление исключительно в деятельности (использовании, в том числе организационном) свойств и характеристик природных или созданных человеком предметов материального мира, обладающих особой вредоносностью и не поддающихся полному контролю со стороны человека» [8, с. 577–578].

Представители второго подхода исходят из того, что под источником повышенной опасности следует понимать сами предметы материального мира, представляющие опасность для окружающих, обладающие особыми специфическими количественными и качественными характеристиками, в силу которых владение (пользование, хранение и т. д.) ими связано с повышенной опасностью (объективной возможностью умаления личных или имущественных благ) для окружающих [9, с. 33].

Согласно третьему подходу, существующему в рамках монистической концепции,

в качестве источника повышенной опасности необходимо рассматривать не сами предметы материального мира, вещи, а «свойства вещей»: он представляет собой «свойства вещей или силы природы, которые при достигнутом уровне развития техники не поддаются полностью контролю человека ... создают высокую степень вероятности причинения вреда жизни и здоровью человека либо материальным благам» [10, с. 132].

При этом каждый из представителей того или иного подхода пытается обосновать истинность своих взглядов на источник повышенной опасности и аргументировать несостоятельность иных теорий. Но нельзя при всем многообразии существующих в обществе отношений и разнообразии обстоятельств понимать источник повышенной опасности только в каком-то одном смысле, поэтому объективно возникает потребность в появлении плюралистических концепций источника повышенной опасности.

К плюралистическим теориям источника повышенной опасности можно отнести «теорию повышенно опасной подвижной среды» и «смешанную теорию» источника повышенной опасности. В оригинальном подходе, в основе которого лежит идея рассмотрения источника повышенной опасности как «повышенно опасной подвижной среды», признается в качестве него «определенная обстановка, нахождение в которой (а равно в непосредственной близости с ней) создает повышенную вероятность причинения имущественного вреда человеку, имуществу физических или юридических лиц» [11, с. 84]. Рассматривая обстановку как совокупность условий и обстоятельств, в которых происходит что-либо, можем прийти к выводу о плюралистическом подходе к рассмотрению источника повышенной опасности.

Для преодоления существующих в юридической науке разногласий относительно понимания источника повышенной опасности в рамках плюралистической концепции была предложена так называемая «смешанная теория», при характеристике источника повышенной опасности учитывающая как объекты материального мира (находящиеся в обладании, использовании или распоряжении субъекта права предметы природы, продукты труда), так и деятельность (правомерная, заключающаяся в использовании источников повышенной опасности – объектов, которая либо создает повышенную опасность, либо связана с повышенной

опасностью для окружающих; неправомерная, заключающаяся в использовании источников повышенной опасности – объектов) [12, с. 56].

В интерпретационной практике Верховного Суда РФ была выработана дефиниция, близкая к первому из названных доктринальных подходов: в качестве источника повышенной опасности Пленум Верховного Суда РФ рассматривает «любую деятельность, осуществление которой создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека, а также деятельность по использованию, транспортировке, хранению предметов, веществ и других объектов производственного, хозяйственного или иного назначения, обладающих такими же свойствами»⁹.

Но при осуществлении правотворческой деятельности законодатель, закрепляя ответственность за причинение вреда деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих, в п. 2. ст. 1079 ГК РФ говорит о «владельце источника повышенной опасности», с точки зрения правил русского языка «владеть» деятельностью нельзя, ее можно «осуществлять», «проводить», ею можно «заниматься», следовательно, здесь понимание источника повышенной опасности ближе ко второму подходу, рассматривающему его как «предметы материального мира». В качестве аргумента в пользу этого можно воспользоваться и логическим, и системным, и специально-юридическим способами толкования правовых норм: в абз. 2 п. 1 ст. 1079 ГК РФ при определении причинителя вреда упоминаются лица, владеющие источником повышенной опасности на праве собственности, праве хозяйственного ведения или оперативного управления либо ином законном основании. Данный контекст свидетельствует о понимании источника повышенной опасности как предмета материального мира.

Представляется наиболее обоснованной «смешанная теория» источника повышенной опасности, представленная в работе В.В. Долинской [12]. Ее позиция подтверждается и сложившейся судебной практикой. Например, Верховный Суд РФ, рассматривая дело, связанное с причинением вреда источником повышенной опасности, определил, что

⁹ О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 3, п. 18.

«установленный на строительном объекте башенный кран и/или его эксплуатация являются источниками повышенной опасности»¹⁰.

Изучив две группы подходов – монистический и плюралистический, – можно прийти к выводу, что наиболее целесообразным является выбор плюралистического подхода, признающего существование различных видов источника повышенной опасности в зависимости от обстоятельств, в качестве которых могут выступать и предметы материального мира, и их вредоносные свойства, и деятельность, создающая повышенную опасность для окружающих. Нужно отметить наличие неразрывной взаимосвязи между этими тремя видами источников повышенной опасности. Без своих вредоносных свойств ни один предмет материального мира, не будучи включенным в человеческую деятельность, не будет признан источником повышенной опасности. Но и деятельность, чтобы быть признанной источником повышенной опасности, должна включать в качестве своего структурного элемента предмет деятельности, так как деятельность носит предметный характер и при осуществлении ее должен присутствовать признак вредоносности.

Высокоавтоматизированное транспортное средство как источник повышенной опасности

С точки зрения «смешанной теории» в качестве источника повышенной опасности можно рассматривать и сам беспилотный автомобиль (предмет материального мира), и деятельность, связанную с эксплуатацией ВАТС, и даже программное обеспечение, функционирующее на основе технологий искусственного интеллекта, используемое для управления беспилотным автомобилем¹¹, что свидетельствует о более высокой степени опасности беспилотного автомобиля по сравнению с транспортом, которым управляет водитель [13].

Для характеристики беспилотного

автомобиля как источника повышенной опасности может быть использована теория «сложного, комплексного объекта», что обусловлено необходимостью учесть взаимосвязь самого транспортного средства и программного обеспечения для его беспилотного управления.

Например, в первом упомянутом нами ДТП с участием беспилотного автомобиля компании Uber, повлекшим гибель пешехода, одной из причин происшествия был конфликт программного обеспечения, изначально установленного на автомобилях «Вольво» (оно, вероятнее всего, могло предотвратить наезд на пешехода, но в целях чистоты эксперимента было отключено тестировщиками ВАТС), и программного обеспечения, необходимого для беспилотного управления, на котором был установлен более высокий порог отбрасывания ложных срабатываний (разработчики настроили порог так, что алгоритмы восприятия автомобиля приняли пешехода с велосипедом за препятствие, которое можно игнорировать). Если бы разработчики сделали порог отбрасывания ложных срабатываний низким, ВАТС мог бы в определенных ситуациях (смог, туман) вообще не тронуться с места: информация с сенсоров показывала бы, что на дороге есть препятствие. Это алгоритмический компромисс, который очень тяжело преодолеть без сильного искусственного интеллекта¹².

Оснащение ВАТС технологиями распознавания образов, которые не всегда правильно интерпретируют движущиеся объекты в силу различных обстоятельств, также повышает вероятность причинения вреда. Особенностью сложного объекта будет являться то, что выход из строя или сбой любого из составляющих компонентов может привести к выходу из-под контроля всего существующего сложного объекта (например, лидары плохо работают при осадках, что может стать причиной ДТП). Сложные объекты, в частности ВАТС, имеют более высокую степень опасности, чем обычные транспортные средства, более высокий риск причинения вреда и требуют больших усилий для осуществления контроля за их функционированием.

Относительно рассмотрения характеристик беспилотного транспортного средства и программного обеспечения, используемого в беспилотном автотранспорте, как источников повышенной опасности можно обозначить

¹⁰ Определение Верховного Суда РФ от 20.12.2019 № 310-ЭС19-23244 по делу № А14-24271/2018 // Позиции высших судов. Ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 20.06.2022).

¹¹ См., например: Куликов В. Почему роботов предложили приравнять к источникам повышенной опасности [Электронный ресурс] // Российская газета. 2018. 1 дек. URL: <https://rg.ru/2018/11/28/pochemu-robotov-predlozhili-priravniat-k-istochnikam-povyshennoj-opasnosti.html> (дата обращения: 11.07.2022).

¹² Буйвал А. Пять проблем беспилотного транспорта. // Национальная технологическая инициатива. Новости. 2019. 7 фев. [Электронный ресурс]. URL: https://ntinews.ru/in_progress/likbez/5-problem-bespilotnogo-transporta.html (дата обращения: 11.07.2022).

присутствие системы таких признаков, как наличие повышенной вероятности причинения вреда, наличие повышенных вредоносных свойств, невозможность осуществления полного контроля над ВАТС со стороны человека.

Вредоносность беспилотных транспортных средств демонстрируется на примерах ДТП с участием беспилотного транспорта. Эксплуатация ВАТС может привести к причинению вреда жизни, здоровью или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица. Например, ошибки в разработке программного обеспечения могут повлечь причинение вреда личности или имуществу третьих лиц. Кроме того, нужно учитывать, что общественные отношения динамичны, постоянно развиваются, могут появляться новые виды участников дорожного движения, которые изначально не могли быть предусмотрены при разработке программного обеспечения, сенсоры беспилотного автомобиля при встрече с ними могут не распознать в них участников дорожного движения. Так, до недавнего времени не было таких участников дорожного движения, которые передвигаются на электросамокатах, электроскейтбордах, гироскутерах и иных средствах индивидуальной мобильности. Разработчикам невозможно предсказать появление каких-либо новых видов средств передвижения, не существующих сейчас, но которые могут появиться в ближайшем будущем. А это может быть причиной причинения вреда таким участникам дорожного движения эксплуатацией ВАТС.

В признаке повышенной вероятности причинения вреда «выражается повышенный риск наступления неблагоприятных последствий в связи с использованием того или иного объекта. Для эксплуатации создаются специальные акты, которые содержат правила, предполагающие наиболее безопасное и эффективное использование, и несоблюдение этих правил в большинстве случаев приводит к причинению вреда» [1, с. 387]. Например, не обновленное вовремя программное обеспечение может привести к сбою в работе ВАТС.

Следующей характеристикой ВАТС как источника повышенной опасности является невозможность осуществления полного и всеобъемлющего контроля над ним, даже если были предприняты все меры предосторожности. Этот признак обусловлен особенностями технических характеристик ВАТС и особенностями функционирования программного обеспечения, представляющих опасность для жизни, здоровья и имущества граждан и имущества юридических лиц.

Управление ВАТС осуществляется «автоматизированной системой вождения – техническим средством, обеспечивающим динамическое управление» ВАТС, то есть «выполнение в реальном времени всех оперативных и тактических функций, необходимых для передвижения транспортного средства, контроль за условиями дорожного движения, реагирование на события, происходящие в дорожно-транспортной обстановке, а также планирование и сигнализацию маневров» (п. 1 ст. 2 законопроекта о ВАТС). Отсюда следует, что после активации беспилотного автомобиля все оперативные и тактические функции, необходимые для передвижения ВАТС, осуществляются не человеком, а автоматизированной системой вождения. В этом случае человеку трудно обеспечить полный и всеобъемлющий контроль за функционированием ВАТС. Непредсказуемость изменения обстановки, в которой осуществляется беспилотное вождение, вызывает и непредсказуемость функционирования ВАТС, над которым даже оператор не может сохранить полный контроль. Диспетчер (оператор) разработает определенный маршрут движения ВАТС, начальную и конечную точку маршрута, но он не может предвидеть конкретных условий маршрута, возможных появлений внезапных препятствий, которые могут привести к ДТП и причинению вреда. Разработчик программного обеспечения не может заложить в него все возможные варианты ситуаций, которые могут сложиться в процессе движения ВАТС, поэтому неизбежно в практике будут встречаться области автономного принятия решения. Варианты данного решения будут зависеть от того, какое машинное обучение предварительно прошел искусственный интеллект, используемый в ВАТС, не было ли произведено несанкционированного вмешательства в функционирование программного обеспечения. При создании программного обеспечения разработчик преследует цель обеспечить безопасное автоматизированное управление транспортным средством в соответствии с существующими ПДД, но он не может предусмотреть все конкретные многообразные варианты функционирования ВАТС, что является одной из причин возможных сбоев. Кроме того, технологии слабого искусственного интеллекта, используемые в ВАТС, все еще несовершенны, могут существовать различные технические, программные ошибки, возможны сбои в работе автоматизированной системы вождения.

**ОСОБЕННОСТИ
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД,
ПРИЧИНЕННЫЙ ЭКСПЛУАТАЦИЕЙ
ВЫСОКОАВТОМАТИЗИРОВАННЫХ
ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ:
ОСНОВАНИЯ И УСЛОВИЯ**

Отнесение деятельности, связанной с эксплуатацией БАТС, к источнику повышенной опасности предполагает повышенную гражданско-правовую ответственность владельца источника повышенной опасности, особенностью которой является то, что в составе данного гражданско-правового деликта наличия вины не требуется: «владелец источника повышенной опасности обязан возместить вред потерпевшему независимо от того, виновен он в причинении вреда или нет» [14, с. 1123]. Отличительной характеристикой внедоговорных гражданско-правовых обязательств, возникших из причинения вреда деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих, является то, что в отношении причинителя вреда действует правовая презумпция – презумпция вины¹³.

Как уже отмечалось, ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих, является разновидностью внедоговорной ответственности, которая возникает между лицами, не состоящими друг с другом в договорных отношениях, из оснований, предусмотренных законом.

Фактическим основанием данного вида гражданско-правовой ответственности выступает совершение лицом гражданско-правового деликта, который с объективной стороны состава правонарушения заключается в причинении вреда деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих (а в данном конкретном случае – деятельностью, связанной с эксплуатацией БАТС). Кроме того, к объективной стороне состава данного гражданско-правового деликта будет относиться и наличие причинно-следственной связи между эксплуатацией БАТС и возникшим вредом, а также сам вред, причиненный личности или имуществу гражданина или имуществу юридического лица.

С субъективной стороны состава данного гражданско-правового деликта особенностью

выступает то, что вина не является обязательным его признаком. И если общими условиями гражданско-правовой ответственности являются наличие вреда или убытков, противоправность деяния, совершенного правонарушителем, наличие причинно-следственной связи между совершенным противоправным деянием и причинением вреда или убытков и наличие вины правонарушителя, то в случае с ответственностью за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих, ответственность наступает независимо от вины причинителя вреда.

Таким образом, условиями ответственности за вред, причиненный эксплуатацией БАТС, будут выступать: деяние в виде противоправного причинения вреда БАТС (при этом во всех внедоговорных обязательствах любое причинение вреда презюмируется противоправным); наличие вреда личности гражданина или имуществу (гражданина либо юридического лица); наличие причинно-следственной связи между деянием владельца БАТС и наступившим вредом. При этом «вред подлежит возмещению независимо от того, виновен владелец источника повышенной опасности в причинении вреда или нет ... возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности, базируется не на системе вины, а на системе риска. Неблагоприятные имущественные последствия даже случайного причинения вреда источником повышенной опасности возлагаются на владельца этого источника» [15, с. 464].

**СУБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД,
ПРИЧИНЕННЫЙ ЭКСПЛУАТАЦИЕЙ
ВЫСОКОАВТОМАТИЗИРОВАННЫХ
ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ**

Большое значение для характеристики рассматриваемого гражданско-правового деликта имеет характеристика субъекта правонарушения. Необходимо определить, кто будет нести ответственность за вред, причиненный эксплуатацией БАТС. Согласно ст. 1079 ГК РФ «обязанность возмещения вреда возлагается на юридическое лицо или гражданина, которые владеют источником повышенной опасности на праве собственности, праве хозяйственного ведения или праве оперативного управления либо на ином законном основании». В силу ст. 1068 и 1079 ГК РФ не будет выступать в качестве владельца источника повышенной опасности, а значит

¹³ См., например: Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Татарстан от 04.02.2021 по делу № 33-1748/2021 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» (дата обращения: 12.07.2022).

и субъекта ответственности, лицо, управляющее беспилотным транспортным средством в силу исполнения своих трудовых (служебных, должностных) обязанностей на основании трудового договора (служебного контракта) с собственником или иным владельцем источника повышенной опасности. В данном случае за причинение вреда эксплуатацией ВАТС ответственность будет нести владелец ВАТС, а не его оператор, который находится в трудовых отношениях с владельцем ВАТС¹⁴.

Относительно владельца источника повышенной опасности, в том числе ВАТС, необходимо отметить, что он должен обладать в совокупности двумя признаками: юридическим (наличие гражданско-правовых оснований владения, например, заключение договора каршеринга, выдача доверенности на право управления ВАТС) и материальным (фактическое владение ВАТС).

Итак, согласно действующему законодательству (ст. 1079 ГК РФ) субъектом гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный эксплуатацией ВАТС как источником повышенной опасности, выступает его владелец. Но при правовом регулировании данного вида общественных отношений необходимо учитывать специфику этой разновидности источника повышенной опасности – оснащение ВАТС программным обеспечением, основанным на технологии искусственного интеллекта, позволяющим осуществлять управление в автоматическом режиме. Поэтому кроме владельца ВАТС в качестве лица, ответственного за вред, причиненный в результате эксплуатации ВАТС, необходимо рассматривать и его производителя. Для этого целесообразно в обсуждаемый проект

закона «О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» внести изменения, предусматривающие ссылку на ст. 1079 ГК РФ, а также добавить специальную норму об ответственности изготовителя (производителя) ВАТС.

Что касается вида гражданско-правовой ответственности в зависимости от способа ее распределения между производителем ВАТС и владельцем ВАТС, представляется, что в интересах лиц, которым был причинен вред, владелец ВАТС и производитель ВАТС должны отвечать солидарно. В силу ст. 323 ГК РФ у субъектов права, которым был причинен вред эксплуатацией ВАТС, будет право требования исполнения обязательства по возмещению причиненного им вреда как от обоих обязанных лиц (и владельца ВАТС, и производителя ВАТС), так и от любого из них в отдельности, притом как полностью, так и в части долга.

Неделимость, совместность ответственности и производителя, и владельца ВАТС будет вытекать из необходимости принять во внимание тот факт, что в ВАТС в тесной взаимосвязи находятся как само транспортное средство, так и обеспечивающее динамическое управление им на основе технологий искусственного интеллекта техническое средство, соединенные так, что это предполагает их использование по общему назначению (ст. 143 ГК РФ).

Для обоснования необходимости рассматривать в качестве ответственного субъекта производителя ВАТС можно привести и аргумент, используемый авторами в отношении признания субъектами ответственности производителей роботов и программ, использующих технологии искусственного интеллекта, считающими, что здесь «можно использовать аналогию с некачественной продукцией». На основании ст. 1095 ГК РФ они делают заключение, что «вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу гражданина либо имуществу юридического лица вследствие конструктивных, рецептурных или иных недостатков AI-робота либо AI-программного комплекса ЭВМ, а также вследствие недостоверной или недостаточной информации об искусственном интеллекте, подлежит возмещению: 1) продавцом или 2) изготовителем, независимо от их вины и от того, состоял потерпевший с ними в договорных отношениях или нет» [16, с. 92].

Совершенствованию и оптимизации правового регулирования в данной сфере может

14 «На лицо, исполнявшее свои трудовые обязанности на основании трудового договора (служебного контракта) и причинившее вред жизни или здоровью в связи с использованием транспортного средства, принадлежавшего работодателю, ответственность за причинение вреда может быть возложена лишь при условии, если будет доказано, что оно завладело транспортным средством противоправно (п. 2 ст. 1079 ГК РФ).

Юридическое лицо или гражданин, возместившие вред, причиненный их работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей на основании трудового договора (служебного контракта) или гражданско-правового договора, вправе предъявить требования в порядке регресса к такому работнику – фактическому причинителю вреда в размере выплаченного возмещения, если иной размер не установлен законом (п. 1 ст. 1081 ГК РФ)» (О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 3, п. 19)

способствовать анализ проблем правового регулирования юридической ответственности за вред, причиненный эксплуатацией ВАТС, с позиций правовой технологии, в частности с точки зрения структуры правовой технологии. Так, В.Н. Карташев в качестве важнейших частей юридической технологии называет юридическую технику, стратегию и тактику [17, с. 22]. Эффективность правового регулирования будет зависеть от пропорционального развития каждой из названных частей правовой технологии. И если в отношении юридической стратегии в правовой системе Российской Федерации в рассматриваемой нами сфере уже есть определенные достижения, то юридическая техника и тактика еще оставляют желать лучшего [18, с. 108].

В современных исследованиях, посвященных проблемам правового регулирования гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный эксплуатацией ВАТС, можно выделить три основные точки зрения.

Одни авторы считают, что никаких изменений в действующее гражданское законодательство вносить нет необходимости, существующих в ГК РФ норм достаточно, чтобы определить основания и условия ответственности за вред, причиненный деятельностью, связанной с эксплуатацией ВАТС, поскольку данная деятельность относится к источникам повышенной опасности и в необходимой мере уже урегулирована действующим ГК РФ.

Другая группа исследователей отстаивает точку зрения, согласно которой «регламентация деликтной ответственности по существующим нормам Гражданского кодекса РФ не представляется возможным, поэтому требуется введение специальных норм, регулирующих данный тип правоотношений»¹⁵[2].

Представители третьей позиции придерживаются мнения, что на данный момент, пока на дорогах используются лишь беспилотные транспортные средства со вторым, третьим, реже – с четвертым уровнем автономности, существенного изменения гражданского законодательства не требуется, но в будущем, когда развитие технологий позволит повсеместно эксплуатировать на дорогах общего пользования беспилотные автомобили с пятым уровнем автономности, не предполагающим нахождения оператора в салоне автомобиля, потребуется создание специализированных норм права, посвященных регулированию

обязательственных отношений, возникших из причинения вреда деятельностью, связанной с эксплуатацией беспилотных транспортных средств. Поэтому юридическая наука уже сейчас должна прогнозировать основные тенденции развития данной группы общественных отношений и предлагать варианты их урегулирования в будущем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблемы правового регулирования юридической ответственности за вред, причиненный эксплуатацией беспилотных (автономных, высокоавтоматизированных) транспортных средств в Российской Федерации, на сегодняшний момент состоят в том, что до сих пор не принят федеральный закон «О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», работа над которым идет уже длительное время; в проекте данного федерального закона не предусмотрено специальных норм права об ответственности за вред, причиненный эксплуатацией ВАТС; ст. 11 четвертой редакции законопроекта, касающаяся юридической ответственности, носит бланкетный характер, отсылая правоприменителя к действующему законодательству, в котором тоже пока не закреплено норм права, регламентирующих особенности юридической ответственности за вред, причиненный эксплуатацией ВАТС; в законопроекте не предусмотрена ссылка на ст. 1079 ГК РФ, закрепляющую ответственность за причинение вреда деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих; не разработана концепция солидарной ответственности владельца и производителя ВАТС за вред, причиненный эксплуатацией ВАТС; не до конца проработаны вопросы страхования риска гражданско-правовой ответственности производителя и владельца ВАТС.

Пути решения обозначенных проблем будут являться: дальнейшее совершенствование законопроекта о ВАТС с привлечением к его обсуждению специалистов в области права, информатики, транспорта, искусственного интеллекта и машинного обучения, а в последующем – принятие закона о ВАТС; разработка предложений по внесению изменений в нормативно-правовые акты (УК РФ, КоАП РФ, ГК РФ, ПДД и др.), которые будут связаны с федеральным законом о ВАТС; более четкая проработка вопросов юридической ответственности за вред, причиненный

¹⁵ Цитата приведена с сохранением орфографии оригинала. – Прим. ред.

эксплуатацией ВАТС как источником повышенной опасности; детальная разработка положений законопроекта, касающихся прав и обязанностей всех участников отношений, связанных с эксплуатацией ВАТС; закрепление на уровне закона круга субъектов, которые должны нести ответственность за причинение вреда эксплуатацией ВАТС как источником повышенной опасности, с обязательным включением в их число производителя ВАТС, который должен нести солидарную гражданско-правовую ответственность наряду с владельцем ВАТС; законодательное закрепление гарантий для потребителей при оказании услуг по перевозке пассажиров и багажа; более четкая регламентация общественных отношений, связанных со страхованием риска гражданско-правовой ответственности владельца ВАТС и его производителя.

Науке гражданского права необходимо разработать теоретические положения об особенностях гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный эксплуатацией ВАТС, рассматривая ее как вид и меру государственно-правового принуждения за совершенный гражданско-правовой деликт в виде причинения вреда жизни, здоровью, имуществу личности или имуществу юридического лица эксплуатацией ВАТС, заключающуюся в применении к правонарушителю предусмотренных нормами гражданского права неблагоприятных последствий имущественного характера, имеющих своей целью восстановление нарушенной имущественной сферы лица, которому был причинен вред. Данный вид ответственности обладает своими особенностями:

- во-первых, особенностями субъектного характера: шире круг субъектов ответственности;
- во-вторых, спецификой субъективной стороны состава гражданско-правового деликта: отсутствие необходимости наличия вины обязанных субъектов для привлечения их к внедоговорной ответственности за вред, причиненный эксплуатацией ВАТС как источником повышенной опасности;
- в-третьих, особенностями условий привлечения к ответственности: достаточно наличия лишь трех условий: противоправности деяния по причинению вреда; наличия вреда жизни, здоровью, имуществу личности или имуществу юридического лица и причинно-следственной связи между совершенным деянием и причиненным вредом;
- в-четвертых, спецификой оснований, включающих ответственность: непреодолимая

сила, умышленная форма вины лица, которому причинен вред (или вина в виде грубой неосторожности потерпевшего, если вред причинен имуществу при отсутствии вины причинителя вреда), выбытие ВАТС из обладания его владельца в результате противоправных действий других лиц (или для производителя – внешнее противоправное вмешательство в программное обеспечение ВАТС других лиц);

– в-пятых, особенностями целей привлечения к ответственности: данный вид ответственности носит компенсационный, правовосстановительный характер;

– в-шестых, особенностями правовых последствий: их имущественный характер.

В связи с появлением беспилотных транспортных средств различной степени автономности и стремительным развитием систем искусственного интеллекта, используемых в ВАТС, необходимо изменение подходов законодателя к правовому регулированию отдельных сфер общественных отношений, в частности к правоотношениям, возникающим из причинения вреда источником повышенной опасности, к которым относится деятельность, связанная с эксплуатацией ВАТС. Необходимо скорректировать субъектный состав данных правоотношений, а именно состав обязанных субъектов. К субъектам ответственности за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих, помимо традиционно выделяемого субъекта – владельца источника повышенной опасности – необходимо отнести и изготовителя (производителя) ВАТС, поскольку данное транспортное средство можно охарактеризовать и как «сложный, комплексный объект», «сложный» источник повышенной опасности, выступающий таковым, и как транспортное средство, и как сложное техническое устройство, в управлении которого используется программное обеспечение, основанное на технологиях искусственного интеллекта. Особенностью условий юридической ответственности производителя также должно быть наступление ее вне зависимости от наличия или отсутствия вины.

Для нашего государства приоритетным в будущем должен стать именно этот подход, поскольку он позволит обеспечить большую степень защищенности граждан и юридических лиц, которым был причинен вред в результате эксплуатации ВАТС, что повысит уровень доверия населения к современным технологиям. Кроме того, признание производителя ВАТС в качестве еще одного субъекта гражданско-правовой ответственности за

вред, причиненный его эксплуатацией, позволит преодолеть трудности в определении степени вины владельца и производителя ВАТС и решить проблему с необходимостью ее доказывания, поскольку вина не будет являться обязательным условием для привлечения производителя и владельца ВАТС к ответственности за вред, причиненный эксплуатацией ВАТС как источника повышенной опасности. Производители ВАТС будут стараться как можно больше усилий направлять на предотвращение причинения вреда, качественное

тестирование программного обеспечения, с помощью которого будет осуществляться автоматизированное управление, установку наиболее безопасных и совершенных вариантов данного программного обеспечения, проявлять повышенную осмотрительность и бдительность.

Правотворческим органам Российской Федерации нужно стремиться создать механизм оптимального, справедливого распределения ответственности за вред, причиненный эксплуатацией ВАТС.

Список источников

1. Цветкова Е.С. Виды источников повышенной опасности в аспекте развития новых технологий / Е.С. Цветкова // Вопросы российской юстиции. – 2019. – № 1. – С. 385–401.
2. Пешкова А.Е. Субъекты гражданско-правовой ответственности, возникающей вследствие причинения вреда беспилотным транспортным средством / А.Е. Пешкова // Новый юридический вестник. – 2019. – № 5 (12). – С. 21–24. URL: <https://moluch.ru/th/9/archive/137/4428>.
3. Куфлева В.Н. Проблемные аспекты квалификации преступлений с использованием беспилотного транспортного средства / В.Н. Куфлева, Д.В. Соболев, В.В. Фирсов // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27 (1–4), № 3. – С. 335–342.
4. Чучаев А.И. Ответственность за причинение ущерба высокоавтоматизированным транспортным средством: состояние и перспективы / А.И. Чучаев, С.В. Маликов // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 6 (103). – С. 117–124.
5. Тыдыкова Н.В. Об уголовной ответственности за вред, причиненный в ходе эксплуатации высокоавтоматизированных и беспилотных транспортных средств / Н.В. Тыдыкова // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 471. – С. 264–270.
6. Мартынов А.В. Перспективы установления административной ответственности в сфере эксплуатации беспилотных автомобилей / А.В. Мартынов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 11. – С. 42–55.
7. Гражданское право : в 4 т. Т. 1. Общая часть : учебник / В.С. Ем и др. ; отв. ред. Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб и доп. – Москва : Волтерс Клувер, 2006. – 720 с.
8. Гражданское право : учебник : в 2 т. / Б.М. Гонгало и др. ; под ред. Б.М. Гонгало. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2021. – Т. 2. – 602 с.
9. Красавчиков О.А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности / О.А. Красавчиков. – Москва : Юрид. лит., 1966. – 200 с.
10. Флейшиц Е.А. Обязательства из причинения вреда и обязательства из неосновательного обогащения / Е.А. Флейшиц. – Москва : Госюридиздат, 1951. – 239 с.
11. Соломин С.К. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности / С.К. Соломин, Н.Г. Соломина. – Москва : Юстицинформ, 2019. – 140 с.
12. Долинская В.В. Источники повышенной опасности / В.В. Долинская // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009. – № 9. – С. 48–56.
13. Антонов А.А. Искусственный интеллект как источник повышенной опасности / А.А. Антонов // Юрист. – 2020. – № 7. – С. 69–74.
14. Российское гражданское право : в 2 т. Т. 2. Обязательственное право / Е.А. Суханов и др. ; отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., стер. – Москва : Статут, 2011. – 1208 с.

REFERENCES

1. Tsvetkova E.S. Types of high-risk sources in the aspect of new technologies development. *Voprosy rossijskoj yusticii = Issues of Russian Justice*, 2019, no. 1, pp. 385–401. (In Russian).
2. Peshkova A.E. Subjects of civil liability arising from damage caused by an unmanned vehicle. *Novyj yuridicheskij vestnik = New Legal Gazette*, 2019, no. 5 (12), pp. 21–24. Available at: <https://moluch.ru/th/9/archive/137/4428>.
3. Kufleva V.N., Sobolev D.V., Firsov V.V. Problematic aspects of crimes qualification with the use of unmanned vehicle. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Man: Crime and Punishment*, 2019, vol. 27 (1–4), no. 3, pp. 335–342. (In Russian).
4. Chuchaev A.I., Malikov S.V. Responsibility for causing harm by a highly automated vehicle: state and perspectives. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2019, no. 6 (103), pp. 117–124. (In Russian).
5. Tydykova N.V. On Criminal Responsibility for Damage Caused During the Operation of Highly Automated and Unmanned Vehicles. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2021, no. 471, pp. 264–270. (In Russian).
6. Martynov A.V. Prospects for establishing administrative responsibility in the field of operation of unmanned vehicles. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2019, no. 11, pp. 42–55. (In Russian).
7. Em V.S., Kozlova N.V., Korneev S.M., Sukhanov E.A., Sherstobitov A.E.; Sukhanov E.A. (ed.). *Grazhdanskoe pravo [Civil law]*. 3rd ed. Moscow, Volters Kluver Publ., 2006. Vol. 1. 720 p.
8. Gongalo B.M., Alekseeva O.G., Aminov E.R., Bando M.V., Bryuhov R.B., Valeeva N.G., Vaseva Yu.N. et al. ; Gongalo B.M. (ed.). *Grazhdanskoe pravo [Civil law]*. 4th ed. Moscow, Statut Publ., 2021. Vol. 2. 602 p.
9. Krasavchikov O.A. *Vozmeshchenie vreda, prichinennogo istochnikom povyshennoj opasnosti [Compensation for harm caused by a source of increased danger]*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1966. 200 p.
10. Fleishits E.A. *Obyazatel'stva iz prichineniya vreda i obyazatel'stva iz neosnovatel'nogo obogashcheniya [Obligations from causing harm and obligations from unjust enrichment]*. Moscow, Gosyuridizdat Publ., 1951. 239 p.
11. Solomin S.K., Solomina N.G. *Vozmeshchenie vreda, prichinennogo istochnikom povyshennoj opasnosti [Compensation for harm caused by a source of increased danger]*. Moscow, Yusticinform, 2019. 140 p.
12. Dolinskaya V.V. Sources of increased danger. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2009, no. 9, pp. 48–56. (In Russian).
13. Antonov A.A. Artificial intelligence as a source of increased danger. *Yurist = Jurist*, 2020, no. 7, pp. 69–74. (In Russian).

15. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй : в 3 т. / П.В. Крашенинников и др. ; под ред. П.В. Крашенинникова. – Москва : Статут, 2011. – Т. 3. – 574 с.

16. Лаптев В.А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу / В.А. Лаптев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 2. – С. 79–102.

17. Карташов В.Н. Юридическая техника, тактика, стратегия и технология (к вопросу о соотношении) / В.Н. Карташов // Проблемы юридической техники : сб. ст. / под ред. В.М. Баранова. – Нижний Новгород, 2000. – С. 16–23.

18. Березина Е.А. Правовые технологии нормативного регулирования общественных отношений, связанных с эксплуатацией автономных (беспилотных) транспортных средств / Е.А. Березина // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 6 (145). – С. 104–109.

14. Sukhanov E.A., Vitryansky V.V., Em V.S., Kozlova N.V., Korneev S.M., Martyanova T.S., Pankratov P.A. et al.; Sukhanov E.A. (ed.). Rossijskoe grazhdanskoe pravo [Russian civil law]. 2nd ed. Moscow, Statut Publ., 2011. Vol. 2. 1208 p.

15. Krashennnikov P.V., Bandurina N.V., Bibikov A.I., Vavilin E.V., Vaskevich V.P., Golovina S.Yu., Gongalo B.M. et al.; Krashennnikov P.V. (ed.). Postatejnyj kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii, chasti vtoroj [Article-by-article commentary to the Civil Code of the Russian Federation, part two]. Moscow, Statut Publ., 2011. Vol. 3. 574 p.

16. Laptev V.A. Artificial intelligence and liability for its work. Pravo. Zhurnal Vysshej shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics, 2019, no. 2, pp. 79–102. (In Russian).

17. Kartashov V.N. Legal technique, tactics, strategy and technology (to the question of correlation). In Baranov V.M. (ed.). Problemy yuridicheskoy tekhniki. Sbornik statej [Problems of legal technique. Digest of articles]. Nizhny Novgorod, 2000, pp. 16–23. (In Russian).

18. Berezina E.A. Technologies of law of normative regulation of social relations related to the use of autonomous (driverless) vehicles. Evrazijskij yuridicheskij zhurnal = Eurasian Law Journal, 2020, no. 6 (145), pp. 104–109. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Березина Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Berezina Elena Aleksandrovna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, Ural State Law University.

Статья поступила в редакцию 24.06.2022; одобрена после рецензирования 25.07.2022; принята к публикации 27.07.2022. The article was submitted 24.06.2022; approved after reviewing 25.07.2022; accepted for publication 27.07.2022.

Научная статья
УДК 347.1
DOI 10.33184/pravgos-2022.3.7

ГИБАДУЛЛИНА Алиа Аслямовна
Управление Федеральной службы
государственной регистрации, кадастра
и картографии по Республике Башкортостан,
Уфа, Россия;
e-mail: gibadullina.aa@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0001-6717-090X>

ГАЙМАЛЕЕВА Айсылу Тагировна
Башкирский государственный университет,
Уфа, Россия;
e-mail: lillas@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-6892-0749>

КОРОЛЁВА Дарья Владимировна
Башкирский государственный университет,
Уфа, Россия;
e-mail: praktika.gp@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-8492-8871>

Original article

GIBADULLINA Aliya Aslyamovna
Department of the Federal Service for
State Registration, Cadastral Records and
Cartography in the Republic of Bashkortostan,
Ufa, Russia.

GAIMALEEVA Aysylu Tagirovna
Bashkir State University, Ufa, Russia.

KOROLYOVA Daria Vladimirovna
Bashkir State University, Ufa, Russia.

К ВОПРОСУ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ВЫЯВЛЕНИЯ И УЧЕТА ВЫМОРОЧНОГО НЕДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА

ON THE ISSUE OF IMPROVING THE MECHANISM FOR IDENTIFYING AND ACCOUNTING
FOR ESCHEATED REAL ESTATE

Аннотация. Порядок наследования и учета выморочного имущества, переходящего по закону в собственность Российской Федерации, а также порядок передачи его в собственность субъектов Российской Федерации или в собственность муниципальных образований должен определяться законом, как это указано в п. 3 ст. 1151 ГК РФ. Однако с момента введения в действие третьей части ГК РФ, то есть на протяжении более двадцати лет, отсутствует гражданско-правовая регламентация правоотношений, связанных с выморочным имуществом. Пандемия нового коронавируса (COVID-19), начавшаяся в 2020 г., добавила актуальности вопросам выявления и учета выморочного имущества. С одной стороны, актуальность связана с социальными последствиями пандемии в виде увеличения смертности, в результате чего увеличилось в том числе количество выморочного имущества, с другой стороны – с цифровизацией межведомственного взаимодействия между публично-правовыми образованиями, оцифровыванием больших объемов данных, находящихся в распоряжении публично-правовых образований, предоставлением государственных и муниципальных услуг в электронном виде, что может быть использовано при выявлении и учете выморочного недвижимого имущества. Цель: анализ вопросов совершенствования механизма выявления и учета выморочного имущества. В частности, особый интерес вызывает выморочное недвижимое имущество как один из видов вещей, представляющих ценность для гражданского оборота. Методы: эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации, анализа и синтеза; частнонаучные методы: юридико-догматический и толкования пра-

Abstract. The procedure for the inheritance and accounting for escheated property transferred by law to the ownership of the Russian Federation, as well as the procedure for its transfer to the ownership of constituent entities of the Russian Federation or to the ownership of municipalities, shall be determined by law, as specified in paragraph 3 of Article 1151 of the Civil Code of the Russian Federation. However, since the entry into force of the third part of the Civil Code of the Russian Federation, that is, more than twenty years, there has been no civil law regulation of legal relations related to escheated property. The new coronavirus pandemic (COVID-19), which began in 2020, has added urgency to the issues of identifying and accounting for escheated property. On the one hand, the relevance is linked to the social consequences of the pandemic in terms of increased mortality, as a result of which the number of escheated property increased, on the other hand, it is linked to the digitization of interdepartmental interaction between public law entities, digitization of large volumes of data held by public law entities, provision of state and municipal services in electronic form, which can be used when identifying and accounting for escheated property. Purpose: to analyze the issues of improving the mechanism for identifying and accounting for escheated property. In particular, escheated real estate is of particular interest as one of the things of value for civil turnover. Methods: empirical methods of comparison, description, interpretation, analysis and synthesis; specific scientific methods: legal-dogmatic and interpretation of legal norms. Results: the study allows the authors to identify two vectors for accounting and identifying of escheated real estate. One of the vectors

© Гибадуллина А.А., Гаймалеева А.Т., Королёва Д.В., 2022

вовых норм. Результаты: исследование позволило определить два направления учета и выявления выморочной недвижимости. Один направлен на разработку и применение органами местного самоуправления модельных положений на примере положения об учете и выявлении выморочной недвижимости г. Москвы; второй – на цифровизацию взаимодействия органов нотариата с органами ЗАГС, органами регистрации прав и органами местного самоуправления для выявления и учета выморочного недвижимого имущества с применением цифровых технологий. Данные направления, несомненно, имеют своим посылом установление законности, правопорядка, баланса частных и публичных интересов на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: выморочное имущество, публично-правовое образование, нотариат, орган записи актов гражданского состояния, орган регистрации прав, наследник, цифровизация

Для цитирования: Гибадуллина А.А. К вопросу совершенствования механизма выявления и учета выморочного недвижимого имущества / А.А. Гибадуллина, А.Т. Гаймалева, Д.В. Королёва // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 3. – С. 56–62. DOI. 10.33184/pravgos-2022.3.7.

is aimed at the development and application of model provisions by local self-government bodies on the example of the regulations on the accounting and identification of escheated real estate in Moscow. The second vector is aimed at digitalizing interaction between notary bodies and civil registration bodies, as well as between rights registration bodies and local self-government bodies in order to identify and account for escheated real estate with the use of digital technologies. These vectors undoubtedly have as their premise the establishment of legality, law and order, balance in private and public interests in the Russian Federation.

Keywords: escheated property, public law education, notary, civil registration authority, rights registration authority, heir, digitalization

For citation: Gibadullina A.A., Gaimaleeva A.T., Korolyova D.V. On the issue of improving the mechanism for identifying and accounting for escheated real estate. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 3, pp. 56–62. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.7 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Принятие имущества умершего его наследниками традиционно закреплено в отечественном законодательстве в качестве права, а не обязанности лица: наследники сами решают, вступать им в наследство либо не участвовать в этом процессе по любым – личным или экономическим – причинам. Обратная ситуация закреплена в отношении выморочного имущества, то есть такого наследственного имущества, в отношении которого согласно п. 1 ст. 1151 ГК РФ отсутствуют наследники как по закону, так и по завещанию, либо никто из наследников не имеет права наследовать, либо все наследники отстранены от наследования, либо никто из наследников не принял наследства, либо все наследники отказались от наследства и при этом никто из них не указал, что отказывается в пользу другого наследника.

НАСЛЕДОВАНИЕ ВЫМОРОЧНОГО ИМУЩЕСТВА ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫМИ ОБРАЗОВАНИЯМИ

Принятие выморочного недвижимого имущества для муниципального образования, городов федерального значения – Москвы, Санкт-Петербурга, Севастополя – является обязанностью, а не правом. Это подтверждается как доктриной [1], так и особыми разъяснениями, изложенными в Постановлении Пленума Верховного Суда

РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»¹ (далее – Постановление № 9), в п. 50 которого закреплено, что при наследовании выморочного имущества отказ от наследства не допускается, при этом оно переходит в порядке наследования по закону в собственность соответственно Российской Федерации, муниципального образования, городов федерального значения в силу фактов, указанных в п. 1 ст. 1151 ГК РФ, со дня открытия наследства без акта принятия наследства и вне зависимости от оформления наследственных прав и их государственной регистрации.

Нормативно порядок наследования и учета выморочного имущества согласно п. 3 ст. 1151 ГК РФ должен быть определен законом, однако до сих пор закон, посвященный регулированию механизма выявления и учета выморочного имущества не принят, что влияет на эффективность управления и распоряжения им.

Особую актуальность проблема отсутствия правовой регламентации выявления и учета выморочной недвижимости получила с 2020 г. в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19), которая стала причиной увеличения числа наследственных правоотношений.

¹ О судебной практике по делам о наследовании : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 [Электронный ресурс] // Верховный Суд РФ : сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8296/?ysclid=l4b0a0kslb725459856> (дата обращения: 01.06.2022).

Тем не менее можно утверждать, что пандемия COVID-19 имела и определенное положительное значение: в России получил развитие процесс цифровизации взаимодействия государственных и муниципальных органов. Мы полагаем, что указанный процесс имеет большие перспективы для последующего совершенствования правового регулирования выявления и учета выморочного недвижимого имущества.

Как уже было отмечено в исследованиях Б.Л. Хаскельберга и В.В. Ровного [1], Б.Б. Черпахина [2], А.А. Демичева [3], публично-правовые образования как наследники выморочного имущества наделяются особым и исключительным статусом, отличающимся от положения других наследников по закону. Так, выморочное имущество признается принадлежащим публично-правовому образованию со дня открытия наследства при наступлении указанных в п. 1 ст. 1151 ГК РФ обстоятельств независимо об осведомленности об этом публично-правового образования и совершения им действий, направленных на учет такого имущества и оформление своего права.

Такого рода наследование объясняется самой правовой природой наследования выморочного имущества. Как справедливо отмечает А.А. Новиков [4], наследование выморочного имущества не связано с какой-либо очередностью. Публично-правовые образования всегда призываются к наследованию последними, поскольку вступление их в наследство возможно только в случае, если оставшееся после смерти наследодателя имущество не унаследовали наследники по завещанию или по закону. При призвании публично-правового образования к наследству у него сразу же возникает право на наследство. Публично-правовое образование выступает в качестве необходимого наследника или наследника по принуждению закона.

Также правовая природа наследования выморочного имущества связана с присущей для национального законодательства России универсальной правопреемственностью. Поэтому публично-правовые образования при наследовании выморочной недвижимости наследуют не только имущественные права, но и обязательства наследодателя. Н.Р. Плиев и Ф.З. Джикаева отмечают, что наследственное правопреемство также возлагает на наследников обязанность расплатиться с оставшимися долгами [5, с. 201]. При этом публично-правовые образования не являются исключением из данных правил правопреемства. Являясь наследниками, они несут ответственность

перед кредиторами наследодателя в пределах стоимости перешедшей наследственной массы.

Однако в правоприменительной сфере существует сложность с определением выморочности имущества и исполнением обязательств перед кредиторами наследодателя. Данная проблема вызвана, прежде всего, отсутствием отраслевого закона. Даже если де-факто выморочное имущество существует и у публично-правового образования возникает право собственности на него в силу закона, то действительность такова, что выморочная недвижимость остается «заброшенной» либо, как подтверждается судебной практикой, вовлекается в мошеннические схемы. Следовательно, бездействие публично-правовых образований может повлечь за собой определенные правовые последствия в виде безвозвратной утраты выморочной недвижимости, порождения незаконного гражданского оборота вещей.

В случаях же выявления такого имущества по истечении долгого времени запускается процесс истребования его у фактических владельцев в порядке ст. 302 ГК РФ. Однако изменения, внесенные в ГК РФ в январе 2020 г., установили невозможность истребования выморочной недвижимости публично-правовым образованием, если со дня приобретения первым добросовестным приобретателем выморочной недвижимости, внесенной в государственный реестр, прошло три года.

ВАРИАНТЫ РАЗРЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ВЫЯВЛЕНИЯ И УЧЕТА ВЫМОРОЧНОГО ИМУЩЕСТВА: ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ И ЦИФРОВИЗАЦИЯ

Как утверждал еще Г.Ф. Шершеневич, «необходимость охранных и управленческих мероприятий для охраны наследственного имущества, в рамках которых осуществляется учет имущества и обеспечивается его сохранность, совершенно очевидна» [6, с. 128].

Полагаем необходимым рассмотреть варианты возможного развития правового регулирования процесса выявления и учета выморочного имущества.

Одним из векторов развития является применение модельных муниципальных положений на всей территории Российской Федерации на примере порядка выявления выморочной недвижимости г. Москвы (далее – Постановление г. Москвы № 639). Согласно п. 3 данного документа префектурам административных округов г. Москвы совместно с Департаментом жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства города предписано обеспечить контроль за передачей

в Департамент жилищной политики и жилищного фонда г. Москвы сведений об умерших одиноких гражданах; о жилых помещениях, в которых более шести месяцев никто не проживает или проживают лица, не зарегистрированные в них; о жилых помещениях, в которых зарегистрированы одиноко проживающие граждане и за которые более шести месяцев не производится плата за содержание, коммунальные и иные услуги или оплата производится от имени умершего лица.

Также положениями Постановления г. Москвы № 639 предусмотрено, что Департамент жилищной политики и жилищного фонда г. Москвы по истечении шестимесячного срока со дня смерти собственника жилого помещения после получения паспортных данных умершего и сведений о государственной регистрации его смерти направляет запрос в Московскую городскую нотариальную палату о наличии открытого наследственного дела в отношении данного наследодателя и обращается к нотариусу с соответствующими документами. Для государственной регистрации права собственности г. Москвы Департамент жилищной политики и жилищного фонда г. Москвы обращается в Управление Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по г. Москве. Жилое помещение, перешедшее в порядке наследования по закону в собственность г. Москвы, подлежит учету в установленном порядке в имущественной казне г. Москвы.

Но такой детальный аналогичный подход нормативного правового регулирования принят не во всех муниципальных образованиях России. При этом мы полагаем важной разработку единого нормативного регулирования в каждом муниципальном образовании, что, несомненно, позволит повысить эффективность выявления и учета выморочного недвижимого имущества.

Вторым вектором в развитии наследования выморочной недвижимости следует назвать применение информационных технологий, цифровизацию выявления и учета выморочного недвижимого имущества в целях компенсации отсутствия нормативного регулирования выявления и учета выморочной недвижимости.

Утверждение в 2017 г. Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.² и Программы «Цифровая

экономика Российской Федерации»³ определило момент активизации государственной политики, направленной на цифровизацию не только экономической сферы, но и всего российского общества в целом. Данные документы нацелены в том числе на обработку больших объемов цифровых данных и использование результатов анализа, позволяющих значительно повысить эффективность и результативность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг.

При обозначенной неопределенности правового режима выморочного имущества совершенствования его выявления и учета предполагается достигнуть при помощи цифровых технологий с использованием сведений, находящихся в государственных информационных автоматизированных системах для достижения высоких показателей по выявлению выморочной недвижимости.

При обозначенной сложности правового режима выморочного имущества, юридических фактов его выявления и учета предполагается достигнуть при помощи цифровых технологий, выраженных применением сведений, находящихся в государственных информационных автоматизированных системах на уровне государственного управления для достижения высоких показателей по выявлению выморочной недвижимости.

Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» предусматривает проведение до 2024 г. комплекса мер по ускорению цифровой трансформации муниципальных образований по ключевым направлениям. Среди них сфера предоставления муниципальных услуг, развитие информационной инфраструктуры в муниципальных учреждениях, внедрение цифровых платформ инвентаризации, учет и контроль энергоресурсов и имущественных комплексов муниципалитетов.

В частности, считаем необходимым подчеркнуть значимость развития цифровизации работы нотариата для успешного разрешения вопроса выявления выморочного недвижимого имущества.

Началом цифровизации нотариата послужило принятие Федерального закона от 21 декабря 2013 г. № 379-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные

2 О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.05.2022)

3 Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»», утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2022).

акты Российской Федерации»⁴, который ввел в Основы законодательства РФ о нотариате⁵ новую главу – «Единая информационная система нотариата» (далее – ЕИСН). Целью ЕИСН является обеспечение достаточного уровня защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц при обращении за совершением нотариального действия, а также доступность юридически значимой информации нотариусам и выполнение публичных полномочий нотариальными палатами разного уровня. Развитие электронного нотариата и его востребованность у населения диктует сам гражданский оборот и обеспечение физических и юридических лиц квалифицированной юридической помощью, тем более в условиях пандемии, которая внесла значительные изменения во все сферы жизни, в том числе и в нотариальную деятельность [7, с. 258].

Вместе с тем следует также отметить, что с 1 октября 2018 г. в России начал функционировать Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния (далее – ЕГР ЗАГС). Создание общего для всей страны информационного ресурса о населении России, в том числе для регистрации актов гражданского состояния, было инициировано Указом Президента РФ от 15 января 2016 г. № 13⁶. Также в средствах массовой информации сообщается, что уже завершена подготовка нормативной базы для реализации суперсервиса «Утрата близкого человека», который позволит регистрировать смерть гражданина без личного обращения в органы ЗАГС, получать всю необходимую информацию для оформления наследства, нотариусам – оперативно открывать наследственные дела, уведомлять наследников об этом⁷. Система сможет сразу сообщать сведения о нотариусе, к которому необходимо обратиться для открытия

наследственного дела, с учетом нотариального округа и последнего места жительства наследодателя. «Это будет еще один шаг законодателя в использовании потенциала электронного нотариата и его цифровой инфраструктуры в интересах стабильности и безопасности гражданского оборота, создания новых комфортных сервисов для людей», – отметил президент Федеральной нотариальной палаты К. Корсик⁸.

Мы полагаем, что данный сервис также будет полезен для выявления выморочного недвижимого имущества. Как отмечает А.В. Корнев, цифровые технологии активно могут использоваться в различных видах юридической деятельности: правотворческой, правоприменительной, правореализационной и т. д. [8, с. 11]. Поэтому при выработке цифрового подхода государственного и муниципального управления считаем целесообразным обратить внимание на технологические новации осуществления деятельности государственных и муниципальных органов, организаций, наделенных государственными или муниципальными полномочиями, в информационной системе в режиме реального времени. В рамках такой модели в случае передачи в режиме реального времени в информационную систему нотариата сведений об умерших лицах органами ЗАГС, запроса органами нотариата сведений из федеральной государственной информационной системы Единый государственный реестр недвижимости (далее – ФГИС ЕГРН) можно получить достоверную информацию об умерших правообладателях недвижимого имущества. Таким образом, в случае наличия сведений у нотариуса о смерти гражданина, выписки из ФГИС ЕГРН о зарегистрированных правах наследодателя на объект недвижимости, отсутствия заведенного наследственного дела по заявлению наследников из восьми очередей, истечения пресекательного срока на принятие наследниками наследственной массы в виде недвижимости данные обстоятельства порождают для нотариусов возможность через систему межведомственного электронного взаимодействия принять меры для оповещения публично-правового образования как наследника о выморочной недвижимости.

Данный механизм необходим ввиду того факта, что в настоящее время обязанность нотариусов оповещать публично-правовое

4 Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 24.05.2022).

5 Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. 11 марта.

6 О дополнительных мерах по укреплению платежной дисциплины при осуществлении расчетов с Пенсионным фондом Российской Федерации, Фондом социального страхования Российской Федерации и Федеральным фондом обязательного медицинского страхования : указ Президента РФ от 15.01.2016 № 13 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.06.2022).

7 С 1 января 2022 года можно будет обратиться в любой орган ЗАГС для регистрации актов гражданского состояния [Электронный ресурс] // Министерство юстиции РФ : сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/48611/> (дата обращения: 01.06.2022).

8 Сведения ЗАГС смогут автоматически поступать в Единую информационную систему нотариата [Электронный ресурс] // Федеральная нотариальная палата : сайт. URL: <https://notariat.ru/ru-ru/news/svedeniya-zags-smogut-avtomaticheski-postupat-v-edinuyu-informacionnuyu-sistemu-notariata> (дата обращения: 01.06.2022).

образование о выморочной недвижимости отсутствует. Публично-правовые образования в большинстве случаев узнают о таком имуществе в процессе участия в судебных делах, поскольку законодательством установлена обязанность наследников, пропустивших срок для принятия наследства, восстановить указанный срок в судебном порядке с привлечением органа местного самоуправления, городов федерального значения в случае, если речь идет о недвижимом имуществе (п. 40 Постановления № 9).

Синхронизация реестра наследственных дел ЕИСН и ЕГР ЗАГС, а также последующая передача информации публично-правовому образованию позволит повысить эффективность выявления и учета выморочного недвижимого имущества в автоматизированном режиме, ликвидируя возможность незаконного присвоения недвижимости мошенниками и совершения сделок с ним.

Выводы

На основании изложенного следует отметить, что публично-правовое образование обладает исключительным правом наследования выморочного недвижимого имущества. Бездействие публично-правового образования, выраженное в невыявлении выморочной недвижимости, ведет к безвозвратной утрате такого имущества. До принятия федерального закона, устанавливающего особый порядок наследования, учета и выявления выморочного имущества, нами предлагается компенсировать данную правовую лакуну двумя путями.

Так, для решения вопросов выявления и учета выморочной недвижимости предложено разработать нормативный правовой акт, посвященный урегулированию поставленной в настоящей статье проблемы на уровне муниципальных образований, ориентируясь на положения Постановления г. Москвы № 639. Другое направление, которое предлагается, базируется на использовании информационных технологий органов нотариата, органов ЗАГС, органов регистрации прав и органов местного самоуправления. Именно с учетом развития стратегии нашей страны по цифровизации государственного управления предложено совершенствовать оповещение публично-правовых образований о выморочном недвижимом имуществе органами нотариата в целях обеспечения законности гражданского оборота, экономической стабильности в государстве, совершенствования хозяйственной жизни публично-правового образования.

Результативное и эффективное выполнение мероприятий, направленных на решение задач и достижение целей национальных проектов страны, возможно лишь при условии слаженной работы федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов нотариата и органов местного самоуправления, что требует должного организационного, правового, методического, информационного, научно-экспертного обеспечения, координации действий на всех уровнях публичной власти.

Список источников

1. Хаскельберг Б.Л. Переход выморочного наследства к публичному образованию / Б.Л. Хаскельберг, В.В. Ровный // Наследственное право. – 2012. – № 1. – С. 33–41.
2. Черепакхин Б.Б. Труды по гражданскому праву / Б.Б. Черепакхин. URL: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/trudy_po_grazhdanskomu_pravu/.
3. Демичев А.А. Проблемы наследования выморочного имущества в Российской Федерации / А.А. Демичев // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 1 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-nasledovaniya-vymorochnogo-imuschestva-v-rossiyskoy-federatsii>.
4. Новиков А.А. Наследование выморочного имущества в РФ / А.А. Новиков. URL: https://repozytorium.uwb.edu.pl/jspui/bitstream/11320/2087/1/BSP_11_2012_Nowikow.pdf.
5. Плиев Н.Р. Проблема гражданско-правовой ответственности наследников по долгам наследодателя в юридической науке / Н.Р. Плиев, Ф.З. Джикаева // Балтийский гуманитарный журнал. – 2016. – Т. 5, № 1 (14). – С. 201–204.

References

1. Haskelberg B.L., Rovnyy V.V. Transition of the escheat to the public treasury. *Nasledstvennoe pravo = Inheritance Law*, 2012. – no. 1, pp. 33–41. (In Russian).
2. Cherepakhin B.B. *Trudy po grazhdanskomu pravu* [Civil Law Proceedings]. Available at: http://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/trudy_po_grazhdanskomu_pravu/.
3. Demichev A.A. The problems of inheritance of escheated property in the Russian Federation. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 1 (25). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemny-nasledovaniya-vymorochnogo-imuschestva-v-rossiyskoy-federatsii>.
4. Novikov A.A. *Nasledovanie vymorochnogo imuschestva v RF* [Inheritance of escheated property in the Russian Federation]. Available at: https://repozytorium.uwb.edu.pl/jspui/bitstream/11320/2087/1/BSP_11_2012_Nowikow.pdf.

6. Шершеневич Г.Ф. Курс гражданского права. Введение. Общая часть. Особенная часть / Г.Ф. Шершеневич. – Тула : Автограф, 2001. 719 с.

7. Федорнак О.А. Развитие электронного нотариата в Российской Федерации / О.А. Федорнак // Молодой ученый. – 2020. – № 43 (333). – С. 258–260.

8. Корнев А.В. Цифровые технологии, правовые риски и проблема их минимизации / А.В. Корнев // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 9. – С. 11–20.

5. Pliev N.R., Dzhikaeva F.Z. The problem of civil liability for successors debts of the testator in jurisprudence. *Baltiiskij gumanitarnyj zhurnal = Baltic humanitarian journal*, 2016, vol. 5, no. 1 (14), pp. 201–204. (In Russian).

6. Shershenovich G.F. Kurs grazhdanskogo prava. Vvedenie. Obshchaya chast'. Osobennaya chast' [Civil law course. Introduction. General part. Special part]. Tula, Avtograf Publ., 2001. 719 p.

7. Fedornak O.A. Development of electronic notary in the Russian Federation. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*, 2020, no. 43 (333), pp. 258–260. (In Russian).

8. Kornev A.V. Digital Technologies, Legal Risks and the Problem of their Minimization. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2021, no. 9, pp. 11–20. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гибадуллина Алия Аслямовна – главный специалист-эксперт отдела правового обеспечения Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Республике Башкортостан;

Гаймалеева Айсылу Тагировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета;

Королёва Дарья Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gibadullina Aliya Aslyamovna – Chief Expert of the Legal Support Division of the Department of the Federal Service for State Registration, Cadastral Records and Cartography in the Republic of Bashkortostan;

Gaimaleeva Aysylu Tagirovna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Chair of Civil Law of the Institute of Law, Bashkir State University;

Korolyova Daria Vladimirovna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Chair of Civil Law of the Institute of Law, Bashkir State University.

Статья поступила в редакцию 01.06.2022; одобрена после рецензирования 02.08.2022; принята к публикации 05.08.2022. The article was submitted 01.06.2022; approved after reviewing 02.08.2022; accepted for publication 05.08.2022.

Научная статья
УДК 347.78
DOI 10.33184/pravgos-2022.3.8

Original article

ДАУТИЯ Татьяна Васильевна
Первый апелляционный суд общей
юрисдикции, Москва, Россия;
e-mail: tdautiya@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0003-4814-6941>

DAUTIA Tatiana Vasilevna
First Court of Appeal of General Jurisdiction,
Moscow, Russia.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФОНОГРАММЫ КАК ОБЪЕКТА СМЕЖНЫХ ПРАВ

CERTAIN ASPECTS OF USING A PHONOGRAM AS AN OBJECT OF RELATED RIGHTS

Аннотация. Изготовление фонограммы произведения – процесс, требующий не только финансовых затрат, но и проведения организационных мероприятий по получению согласия автора музыкального произведения, а в случае записи песни – и автора текста песни, на запись их исполнения в составе нового сложного аудиопроизведения. Между тем само по себе согласие авторов на использование их музыкального и литературного произведения при изготовлении (записи) фонограммы не предполагает дальнейшего ее использование изготовителем без согласия авторов. Исключением является приобретение изготовителем фонограммы на основании договоров о передаче исключительных прав права на соответствующее произведение. В статье выявлено неоднозначное толкование положений п. 2 ст. 1323 ГК РФ, предусматривающего обязанность изготовителя фонограммы использовать ее с соблюдением прав авторов произведений и прав исполнителей. Под соблюдением прав авторов и исполнителей понимается не только указание на них при использовании фонограммы, но и получение их согласия на ее использование любым из способов, предусмотренных ч. 2 ст. 1324 ГК РФ. Цель: анализ условий легального использования фонограммы – с соблюдением установленного п. 2 ст. 1323 ГК РФ требования о соблюдении прав авторов произведений и прав исполнителей – на примерах судебной практики. Методы: эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридико-догматический и толкования правовых норм. Результаты: на основании анализа правоприменительной практики разрешения споров по искам обладателей прав на музыкальные и литературные произведения на защиту нарушенного права при размещении фонограммы музыкального произведения изготовителем фонограммы или лицом, которое приобрело исключительное право на фонограмму на основании договора, автор приходит к выводу о том, что обладатель исключительного права на музыкальное произведение в случае обнаружения размещения в информационно-телекоммуникационной сети Интернет фонограммы, составной частью которой является принадлежащее ему музыкальное произведение, вправе обратиться в суд за защитой нарушенного права. Отсутствие у него прав на исполнение музыкальных произведений и их фонограммы как на объекты смежных прав, отсутствие прав на текст песни не является основанием для отказа в удовлетворении требований о защите исключительных прав на музы-

Abstract. The production of phonograms of works is a process that requires not only financial costs, but also organizational arrangements to obtain the consent of the author of a musical work, and in the case of recording a song – the author of lyrics, to record their performance as part of a new complex audio work. However, the mere authors' consent to use their musical and literary work in the production (recording) of a phonogram does not imply its further use by the manufacturer without the authors' consent. An exception is a purchase by the phonogram producer on the basis of contracts for the transfer of exclusive rights to the respective work. The article reveals an ambiguous interpretation of the provisions of Paragraph 2 of Article 1323 of the Civil Code of the Russian Federation, providing for the obligation of the phonogram producer to use it in compliance with the rights of the authors of works and the rights of performers. The respect for the rights of authors and performers is understood not only to indicate them when using a phonogram but also to obtain their consent to use it in any of the ways provided for in Part 2 of Article 1324 of the Civil Code of the Russian Federation. Purpose: to analyze the conditions for the legal use of a phonogram with the requirement established by Paragraph 2 of Article 1323 of the Civil Code of the Russian Federation to respect the rights of authors of works and the rights of performers on the examples of judicial practice. Methods: empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; specific scientific methods: legal-dogmatic and understanding of legal norms. Results: based on the analysis of the law enforcement practice in settling disputes on claims of holders of the rights to musical and literary works to protect the violated right when placing a phonogram of a musical work by a phonogram producer or a person who acquired the exclusive right to a phonogram on the basis of a contract, the author concludes that the holder of the exclusive right to a musical work in case of the discovery of the placing on the Internet of a phonogram, an integral part of which is a musical work belonging to him, he has the right to apply to the court for protection of the violated right. His lack of rights to perform musical works and their phonograms as objects of related rights, the lack of rights to lyrics of the song is not a ground for refusing to satisfy the requirements for the protection of exclusive rights to musical works (music, song as a verbal and musical work used

кальные произведения (музыку, песню как словесно-музыкальное произведение, использованных в фонограмме). Для подтверждения факта правомерного использования фонограммы необходимо представить доказательства получения права не только на запись (фонограмму) и исполнение, но и на само музыкальное произведение (с текстом и музыкой), то есть должны быть приобретены как смежные, так и авторские права. В этом заключается особенность, определяющая легальность использования фонограммы любым из способов, предусмотренных ч. 2 ст. 1324 ГК РФ.

Ключевые слова: фонограмма, исключительное право, смежное право, музыкальное произведение, право автора, право исполнителя, изготовитель фонограммы

Для цитирования: Даутия Т.В. Отдельные аспекты использования фонограммы как объекта смежных прав / Т.В. Даутия // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 3. – С. 63–70. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.8.

in the phonogram). To confirm legitimate use of a phonogram, it is necessary to provide evidence of obtaining the right not only to record (phonogram), and performance, but also to the musical work itself (with text and music), that is, both related rights and copyrights must be acquired. This is the feature that determines the legality of using a phonogram by any of the methods provided for in Part 2 of Article 1324 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: phonogram, exclusive right, related right, musical work, author's right, performer's right, phonogram producer

For citation: Dautia T.V. Certain aspects of using a phonogram as an object of related rights. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 3, pp. 63–70. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.8 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Фонограмма является объектом смежных прав. Исключительные права на фонограмму принадлежат ее изготовителю, то есть лицу, организовавшему звукозапись исполнения музыкального произведения, а в отдельных случаях – запись исполнения музыкального и литературного произведения.

Несмотря на то что имеется объект (фонограмма) и правообладатель исключительного права на нее (изготовитель), использование этого объекта правообладателем имеет некоторые ограничения: пользование и распоряжение исключительным правом на фонограмму должно осуществляться с соблюдением прав авторов музыкального и литературного произведений, являющихся частью фонограммы.

На отличия правомочий правообладателя исключительного права от правомочий собственника имущества указала М.А. Рожкова, по мнению которой исключительное право, являясь имущественным правом, носящим абсолютный характер, лишь схоже с правом собственности. М.А. Рожкова предлагает выделять такие правомочия правообладателя исключительных прав на результат интеллектуальной деятельности, как обладание абсолютным правом на объект, использование объекта и распоряжение абсолютным правом на объект [1, с. 59].

П.Г. Дадян в исключительном праве на произведение предлагает выделять только два правомочия: использование и распоряжение исключительным правом. При этом центральным правомочием он предлагает считать не

право использования, а право распоряжения, поскольку именно оно предоставляет возможность определять дальнейшую юридическую судьбу произведения [2, с. 60].

Рассмотрим подробнее, в чем именно выражены ограничения в использовании фонограммы как объекта смежных прав ее правообладателем.

СОГЛАСИЕ ОБЛАДАТЕЛЕЙ АВТОРСКИХ ПРАВ НА МУЗЫКАЛЬНОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК КРИТЕРИЙ ЛЕГАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФОНОГРАММЫ, ВКЛЮЧАЮЩЕЙ В СЕБЯ ЭТИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В силу п. 2 ч. 1 ст. 1304 ГК РФ¹ фонограммой является любая исключительно звуковая запись исполнений или иных звуков либо их отображений, за исключением звуковой записи, включенной в аудиовизуальное произведение.

Наиболее распространенной является фонограмма в виде звукозаписи исполнения музыкального произведения с текстом (текст песни и музыка). В результате аудиозаписи исполнения музыкального произведения с текстом возникает новый объект, подлежащий самостоятельной защите, – фонограмма.

По сути, запись фонограммы – это организационный процесс, объединяющий все три составляющие в одном аудиопроизведении, при этом у автора текста песни сохраняются

¹ Гражданский кодекс РФ (часть четвертая): федер. закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Российская газета. 2006. 22 дек.

исключительные права на литературное произведение (слова песни), у автора музыки – на музыкальное произведение, у исполнителей – на исполнение и право авторства (признаваться и быть указанными в качестве исполнителей). За изготовителем признаются исключительные права использовать фонограмму любым не противоречащим закону способом.

Способы использования фонограммы закреплены в ч. 2 ст. 1324 ГК РФ, а именно публичное исполнение фонограммы, сообщение в эфир, сообщение по кабелю, доведение до всеобщего сведения таким образом, что любое лицо может получить доступ к фонограмме из любого места и в любое время по собственному выбору, воспроизведение (то есть изготовление одного и более экземпляров фонограммы или ее части в любой материальной форме, в том числе запись в память ЭВМ), распространение (продажа или иное отчуждение оригинала или копий на материальном носителе), импорт в целях распространения, прокат оригинала и экземпляров фонограммы, переработка. Каждый из перечисленных способов использования фонограммы представляет собой самостоятельное правомочие, входящее в состав исключительного права, принадлежащего правообладателю, а в совокупности указанные способы использования фонограммы составляют правомочия правообладателя исключительного права на нее.

Исключительные права на фонограмму, как и на любой результат интеллектуальной деятельности, могут отчуждаться. Учитывая, что незаконное использование фонограммы каждым из упомянутых способов представляет собой самостоятельное нарушение исключительного права на фонограмму, в договоре, предусматривающем передачу прав на использование фонограммы (например, лицензионный договор), должен исчерпывающе указываться объем передаваемых правомочий. Так, согласно разъяснениям Верховного Суда РФ, содержащимся в п. 94 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»², способы использования произведения, прямо не указанные в лицензионном договоре, не считаются предоставленными лицензиату.

Исключительное право на фонограмму является смежным правом, поскольку имеет

только имущественную составляющую. В то же время изготовитель фонограммы, подобно автору слов песни и музыки, сохраняет за собой право на указание его имени (наименования – для правообладателя – юридического лица) как изготовителя фонограммы на экземплярах фонограммы (упаковке). Однако данное право, а также право на защиту фонограммы от искажения ограничено во времени и действует в течение жизни изготовителя фонограммы – физического лица, или до момента прекращения деятельности изготовителя фонограммы – юридического лица.

Независимо от того, что в настоящее время прослушивание фонограмм осуществляется с использованием сети Интернет, а не посредством приобретения материального носителя с записью фонограммы, как это было раньше (покупка кассеты, компакт-диска, пластинки и т. д.), результатом оказания услуги студией звукозаписи, как правило, является передача первого экземпляра фонограммы, или мастер-тейпа – пленки, на которую записывается оригинальная звуковая информация для ее дальнейшего тиражирования. Именно на этом экземпляре изготовителю фонограммы необходимо указать свое имя (наименование – для юридического лица), что впоследствии, при возникновении спора о принадлежности исключительного права на фонограмму, может стать одним из доказательств принадлежности указанных прав конкретному лицу.

Однако в случае, если у спорящих сторон будут иметься, например, различные обложки музыкальных альбомов, в составе которых будут указаны одни и те же музыкальные произведения, но с разными сведениями об изготовителях фонограмм (например, один и тот же музыкальный трек был исполнен в составе разных альбомов одной и той же группой исполнителей), или будут представлены разные обложки одного и того же музыкального альбома, но записанного в разные периоды времени, при разрешении спора по иску лица, заявившего о допущенном нарушении его исключительных прав на фонограмму музыкального произведения, истцу необходимо будет доказать, что он являлся правообладателем исключительных прав на фонограмму на дату нарушения.

Так, согласно разъяснениям Суда по интеллектуальным правам, нарушение исключительных прав, указанных в иске правообладателей, считается не доказанным, если

² Российская газета. 2019. № 96.

в материалах дела имеются сведения о разных правообладателях и не установлен правообладатель на дату (период) нарушения³.

Несмотря на то что в силу ч. 2 ст. 1304 ГК РФ для возникновения, осуществления и защиты смежных прав не требуется регистрация их объекта или соблюдение каких-либо иных формальностей (как, например, это предусмотрено для товарного знака), дополнительным доказательством принадлежности смежных прав на фонограмму конкретному лицу может быть факт учета произведения в организации по управлению правами на коллективной основе.

Так, на сайте общероссийской общественной организации «Российское авторское общество» размещены реестры произведений российских и зарубежных правообладателей. Также правообладателю предоставлена возможность зарегистрировать личный кабинет и разместить сведения о принадлежности ему произведения. Для соответствующей учетной регистрации указывается наименование произведения, жанр, автор и статус автора (композитор или автор текста). Подобная учетная регистрация позволяет осуществлять поиск произведений или по наименованию, или по фамилии автора. Соответствующие реестры не содержат сведений о том, передавались ли правообладателем исключительные права третьим лицам или нет. А также они не содержат сведений о правообладателях смежных прав на фонограммы, в которых были использованы соответствующие музыкальные произведения, с текстом или без текста.

Согласно разъяснениям Верховного Суда РФ, содержащимся в п. 83 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»⁴, при возникновении спора о принадлежности наследодателю исключительного права на результат интеллектуальной деятельности, который не подлежит в соответствии с ГК РФ государственной регистрации (в частности, на произведение науки, литературы, искусства), судам следует учитывать, что факт

3 Информационная справка, подготовленная по результатам обобщения судебной практики Суда по интеллектуальным правам в качестве суда кассационной инстанции с учетом практики Верховного Суда Российской Федерации, по вопросам, возникающим при оценке доказательств в делах о защите исключительных прав исполнителей и изготовителей фонограмм, утв. постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 07.12.2017 № СП-23/36 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.02.2022).

4 Российская газета. 2012. 6 июня.

принадлежности исключительного права конкретному лицу может быть подтвержден любыми доказательствами: объяснениями сторон и других лиц, участвующих в деле, показаниями свидетелей, письменными и вещественными доказательствами.

Таким образом, учитывая отсутствие процедуры регистрации исключительного права на фонограмму как объект интеллектуальной собственности, распоряжение указанным правом и оценка правомочности лица, передающего исключительное право на фонограмму, на практике может вызывать некоторые трудности.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ НА ПРИМЕРАХ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Для правомерного использования фонограммы необходимо иметь права не только на запись (фонограмму) и исполнение, но и на само музыкальное произведение с текстом и на музыку, то есть должны быть приобретены как смежные, так и авторские права.

В подтверждение указанного вывода приведем дело № 3-25/2021, рассмотренное Московским городским судом (решение от 19 января 2021 г.) по иску ООО «Издательство Джем», являющегося обладателем исключительных прав на музыкальные произведения, к ответчику, допустившему размещение на сайте в сети Интернет фонограмм, в которых использовались музыкальные произведения, исключительные права на которые принадлежали истцу, с требованием о взыскании компенсации за допущенное нарушение исключительных прав истца на музыкальное произведение⁵.

В подтверждение заявленных исковых требований истцом был предъявлен лицензионный договор на условиях исключительной лицензии, заключенный с автором музыкального произведения, по которому к истцу перешло исключительное право на него. После передачи исключительного права на музыкальное произведение у автора музыки осталось лишь неимущественное право авторства, которое заключается в обязанности лиц, использующих любые произведения, составной частью которых является соответствующее музыкальное произведение, указывать лицо, которое является его автором. В силу

5 Решение Московского городского суда по делу № 3-25/2021 от 19.01.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/first-civil/details/02b70b60-25b9-11eb-bf25-318936fcca37?uid=770S0000-02-2020-004014-42&formType=fullForm> (дата обращения: 20.02.2022).

ч. 1 ст. 1265 ГК РФ право авторства неотчуждаемо и непередаваемо.

Ответчик возражал против удовлетворения исковых требований, представил договор, согласно которому третье лицо, заявляющее о наличии у него права на фонограмму, на возмездной основе передало указанное право ответчику.

Московский городской суд в связи с изложенным посчитал исковые требования ООО «Издательство Джем» необоснованными и не подлежащими удовлетворению.

Суд апелляционной инстанции, проверяя доводы истца об использовании ответчиком музыкальных произведений с нарушением авторского права и возражения ответчика о правомерности его действий по использованию объектов смежного права (фонограмм), предложил ответчику представить доказательства соблюдения положений п. 2 ст. 1323 ГК РФ при осуществлении своих прав.

Из содержания представленных ответчиком договоров о приобретении прав на фонограмму невозможно было установить, что передаваемые исполнителями и создателями фонограмм смежные права были реализованы ими при соблюдении авторских прав создателей музыкального и литературного (текст песни) произведений. При таких обстоятельствах суд апелляционной инстанции счел выводы суда первой инстанции об использовании фонограмм музыкальных произведений с соблюдением требований действующего законодательства и в соответствии с условиями лицензионного договора не основанными на материалах дела. Судебная коллегия суда апелляционной инстанции пришла к выводу об ошибочности позиции ответчика, согласно которой для использования фонограммы музыкального произведения достаточно получить права только на саму запись (фонограмму)⁶.

Использование фонограмм невозможно без одновременного использования других охраняемых объектов – музыкального произведения и его исполнения, которые являются одним целым.

В силу положений п. 2 ст. 1323 ГК РФ изготовитель фонограммы не вправе самостоятельно использовать фонограмму либо передавать права на ее использование третьим лицам до тех пор, пока он не заключит

соответствующих договоров с обладателями прав на охраняемое произведение и исполнение, записанные на фонограмме. Договоры могут быть заключены как до, так и после изготовления фонограммы, но обязательно ранее начала ее использования. При использовании фонограммы изготовитель не вправе выходить за рамки условий использования, которые ему поставили обладатели прав на произведение и исполнение.

Таким образом, использование записанного музыкального произведения будет законным, если субъектом правоотношения получены права не только на запись (фонограмму) и исполнение, но и на само музыкальное произведение с текстом, то есть приобретены как смежные, так и авторские права.

Распоряжение исключительным правом на фонограмму не является способом использования самой фонограммы, поскольку не тождественно продаже экземпляра фонограммы как способа использования, закрепленного в п. 6 ч. 2 ст. 1324 ГК РФ.

Подробно порядок передачи исключительных прав на произведение исследован М.Е. Алистратовой. Она указала на такие способы их передачи, как договор об отчуждении исключительного права, лицензионный договор, залог исключительного права, передача исключительного права по договору авторского заказа, а также в бездоговорном порядке – при создании служебного произведения, при наследовании и при реорганизации юридического лица [3, с. 14].

Для возможности единоличного использования фонограммы любым из способов, предусмотренных ч. 2 ст. 1324 ГК РФ, лицу необходимо:

- получить согласие автора слов песни или лица, которому исключительные права на использование соответствующего литературного произведения переданы автором по договору на отчуждение исключительных прав или по лицензионному договору;
- получить согласие автора музыки или лица, которому исключительные права на использование соответствующего музыкального произведения переданы автором по договору на отчуждение исключительных прав или по лицензионному договору;
- получить согласие исполнителей фонограммы или лица, которому исключительные права на исполнение переданы по договору на отчуждение исключительных прав;
- являться изготовителем фонограммы или получить согласие ее изготовителя.

Стоит отметить, что каждый из

⁶ Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции по делу № 66-2282/2021 от 04.06.2021 [Электронный ресурс]. URL: https://1ap.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1645835&delo_id=5&new=5&text_number=1 (дата обращения: 20.02.2022).

перечисленных правообладателей исключительного права вправе самостоятельно требовать защиты своего нарушенного права и в случае обнаружения размещения в информационно-телекоммуникационной сети Интернет фонограммы, составной частью которой является принадлежащее ему музыкальное произведение, а также обратиться в суд за защитой нарушенного права. Отсутствие прав на исполнение музыкальных произведений и их фонограммы как на объекты смежных прав, отсутствие прав на текст песни не является основанием для отказа в удовлетворении требований о защите исключительных прав на музыкальные произведения (музыку, песню как словесно-музыкальное произведение, использованных в фонограмме) по иску его правообладателя.

Между тем в судебной практике отсутствует единый правоприменительный подход к определению правомочий правообладателя на защиту нарушенного исключительного права на часть произведения как самостоятельный результат интеллектуальной деятельности. Примером может служить следующий судебный спор.

ООО «Издательство Джем», являясь обладателем исключительных прав на музыкальные произведения на основании лицензионного договора, заключенного с автором (композитором), обратилось в Московский городской суд с исковыми требованиями к ответчику, допустившему размещение на сайте в сети Интернет фонограмм, в которых использовались музыкальные произведения, исключительные права на которые принадлежали истцу.

Московский городской суд отказал в удовлетворении заявленных требований, указав, что музыка к песне является частью произведения, не подлежащей самостоятельной защите, поскольку истцом не представлено доказательств использования на сайте непосредственно музыкального произведения, в отрыве от объекта смежного права – фонограммы (например, путем размещения нотной записи музыкального произведения)⁷. Данный вывод был основан на разъяснениях, содержащихся в п. 81 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского

кодекса Российской Федерации», где указано, что охрана и защита части произведения как самостоятельного результата интеллектуальной деятельности осуществляются лишь в случае, если такая часть используется в отрыве от всего произведения в целом.

Отменяя решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции указал, что со стороны ответчика имело место нарушение предусмотренных ст. 1270 ГК РФ прав в отношении музыкальных произведений с текстом путем доведения до всеобщего сведения в составе фонограмм и что истец, являющийся обладателем исключительного права на спорные музыкальные произведения, может требовать прекращения такого нарушения.

Поскольку истцом был доказан факт принадлежности исключительных прав на музыкальные произведения и факт нарушения его прав ответчиком, оснований для отказа в удовлетворении заявленных требований не имелось⁸.

В соответствии со ст. 1259 ГК РФ закон в качестве самостоятельных объектов авторских прав выделяет: литературное произведение, объективной формой выражения которого является текст; музыкальное произведение без текста (то есть музыка); музыкальное произведение с текстом (то есть песня как словесно-музыкальное произведение).

Как разъяснено в п. 111 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», музыкальное произведение с текстом или без текста (объект авторского права), его исполнение артистом-исполнителем и фонограмма исполнения представляют собой самостоятельные результаты интеллектуальной деятельности, исключительные права на которые могут принадлежать разным лицам. Распоряжение осуществляется в отношении каждого права отдельно. Нарушение прав на каждый такой результат носит самостоятельный характер.

Изготовитель фонограммы может дать согласие третьему лицу на переработку фонограммы, при этом не отчуждая переработчику своих исключительных прав, или же распорядиться правами посредством отчуж

⁷ Решение Московского городского суда по делу № 3-66/2021 от 01.02.2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/first-civil/details/cfa886f1-388b-11eb-97d7-bf18d39d27e6?caseNumber=3-66/21> (дата обращения: 20.02.2022).

⁸ Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции по делу № 66-2791/2021 от 23.06.2021 [Электронный ресурс]. URL: https://1ap.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=1807802&case_uid=ea5b0d8e-15ee-47b6-a46b-a15e79bed1cf&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 20.02.2022).

дения исключительных прав или заключения лицензионного договора.

В соответствии с п. 9 ч. 2 ст. 1324 ГК РФ переработка фонограммы является одним из способов ее использования.

В случае дачи согласия на переработку фонограммы без отчуждения исключительных прав на нее в соответствии с ч. 3 ст. 1324 ГК РФ смежное право на переработанную фонограмму приобретает лицо, осуществившее переработку фонограммы, а у изготовителя оригинальной фонограммы звукозаписи сохраняются исключительные права на нее. Если изготовитель фонограммы осуществил отчуждение исключительных прав на нее, а новый правообладатель исключительных прав ее переработал, правообладателем и исключительного права на фонограмму, и на ее переработанную версию будет являться одно и то же лицо.

Представляется справедливым высказывание В. Елисеева о том, что к переработке относятся действия по изменению формы фонограммы, которые выходят за рамки простейших операций со звукозаписью, то есть не сводятся к использованию компьютерных программ, с помощью которых звукозапись конвертируется в другой формат [4, с. 19]. Однако, по мнению автора, данный критерий не может быть единственным и достаточным для установления факта переработки фонограммы.

В научной литературе указывается на переработку как способ создания производного произведения с привнесением творческого труда. Так, Н.А. Айрапетов полагает некорректным определять понятие производного произведения через термин «переработка», как это сделано в п. 1 ч. 2 ст. 1259 ГК РФ. Данный термин лишь раскрывает способ создания такого объекта, как «производное произведение», а не выделяет его существенные признаки. Н.А. Айрапетов предлагает определять производное произведение как «объект авторского права, выраженный в объективной форме, созданный путем переработки уже существующего объекта авторского права (оригинальное произведение) с изменением формы выражения или без изменения формы выражения, но с сохранением существенной части оригинального произведения, творческий характер которого достаточен, чтобы не считать его воспроизведением другого объекта авторского права» [5, с. 57].

На законодательном уровне не разрешен вопрос о том, каким критериям должна соответствовать переработка фонограммы,

и требуется ли на переработку фонограммы помимо согласия правообладателя исключительных прав на фонограмму (изготовителя) согласие авторов музыкального и литературного произведения, исполнителей фонограммы и дальнейшее получение их согласия на использование переработанной фонограммы. Данный вопрос требует законодательного урегулирования, поскольку позволит определить не только содержание правомочий при таком способе использования фонограммы, как ее переработка, но и закрепит критерии легальности использования переработанной фонограммы как производного произведения и распоряжения исключительными правами на него.

Выводы

Анализ правоприменительной практики позволил прийти к следующим выводам.

Использование фонограммы любым из способов, предусмотренных ч. 2 ст. 1324 ГК РФ, должно осуществляться с соблюдением прав авторов музыкального произведения и литературного произведения, являющихся частью фонограммы, а также с согласия правообладателя исключительного права на фонограмму.

В случае возникновения спора о законности использования фонограммы (например, размещения ее в сети Интернет, что представляет собой такой способ использования, как доведение до всеобщего сведения) для подтверждения факта правомерного ее использования необходимо иметь доказательства получения права не только на запись (фонограмму) и исполнение, но и на само музыкальное произведение с текстом и музыку, то есть должны быть приобретены как смежные, так и авторские права. Аналогичные доказательства должны быть для подтверждения правомочий на распоряжение исключительным правом на фонограмму.

Правообладатель исключительного права на музыкальное произведение в случае обнаружения размещения в информационно-телекоммуникационной сети Интернет фонограммы, составной частью которой является принадлежащее ему музыкальное произведение, вправе обратиться в суд за защитой нарушенного права. Отсутствие у него прав на исполнение музыкальных произведений и их фонограммы как на объекты смежных прав, отсутствие прав на текст песни не является основанием для отказа в удовлетворении требований о защите исключительных прав на музыкальные произведения (музыку, песню

как словесно-музыкальное произведение, использованных в фонограмме) по иску правообладателя такого музыкального произведения.

Анализ судебной практики защиты авторских и смежных прав показал отсутствие единого правоприменительного подхода к определению правомочий правообладателя исключительного права на часть произведения как самостоятельный результат интеллектуальной деятельности на защиту нарушенного права на примере требований автора музыкального произведения без его согласия фонограммы, частью которой является принадлежащее ему музыкальное произведение с текстом.

На законодательном уровне не разрешен вопрос о том, каким критериям должна

соответствовать переработка фонограммы, и требуется ли на ее переработку помимо согласия правообладателя исключительных прав на фонограмму (изготовителя) согласие авторов музыкального произведения, литературного произведения, исполнителей фонограммы и дальнейшее получение их согласия на использование переработанной фонограммы. Данный вопрос требует законодательного урегулирования, поскольку позволит определить не только содержание правомочий при таком способе использования фонограммы, как ее переработка, но и закрепит критерии легальности использования переработанной фонограммы как производного произведения и распоряжения исключительными правами на него.

Список источников

1. Рожкова М.А. Интеллектуальная собственность: к вопросу об основных понятиях / М.А. Рожкова // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 11. – С. 46–74.
2. Дадян П.Г. Музыкальное произведение как самостоятельный объект авторского права: теоретико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / П.Г. Дадян. – Москва, 2015. – 143 с.
3. Алистратова М.Е. Авторское право на музыкальные произведения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М.Е. Алистратова. – Москва, 2012. – 27 с.
4. Елисеев В. Правовой режим переработанных фонограмм / В. Елисеев // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2016. – № 10. – С. 15–22.
5. Айрапетов Н.А. Критерии разграничения оригинального и производного произведения / Н.А. Айрапетов // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2020. – № 9. – С. 52–58.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Даутия Татьяна Васильевна – кандидат юридических наук, помощник судьи Первого апелляционного суда общей юрисдикции.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dautia Tatiana Vasilevna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Judge of the First Court of Appeal of General Jurisdiction.

Статья поступила в редакцию 19.06.2022; одобрена после рецензирования 05.08.2022; принята к публикации 04.08.2022. The article was submitted 19.06.2022; approved after reviewing 05.08.2022; accepted for publication 04.08.2022.

REFERENCES

1. Rozhkova M.A. Intellectual property: on the issue of basic concepts. Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii = Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, 2013, no. 11, pp. 46–74. (In Russian).
2. Dadyan P.G. Muzykal'noe proizvedenie kak samostoyatel'nyj ob'ekt avtorskogo prava: teoretiko-pravovoe issledovanie. Kand. Diss. [Musical work as an independent object of copyright law: theoretical and legal research. Cand. Diss.]. Moscow, 2015. 143 p.
3. Alistratova M.E. Avtorskoe pravo na muzykal'nye proizvedeniya. Avtoref. Kand. Diss. [Copyright in musical works. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2012. 27 p.
4. Eliseev V. Legal regime of processed phonograms. Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Intellectual Property. Copyright and Related Rights, 2016, no. 10, pp. 15–22. (In Russian).
5. Airapetov N.A. Criteria for original and derivative works differentiation. Intellektual'naya sobstvennost'. Avtorskoe pravo i smezhnye prava = Intellectual Property. Copyright and Related Rights, 2020, no. 9, pp. 52–58. (In Russian).

Научная статья
УДК 347.1
DOI 10.33184/pravgos-2022.3.9

Original article

ДЕМИЕВА Айнур Габдульбаровна
Казанский (Приволжский) федеральный
университет, Казань, Россия;
e-mail: ainuraa@bk.ru;
https://orcid.org/0000-0003-0211-5701

DEMIEVA Aynur Gabdulbarovna
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ВОПРОС О ЕДИНСТВЕ АКТИВНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК СОЦИАЛЬНОГО И ПРАВОВОГО ЯВЛЕНИЯ

THE CONCEPTUAL ISSUE OF THE UNITY OF ACTIVE ECONOMIC ACTIVITY AS A SOCIAL
AND LEGAL PHENOMENON

Аннотация. Сегодня одним из основных и приоритетных направлений деятельности государства должно стать формирование правового режима, способного обеспечивать повышение экономической активности граждан. Возникающие формы активной экономической деятельности нуждаются в оценке, закреплении и правовой регламентации, что в результате обеспечит необходимую устойчивость и динамику экономики. Цель: выработка единых критериев, используемых для выделения той или иной самостоятельной формы активной экономической деятельности, требующей нормативно-правового регулирования, отграничения от собственно предпринимательской. Методы: общенаучные: анализа, индукции и дедукции; частнонаучные: формально-логический, метод единства и дифференциации. Результаты: сделан вывод о том, что все виды активной экономической деятельности связаны с гражданско-правовыми отношениями (однородные (однотипные)). Они также носят имущественный характер, основаны на юридическом равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности (п. 1 ст. 2 ГК РФ). Имеющиеся отличия обусловлены или возникновением экстерналий, или спецификой правового статуса, или осуществлением публично-правовых обязанностей. Однако это не опровергает их принципиальное единство.

Ключевые слова: активная экономическая деятельность, виды активной экономической деятельности, предпринимательская деятельность, иная экономическая деятельность

Для цитирования: Демиева А.Г. Концептуальный вопрос о единстве активной экономической деятельности как социального и правового явления / А.Г. Демиева // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 3. – С. 71–76. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.9.

Abstract. Today, one of the main priorities of the state should be the establishment of a legal regime capable of increasing the economic activity of citizens. The emerging forms of active economic activity need to be assessed, institutionalized and legally regulated in order to ensure the necessary sustainability and dynamism of the economy. Purpose: to develop uniform criteria used to distinguish an independent form of active economic activity, which requires legal regulation, separation from the actual entrepreneurial activity. Methods: the author applies general scientific methods: analysis, induction and deduction; as well as specific scientific methods: formal-logical, the method of unity and differentiation. Results: it is concluded that all types of active economic activity are connected with civil law relations (one-order (of the same type)). They are also of a property nature, based on legal equality, autonomy of will and property independence (clause 1, article 2 of the Civil Code of the Russian Federation). The existing differences are due either to the emergence of externalities or specific legal status, or to the implementation of public law obligations. However, this does not negate their fundamental unity.

Keywords: active economic activity, types of active economic activity, entrepreneurial activity, other economic activity

For citation: Demieva A.G. The conceptual issue of the unity of active economic activity as a social and legal phenomenon. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 3, pp. 71–76. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.9 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Появление новых видов активной экономической деятельности отражает объективные явления в различных структурах общества и экономики. Данное обстоятельство во многом увязано с общемировыми тенденциями (универсализация стандартов деятельности, появление фрилансеров, использование новых технологий и средств коммуникации и т. д.) и, по существу, неизбежно. К сожалению, для регулирования новых видов экономической деятельности законодатель либо использует наиболее близкий правовой режим (предпринимательской деятельности), либо применяет аналогию, либо откладывает разрешение проблем на будущее. Все это приводит к пробелам в нормативно-правовом регулировании и противоречивой правоприменительной практике.

Традиционное восприятие самостоятельной экономической деятельности в праве как осуществляемой лишь в форме предпринимательства в последнее время все более уступает признанию ее многообразия. Конституция РФ (ч. 1 ст. 34) не раскрывает содержания экономической деятельности, но ясно указывает, что помимо предпринимательской допускается также «иная экономическая деятельность»¹. Логически это предполагает наличие в праве экономической деятельности как таковой и ее градацию.

Несмотря на прямое указание Конституции РФ, формат законодательного регулирования и парадигма мышления в России последних тридцати лет не то чтобы исключали, но явно не воспринимали иной подход к правовой организации осуществления самостоятельной доходной деятельности граждан.

Разнообразие форм проявления экономически активной деятельности граждан, а также наличие нормативного регулирования ее отдельных разно-видностей порождает концептуальный вопрос о единстве и цельности активной экономической деятельности как социального и правового явления. Весомым аргументом, позволяющим говорить о фундаментальном их единстве, является наличие типичных черт и структуры, что в различных областях знаний и в различные периоды исторического развития справедливо воспринималось как универсальный показатель общности явлений².

¹ Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общеросс. голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. № 237.

² В большинстве социально-политических учений XIX–XX вв. условия производства и распределения продукта рассматривались как основа для базовых характеристик социально-правовой организации общества.

АКТИВНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ЕЕ СООТНОШЕНИЕ С ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Анализ известных суждений и оценок о существовании экономической деятельности [1; 2; 3] позволяет признать активную экономическую деятельность совершением актов взаимодействия, направленных на удовлетворение потребностей действующего субъекта в результате получения того или иного положительного эффекта. Одним словом, это любая правомерная осознанная волевая деятельность, результатом которой является создание или приобретение блага. Такое видение экономической деятельности требует некоторых пояснений.

Обратим внимание на то, что факты деятельности, направленной на удовлетворение личных потребностей (покраска собственного дома, починка личного оборудования, работа в подсобном хозяйстве и пр.), широко известны и, на наш взгляд, не требуют доказательств. В подобных случаях также возникает положительный эффект (польза), хотя сами действия совершаются без взаимодействия с другими субъектами гражданского оборота.

Вместе с тем зачастую результативная деятельность людей и созданных ими организаций, по общему правилу, осуществляется в активной форме, предполагая двустороннее (многостороннее) взаимодействие на основе тех или иных сделок (соглашений, договоров), что порождает соответствующие общественные отношения и позволяет распространить на нее правовые нормы. В таком случае требуемый эффект (получение денег или иного блага) возникает лишь в итоге встречных действий контрагента. Следовательно, подобная деятельность представляет собой, прежде всего, определенную совокупность актов, характеристики которых определяют смысл, социальное значение и правовую сущность самой деятельности.

Деятельность человека, если следовать традиционным представлениям прагматики (науки о практике, практической деятельности), является специфическим процессом сознательного взаимодействия с окружающей действительностью, в рамках которого совершаются осмысленные волевые действия (как умственные, так и физические) для достижения определенной цели. Эти цели в различных областях знаний трактуются по-разному, что вполне объяснимо, но применительно к экономической деятельности неизбежно указывается на совершение именно

таких действий (актов), которые и приводят в конечном счете к созданию определенных ценностей (благ), их производству, обмену и перераспределению. По этому поводу В.Ф. Попондопуло и Е.В. Силина отмечают: «В реальной жизни люди осуществляют различные виды деятельности, соответственно, возникают различные отношения. С учетом признаков человеческой деятельности предпринимательскую деятельность можно определить как совокупность самостоятельных волевых действий (бездействия) человека, осуществляемых им на свой риск и направленных на достижение желаемой цели с использованием имеющихся в его распоряжении средств. Это определение имеет прикладное значение при характеристике особенностей видов человеческой деятельности» [4, с. 134].

Данная деятельность может быть соотнесена с предпринимательской, вместе с тем им присущи не только общие черты, но и существенные отличия. В целом признаки предпринимательской деятельности – в сравнении с рассматриваемой экономической деятельностью – позволяют определить ее как один из возможных вариантов, то есть частный случай.

В соответствии со ст. 2 ГК РФ признаками предпринимательской деятельности являются: самостоятельный характер; осуществление на свой риск; направленность на получение прибыли; систематичность; проявление в таких формах, как пользование имуществом, продажа товаров, выполнение работ или оказание услуг. По мнению И.В. Бакаевой, «экономическая деятельность граждан, не соответствующая данным признакам, не является предпринимательской и относится к иной экономической деятельности» [5, с. 19].

Поскольку определение предпринимательской деятельности наиболее обеспечено в нормативном плане, предлагаем предварительно соотнести и сравнить некоторые ее признаки с известным на сегодняшний день представлением об активной экономической деятельности.

Анализ самых разных ситуаций (деятельность некоммерческих организаций, адвокатская деятельность, деятельность нотариусов, репетиторство, платные лекции преподавателя вуза, написание сценариев и т. п.) свидетельствует о том, что лица, осуществляющие иную экономическую деятельность, стремятся получить некое благо, доход, что действительно схоже с направленностью предпринимательской деятельности (правда, где говорится о прибыли). Полагаем, что подход к уяснению значения указанного признака

относительно активной экономической деятельности должен быть несколько шире. На наш взгляд, целью активной экономической деятельности является решение определенной жизненной проблемы (потребности в чем-то, интереса, получения некоего блага).

Как известно, для предпринимательской деятельности характерно ее систематическое осуществление. Данный признак вовсе не означает ежедневность или иную периодичность осуществления деятельности, его сущность заключается в том, что предприниматель, официально зарегистрировавшись, публично заявил о своей готовности заниматься этой деятельностью («систематичность своего юридического существования»), соответственно, регулятор относится к нему, как к профессиональному участнику рынка. Применение указанного признака к иным видам активной экономической деятельности возможно с учетом того, что некоторые акторы осуществляют ее от случая к случаю, например, самозанятые, адвокаты, некоммерческие юридические лица.

Несомненно, любая предпринимательская деятельность есть активная экономическая деятельность, но последняя далеко не всегда является предпринимательской. В правовых позициях судов также можно встретить основания для дальнейшего разграничения содержания предпринимательской и иной доходной деятельности. Так, Конституционный Суд РФ в свое время квалифицировал заключение гражданами договоров банковского вклада³ и участие физических лиц в хозяйственных обществах⁴ в качестве экономической, а не предпринимательской деятельности (то есть иной доходной деятельности).

Интерес в этой связи представляет также точка зрения Е.А. Зиминой. Исследуя особенности правового регулирования пред-

3 По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций», пунктов 5 и 6 статьи 120 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами граждан, жалобой региональной общественной организации «Ассоциация защиты прав акционеров и вкладчиков» и жалобой ОАО «Воронежское конструкторское бюро антенно-фидерных устройств»: постановление Конституционного Суда РФ от 22.07.2002 № 14-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2002. № 6.

4 По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет истеблшмент» и запросом Октябрьского районного суда г. Пензы: постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 3-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 2.

принимательской деятельности, он пришел к выводу о том, что «деятельность, которая по формальным признакам не является предпринимательской, но в силу правовых позиций Конституционного Суда России характеризуется как «не предпринимательская», но «иная, не запрещенная законом экономическая деятельность», которая «влечет определенные экономические риски» (например, владение акциями корпорации), недостаточно четко регламентирована законодателем. Подобного рода юридическая неопределенность подтверждает целесообразность дополнения ч. 1 ст. 2 ГК РФ положением следующего содержания: «деятельность, сопровождающаяся получением дохода в виде дивидендов от участия в других организациях либо процентов по договорам займа, либо от передачи в аренду собственного имущества, либо от разовых сделок по продаже собственного имущества, находящегося на территории Российской Федерации, либо от лицензионных платежей, отчисляемых правообладателю за пользование исключительными авторскими правами, либо от владения ценными бумагами, осуществляемая лицами, не зарегистрированными в качестве предпринимателей, обуславливает риски только применительно к конкретным ситуациям, определенным правовыми позициями Конституционного Суда России)» [5, с. 9–10].

В условиях отсутствия нормативного закрепления существующего многообразия видов активной экономической деятельности законодателем используется наиболее близкий правовой режим (предпринимательской деятельности). Однако соотношение признаков предпринимательской деятельности с известным на сегодняшний день представлением о многообразии видов экономической активности граждан подтверждает необходимость их уточнения.

Следует отметить, что предпринимательская и иная доходная деятельность граждан как разновидности активной экономической деятельности находятся в определенном соотношении и взаимодействии (историческом, генетическом, нормативно-правовом и т. д.), вместе с тем у них не совпадают многие признаки. Так, имеются отличия как в правовом статусе лиц, осуществляющих деятельность, так и в правовых режимах (в части оснований, порядка и условий осуществления, возможности применения отдельных способов обеспечения, имущественной ответственности, объема прав и защищаемых законом интересов действующих лиц). Участие некоторых субъектов, ведущих иную доходную деятельность,

в ряде сделок не допускается. В силу специальных условий и требований законодательства о государственных закупках и порядке проведения торгов фактически ограничено или даже исключено участие в них индивидуальных предпринимателей и самозанятых граждан. Лица, ведущие иную доходную деятельность, по существу, не могут участвовать в сделках на отдельных сегментах организованного рынка и торговых сетей из-за требований, касающихся объема продукции, ритмичности ее поставок, несения накладных расходов и отсутствия необходимой логистики.

Однако важно не столько их противопоставление, сколько понимание того, что иная доходная деятельность гражданином осуществляется практически всегда, тогда как предпринимательская деятельность лишь может осуществляться, а также необходимость их взаимного обогащения и развития. Определенная часть подходов к регламентации конкретных норм, применяемых к этим видам деятельности, может быть в результате модификации или без нее использована для оптимизации правовых режимов как предпринимательской, так и иной доходной деятельности, организации государственного регулирования и управления.

ЕДИНСТВО АКТИВНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Обратим внимание на то, что отношения, возникающие в связи с осуществлением активной экономической деятельности, складываются между самостоятельными субъектами, договорившимися о том, что в результате подобного взаимодействия одно лицо должно будет совершить определенные действия, а другое их оплатит (см. ст. 307 ГК РФ)⁵. Как видим, иной причины для действующего лица просто нет, то есть деятельность явно направлена на получение экономического результата. Если же попытаться дать определенную правовую номинацию такой деятельности, то мы не увидим очевидных ориентиров либо ясных критериев, требующих признать ее урегулированной должным образом. Вопрос о том, насколько отношения, возникающие при ведении экономической деятельности, урегулированы нормами права, связан с сущностью возникающих правоотношений, что следует увязывать не только с характером ГК РФ, но и со способами гражданско-правового регулирования в целом.

⁵ Гражданский кодекс РФ. Часть первая // Российская газета. 1994. 8 дек.

Как известно, предмет гражданского права сформулирован таким образом, что позволяет утверждать о готовности отрасли реагировать на развитие общественных отношений. Не называя детально все характеристики отношений, входящих в предмет гражданского права, избегая конкретных перечней, ГК формирует общие параметры данных отношений, в том числе полагает уместным называть «группы» отношений (имущественные и личные неимущественные отношения), но относит их к предмету гражданского права при условии, что они возникают и реализуются в силу равенства участников, их автономности и имущественной самостоятельности.

С учетом задач гражданского права большое значение имеют, прежде всего, категории и показатели, применяемые к конкретному субъекту (экономическому агенту). Обычно данный раздел именуется микроэкономикой и изучает базовые для всех «экономических агентов» схемы принятия решений и моделей поведения. Для решения специфических экономических задач были введены и устойчиво применяются ключевые понятия «себестоимость», «стоимость», «расходы» («издержки»), «прибыль», «конкуренция» и др. Но в отличие от правоведения экономическая теория исследует преимущественно пути и способы выбора и реализации оптимального (лучшего, выгодного, эффективного) поведения. В результате осознания «экономической потребности», изучения «спроса» и «предложения», выстраивания технологии «экономический агент» производит определенный продукт (умение, знание, продукты потребления, промышленную продукцию и т. п.). По итогам соответствующего взаимодействия в обществе (транзакции, сделки) взамен предоставляемого блага он получает встречное благо для удовлетворения собственной потребности [6, с. 95–96].

Эту структуру, содержание и атрибуты (признаки) можно увидеть во всех видах экономической деятельности. Везде есть свой акт выбора экономического поведения, есть свои расходы (издержки) и транзакции, есть

расходы и доходы. Все субъекты изначально неизбежно стоят перед необходимостью определения формы включения в социальную жизнь, которая обеспечила бы их основными средствами существования (кров, пища, продолжение рода и т. п.). Параметры такого выбора не случайны, обычно они предопределены кругом как субъективных (образование, навыки, личные стремления), так и объективных (ресурсы, ситуация на рынке и пр.) возможностей и условий. Далее субъект вступает в доступное ему и обусловленное избранной формой взаимодействие в обществе и получает определенный финансовый результат. Им может быть и заработная плата, и прибыль предпринимателя, и вознаграждение творческого работника и т. д. Ситуация принципиально не меняется, если благо не удается получить постоянно (так, от случая к случаю, появляется доход у самозанятых граждан). Сохраняется общая конструкция и в случае, если меняется форма вознаграждения и его размер. Например, в ряде видов деятельности на это влияют факторы статуса и места субъекта в социально-политической иерархии, срок деятельности, уровень достижений. Так, кривая величины доходов в профессиональном спорте движется вверх при участии в определенных мероприятиях и увеличении срока спортивной карьеры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все виды активной экономической деятельности основаны на отношениях, однопорядковых (однотипных) с гражданско-правовыми (п. 1 ст. 2 ГК РФ). Сама по себе их однородность и наличие атрибутивных признаков не означают отсутствия специфики правового регулирования в отдельных отраслях и институтах, где могут возникать особые (специальные) правовые режимы. Заметим, что при отсутствии специальных норм, регулирующих иную доходную деятельность, применению подлежат общие нормы гражданского законодательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ершова И.В. Экономическая деятельность: понятие и соотношение со смежными категориями / И.В. Ершова // Lex Russica. – 2016. – № 9 (118). – С. 46–61.
2. Долинская В.В. Экономическая деятельность и ее виды / В.В. Долинская // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 3. – С. 3–15.

REFERENCES

1. Ershova I.V. Economic activities: the concept and interrelation with related categories. Lex Russica, 2016, no. 9 (118), pp. 46–61. (In Russian).
2. Dolinskaya V.V. Economic activity and its types. Zakony Rossii: opyt: analiz, praktika = Laws of Russia: Experience: Analysis, Practice, 2018, no. 3, pp. 3–15. (In Russian).

3. Пьянкова А.Ф. Цивилистическое понятие предпринимательской деятельности и смежные категории в российском законодательстве / А.Ф. Пьянкова // Шестой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 16–17 октября 2015 г.) : избранные материалы / отв. ред. В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова. – Москва : Статут, 2016. – С. 262–276.

4. Попондопуло В.Ф. Юридическая природа предпринимательской деятельности / В.Ф. Попондопуло, Е.В. Силина // Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом. – Москва, 2017. – С. 134–144.

5. Зимин А.Е. Особенности правового регулирования предпринимательской деятельности в условиях экономического кризиса : автореф. дис. ...канд. юрид. наук : 12.00.03 / А.Е. Зимин. – Москва, 2017. – 23 с.

6. Иеринг Р. Цель в праве / Р. Иеринг. – Санкт-Петербург : Изд. Н.В. Муравьева, 1881. – Т. 1. – 412 с.

3. Pyankova A.F. Civilistic concept of entrepreneurial activity and related categories in Russian legislation. In Golubtsov V.G., Kuznetsova O.A. (eds.). Shestoj Permskij kongress uchenyh-yuristov (g. Perm', 16–17 oktyabrya 2015 g.). Izbrannye materialy [Sixth Perm Congress of Lawyers (Perm, October 16–17, 2015). Selected materials]. Moscow, Statute Publ., 2016, pp. 262–276. (In Russian).

4. Popondopulo V.F., Silina E.V. Legal nature of entrepreneurial activity. Aktual'nye problemy predprinimatel'skogo i korporativnogo prava v Rossii i za rubezhom [Actual problems of business and corporate law in Russia and abroad]. Moscow, 2017, pp. 134–144. (In Russian).

5. Zimin A.E. Osobennosti pravovogo regulirovaniya predprinimatel'skoj deyatel'nosti v usloviyah ekonomicheskogo krizisa. Avtoref. Kand. Diss. [Features of legal regulation of entrepreneurial activity in the context of the economic crisis. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2017. 23 p.

6. Iering R. Cel' v prave [Purpose in law]. Saint Petersburg, N.V. Muraviev Publ., 1881. Vol. 1. 412 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Демиева Айну́р Габду́льбаровна – доктор юридических наук, доцент кафедры гражданского права Казанского (Приволжского) федерального университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Demieva Aynur Gabdulbarovna – Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Civil Law, Kazan (Volga Region) Federal University.

Статья поступила в редакцию 06.06.2022; одобрена после рецензирования 06.07.2022; принята к публикации 07.07.2022. The article was submitted 06.06.2022; approved after reviewing 06.07.2022; accepted for publication 07.07.2022.

Научная статья
УДК 347
DOI 10.33184/pravgos-2022.3.10

Original article

РУЗАНОВА Валентина Дмитриевна
Самарский национальный
исследовательский университет
им. академика С.П. Королёва
(Самарский университет), Самара, Россия;
e-mail: vd.ruz@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0003-4381-5237>

RUZANOVA Valentina Dmitrievna
Samara National Research University,
Samara, Russia.

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ КАК ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

PERSONAL DATA AS A CIVIL LAW CATEGORY

Аннотация. В условиях развития информационных технологий настоятельно требуется усиление защиты персональных данных, в том числе путем активного вовлечения их в сферу гражданско-правового регулирования и расширения применения частноправового охранительного механизма. Цель: обоснование возможности легального признания персональных данных гражданско-правовой категорией и определение основных направлений совершенствования законодательства в этой сфере. Методы: сравнения, описания, интерпретации, формальной и диалектической логики, юридико-догматический и толкования правовых норм. Результаты: выявлены качества персональных данных, позволяющие легально признать их нематериальными благами, выступающими объектами гражданских прав; установлено соотношение права гражданина на защиту персональных данных и его права на неприкосновенность частной жизни как самостоятельных, но пересекающихся понятий; обоснована роль Федерального закона «О персональных данных» как закона, определяющего основной понятийный аппарат в сфере персональных данных; предложен концептуальный подход к формированию правового режима персональных данных путем определения общих положений и установления специальных правовых режимов.

Ключевые слова: информационное законодательство, персональные данные, информация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, нематериальные блага

Для цитирования: Рузанова В.Д. Персональные данные как гражданско-правовая категория / В.Д. Рузанова // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 3. – С. 77–83. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.10.

Abstract. In the context of the development of information technologies, there is an urgent need to strengthen the protection of personal data, including by actively involving them in the sphere of civil law regulation and by expanding the application of the private law enforcement mechanism. Purpose: to substantiate the possibility of legal recognition of personal data as a civil law category and to identify the main directions of the legislation development in this area. Methods: methods of comparison, description, interpretation, formal and dialectical logic, legal-dogmatic and the method of interpretation of legal norms. Results: the research gives an opportunity to reveal the characteristics of personal data, which allow legally recognizing them as intangible benefits, acting as objects of civil rights; to establish the ratio of the right of a citizen to the protection of personal data and his right to privacy as independent, but intersecting concepts; to substantiate the role of the Federal Law «On Personal Data» as a law determining the basic conceptual apparatus in the field of personal data; to propose a conceptual approach to the formation of the legal regime of personal data by identifying general provisions and establishing specific legal regimes.

Keywords: information legislation, personal data, information, privacy, personal and family secrets, intangible benefits

For citation: Ruzanova V.D. Personal data as a civil law category. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 3, pp. 77–83. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.10 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня информация, в том числе персональные данные, превратилась в дорогостоящий товар, что требует принятия повышенных мер по обеспечению ее безопасности [1]. Одним из направлений усиления безопасности персональных данных является включение мер частноправового воздействия в применяемый охранительный механизм. Для создания легальной базы широкого и эффективного использования указанного механизма требуется «внедрение» названных сведений в материю гражданского права путем признания их гражданско-правовой категорией.

МЕСТО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В СИСТЕМЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Прежде всего, необходимо определить место законодательства о персональных данных в системе информационного законодательства. В связи с этим отметим, что на формирование системы информационного законодательства оказывает влияние целый ряд факторов: динамичность отношений в этой сфере, неразрывная связь публично-правовых и частноправовых начал в их регулировании, «параллельное» нормирование значительной группы отношений смежными отраслями законодательства (конституционным, административным, гражданским, уголовным и др.). При этом следует иметь в виду, что сегодня информационное законодательство, по сути, приобретает черты надотрасли, поскольку во всех отраслях современного законодательства имеет место так называемый информационный аспект.

Указанное обстоятельство весьма осложняет определение границ собственно информационного законодательства [2]. Последнее, будучи комплексной отраслью законодательства, представляет собой совокупность подотраслей, институтов и подинститутов, на вершине которых стоит Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹ (далее – ФЗ «Об информации»). В качестве одного из таких институтов и выступает законодательство в сфере персональных данных, основы правового режима которых устанавливаются указанным законом (п. 9 ст. 9). Рассматриваемый институт так же является комплексным и включает в себя

наряду с федеральными законами (п. 1 ст. 4 ФЗ от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»², далее – Закон о персональных данных) нормативные правовые акты иного уровня, издаваемые не только в форме закона (п. 2 ст. 4 Закона о персональных данных).

РАЗНООТРАСЛЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В РЕГУЛИРОВАНИИ ОТНОШЕНИЙ ПО ПОВОДУ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Вопросы персональных данных являются предметом не только собственно информационного, но и многих других отраслей законодательства (гражданского, семейного, трудового) и комплексных нормативных образований (страхового, налогового, банковского законодательства, законодательства в области здравоохранения и др.), положения которых не согласованы между собой. Сегодня назрела необходимость повышения системности законодательства о защите персональных данных и обеспечения разноотраслевого взаимодействия в указанной сфере [2]. Справедливости ради отметим, что в Законе о персональных данных содержатся отдельные отсылки к отраслевому, в частности трудовому, законодательству (п. 1 ч. 2 ст. 22).

Мы исходим из широкого понимания персональных данных, поскольку установить исчерпывающий их перечень невозможно. Полагаем, что при возникновении сомнений в том, являются ли те или иные сведения персональными данными, следует считать их таковыми [3]. Изложенный подход позволяет распространить действующее законодательство в сфере персональных данных на так называемые большие данные, в связи с чем отпадет необходимость дополнительной разработки специальных нормативных правовых актов [3; 4].

Сначала проследим цепочку разноотраслевого взаимодействия в регулировании отношений по поводу персональных данных через призму права человека на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, поскольку именно здесь наиболее ярко проявляется сущностная «предрасположенность» персональных данных к признанию их категорией гражданского права.

Неразрывная связь персональных данных с человеком предопределяет, прежде всего, необходимость защиты его прав на конституционном уровне, поскольку именно Конституция РФ закрепляет право на неприкосновенность

² О персональных данных: федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1), ст. 3451.

¹ Собрание законодательства РФ. 2006, №31, ст. 3448.

частной жизни, личную и семейную тайну (ст. 23, 24). Установление специальных правил о сборе, хранении, использовании и распространении информации о частной жизни лица является гарантией реализации такого права. Так, запрещается требовать от гражданина предоставления информации о его частной жизни, в том числе составляющей личную или семейную тайну, и получать (за установленными исключениями) такую информацию помимо воли гражданина (п. 8 ст. 9 ФЗ «Об информации»).

Целью Закона о персональных данных, как известно, является обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ст. 2). В ст. 152.2 ГК РФ устанавливается принципиальное положение о том, что не допускаются без согласия гражданина сбор, хранение, распространение и использование любой информации о его частной жизни. Таким образом, связь законодательства о персональных данных и гражданского законодательства базируется, прежде всего, на их общей «нацеленности» на охрану неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, которые являются нематериальными благами и, соответственно, объектами гражданских прав (ст. 128 ГК РФ). Как справедливо подчеркивает А.И. Савельев, право на неприкосновенность частной жизни является совокупностью правомочий, обеспечивающих свободу реализации личности [4].

Следует отметить, что в законодательстве о защите персональных данных последние рассматриваются в качестве самостоятельного объекта правового воздействия, а в отраслевом законодательстве (прежде всего, в гражданском) – в качестве одного из способов охраны соответствующих прав граждан. При этом необходимо иметь в виду, что законодательство о персональных данных должно устанавливать баланс между частными интересами субъектов персональных данных и интересами общества и государства. Выполнение этой функциональной роли обеспечивается применением публичных и частных методов правового регулирования.

СВЯЗЬ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ С ГРАЖДАНСКИМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ

Такая связь проявляется уже на стадии определения сферы действия Закона о персональных данных. Так, использование гражданско-правовых категорий позволяет

определить «пределы действия» указанного закона. Как известно, целый ряд отношений по обработке персональных данных не подпадает под его действие, в частности обработка персональных данных физическими лицами исключительно для личных и семейных нужд, если при этом не нарушаются права субъектов персональных данных (ч. 2 ст. 1).

В Законе о персональных данных понятия личных и семейных нужд не раскрываются, что требует использования их толкования, применяемого в гражданском праве, поскольку эти дефиниции здесь являются устоявшимся. Так, гражданин признается потребителем, если он приобретает товары (работы, услуги) «исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности» (преамбула к Закону РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»³, ст. 1212 ГК РФ). Цель использования товара, например, является квалифицирующим признаком для целого ряда гражданско-правовых договоров (ст. 506 ГК РФ и др.).

Таким образом, если обработка персональных данных связана с осуществлением предпринимательской деятельности, то она подпадает под действие Закона о персональных данных. Понятие же предпринимательской деятельности, как известно, также является категорией гражданского права. В связи с этим возникает актуальный вопрос о правилах обработки персональных данных, осуществляемой самозанятыми гражданами.

В литературе существует несколько позиций относительно правового статуса самозанятых и режима осуществляемой ими деятельности. Полагаем, что статус самозанятого гражданина является разноотраслевым, и в каждой отрасли права он имеет свои (отраслевые) признаки. Считаем также, что деятельность самозанятых граждан не следует относить к предпринимательской, поскольку она должна иметь собственный правовой режим. Как верно отмечает А.Г. Демиева, существует множество видов деятельности, которые носят экономический характер, но при этом не являются предпринимательскими, в частности самостоятельная доходная деятельность граждан (в том числе и самозанятых). Автор предлагает дополнить этим видом деятельности предмет гражданского права и внести соответствующие корректировки в ст. 18 и 23 ГК РФ [5, с. 92–94].

Между тем считаем, что обработка персональных данных самозанятыми должна подпадать под действие Закона о персональных

³ Собрание законодательства РФ. 1996. 15 янв.

данных, поскольку такие действия осуществляются не для личных и семейных нужд, а для самостоятельной доходной деятельности. В литературе широко обсуждается вопрос о возможности распространения исключения об обработке данных для личных нужд на установку камер видеонаблюдения за публичными местами, в том числе в случае их установки гражданином для целей охраны своего имущества, например на улице перед домом. Судебная практика и доктрина обоснованно отрицательно относятся к применению к этой ситуации указанного исключения [4]. Как видим, понятийные аппараты гражданского законодательства и законодательства о персональных данных тесно переплетаются.

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ КАК ВИД НЕМАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГА

В науке все настойчивее предлагается рассматривать персональные данные в качестве не-материального блага, являющегося объектом личного неимущественного права гражданина на защиту персональных данных как вида гражданского права. Таким образом, по сути, речь идет о расширении содержания гражданской правосубъектности [6, с. 7, 8].

В ст. 150 ГК РФ, как известно, дается незакрытый перечень нематериальных благ, некоторые из которых являются персональными данными. Например, имя (фамилия, имя и отчество) гражданина, без которого невозможно реализовать гражданскую правосубъектность, будучи нематериальным благом и объектом гражданских прав, одновременно выступает в качестве персональных данных.

Одним из очевидных последствий легального признания персональных данных нематериальными благами (путем внесения соответствующих дополнений в ст. 150 ГК РФ) является возможность распространения на них всего арсенала гражданско-правовых способов защиты (ст. 12, 150, 151, 152, 152.1, 152.2 ГК РФ). На принципиальном же уровне придание персональным данным качества гражданско-правовой категории позволит охранять это нематериальное благо независимо от того, влечет ли его нарушение неблагоприятные последствия для субъекта или нет, связано ли оно с неприкосновенностью частной жизни, личной или семейной тайной, то есть за сам факт нарушения. Такой подход обеспечит переход на новый уровень гарантий прав гражданина в этом секторе информационного поля.

СООТНОШЕНИЕ ПРАВА ГРАЖДАНИНА НА ЗАЩИТУ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ И ЕГО ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

По поводу соотношения права гражданина на защиту персональных данных и его права на неприкосновенность частной жизни в юридической литературе высказываются различные точки зрения. Мы исходим из того, что это самостоятельные, но в то же время пересекающиеся понятия, поскольку, с одной стороны, Закон о персональных данных распространяет свое действие не на все отношения по поводу сведений, составляющих личную или семейную тайну, с другой – нарушение права на неприкосновенность частной жизни может быть не связано с персональными данными, а касаться иных сведений (личного, интимного характера). В то же время охрана частной жизни может осуществляться и путем защиты персональных данных.

Поскольку правовой режим персональных данных содержит нормы различных отраслей права (является комплексным институтом), то для защиты прав субъекта персональных данных могут использоваться разноотраслевые механизмы. В зависимости от состава правонарушения к виновным лицам могут применяться различные виды юридической ответственности, но лишь гражданско-правовая ответственность нацелена на обеспечение интересов именно гражданина. Так, применение мер административной ответственности к оператору дисциплинирует его, но такие меры не всегда связаны с защитой прав конкретного гражданина.

ПОСТРОЕНИЕ СИСТЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Легальное признание персональных данных нематериальными благами имеет большое значение и для построения системы защиты гражданских прав физических лиц в целом. Значительное разнообразие персональных данных и сфер их применения, а также наличие в их составе подинститутов навело ученых на мысль о невозможности формирования единого правового режима этого вида информации [2]. Для обоснования позиции по рассматриваемому вопросу предварительно необходимо решить следующую важную методологическую задачу:

определить степень родового единства таких сведений и необходимость дифференциации правового регулирования.

Полагаем, что ключ к решению этой задачи дает Закон о персональных данных, который вводит основной понятийный аппарат, устанавливает общие правила обработки персональных данных, делит эти сведения на категории (виды), определяет права субъектов персональных данных и обязанности оператора, устанавливает порядок осуществления федерального государственного контроля (надзора) за их обработкой. Все эти положения можно отнести к общей части правового режима персональных данных, отражающей их родовое единство. Причем в связи с причислением персональных данных к нематериальным благам такое единство усиливается, поскольку все персональные данные (независимо от их видовой принадлежности) будут подлежать гражданско-правовой защите. Предлагаем идти по пути формирования общих положений о правовом режиме персональных данных и установления специальных правовых режимов их отдельных видов.

В аспекте повышения системности правового регулирования в сфере персональных данных считаем необходимым руководствоваться правилом о том, что основные понятия, закрепленные в Законе о персональных данных, должны использоваться в других нормативных правовых актах (в том числе и в отраслевых кодификационных) в значении указанного закона [1]. На сегодняшний день, например, понятие «обработка персональных данных», закрепленное в ст. 3 Закона о персональных данных, и виды действий в отношении информации о частной жизни гражданина, перечисленные в п. 1 ст. 152.2 ГК РФ, существенно разнятся, что может привести к неправильной квалификации нарушений в сфере неприкосновенности частной жизни.

Правовые режимы отдельных видов персональных данных существенно отличаются друг от друга, поскольку содержащиеся в них сведения обладают значительной спецификой. Так, в Законе о персональных данных выделяются специальные категории персональных данных (ст. 10) и биометрические персональные данные (ст. 11). Первые касаются расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, состояния здоровья, интимной жизни. Их обработка не допускается (за установленными исключениями). На основании вторых можно установить личность человека, поскольку

они характеризуют его физиологические и биологические особенности. Такие сведения могут обрабатываться только при наличии письменного согласия субъекта персональных данных (за установленными исключениями). Как видим, выделены два специальных режима персональных данных с повышенной правовой защитой. Следует также иметь в виду, что каждый из указанных видов имеет свою сложную внутреннюю структуру в силу многообразия объединенных в них сведений и, соответственно, свои «внутривидовые» режимы.

Если рассматривать персональные данные с позиции гражданского права – как нематериальные блага, то для применения мер гражданско-правовой защиты будет достаточным сам факт нарушения права на них, например, осуществление обработки специальной категории данных при отсутствии установленных исключительных случаев. Для применения указанных мер важна правильная квалификация данных в качестве того или иного вида. Между тем здесь возникают некоторые сложности, поскольку соотношение режимов биометрических и специальной категории персональных данных в части видовой принадлежности генетической информации страдает некой неопределенностью. Дело в том, что в доктрине генетическая информация традиционно причисляется к биометрическим персональным данным [7]. Между тем такая информация может содержать сведения о состоянии здоровья человека, которые относятся к специальной категории персональных данных. Это означает, что генетическая информация может подчиняться одновременно правовым режимам биометрических и специальной категории персональных данных, которые существенно различаются.

В настоящее время вопрос о допустимых пределах использования генетической информации имеет первостепенное значение не только для отдельного гражданина и государств, но и для цивилизации в целом. В литературе неоднократно отмечалось, что новые технологии существенно влияют как на жизнь каждого человека, так и на развитие всей цивилизации. Эта сфера научных знаний может стать причиной многих конфликтов, и их результаты могут использоваться в том числе и в корыстных целях [8, с. 65]. В связи с этим в доктрине все активнее ставится вопрос о необходимости недопущения неправомерного использования генетической информации и повышения эффективности защиты прав гражданина в этой сфере [9, с. 20]. Правовое регулирование

в анализируемой области, особенно в части создания действенного механизма безопасности использования таких сведений, начинает играть все большую роль. В связи с этим предлагаем выделить генетическую информацию в качестве вида персональных данных, а также издать специальный закон о генетической информации [10, 98–110], что позволит формировать ее целостный правовой режим [11, с. 24].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве итоговых выводов предлагаем следующее:

- легально признать персональные данные нематериальными благами, выступающими в качестве объекта личного неимущественного права на защиту персональных данных;
- квалифицировать право гражданина на защиту персональных данных и его право на неприкосновенность частной жизни как самостоятельные, но пересекающиеся понятия;

– при построении системы правового регулирования в сфере персональных данных руководствоваться правилом об использовании во всех нормативных правовых актах (в том числе и в отраслевых кодификационных) основных понятий в значении Закона о персональных данных;

– идти по пути формирования общих положений о правовом режиме персональных данных и установления специальных правовых режимов их отдельных видов;

– выделить генетическую информацию в качестве отдельного вида персональных данных, а также издать специальный закон о генетической информации.

Сказанное позволяет заключить, что легальное признание персональных данных гражданско-правовой категорией в значительной мере расширит возможности граждан по защите своих прав с помощью гражданско-правового охранительного механизма.

Список источников

1. Федеральный закон «О персональных данных» : научно-практический комментарий (постатейный) / А.Х. Гафурова, Е.В. Доротенко, Ю.Е. Контемиров ; под ред. А.А. Приезжевой. URL: <https://www.tgl.net.ru/files/infosafety/ФЗ-152%20комментарий.pdf>.
2. Терещенко Л.К. Модернизация информационных отношений и информационного законодательства : монография / Л.К. Терещенко. – Москва : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ : ИНФРА-М, 2013. URL: <https://izak.ru/upload/iblock/d9a/d9a41cd976d8a127e078656536b0cc30.pdf>.
3. Грибанов А.А. Общий регламент о защите персональных данных (General data protection regulation): идеи для совершенствования российского законодательства / А.А. Грибанов. URL: <https://urfac.ru/?p=437>.
4. Савельев А.И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных» / А.И. Савельев. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=486604>.
5. Демиева А.Г. Правовая организация осуществления самостоятельной доходной деятельности граждан – задача цивилистики / А.Г. Демиева // Современные проблемы и перспективы развития частноправового и публично-правового регулирования : сборник материалов V Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета, Уфа, 22 апреля 2022 г. / отв. ред. Е.В. Ахтямова. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2022. – С. 92–94.
6. Заман Ш.Х. Гражданско-правовой статус физических лиц в Германии, Италии, Франции и России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ш.Х. Заман. – Москва, 2009. – 204 с.
7. Малеина М.Н. Понятие и классификация геномной (генетической) информации / М.Н. Малеина // Lex Russica. – 2020. – № 7. – С. 56–57.
8. Каюмова А.Р. Защита прав человека в контексте применения современных биотехнологий: некоторые проблемы / А.Р. Каюмова // Юрист. – 2019. – № 1. – С. 64–71.

References

1. Gafurova A.Kh., Dorotenko E.V., Yu.E. Kontemirov; A.A. Priezzheva (ed.). Federal'nyy zakon «O personal'nyh dannyh»: nauchno-prakticheskij kommentarij (postatejnyj) [Federal Law «On Personal Data»: scientific and practical commentary (article-by-article)]. Available at: <https://www.tgl.net.ru/files/infosafety/ФЗ-152%20комментарий.pdf>.
2. Tereshchenko L.K. Modernizaciya informacionnyh otnoshenij i informacionnogo zakonodatel'stva [Modernization of information relations and information legislation]. Moscow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation Publ., INFRA-M Publ., 2013.
3. Gribanov A.A. Obshchij reglament o zashchite personal'nyh dannyh (General data protection regulation): idei dlya sovershenstvovaniya rossijskogo zakonodatel'stva [General data protection regulation: ideas for improving Russian legislation]. Available at: <https://urfac.ru/?p=437>.
4. Saveliev A.I. Nauchno-prakticheskij postatejnyj kommentarij k Federal'nomu zakonu «O personal'nyh dannyh» [Scientific and practical article-by-article commentary on the Federal Law «On Personal Data»]. Available at: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=486604>.
5. Demieva A.G. Legal organization of the implementation of independent income-generating activities of citizens – the task of civil law. In Akhtyamova E.V. (ed.). Sovremennyye problemy i perspektivy razvitiya chastnopravovogo i publichno-pravovogo regulirovaniya. Sbornik materialov V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 20-letiyu kafedry grazhdanskogo prava Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta, Ufa, 22 aprelya 2022 g. [Modern problems and prospects for the development of private law and public law regulation. Proceedings of the V International scientific and practical conference dedicated to the 20th anniversary of the Chair of Civil Law of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, April 22, 2022]. Bashkir State University, 2022, pp. 92–94. (In Russian).
6. Zaman Sh.Kh. Grazhdansko-pravovoj status fizicheskikh lic v Germanii, Italii, Francii i Rossii. Avtoref. Kand. Diss. [Civil law status of individuals in Germany, Italy, France and Russia. Cand. Diss. Thesis]. Ekaterinburg, 2019. 32 p.
7. Maleina M.N. The concept and classification of genomic (genetic) information. Lex Russica, 2020, no. 7, pp. 56–57. (In Russian). law status of individuals in Germany, Italy, France and Russia. Cand. Diss. Thesis]. Ekaterinburg, 2019. 32 p.

9. Богданова Е.Е. Правовые проблемы и риски генетической революции: генетическая информация и дискриминация / Е.Е. Богданова // Lex Russica. – 2019. – № 6. – С. 18–29.

10. Рассолов И.М. Внутриотраслевые принципы обработки генетической информации / И.М. Рассолов, С.Г. Чубукова // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5 (102). – С. 98–110.

11. Использование информации о циркадианных генах: проблемы охраны прав и интересов граждан : монография / В.И. Беляков и др. – Самара : Инсома-пресс, 2022. – 121 с. 9. Богданова Е.Е. Правовые проблемы и риски генетической революции: генетическая информация и дискриминация / Е.Е. Богданова // Lex Russica. – 2019. – № 6. – С. 18–29.

10. Рассолов И.М. Внутриотраслевые принципы обработки генетической информации / И.М. Рассолов, С.Г. Чубукова // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5 (102). – С. 98–110.

11. Использование информации о циркадианных генах: проблемы охраны прав и интересов граждан : монография / В.И. Беляков и др. – Самара : Инсома-пресс, 2022. – 121 с.

8. Kayumova A.R. Human rights protection in view of application of modern biotechnologies: some issues. Yurist = Jurist, 2019, no. 1, pp. 64–71. (In Russian).

9. Bogdanova E.E. Legal problems and risks of genetic revolution: genetic information and discrimination. Lex Russica, 2019, no. 6, pp. 18–29. (In Russian).

10. Rassolov I.M., Chubukova S.G. Intrabranh principles of genetic information processing. Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law, 2019, no. 5 (102), pp. 98–110. (In Russian).

11. Belyakov V.I., Vedyasova O.A., Zhuravleva M.A., Inyushkin A.N., In-yushkin A.A., Inyushkina E.M., Kryukova E.S. et al. Using information about circadian genes: problems of protecting the rights and interests of citizens. Samara, Insoma-press Publ., 2022. 121 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Рузанова Валентина Дмитриевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королёва.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ruzanova Valentina Dmitrievna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University.

Статья поступила в редакцию 01.06.2022; одобрена после рецензирования 04.07.2022; принята к публикации 08.07.2022. The article was submitted 01.06.2022; approved after reviewing 04.07.2022; accepted for publication 08.07.2022.

Научная статья
УДК 347.44
DOI 10.33184/pravgos-2022.3.11

Original article

САПЕГА Вячеслав Александрович
Ульяновский государственный университет,
Ульяновск, Россия;
e-mail: vamorozov21@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0003-0222-9610>

SAPEGA Vyacheslav Alexandrovich
Ulyanovsk State University,
Ulyanovsk, Russia.

ТРАНСПОРТНО-ЭКСПЕДИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОБЛАСТИ ПОЧТОВЫХ УСЛУГ

FORWARDING ACTIVITIES IN THE FIELD OF POSTAL SERVICES

Аннотация. В настоящее время отсутствует научное обоснование правовой природы транспортно-экспедиционных услуг в области почтовой связи, несмотря на то что их существование отражено в ст. 1 Федерального закона от 30 июня 2003 г. № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности»¹. Нет единства мнений по поводу соотношения почтовых услуг с транспортно-экспедиционными, урегулированными правилами гл. 41 ГК РФ. Это сдерживает развитие законодательства в данной сфере правового регулирования и соответствующих сегментов рынков транспортных услуг и услуг связи. Цель: выработка научного представления об основах правового регулирования транспортно-экспедиционной деятельности в области почтовой связи. Методы: эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридического моделирования, юридико-догматический и толкования правовых норм. Результаты: предложены варианты решения проблемы о соотношении услуг почтовой связи и транспортно-экспедиционной деятельности. Доказано, что в настоящее время отсутствуют разграничительные признаки данных видов услуг, в особенности в случаях отправления посылок. Доказано, что отправление посылок не может быть услугой связи, поскольку отсутствует информационная составляющая, необходимая для коммуникации. Предложено считать услуги, связанные с доставкой посылок, транспортно-экспедиционными услугами в области почтовой связи. Также предлагается законодательно разграничить данный вид услуг и услуги связи и сформулировать родовое понятие «почтовая услуга».

Ключевые слова: транспортная экспедиция, почтовая связь, посылка, корреспонденция, перевозка

Для цитирования: Сапег В.А. Транспортно-экспедиционная деятельность в области почтовых услуг / В.А. Сапег // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 3. – С. 84–88. DOI. 10.33184/pravgos-2022.3.11.

Abstract. Currently, there is no scientific justification for the legal nature of postal forwarding services, despite the fact that their existence is reflected in Article 1 of the Federal Law of June 30, 2003 No. 87-FZ «On Forwarding Activities». There are no unanimous opinions on the correlation of postal services with forwarding, regulated by the rules of Ch. 41 of the Civil Code of the Russian Federation. This constrains the development of legislation in this area of legal regulation and relevant segments of transport and communication markets. Purpose: to develop a scientific idea of the bases of legal regulation of forwarding activities in the field of postal services. Methods: empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; specific scientific methods: legal modeling, legal-dogmatic and interpretation of legal norms. Results: the article proposes solutions to the problem of the correlation of postal services with forwarding activities. It is proved that at present there is no distinction between these types of services, especially in the case of sending parcels. It is proved that sending parcels cannot be a communication service because there is no information component necessary for communication. It is proposed to consider services related to the delivery of parcels as forwarding services in the field of postal communications. It is also proposed to legally distinguish this type of service and communication services and to formulate the generic concept of «postal service».

Keywords: transport expedition, postal communication, parcel, correspondence, transportation

For citation: Sapega V.A. Forwarding activities in the field of postal services. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 3, pp. 84–88. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.11. (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Богатое научное наследие советского периода свидетельствует о том, что правовое регулирование транспортно-экспедиционных услуг, связанных с перевозкой почты, находилось в центре внимания цивилистов. Бурные дискуссии, длящиеся на протяжении многих десятилетий, а также современное состояние гражданского законодательства до сих пор не привели к консенсусу в вопросе разграничения услуг почтовой связи и транспортно-экспедиционных услуг. Между тем в настоящее время квалифицировать деятельность по отправлению посылок транспортными экспедиторами, специализирующимися на отправке посылок (пакетов), среди которых American eBox, AUSFF, Boxinus, ForwardVia, myGermany GmbH, Parcelbound, с участием специализированных перевозчиков Aramex, Borderlinx, CDEK, DHL, FedEx и др., однозначно не всегда возможно. Где услуги почтовой связи, а где транспортная экспедиция на практике при вольностях, допускаемых при оформлении документов, приходится только гадать.

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАНСПОРТНО-ЭКСПЕДИЦИОННЫХ УСЛУГ В ОБЛАСТИ ПОЧТОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Вопрос о возможности договорного регулирования оказания транспортно-экспедиционных услуг, связанных с перевозкой почты, обсуждался в 1950–1970-х годах специалистами в области транспортного права. Г.Н. Чуб, например, характеризовала предмет договора почтовой экспедиции как совокупность действий, связанных с отправкой и получением корреспонденции от транспортных органов. При этом автор квалифицировала органы связи как посредников между фактическими отправителями (получателями) и перевозчиками [1].

Экспедиция в юридической литературе советского периода рассматривалась как общее родовое понятие, охватывающая различные обязательства, связанные с доставкой. Так, Н.Г. Рыженкова видит экономический смысл экспедиции в освобождении «непосредственных исполнителей различных договорных обязательств от самостоятельного осуществления этого дополнительного условия – доставки» [2, с. 4]. При этом почтовая экспедиция признается ею разновидностью экспедиции. Следует обратить внимание, что общее понятие экспедиции все же относится автором к сфере транспорта, поскольку все его виды неразрывно связаны с перевозкой.

В этой связи экспедицию не следует путать с почтовой экспедицией, которую, например, осуществляли личные канцелярии монархов [3, с. 45], а также с экспедитором писем, понятие которого имеется в немецком языке (Briefspediteur или der Korrespondenzspediteur) [4, с. 63].

Соотношение понятий «экспедиция», «почтовая экспедиция» и «транспортная (грузовая) экспедиция» не могло не отразиться в сфере правового регулирования экспедиционных отношений. Нет ничего удивительного в том, что договор экспедиции многими исследователями также рассматривался как родовое понятие. Предлагалось, например, дать общее определение договора экспедиции, который включает такие его разновидности, как транспортная экспедиция, связанная с доставкой людей, корреспонденции, грузов. М.А. Тарасов, подчеркивая сложность этой задачи, пишет: «Договор экспедиции, по условиям которого одна сторона (экспедитор) обязуется обеспечить доставку адресату корреспонденции или совершить отправку (получение) грузов на транспорте либо оказать транспортно-экспедиционные услуги гражданам, а другая сторона – уплатить вознаграждение за эти услуги, не укладывается в рамки какого-либо традиционного договора» [5, с. 120].

Показательно в данном аспекте и умозаключение, сделанное Н.Г. Рыженковой: «Анализ содержания договоров грузовой, почтовой и бытовой экспедиции приводит ... к выводу о том, что деятельность всех экспедиционных организаций подчинена одной общей задаче – обеспечению доставки определенных грузов, вещей, корреспонденции» [2, с. 5–6].

Общность договоров экспедиции, по мнению исследователей, не исключает их видового многообразия. Так, наряду с грузовой экспедицией В.В. Залесский выделяет почтовую экспедицию [6, с. 206]. А.И. Хаснутдинов, выделяя наряду с транспортной экспедицией почтовую экспедицию, полагает необходимым разграничивать транспортно-экспедиционный договор и договор почтовой экспедиции [7, с. 63]. Что касается договора транспортной экспедиции, который, по мнению А.И. Хаснутдинова, обладает всеми признаками родового понятия договора экспедиции, то автор в качестве особого его признака считает наличие обязанности экспедитора осуществить вспомогательную автомобильную перевозку груза [7, с. 67].

Договорное регулирование почтовой экспедиции непременно связывалось с необходимостью заключения договора перевозки грузов. Так, М.А. Тарасов, подчеркивая

общность экономической задачи транспорта и связи, заключающуюся в обеспечении нужды перемещения, пишет: «Когда предприятия связи заключают договор перевозки, они стремятся получить возможность реализовать экспедиторские обязанности перед клиентурой, а не обеспечить те интересы, которые имеют в виду отправители, поручая доставку своей корреспонденции» [8, с. 120].

Как отмечают Д.И. Половинчик и А.Г. Быков, договоры на перевозку почты заключаются между предприятиями связи и перевозчиками. При этом обращалось внимание на существование двух видов таких договоров: длящиеся (годовые) и договоры конкретной почтовой отправки [9, с. 195].

В науке высказывались и противоположные мнения. Не признает почтовой экспедиции М.К. Александров-Дольник. В обоснование своего мнения он указывал, что отправители (адресаты) и адресанты почтовой корреспонденции в отношениях по перевозке не состоят [10, с. 62].

Н.Ф. Лопатина в качестве аргумента против отождествления почтовой и грузовой экспедиции указывает, что почтовые организации не передают груз под ответственность перевозчика, поскольку почтовые отправления сопровождают сотрудники почты, а доставка почтовых отправлений происходит транспортом почты либо в арендованных вагонах. Кроме того, договоры органов связи с транспортом заключаются в централизованном порядке и не на каждое почтовое отправление, а на перевозку почты в целом [11, с. 147].

М.А. Тарасов, хотя и являлся сторонником существования договора почтовой экспедиции, все же указывал, что «фактический отправитель корреспонденции в обязательство перевозки не вступает совсем. Он поручает органам общественной связи доставить и вручить адресату корреспонденцию» [8, с. 174]. Таким образом, подчеркивалось отсутствие неразрывной связи с договором перевозки, которая в транспортной экспедиции обеспечивается одновременным участием в обоих обязательствах грузоотправителя либо грузополучателя.

Данное мнение, как и мнение Н.Ф. Лопатиной, в момент их высказывания были обоснованы, поскольку на тот момент почтовые организации были представлены как структурные подразделения областных и республиканских управлений связи. В то время была мыслима только одна схема взаимоотношений клиентуры органов связи, почтовых и транспортных организаций. Отправители почтовой корреспонденции вступали в договорные

отношения с почтовыми организациями, а те, в свою очередь, заключали договоры с перевозчиками. Прямые контакты адресатов и адресантов с перевозчиками при такой схеме действительно были невозможны. Теперь же ситуация кардинально изменилась и посылки доставляются не только операторами связи, но и транспортно-экспедиционными организациями.

В настоящее время доставку посылок вряд ли можно отнести к услугам связи ввиду того, что она никакого отношения к передаче информации, составляющей суть таких услуг, не имеет. Почтовым отправлениям посылок и денежным переводам среди услуг почтовой связи нет места. При этом мы не склонны рушить традиции и призывать к тому, чтобы почта данной деятельностью не занималась. Просто это уже будут другие виды деятельности. Выходом из создавшейся ситуации может быть внесение в законодательство о связи изменений в части исключения из услуг связи отправлений посылок. При этом следует сформулировать родовое понятие «услуги почты», которое является собирательным и включает в себя услуги почтовой связи, транспортно-экспедиционные услуги в области почтовой деятельности, услуги по отправке почтовых переводов и дополнительные услуги. Соответственно, название закона должно быть скорректировано следующим образом: «О почтовой связи и иных почтовых услугах».

Говоря о родовом понятии «услуги почты», мы не имеем в виду существование отдельного гражданско-правового института, в рамках которого осуществляется договорное регулирование соответствующего вида услуг. Такого института нет и быть не может. Речь идет о собирательном понятии, относящемся к разным правовым институтам, но закрепленном в комплексном законодательстве, регулирующем не конкретный вид общественных отношений, а сферу деятельности, в данном случае – почтовой. Такая ситуация в настоящее время является достаточно распространенной.

Транспортно-экспедиционные услуги в области почтовой деятельности должны включать действия по выполнению или организации выполнения услуг, связанных с доставкой посылок. В качестве экспедитора должен выступать оператор почтовой связи. При этом своеобразие данных услуг должно быть отражено в законе «О почтовой связи и иных почтовых услугах». А специфика таких транспортно-экспедиционных услуг в данной сфере действительно существует.

В п. 2 ст. 1 Федерального закона «О транспортно-экспедиционной деятельности» следует заменить выражение «транспортно-экспедиционную деятельность, осуществляемую в области почтовой связи» на выражение «транспортно-экспедиционную деятельность, осуществляемую в области почтовой деятельности».

Решая вторую поставленную задачу, отметим, что специфика транспортно-экспедиционных услуг в области почтовой деятельности проявляется, прежде всего, по линии субъектного состава договора транспортной экспедиции в области почтовой деятельности и свидетельствует о целесообразности в качестве клиента называть отправителя, а не грузоотправителя (грузополучателя) либо не расшифровывать понятие «клиент».

Одним из существенных различий в законодательстве, регулирующем отношения почтовой связи и отношения транспортно-экспедиционной деятельности, является то, что невостребованное почтовое отправление подлежит возврату по обратному адресу. Невостребованные почтовые отправления могут быть вскрыты по судебному решению (ст. 21 Федерального закона «О почтовой связи»). Невостребованный же груз по договору перевозки, как правило, подлежит реализации перевозчиком по истечении сроков хранения. Представляется, что правила, предусмотренные ст. 21 Федерального закона «О почтовой связи»², должны распространяться и на деятельность транспортного экспедитора в области почтовой деятельности. Также в новый закон «О почтовой связи и иных почтовых услугах» должны быть рецепиированы

² О почтовой связи : федер. закон от 17.07.1999 № 176-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1999. № 29, ст. 3697.

требования ст. 20 Закона «О почтовой связи» к оборудованию транспортных средств, исключающего доступ в них посторонних лиц.

Существуют различия в ответственности исполнителя при утрате, порче либо повреждении посылки. Ответственность операторов почтовой связи за данный вид нарушения ограничена размером реального ущерба. Это следует из положений ст. 34 Федерального закона «О почтовой связи», а новые Правила оказания услуг почтовой связи особенности ответственности оператора почтовой связи не раскрывают, указывая в разделе VII только на порядок предъявления к нему претензий³. Как справедливо указал суд Поволжского округа в своем постановлении от 18 ноября 2016 г. № Ф06-13955/2016 по делу № Ф 12-54480/2015, ограниченный размер ответственности оператора почтовой связи исключает полное возмещение убытков такой организацией, если договором на оказание услуг почтовой связи не установлена повышенная ответственность оператора почтовой связи⁴.

Выводы

Таким образом, отправление посылок не является услугой связи, поскольку не носит информационный характер. Транспортно-экспедиционные услуги в области почтовой деятельности должны включать действия по оказанию или организации оказания услуг, связанных с доставкой посылок.

³ Правила оказания услуг почтовой связи : приказ Министерства связи и массовых коммуникаций РФ от 31.07.2014 № 234 // Российская газета. 2014. № 299.

⁴ См.: Постановление суда Поволжского округа от 18.11.2016 № Ф06-13955/2016 по делу № Ф 12-54480/2015 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2022).

Список источников

1. Чуб Г.Н. Договор о предоставлении услуг почтово-телеграфной связи : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г.Н. Чуб. – Москва, 1963. – 16 с.
2. Рыженкова Н.Г. Правовая природа отношений, вытекающих из договора экспедиции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.Г. Рыженкова. – Москва, 1970. – 16 с.
3. Прокофьев В.Н. Пределы компетенции Администрации Президента Российской Федерации: конституционно-правовой аспект / В.Н. Прокофьев // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 12. – С. 45–50.
4. Бажина М.А. Договоры перевозки грузов и транспортной экспедиции в России и Германии. Сравнительная характеристика : монография / М.А. Бажина ; отв. ред. В.С. Белых. – Москва : Проспект, 2016. – 105 с.

References

1. Chub G.N. Dogovor o predostavlenii uslug pochtovo-telegrafnoj svyazi. Avtoref. Kand. Diss. [Agreement on the provision of postal and telegraph services. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 1963. 16 p.
2. Ryzhenkova N.G. Pravovaya priroda otnoshenij, vytekayushchih iz dogovora ekspedicii. Avtoref. Kand. Diss. [Legal nature of relations arising from the expedition contract. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 1970. 16 p.
3. Prokofyev V.N. Limits of competence of the Administration of the President of the Russian Federation: constitutional and legal aspect. Konstitucionnoe i municipal'noe pravo = Constitutional and Municipal Law, 2015, no. 12, pp. 45–50. (In Russian).
4. Bazhina M.A.; Belyh V.S. (ed.). Dogovory perevozki грузов i transportnoj ekspedicii v Rossii i Germanii. Sravnitel'naya harakteristika [Contracts for the carriage of goods and

5. Тарасов М.А. Транспортное право / М.А. Тарасов. – Ростов-на-Дону, 1968. – 238 с.

6. Советское гражданское право : учебник. Т. 2. / Л.А. Антонова и др. ; отв. ред. В.А. Рясенцев. – Москва : Юрид. лит., 1965. – 503 с.

7. Хаснутдинов А.И. О предмете договора на транспортно-экспедиционное обслуживание / А.И. Хаснутдинов // Вопросы государства и права : материалы юридической секции теоретической конференции, посвященной 50-летию Великой Октябрьской Социалистической Революции. – Иркутск, 1968. – С. 62–67.

8. Тарасов М.А. Договор экспедиции в связи с экономической реформой / М.А. Тарасов // Труды по правоведению. Теоретические вопросы применения и дальнейшего совершенствования законодательства : материалы республиканской научной конференции, 27–30 сентября 1967 г. – Тарту : Изд-во Тартуского ун-та, 1969. – Вып. 9. – С. 111–120.

9. Быков А.Г. Основы автотранспортного права : учебник / А.Г. Быков, Д.И. Половинчик. – 3-е изд. – Москва : Юрид. лит., 1986. – 336 с.

10. Александров-Дольник М.К. Правовые вопросы доставки груза от склада отправителя до склада получателя («от двери до двери») / М.К. Александров-Дольник. – Алма-Ата, 1969. – 151 с.

11. Лопатина Н.Ф. О правовой природе договоров по предоставлению услуг почтовой и телеграфной связи / Н.Ф. Лопатина // Проблемы государства и права / отв. ред. А.Е. Лунев. – Москва, 1975. – Вып. 10. – С. 144–151.

transport expeditions in Russia and Germany. Comparative characteristics]. Moscow, Prospekt Publ., 2016. 105 p.

5. Tarasov M.A. Transportnoe pravo [Transport law]. Rostov-on-Don, 1968. 238 p.

6. Antonova L.A., Bezruk N.A., Braginsky M.I., Verdnikov V.G., Zalessky V.V., Zankovskaya S.V., Kabalkin A.Yu. et al.; Ryasentsev V.A. (ed.). Sovetskoe grazhdanskoe pravo [Soviet civil law]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1965. Vol. 2. 503 p.

7. Hasnutdinov A.I. On the subject of the forwarding services contract. Voprosy gosudarstva i prava. Materialy yuridicheskoy sekcii teoreticheskoy konferencii, posvyashchennoj 50-letiyu Velikoj Oktyabr'skoj Socialisticheskoy Revolyucii [Issues of State and Law. Materials of the legal section of the theoretical conference dedicated to the 50th anniversary of the Great October Socialist Revolution]. Irkutsk, 1968, pp. 62–67. (In Russian).

8. Tarasov M.A. Expedition agreement in connection with economic reform. Trudy po pravovedeniyu. Teoreticheskie voprosy primeneniya i dal'nejshego sovershenstvovaniya zakonodatel'stva. Materialy respublikanskoj nauchnoj konferencii, 27–30 sentyabrya 1967 g. [Works on jurisprudence. Theoretical issues of application and further improvement of legislation. Materials of the Republican scientific conference, September 27–30, 1967]. University of Tartu, 1969, iss. 9, pp. 111–120. (In Russian).

9. Bykov A.G., Polovinchik D.I. Osnovy avtotransportnogo prava [Fundamentals of motor transport law]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1986. 336 p.

10. Alexandrov-Dolnik M.K. Pravovye voprosy dostavki gruzha ot sklada otpravatelya do sklada poluchatelya («ot dveri do dveri») [Legal issues of cargo delivery from the warehouse of the sender to the warehouse of the recipient («from door to door»)]. Alma-Ata, 1969. 151 p.

11. Lopatina N.F. On the legal nature of contracts for the provision of postal and telegraph services. In Lunev A.E. (ed.). Problemy gosudarstva i prava [Problems of state and law]. Moscow, 1975, iss. 10, pp. 144–151. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сапега Вячеслав Александрович – заместитель председателя Нижегородского областного суда, соискатель ученой степени кандидата юридических наук Ульяновского государственного университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sapega Vyacheslav Alexandrovich – Deputy Chairman of the Nizhny Novgorod Regional Court, Applicant for the Degree of Candidate of Legal Sciences, Ulyanovsk State University.

Статья поступила в редакцию 19.06.2022; одобрена после рецензирования 14.07.2022; принята к публикации 15.07.2022. The article was submitted 19.06.2022; approved after reviewing 14.07.2022; accepted for publication 15.07.2022.

Научная статья
УДК 347.19
DOI 10.33184/pravgos-2022.3.12

Original article

САХАРОВА Юлия Владимировна
Российский государственный
гуманитарный университет, Москва, Россия;
e-mail: 1887342@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-0630-8327>

SAKHAROVA Yulia Vladimirovna
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia.

ОСОБЕННОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПАРТНЕРСТВ И ИХ МЕСТО В СИСТЕМЕ КОММЕРЧЕСКИХ КОРПОРАТИВНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

FEATURES AND PLACE OF BUSINESS PARTNERSHIPS IN THE SYSTEM
OF COMMERCIAL CORPORATE LEGAL ENTITIES

Аннотация. Хозяйственное партнерство как организационно-правовая форма юридических лиц появились в связи с попыткой развить в России инновационную венчурную деятельность по аналогии с западными организациями. Однако в связи с тем, что эта деятельность в России полноценно не урегулирована и носит рисковый характер, а также исходя из того, что хозяйственные партнерства наделены общей правоспособностью, а их правовой статус не до конца урегулирован, данная форма непопулярна. Имея существенные отличия в правовом статусе участников, учреждении, организации и управлении, хозяйственные партнерства более всего схожи с обществами с ограниченной ответственностью и товариществами. Схожесть хозяйственных партнерств с обществами с ограниченной ответственностью проявляется в одинаковом пределе количества участников и последствиях его превышения, в наличии преимущественного права покупки доли участника в случае его выхода. С хозяйственными товариществами хозяйственные партнерства похожи договорной моделью функционирования и тем, что данные организации тяготеют к «объединению лиц», где на первый план выходит личное участие. Роднит их и законодательный запрет создания организаций одним лицом. Цель: проанализировать правовое регулирование хозяйственных партнерств и выявить их отличительные черты как отдельного вида корпораций, сравнить с другими организационно-правовыми формами юридических лиц. Методы: толкования и сравнения, системно-структурный, позволивший рассмотреть объект исследования во взаимосвязи с другими явлениями, системного анализа. Результаты: в системе корпоративных коммерческих организаций хозяйственное партнерство имеет ряд особенностей состава его участников и порядка учреждения, организации и управления деятельностью. Специфика правового статуса участников хозяйственных партнерств связана с требованием к ним: наличие иных лиц, запрет быть участником или учредителем ряда других юридических лиц, порядок формирования складочного капитала.

Abstract. Business partnership, as an organizational and legal form of legal entities, appeared in connection with an attempt to develop in Russia innovative venture activities similar to western organizations. However, due to the fact that this activity in Russia is not fully regulated and is risky, this form is unpopular, given that economic partnerships have general legal capacity and their legal status is not fully regulated. Having significant differences in the legal status of participants and the institution, organization and management, business partnerships are most similar to limited liability companies and economic fellowships. The similarity of business partnerships with limited liability companies is manifested in the same limit of the number of participants and the consequences of exceeding it, in the presence of a pre-emptive right to purchase the share of the participant in case of his exit. Business partnerships are similar to economic fellowships in the contractual model of functioning and in the fact that these organizations tend to «unite persons», where personal participation comes to the fore. They are also connected with each other by a legislative ban on the creation of organizations by one person. Purpose: to analyze the legal regulation of business partnerships and identify their distinctive features as a separate type of corporations, to compare them with other organizational and legal forms of legal entities. Methods: the method of interpretation and comparison, the system-structural method allows us to consider the object of the research in relation to other phenomena, as well as the method of system analysis. Results: in the system of corporate commercial organizations, a business partnership has a number of features of the composition of its participants and the order of establishment, organization and management of activities. The specifics of the legal status of participants in business partnerships are related to the requirement for them: the presence of other persons, the prohibition to be a participant or founder of a number of other legal entities, the procedure for the formation of the pooled capital.

Ключевые слова: юридические лица, система, корпорации, хозяйственное партнерство, отличительные особенности

Для цитирования: Сахарова Ю.В. Особенности хозяйственных партнерств и их место в системе коммерческих корпоративных юридических лиц / Ю.В. Сахарова // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 3. – С. 89–97. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.12.

Keywords: legal entities, system, corporations, business partnership, distinctive features

For citation: Sakharova Yu.V. Features and place of business partnerships in the system of commercial corporate legal entities. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 3, pp. 89–97. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.12. (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Субъектом гражданского правоотношения помимо граждан и публично-правовых образований выступают юридические лица, имеющие свою организационно-правовую форму, наделенные самостоятельными правами и обязанностями по отношению к другим участникам правоотношений. На современном этапе становления системы юридических лиц в рамках развития капиталистических отношений и реформирования гражданского законодательства существуют различные формы юридических лиц, устанавливается их правовой статус, совершенствуется корпоративное законодательство.

Хозяйственное партнерство как организационная правовая форма юридического лица появилась в российской системе юридических лиц в связи с вступлением в силу 1 июля 2012 г. Федерального закона от 3 декабря 2011 г. № 380-ФЗ «О хозяйственных партнерствах»¹ (далее – ФЗ № 380). Несмотря на десятилетний период действия правовых норм, до сих пор правоведами неоднозначно оценивается место исследуемого типа организаций в системе юридических лиц.

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПАРТНЕРСТВА

Легальное определение хозяйственного партнерства закреплено в п. 1 ст. 2 ФЗ № 380: «Хозяйственным партнерством признается созданная двумя или более лицами коммерческая организация, в управлении деятельностью которой принимают участие участники партнерства, а также иные лица в пределах и в объеме, которые предусмотрены соглашением об управлении партнерством».

Анализ норм ФЗ № 380 позволяет выделить ряд признаков хозяйственного партнерства, которые и определяют его место в системе иных корпоративных юридических лиц.

Первый признак, закрепленный в легальном определении, заключается в корпоративном характере хозяйственного партнерства как юридического лица. Он выражается в наличии членства в хозяйственном партнерстве и возможности его участников участвовать в управлении организацией.

Вторым признаком следует назвать градацию лиц, которые могут принимать участие в создании и управлении деятельностью хозяйственного партнерства (участники и иные лица), а также законодательной регламентации их численности (от двух до пятидесяти).

Третий признак – договорная модель рассматриваемого юридического лица, поскольку основой ее деятельности является соглашение об управлении партнерством, регламентирующее дополнительные права и обязанности участников хозяйственного партнерства. Основой же деятельности хозяйственных товариществ выступает учредительный договор, который обязательно подписывается всеми его участниками.

Четвертым признаком хозяйственного партнерства следует назвать его общую правоспособность, которая характеризуется возможностью осуществления любых не запрещенных законом видов деятельности. Это вытекает из анализа норм п. 3 ст. 2 ФЗ № 380, который закрепляет, что «партнерство может иметь гражданские права и нести гражданские обязанности, необходимые для осуществления любых видов деятельности, не запрещенных федеральными законами, если это не противоречит предмету и целям деятельности, определенно ограниченным уставом партнерства и соглашением об управлении партнерством». Иными словами, специальную правоспособность хозяйственное партнерство приобретет только в том случае, если участники сузят ее объем в соглашении или уставе.

В свете сказанного обращают на себя внимание нормы п. 9 ст. 2 ФЗ № 380, закрепляющие правомочия Правительства РФ определять нормативы достаточности собственных средств партнерств, осуществляющих

¹ Российская газета. 2011. № 278.

определенные виды деятельности. Однако на сегодняшний день конкретных нормативов Правительство РФ не установило. При этом в 2017 г. Правительство РФ установило «Правила формирования перечня хозяйственных обществ, хозяйственных партнерств, которые осуществляют в качестве основного вида деятельности предпринимательскую деятельность в сфере легкой промышленности»², в которых указано, что в сфере легкой промышленности хозяйственные партнерства включаются в такой перечень, если доля доходов от осуществления производства текстильных изделий, производства одежды или производства кожи и изделий из кожи и других видов деятельности «по итогам предыдущего календарного года составляет не менее 70 процентов общей суммы доходов» хозяйственного партнерства.

Видится верным, что, выступая хозяйственной организацией, партнерство, деятельность которого связана с осуществлением производства товаров и оказанием услуг, занимает промежуточное положение между хозяйственными обществами и хозяйственными товариществами, которые тоже являются коммерческими корпоративными организациями.

В литературе уже отмечалось, что «данное юридическое лицо не имеет отдельных статей в ГК РФ, что представляется неправильным» [1, с. 77]. Действительно, ГК РФ упоминает хозяйственные партнерства только в п. 2 ст. 50 среди перечня коммерческих организаций и в п. 1 ст. 65.1 среди корпораций. В параграфе, посвященном коммерческим корпоративным организациям, нет основных положений о его деятельности, как это предусмотрено для других подобных организаций. Иными словами, российский законодатель, введя в гражданский оборот новую организационно-правовую форму юридического лица, решил не добавлять основных положений ее регулирования в гражданское законодательство. Определение правового положения хозяйственных партнерств

выступает предметом регулирования отдельного специального федерального закона.

Однако видится верным, что в гражданском законодательстве необходимо установить статус хозяйственного партнерства и определить его общее правовое регулирование. Это целесообразно ввиду того, что ГК РФ предусматривает правовое регулирование отдельных видов коммерческих, некоммерческих, корпоративных и унитарных организаций, систематизируя отдельные формы юридических лиц по данным критериям. И хозяйственное партнерство как отдельная и самостоятельная форма юридических лиц в этом нуждается.

Хозяйственное партнерство как правовая форма экономической деятельности сочетает в себе объединение капиталов и закрытое договорное объединение лиц, что является характерной чертой рассматриваемой формы юридического лица.

Как объединение лиц хозяйственное партнерство характеризуется тем, что деятельность данной организации основана на договорной основе его участников, которая выражается в заключении соглашения об управлении партнерством, преимущественном праве приобретения доли (части доли) участниками партнерства, формировании органов партнерства по общему соглашению.

Как объединение капиталов хозяйственное партнерство характеризуется возможностью выхода участника из партнерства без прекращения его деятельности, за исключением случая, когда в хозяйственном партнерстве остается меньше двух участников, самостоятельной имущественной ответственностью (участники не отвечают по обязательствам хозяйственного партнерства), объединением в составе хозяйственного партнерства не только юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, но и физических лиц.

ОГРАНИЧЕНИЯ И ЗАПРЕТЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПАРТНЕРСТВ

По сравнению с другими организационными правовыми формами коммерческих корпоративных юридических лиц хозяйственные партнерства имеют ряд ограничений в своей деятельности, что говорит об императивности регулирования законодательства о хозяйственных партнерствах при наличии диспозитивности договорной модели рассматриваемого типа организации.

В ст. 2 и 8 ФЗ № 380 определены запреты на

² О предельном значении среднесписочной численности работников за предшествующий календарный год для средних предприятий - хозяйственных обществ, хозяйственных партнерств, которые осуществляют в качестве основного вида деятельности предпринимательскую деятельность в сфере легкой промышленности, и об утверждении Правил формирования перечня хозяйственных обществ, хозяйственных партнерств, которые осуществляют в качестве основного вида деятельности предпринимательскую деятельность в сфере легкой промышленности : постановление Правительства РФ от 22.11.2017 № 1412 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 49, ст. 7453.

осуществление хозяйственным партнерством функций и отдельных видов деятельности. Так, хозяйственным партнерствам запрещено размещать рекламу своей деятельности в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе»³. Ограничения хозяйственных партнерств в возможности рекламировать свою деятельность не только лишают гарантированной законодательством возможности привлекать интерес субъектов гражданских правоотношений к рекламируемому объекту, но и способствуют потере интереса со стороны предпринимателей, которые могли бы выбрать эту организационно-правовую форму юридического лица для осуществления инновационной венчурной и другой коммерческой деятельности.

Хозяйственным партнерствам запрещено осуществлять эмиссию облигаций и иных эмиссионных ценных бумаг. При этом указанный запрет не ограничивает хозяйственные партнерства в выпуске неэмиссионных ценных бумаг.

Хозяйственным партнерствам запрещено быть учредителями (участниками) других юридических лиц, за исключением союзов и ассоциаций.

В ст. 8 ФЗ № 380 закреплена норма, устанавливающая запрет на создание партнерства путем реорганизации существующего юридического лица.

По мнению Т.А. Скворцовой, «законодатель ограничивает правоспособность партнерства в связи с тем, что данная организация является «закрытой» и потенциальным контрагентам и инвесторам недоступна важная информация о ней. Здесь справедливо упомянуть о том, что, по мнению ряда исследователей, организационно-правовая форма хозяйственного партнерства несет риски для хозяйственного оборота в целом» [2, с. 205].

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ЧЕРТЫ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПАРТНЕРСТВА

Хозяйственное партнерство характеризуется особенностями организации состава его участников и порядка учреждения. Как отмечалось, одним из признаков рассматриваемого типа юридического лица выступает ограничение количества лиц, которые могут его создать. Хозяйственное партнерство не может быть создано одним лицом, что является особенностью данной организационной правовой формы.

Указанная особенность имеется и у

хозяйственных товариществ. Нормы ГК РФ не устанавливают обязательных требований к созданию таких форм двумя и более лицами. Однако исходя из общих положений можно сделать вывод о том, что создание хозяйственных товариществ одним лицом не может быть допущено, поскольку законом установлено обязательное требование к заключению учредительного договора между полными товарищами.

Хозяйственные общества, в отличие от хозяйственных партнерств и хозяйственных товариществ, могут быть учреждены одним лицом, что регламентируется законом.

На основании п. 1 ст. 4 ФЗ № 380 участниками партнерства могут быть как граждане, так и юридические лица, за исключением отдельных категорий граждан и юридических лиц, прямо указанных в законе.

Участниками хозяйственного партнерства, исходя из данного положения, не могут быть публично-правовые образования, которыми являются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления.

Согласно п. 1 ст. 103 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»⁴ «Образовательные организации высшего образования, являющиеся бюджетными учреждениями, автономными учреждениями, имеют право в определенных случаях быть учредителями (в том числе совместно с другими лицами) хозяйственных партнерств ... деятельность которых заключается в практическом применении (внедрении) результатов интеллектуальной деятельности (программ для электронных вычислительных машин, баз данных, изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, селекционных достижений, топологий интегральных микросхем, секретов производства (ноу-хау), исключительные права на которые принадлежат указанным образовательным организациям (в том числе совместно с другими лицами) ...» либо становиться участниками ранее созданных хозяйственных партнерств. Так, Национальный исследовательский центр «Курчатовский институт» вправе выступать в качестве учредителя или участника хозяйственных партнерств в установленном законом порядке⁵.

В отличие от хозяйственных партнерств органы публичной власти могут выступать

⁴ Собрание законодательства РФ 2012. № 53 (ч. 1), ст. 7598.

⁵ О национальном исследовательском центре «Курчатовский институт» : федер. закон от 27.07.2010 № 220-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31, ст. 4189.

³ Собрание законодательства РФ. 2006. № 12, ст. 1232.

в качестве участников некоторых юридических лиц. Например, на основании п. 1 ст. 68 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»⁶ «представительные органы муниципальных образований для совместного решения вопросов местного значения могут принимать решения об учреждении межмуниципальных хозяйственных обществ в форме непубличных акционерных обществ и обществ с ограниченной ответственностью». Публично-правовые образования могут быть участниками хозяйственных обществ, а также вкладчиками в товарищества на вере.

Таким образом, запрет на участие в хозяйственных товариществах публично-правовых образований установлен не только для хозяйственных партнерств, но и для полных товариществ, крестьянских (фермерских) хозяйств, производственных кооперативов.

Законодатель не установил определенных требований к гражданам и организациям, которые могут быть участниками хозяйственных партнерств. Например, на основании п. 1 ст. 13 Федерального закона от 8 декабря 1995 г. № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации»⁷, в отличие от хозяйственных партнерств, участниками производственных кооперативов могут быть только граждане, достигшие возраста 16 лет, а участниками полных товариществ и полными товарищами в товариществах на вере могут быть индивидуальные предприниматели и коммерческие организации.

В отличие от хозяйственных партнерств в ситуации, когда в хозяйственном товариществе остается один участник, он обязан принять решение о ликвидации или реорганизации. Однако хозяйственное товарищество может быть реорганизовано не только в акционерное общество, но и в общество с ограниченной ответственностью.

Количество участников партнерства четко определяется в ФЗ № 380 – не менее двух и не более пятидесяти. Если количество участников превышает данный предел, то хозяйственное партнерство в течение года обязано преобразоваться в акционерное общество. Однако реорганизация не требуется, если количество участников уменьшится до установленного предела.

Хозяйственные партнерства и общества с ограниченной ответственностью имеют одинаковый предел количества участников и последствия его превышения, что в данном ключе сближает данные формы корпораций.

В отличие от хозяйственных партнерств и обществ с ограниченной ответственностью хозяйственные товарищества, производственные кооперативы и акционерные общества не имеют ограничения числа участников.

Стоит отметить, что в отличие от других организационно-правовых форм юридических лиц хозяйственное партнерство предусматривает участие в управлении и иных лиц в пределах и объеме, которые предусмотрены соглашением об управлении партнерством. Тем самым российский законодатель установил возможность участия в определении основных вопросов деятельности хозяйственных партнерств иных заинтересованных субъектов для достижения совместной цели деятельности.

Однако нельзя не согласиться с мнением Р.В. Фартихова о том, что «исходя из того, что в управлении хозяйственным партнерством могут участвовать не раскрываемые в качестве участников партнерства третьи лица и, соответственно, управление партнерством может строиться на конфиденциальном соглашении, данная ситуация может повлечь возможность ухода от ответственности перед кредиторами лиц, реально стоящих за хозяйственным партнерством» [3, с. 83].

Статус участника партнерства обусловлен не столько фактом его участия в деятельности хозяйственного партнерства, выражающимся в приобретении доли в складочном капитале, сколько его правами и обязанностями, предусмотренными в соглашении.

Особенностью хозяйственного партнерства следует назвать наличие прав и обязанностей, распределение доходов и участие в деятельности хозяйственных партнерств иных лиц, что вытекает из положений п. 1 ст. 6 ФЗ № 380.

Соглашение об управлении хозяйственным партнерством включает в себя не только обязательных субъектов, которые должны заключить данный договор, но и дополнительных, которые заключают соглашение в необязательном порядке. К обязательным субъектам относятся физические и юридические лица, а также иные лица. Данные субъекты выступают участниками соглашения об управлении партнерством.

К дополнительным субъектам следует отнести лиц, не являющихся участниками хозяйственного партнерства, в том числе само партнерство, которые заключают соглашение об управлении партнерством.

Таким образом, соглашение об управлении хозяйственным партнерством регулирует не только корпоративные отношения, возникающие между его участниками, но и внекорпоративные отношения между участниками

⁶ Собрание законодательства РФ. 2003. № 40, ст. 3822.

⁷ Собрание законодательства РФ. 1995. № 50, ст. 4870.

хозяйственного партнерства и лицами, не участвующими в нем, а также между самим партнерством. Названная особенность отличает хозяйственные партнерства от других классических корпоративных организаций.

Соглашение об управлении хозяйственным партнерством имеет большее преимущество перед уставом, так как помимо требований к участникам оно содержит сведения об их правах и обязанностях, предмете деятельности хозяйственного партнерства и иные сведения, касающиеся управления и организации хозяйственного партнерства. Соглашение регулирует правовой статус иных лиц, которые не являются участниками хозяйственного партнерства.

В отличие от хозяйственного партнерства устав других корпоративных коммерческих организаций регулирует деятельность их органов управления. Особенностью хозяйственных партнерств является то, что в отличие от учредительного договора полного товарищества соглашение об управлении партнерством носит закрытый характер и хранится у нотариуса, который заверяет его.

ФЗ № 380 не определил, возможно ли заключение соглашений между участниками хозяйственных партнерств, касающихся управления его деятельностью. Ведь в акционерных обществах могут быть заключены акционерные соглашения между участниками. Также не определено, как данные соглашения соотносятся с соглашением об управлении партнерством.

Порядок учреждения хозяйственного партнерства регулируется гл. 2 ФЗ № 380, которая состоит из двух статей, регулирующих непосредственно сам порядок учреждения хозяйственных партнерств и устанавливающих общие требования к уставу. В российском законодательстве содержится запрет на создание партнерства путем реорганизации существующего юридического лица, что свойственно не для всех организационно-правовых форм. Для некоторых других форм юридических лиц тоже предусматриваются ограничения реорганизации. Однако данные ограничения не связаны с полным запретом реорганизации юридического лица.

В отличие от хозяйственных обществ устав хозяйственного партнерства содержит закрытый перечень положений, которые должны быть указаны в нем. Устав хозяйственного партнерства не включает положения о правах и обязанностях его участников, процедуре выхода участников, порядке перехода доли к другому лицу. При этом в отношении хозяйственных партнерств неприменим такой

способ приобретения доли в уставном капитале, как конвертируемый заем [4, с. 34].

Порядок изменения устава хозяйственного партнерства схож с порядком изменения учредительного договора в хозяйственных товариществах, где изменения в учредительный договор вносятся решением всех участников. Однако для хозяйственных товариществ предусматривается возможность изменения их учредительных документов одним участником в судебном порядке или же в случае изменения состава товарищей.

Иными словами, состав участников хозяйственного партнерства имеет как особенности, так и схожие черты с другими коммерческими корпоративными организациями. Особенностью выступает то, что законодательно не установлены требования к участникам партнерства. Требования к ним закрепляются исключительно соглашением об управлении хозяйственным партнерством.

Наличие иных лиц, не являющихся участниками хозяйственного партнерства, в качестве заинтересованных субъектов – следующая особенность состава хозяйственного партнерства. Такие лица также принимают участие в деятельности хозяйственного партнерства.

Правомочие самого хозяйственного партнерства приобретать доли в складочном капитале – еще одна особенность хозяйственных партнерств.

На основании п. 1 ст. 53 ГК РФ юридическое лицо приобретает гражданские права и принимает на себя гражданские обязанности через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и учредительным документом. Хозяйственное партнерство также приобретает права через деятельность органов управления, а не через действия участников, что можно назвать отличием от хозяйственных товариществ.

Закон предусматривает создание органов управления в хозяйственных партнерствах наравне с хозяйственными обществами, государственными и муниципальными унитарными предприятиями, производственными кооперативами. В то же время наличие органов не свойственно хозяйственным товариществам, крестьянским (фермерским) хозяйствам.

Единственным обязательным в соответствии с ФЗ № 380 органом управления хозяйственным партнерством является единоличный исполнительный орган, которым может быть директор, президент или другое лицо, названное таковым соглашением об управлении партнерством. Другие органы в хозяйственном партнерстве могут создаваться не

в силу закона, а в случае, когда данные органы предусмотрены соглашением об управлении партнерством. Это является важной особенностью организации данных юридических лиц.

А.Ю. Цибенко подчеркнул, что «возможность самостоятельного определения корпоративной структуры хозяйственных партнерств позволяет предусмотреть эффективные системы мотивации для ведущих сотрудников и, что не менее важно в инвестиционных проектах – для создателей инновационных продуктов, объектов интеллектуальной собственности» [5, с. 27].

Несмотря на то что перечень обязательных органов управления хозяйственным партнерством не установлен, законодатель в п. 10 ч. 7 ст. 6 ФЗ № 380 установил примерный перечень данных органов, к которым можно отнести совет директоров партнерства, наблюдательный совет партнерства, правления партнерства, дирекции партнерства, комитеты партнерства, президиум партнерства и др.

Единоличный исполнительный орган в хозяйственном партнерстве может быть избран исключительно из числа его участников. При этом им может быть только физическое лицо.

В отличие от хозяйственных партнерств законодатель не устанавливает такого требования к другим юридическим лицам. Возникает проблема, связанная с тем, что сложно выбрать участника партнерства, который действительно мог бы им управлять. Проблемные вопросы также возникают в связи с возможностью участия в хозяйственных партнерствах не только физических, но и юридических лиц, ведь имеют место ситуации, когда участниками партнерства выступают только юридические лица. Функционирование партнерства без избранного в установленном порядке единоличного исполнительного органа партнерства не допускается.

Соответственно, возникает пробел в праве, который мог бы быть решен путем избрания в качестве единоличного исполнительного органа не только физического лица, но и уполномоченного на то юридического лица.

Ответственность органов управления хозяйственным партнерством аналогична ответственности других корпоративных коммерческих юридических лиц. Поскольку закон предусматривает случаи, когда вопросы деятельности партнерства и его участников решаются путем принятия единогласных решений участников хозяйственного партнерства, актуальным становится вопрос о включении в перечень органов хозяйственного партнерства высшего органа управления, которым может являться общее собрание партнеров, порядок и деятельность которого

предусматривались бы соглашением об управлении партнерством. Данный орган позволил бы участникам хозяйственного партнерства принимать основные решения на самом собрании, по аналогии с другими коммерческими корпоративными организациями, в которых предусматривается создание общего собрания.

На основании п. 1 ст. 10 ФЗ № 380 все участники партнерства обязаны внести вклад в складочный капитал хозяйственного партнерства. Однако законодатель не установил минимального размера складочного капитала хозяйственного партнерства. Тем не менее ФЗ № 380 содержит ряд оснований для отчуждения доли участника в уставном капитале хозяйственного партнерства путем ее передачи другим участникам хозяйственного партнерства, самому хозяйственному партнерству или иным лицам. Это говорит о том, что определенный капитал и доли в нем должны определяться.

С учетом того, что основные положения о деятельности хозяйственных партнерств регулируются соглашением об управлении партнерством, порядок внесения вкладов участников хозяйственных партнерств может определяться данным соглашением. Тем не менее из-за отсутствия установленного минимального размера складочного капитала кредиторы хозяйственных партнерств не обеспечены гарантией возврата денежных средств за счет складочного капитала, что не «делает партнерство привлекательной формой для реализации инновационных инвестиционных проектов с венчурным финансированием» [6, с. 108].

Участники хозяйственного партнерства, наравне с участниками хозяйственных обществ, имеют преимущественное право покупки доли участника партнерства. Данное положение является особенностью правового регулирования хозяйственного партнерства в системе коммерческих корпоративных организаций.

Специальный ФЗ № 380 регулирует возможность самого хозяйственного партнерства приобретать доли в складочном капитале, если количество участников при этом не будет составлять менее двух.

Хозяйственное партнерство на основании ст. 14 ФЗ № 380 может создавать резервный и иные фонды в порядке и в размерах, которые предусмотрены соглашением об управлении партнерством, и с определением в указанном соглашении целей расходования средств таких фондов.

Создание резервных фондов не является обязательным и для обществ с ограниченной ответственностью. Однако порядок их

создания предусматривается уставом общества. Обязательное требование к созданию резервного фонда предусмотрено для акционерных обществ и для производственных кооперативов.

Таким образом, законодательно установлены особенности учреждения хозяйственных партнерств и особенности внутренних уставных документов. При учреждении хозяйственного партнерства закон устанавливает обязательное требование к назначению аудитора.

Правовой статус участников и учреждение хозяйственных партнерств помимо отличий имеют сходства с некоторыми коммерческими корпоративными организациями. Сходство с полными товариществами, крестьянскими (фермерскими) хозяйствами и производственными кооперативами проявляется в запрете участия в таких организациях публично-правовых образований и отсутствии законодательного требования о минимальном размере складочного капитала.

Хозяйственные партнерства имеют некоторые сходства с хозяйственными обществами, в которых тоже установлен предел количества участников и последствия его превышения. Как и в партнерствах, участники хозяйственных обществ имеют преимущественное право покупки доли участника в случае его выхода из состава участников.

Порядок учреждения хозяйственных партнерств имеет сходство с хозяйственными товариществами. Создание хозяйственных партнерств наравне с хозяйственными товариществами одним лицом не допускается, так как законом установлено обязательное требование к заключению учредительного договора между полными товарищами, сторонами которого могут быть как минимум два субъекта.

Выводы

На основе анализа сходств и отличий между рассмотренными организационно-правовыми формами юридических лиц можно прийти к выводу о том, что хозяйственные партнерства занимают промежуточное положение между организациями, представляющими собой «объединения лиц» и «объединения капиталов».

Российское гражданское законодательство, систематизируя отдельные формы юридических лиц на коммерческие, некоммерческие, корпоративные и унитарные, не включает в параграф, посвященный коммерческим корпоративным организациям, хозяйственные партнерства. ГК РФ не определяет правовое

регулирование данных организаций, оно является предметом отдельного федерального закона.

Видится верным, что хозяйственные партнерства больше всего схожи с хозяйственными товариществами, поскольку обе организационно-правовые формы построены на договорной модели, основанной на добровольном заключении договоров, которые определяют саму деятельность организации. Причем для хозяйственных партнерств предусмотрена еще большая диспозитивность договорного регулирования.

Выступая переходным типом от «объединения капиталов» к «объединению лиц», хозяйственные партнерства также схожи с хозяйственными товариществами, которые характеризуются как «абсолютные объединения лиц». «Объединение капиталов» в хозяйственных партнерствах выражается слабо.

Однако хозяйственным партнерствам свойственна ярко выраженная императивность запретов их деятельности, что не свойственно другим коммерческим корпоративным организациям. Закон устанавливает строгие запреты, что, в свою очередь, ограничивает деятельность данных организаций.

Несмотря на десятилетний период действия специального закона о хозяйственных партнерствах, назвать эту организационно-правовую форму востребованной на практике не представляется возможным. Если обратиться к официальной статистике Федеральной налоговой службы, рассматриваемый вид юридического лица в отчете ведомства даже не выделяется. По всей видимости, он включен в графу «Прочие коммерческие организации»⁸. Согласно данным портала РосЕГРЮЛ.ру (справочная система по индивидуальным предпринимателям и юридическим лицам, зарегистрированным на территории Российской Федерации), по состоянию на 31 июля 2022 г. действует всего пять хозяйственных партнерств⁹. Поэтому в свое время определенные разработчиками законопроекта о хозяйственных партнерствах цели введения этой формы юридического лица, которая должна была в достаточной мере учитывать особенности реализации венчурных бизнес-проектов, видятся недостижимыми.

⁸ Отчет по форме № 1-Юр (2022 год). Сведения о работе по государственной регистрации юридических лиц по состоянию на 01.07.2022 [Электронный ресурс] // Федеральная налоговая служба : сайт. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/11892431/ (дата обращения: 31.07.2022).

⁹ Хозяйственные партнерства. РОСЕГРЮЛ [Электронный ресурс] // РОСЕГРЮЛ : сайт. URL: https://rosegrul.ru/opf/hozyaystvennye_partnerstva/?ysclid=l68hq5r06x760298155 (дата обращения: 31.07.2022).

Список источников

1. Сахарова Ю.В. Коммерческие корпоративные юридические лица: пути совершенствования российского законодательства / Ю.В. Сахарова // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 2 (111). – С. 70–79.
2. Сковрцова Т.А. Организационно-правовые формы осуществления инновационной деятельности / Т.А. Сковрцова, А.А. Милов, П.С. Зайцева // Проблемы в российском законодательстве. – 2017. – № 3. – С. 204–206.
3. Фатихов Р.В. Правовые проблемы становления и развития хозяйственного партнерства в Российской Федерации / Р.В. Фатихов // Правовое государство: теория и практика. – 2016. – № 2. – С. 80–86.
4. Милохова А.В. Конвертируемый заем как способ приобретения доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью / А.В. Милохова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2022. – № 5. – С. 32–37.
5. Цибенко А. Ю. Хозяйственное партнерство как вид корпоративной организационной деятельности / А.Ю. Цибенко // Право и экономика. – 2015. – № 11 (333). – С. 25–31.
6. Фатихов Р.В. Особенности создания складочного капитала в хозяйственном партнерстве / Р.В. Фатихов // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 1 (51). – С. 107–112.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сахарова Юлия Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса Российского государственного гуманитарного университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sakharova Yulia Vladimirovna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Russian State University for the Humanities.

Статья поступила в редакцию 01.07.2022; одобрена после рецензирования 02.08.2022; принята к публикации 03.08.2022. The article was submitted 01.07.2022; approved after reviewing 02.08.2022; accepted for publication 03.08.2022.

References

1. Sakharova Yu.V. Commercial Corporate Legal Entities: Ways of Improving the Russian Legislation. Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law, 2020, no. 2 (111), pp. 70–79. (In Russian).
2. Skvortsova T.A., Milov A.A., Zaitseva P.S. Organizational-legal forms of implementation of innovative activities. Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation, 2017, no. 3, pp. 204–206. (In Russian).
3. Fatikhov R.V. Legal problems of formation and development of business partnerships in the Russian Federation. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2016, no. 2, pp. 80–86. (In Russian).
4. Milokhova A.V. Convertible loan as a way to acquire a share in the authorized capital of an LLC. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice, 2022, no. 5, pp. 32–37. (In Russian).
5. Tsybenko A.Ju. Economic partnership as a form of corporate organizational activities. Pravo i ekonomika = Law and Economics, 2015, no. 11 (333), pp. 25–31. (In Russian).
6. Fatikhov R.V. Features of the share capital creation in economic partnerships. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2018, no. 1 (51), pp. 107–112. (In Russian).

СЕРОВА Ольга Александровна
Псковский государственный университет,
Псков, Россия;
e-mail: olgaserova1974@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0003-4113-7399>

SEROVA Olga Alexandrovna
Pskov State University, Pskov, Russia.

СУБЪЕКТЫ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ОТ ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ К ГРАЖДАНСКОЙ НАУКЕ

SUBJECTS OF RESEARCH ACTIVITIES: FROM TRADITIONAL CONCEPTS
TO CIVIL SCIENCE

Аннотация. Научно-технологическое развитие страны является одной из ключевых задач Российской Федерации. Требуется повышение конкурентоспособности на глобальном рынке высокотехнологичной и наукоемкой продукции. Осуществление данной национальной цели невозможно вне правовых институтов, способных регулировать данные отношения. Проблема правосубъектности является актуальной и имеет существенное практическое значение в условиях новых технологических вызовов. Цель: определение особенностей правового статуса субъектов, задействованных в научно-исследовательской деятельности. Методы: теоретические методы формальной и диалектической логики; эмпирические методы описания и интерпретации; частнонаучные методы: юридико-догматический и толкования правовых норм. Результаты: выявлены основные формы научно-исследовательской деятельности, в том числе дано описание феномена «гражданская наука». Определены требования к субъектам, осуществляющим научно-исследовательскую деятельность, особенности их правового статуса. Выявлены отличительные признаки гражданской науки как явления, не имеющего легального закрепления в российском праве.

Ключевые слова: наука, научные исследования, гражданская наука, правовой статус, правоспособность, научные работники

Для цитирования: Серова О.А. Субъекты научно-исследовательской деятельности: от традиционных представлений к гражданской науке / О.А. Серова // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 3. – С. 98–103. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.13.

Abstract. Scientific and technological development of the country is one of the key tasks of the Russian Federation. Competitiveness in the global market for high-tech and knowledge-intensive products needs to be improved. That national objective can not be achieved without legal institutions capable of regulating that relationship. The issue of legal personality is topical and of considerable practical importance in the context of new technological challenges. Purpose: to determine the characteristics of the legal status of subjects involved in research activities. Methods: the author applies theoretical methods of formal and dialectical logic; empirical methods of description and interpretation; as well as specific scientific methods: juridical-dogmatic and interpretation of legal norms. Results: the main forms of research activities are identified, including the description of the phenomenon of «civil science». The requirements to subjects carrying out research activities, features of their legal status are determined. The distinguishing features of civil science are identified as a phenomenon that is not legally enshrined in Russian law.

Keywords: science, scientific research, civil science, legal status, legal capacity, scientific workers

For citation: Serova O.A. Subjects of research activities: from traditional concepts to civil science. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 3, pp. 98–103. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.13 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Современный исторический период связан с активным научно-технологическим развитием и стремлением государства к активизации исследовательского потенциала различных структур – от научных и образовательных организаций до корпоративных. При этом государственная политика ориентирована именно на институциональные образования. Одновременно с этим мы наблюдаем появление новых явлений, объединенных термином «гражданская наука» (Citizen Science), как базы для проведения научных исследований с привлечением широкого круга добровольцев.

В National Geographic гражданская наука определяется как «практика общественного участия и сотрудничества в научных исследованиях с целью расширения научных знаний» [1, с. 810]. В данном определении не конкретизируется субъектный состав исследователей. Но для российской практики четкое определение круга субъектов того или иного подвиды научной деятельности представляется необходимым.

Применительно к гражданской науке используются и иные термины: «наука граждан», «народная наука». Является ли такая деятельность наукой, учитывая, что идут споры о демаркации науки и ненауки [2]? Наделены ли ее участники особыми правами и обязанностями? Какие правовые последствия связаны с получением тех или иных научных результатов большим числом участников исследования? Ответы на указанные вопросы составляют цель и задачи данной статьи.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Правовое регулирование науки в России. Правовое регулирование науки в Российской Федерации связано с действием специального законодательства, определяющего основы государственной научно-технической политики. Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике»¹ (далее – Закон о науке) закрепляет определения различных видов научной (научно-исследовательской) деятельности (ст. 2). Целью научной деятельности является получение и применение новых знаний. Научный и (или) научно-технический

результат – это продукт научной и (или) научно-технической деятельности, содержащий новые знания или решения и зафиксированный на любом информационном носителе. Также целью научной деятельности может быть разработка научной и (или) научно-технической продукции – научный и (или) научно-технический результат, в том числе результат интеллектуальной деятельности, предназначенный для реализации.

Законодатель выделил также понятие научно-технической деятельности как деятельности, направленной на получение, применение новых знаний для решения технологических, инженерных, экономических, социальных, гуманитарных и иных проблем, обеспечения функционирования науки, техники и производства как единой системы. Представляется, что данная категория является излишней в законе, так как фактически лишь дополняет понятие научной деятельности, не внося в него новых элементов.

Отличия между фундаментальными и прикладными научными исследованиями связаны с направленностью на определенный результат (итог) этой деятельности. Фундаментальные научные исследования (экспериментальная или теоретическая деятельность) направлены на получение новых знаний об основных закономерностях строения, функционирования и развития человека, общества, окружающей среды. Прикладные исследования ориентированы на применение новых знаний для достижения практических целей и решения конкретных задач. Также в ст. 2 Закона о науке сформулировано определение поисковых научных исследований, направленных на получение новых знаний в целях их последующего практического применения (ориентированные научные исследования) и (или) на применение новых знаний (прикладные научные исследования) и проводимые путем выполнения научно-исследовательских работ.

Кроме того, законодатель формулирует определение экспериментальных разработок как деятельности, основанной на знаниях, приобретенных в результате проведения научных исследований или на основе практического опыта, и направленной на сохранение жизни и здоровья человека, создание новых материалов, продуктов, процессов, устройств, услуг, систем или методов и их дальнейшего совершенствования. Данная деятельность не продуцирует новых научных знаний, а связана с их последующим вовлечением в различные сферы жизнедеятельности общества. Это некий вторичный уровень использования научных знаний и продукции, достижение которого могло и не обозначаться в качестве цели первоначальными разработчиками.

¹ О науке и государственной научно-технической политике : федер. закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ (ред. от 16.04.2022) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СУБЪЕКТОВ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Закон о науке устанавливает четкие требования к субъектам научной и (или) научно-технической деятельности (гл. II). Данную деятельность могут осуществлять физические и юридические лица (с учетом специальной правоспособности). При этом в ст. 3 рассматриваемого закона установлены возможности ограничения для данных субъектов, определяемые специальным законодательством или иными правовыми актами.

Для занятия научной деятельностью законодатель вводит специальные квалификационные категории научных работников (исследователей). Такие граждане должны обладать необходимой квалификацией и профессионально заниматься научной и (или) научно-технической деятельностью. С этой целью в стране создана специальная система аттестации научных кадров.

Также закон устанавливает дополнительные категории лиц, которые участвуют в научно-исследовательской деятельности. Речь идет о специалистах научной организации (инженерно-технические работники), имеющих среднее профессиональное или высшее образование и способствующих получению научного и (или) научно-технического результата или его реализации, а также работниках сферы научного обслуживания – гражданах, обеспечивающих создание необходимых условий для научной и (или) научно-технической деятельности в научной организации.

Закон вводит довольно четкие требования к правовому статусу научных работников и сотрудников. Хотелось бы обратить внимание на обязанности этих субъектов, которые включают:

- осуществление научной, научно-технической деятельности и (или) экспериментальных разработок, не нарушая права и свободы человека, не причиняя вреда его жизни и здоровью, а также окружающей среде;

- объективное осуществление экспертизы представленных ему научных и научно-технических программ и проектов, научных и (или) научно-технических результатов и экспериментальных разработок.

Данные обязанности установлены не только правовыми нормами, но и этическими пределами волеизъявления субъектов. При этом этические пределы осуществления научной деятельности постоянно расширяются [3].

Основными субъектами, осуществляющими научные исследования, в соответствии с Законом о науке признаются научные организации (ст. 5). Для такой организации

осуществление научной деятельности является основным видом. Как правило, речь идет о некоммерческих организациях. Кроме научных организаций активную научно-исследовательскую и инновационную деятельность ведут так называемые *r&d* подразделения коммерческих структур [4]. К этой же группе следует отнести и соответствующие структурные элементы государственных корпораций.

Таким образом, в рамках легальной модели исследовательской деятельности, закрепленной в Законе о науке, установлена достаточно жесткая система субъектов, имеющих право на осуществление научной работы. Субъекты делятся на индивидуальных и коллективных. При этом и к коллективному субъекту (научной организации, например) предъявляются аналогичные с индивидуальными субъектами квалификационные требования (к уровню образования и уровню научной, исследовательской квалификации). Важным признаком, указывающим на правовую характеристику коллективного субъекта, вовлеченного в производство научных знаний, является наличие специальной правоспособности. Даже в тех случаях, когда в данной деятельности участвуют *r&d* подразделения коммерческих корпораций, их правовое положение должно быть целевым образом ограничено внутренними локальными актами организации.

Таким образом, законодатель ограничил «вход» в науку для субъектов права наличием квалификационных характеристик и установлением специального правового статуса, что ограничивает вовлечение в науку иных субъектов. Однако именно эта задача сегодня является стратегически значимой, учитывая глобальную конкуренцию на высокотехнологичных и наукоемких рынках. Данная тенденция объединена обобщающим термином «технонаука».

Как отмечают эксперты, специфика технонауки на современном этапе общественного развития связана с изменением целеполагания. «Технонаука встала на службу государству и капиталу, занялась решением прикладных задач – наука массового производства научно-технического знания, требующего активного вовлечения все большего количества людей» [5, с. 42]. Активизация исследовательской активности порождает трансформационные процессы в университетах, которые «позиционируют свои услуги во многом так же, как и корпорации» [6, с. 12], что еще раз определяет необходимость теоретического обоснования характера изменения правоспособности юридических лиц, сближения специальной правоспособности некоммерческих организаций и специализированных подразделений коммерческих корпораций.

ГРАЖДАНСКАЯ НАУКА: ОСНОВНЫЕ ПРИЗНАКИ И ПРОБЛЕМЫ ЛЕГАЛИЗАЦИИ

Расширение участия неспециалистов в научных проектах стало возможным в последние годы, в том числе с развитием информационных технологий. К исследованиям через цифровые платформы привлекаются обычные люди, что и повлекло возникновение термина «гражданская наука». Так, большая часть проектов в сфере биологии, охраны природы, экологии связана с необходимостью сбора больших массивов данных [1]. Собрать такие данные традиционными способами практически невозможно либо потребует существенного увеличения временных затрат. Поэтому первым признаком гражданской науки является цель привлечения добровольцев к реализации научных проектов – «возможность координировать большое количество людей для обеспечения научных целей – сбора данных в соответствии с единой методологией» [7, с. 39].

Вторым признаком гражданской науки является особый субъектный состав, который зависит от той или иной формы организации этой научной деятельности. Специалисты выделяют следующие «формы организации гражданской науки: 1) проекты с большим числом участников – волонтеров совместно с учеными; 2) веб-краудсорсинг и волонтеры для участия в серьезных исследовательских проектах и программах» [8, с. 47]. Отличие данных форм состоит в распределении обязанностей и степени вовлеченности неспециалистов. В первом случае участие является совместным, что предполагает распределение тех или иных научных операций в общем проекте. Вторая форма предусматривает выделение отдельных элементов исследовательского проекта и передачу его выполнения сторонним лицам. Непосредственно с учеными данные лица не взаимодействуют. Наименования «волонтеры» или «добровольцы» считаем неудачными, так как они указывают на некий правовой статус, который не имеет прямого отношения к выполняемой функции.

В соответствии с законом добровольцами (волонтерами) признаются лица, которые привлекаются на постоянной или временной основе к осуществлению добровольческой (волонтерской) деятельности². Основными признаками данной деятельности признается не только добровольность принятия обязанностей и безвозмездный характер их

выполнения, но и соответствие целям благотворительной деятельности, указанным в законе. Статья 2 Закона о благотворительной деятельности указывает в качестве одной из таких целей содействие деятельности в сфере образования, науки, культуры, искусства, просвещения, духовному развитию личности. Под такое широкое определение можно подвести достаточно большой спектр действий. Но необходимо проводить разграничение между содействием той или иной деятельности и ее непосредственным осуществлением. Поэтому помимо субъектного состава важно определиться с выделением видов научной деятельности, включаемых в понятие гражданской науки.

Эксперты называют следующие формы: «1) научный краудсорсинг³ как часть гражданской науки; 2) участие социальных групп в оценке научно-технических инноваций; 3) привлечение заинтересованных акторов к формированию стратегий и программ развития различных социальных объектов/процессов/институтов» [8, с. 47].

Только в первой группе от исполнителей не требуется наличия специальных знаний и навыков. В двух других формах наличие того или иного уровня квалификации необходимо для исполнителей. Соответственно, следует признать, что две группы субъектов, участвующих в проектах гражданской науки, должны признаваться профессиональными учеными и учеными-любителями. И этот статус – ученого-любителя – на сегодняшний день не определяется законом. С одной стороны, наличие низовой инициативы обеспечивает альтернативные способы развития науки и инноваций, с другой стороны, формирует условия для независимости от государственной власти и корпоративных структур [9, с. 178]. Такой вариант развития гражданской науки должен быть предусмотрен в содержании государственной политики, но в настоящее время никак не оговаривается и не учитывается.

Еще одним важным элементом для формирования понятия гражданской науки является определение связи формы организации проведения научных исследований с наличием цифровой инфраструктуры. Сбор и обмен большим объемом данных могут быть реализованы через масштабные сетевые онлайн-платформы. Помимо сбора данных в рамках этих проектов могут быть реализованы сетевые проекты сотрудничества различных субъектов научной деятельности для распределенных масштабных экспериментов. При полном согласовании

² О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве) : федер. закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ (ред. от 08.12.2020) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Под краудсорсингом понимается поддержка какого-либо процесса на добровольных началах преимущественно непрофессионалами без установления требований о квалификации.

позиции о необходимости наличия инфраструктуры нельзя не отметить спорный характер утверждения о том, что данная инфраструктура является совместной [10]. Зачастую принадлежность цифровых платформ не связана с совместной собственностью. Платформы находятся под контролем управляющей компании.

Может быть рассмотрен и новый формат, который на сегодняшний день активно развивается в системе российского образования – сетевой формат взаимодействия, однако он является договорным по своей правовой природе. Основная цель формирования сетевой инфраструктуры участниками договорных объединений связана с обеспечением доступа к выборкам большого объема [10]. Но есть и иная форма участия любителей в проведении научных исследований. Выделяют так называемые технологии «заднего двора», которые связаны со значительным удешевлением компонентов исследований и упрощением технологических решений, независимостью от государственного и коммерческого освоения тех или иных объектов, а значит и от некой депрагматизации технологий [9, с. 181]. Но именно эта форма, которая реально может подключить к исследованиям огромное число участников, не легализована и может создать ряд сложных моментов правоприменения.

На научных работников возлагается выполнение ряда обязанностей, в том числе связанных с последствиями тех или иных научных разработок и экспериментов. На исследователей, находящихся вне правового статуса, существующие правовые нормы ни в части возложения обязанностей, ни в части привлечения к дисциплинарной ответственности не распространяются. Исключение составляют случаи привлечения к ответственности за причинение вреда. Вместе с тем проблема последствий неудачных научных экспериментов и исследований действительно существует.

Требуется разработка общих принципов проведения научных исследований и экспериментов в различных областях знаний. Именно данные принципы участвуют в формировании профессионального самоопределения ученых в части выстраивания этико-правовых пределов исследовательской автономии.

Еще один нерешенный вопрос реализации форм гражданской науки связан с признанием права на результаты интеллектуального труда в ходе научных исследований. Неслучайно многими авторами используются термины «волонтеры», «добровольцы», «помощники», так как они не могут претендовать на статус соавторов открытий, а являются лишь инструментом получения новых знаний [4, с. 180]. Вместе с тем активное вовлечение любителей-исследователей к выполнению части научных проектов и экспериментов, в том числе с использованием цифровых платформ, позволяет добиться решения этих задач на уровне договорного или так называемого платформенного регулирования.

Выводы

Развитие новых технологий привело к появлению нового феномена – гражданской науки. К участию в проведении научных исследований стали привлекаться непрофессиональные ученые. При этом российское законодательство, устанавливая достаточно жесткие требования к правовому статусу профессиональных ученых, «игнорирует» новые тенденции. Тем не менее активность цифровых платформ, развитие сетевых форм взаимодействия и огромная потребность в получении и обработке огромных объемов информации для научных исследований требуют пересмотра позиций законодателя.

Список источников

1. Власов В. Гражданская наука: приглашают все! / В. Власов // Наука из первых рук. – 2020. – № 5-6. URL: <https://scfh.ru/papers/grazhdanskaya-nauka-priglashtayutsya-vse/>.
2. Сушин М.А. Проблема демаркации науки и ненауки и идея семейных сходств: обзор / М.А. Сушин // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 8: Науковедение. – 2021. – №2. – С. 40–52.
3. Формирование концепции правового регулирования геномных исследований в Российской Федерации : монография / Е.В. Ахтямова, О.В. Белая, В.И. Беляков, И.Р. Миннихметов, А.А. Пестрикова, Ю.С. Поваров, В.Д. Рузанова, О.А. Серова ; отв. ред. О.А. Серова, О.В. Белая. – Москва, 2022. – 108 с.

References

1. Vlasov V. Civil science: everyone is welcome! Nauka iz pervykh ruk = First Hand Science, 2020, no. 5-6. Available at: <https://scfh.ru/papers/grazhdanskaya-nauka-priglashtayutsya-vse/>. (In Russian).
2. Sushchin M.A. The problem of demarcation of science and pseudoscience and the idea of family resemblance. Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 8: Naukovedenie = Social and Human Sciences. National and Foreign Literature. Series 8: Science Studies, 2021, no. 2, pp. 40–52. (In Russian).
3. Akhtyamova E.V., Belaya O.V., Belyakov V.I., Minniakhmetov I.R., Pestrikova A.A., Povarov Yu.S., Ruzanova V.D., Serov O.A.; Serova O.A., O.V. Belaya (eds.). Formirovaniye koncepcii pravovogo regulirovaniya genomnykh issledovaniy v Rossijskoj Federacii [Formation of the concept of legal

4. Шевченко С.Ю. Народная наука: отличимы ли люди от бактерий? / С.Ю. Шевченко // Эпистемология и философия науки. – 2018. – Т. 55, № 1. – С. 171–183.

5. Масланов Е.В. Гражданская наука – наука как призвание / Е.В. Масланов, А.В. Долматов // Эпистемология и философия науки. – 2019. – Т. 56, № 3. – С. 40–44.

6. Brostrom A. The knowledge economy, innovation and the new challenges to universities: introduction to the special issue / A. Brostrom, G. Buenstort, M. McKelrey // Innovation. – 2020. – October. – P. 1–19. URL: https://www.researchgate.net/publication/346129504_The_knowledge_economy_innovation_and_the_new_challenges_to_universities_introduction_to_the_special_issue.

7. Соколова Т.Д. Гражданская и профессиональная наука: случай великого эксперимента по изучению приливов / Т.Д. Соколова // Цифровой ученый: лаборатория философа. – 2020. – Т. 3, № 2. – С. 38–43.

8. Махнач А.В. Гражданская наука в социально-психологических исследованиях / А.В. Махнач, А.И. Лактионова, Ю.В. Постылякова // Социальная и экономическая психология. – 2019. – Т. 4, № 4. – С. 43–70.

9. Сивков Д.Ю. Доступ в космос: российские любительские технологии в изучении и освоении космоса / Д.Ю. Сивков // Социология науки и технологий. – 2020. – Т. 11, № 3. – С. 179–192.

10. Online developmental science to foster access, innovation, and impact // Trends in cognitive sciences. – 2020. – Vol. 24, № 9. – P. 675–677. URL: <https://www.harvardlds.org/wp-content/uploads/2020/07/1-s2.0-S1364661320301455-main.pdf>.

regulation of genomic research in the Russian Federation]. Moscow, 2022. 108 p.

4. Shevchenko S.Yu. Citizen science: are people distinguishable from bacteria? Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science, 2018, vol. 55, no. 1, pp. 171–183. (In Russian).

5. Maslanov E.V., Dolmatov A.V. Citizen science – science as a vocation. Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology & Philosophy of Science, 2019, vol. 56, no. 3, pp. 40–44. (In Russian).

6. Brostrom A., Buenstort G., McKelrey M. The knowledge economy, innovation and the new challenges to universities: introduction to the special issue. Innovation, 2020, October, pp. 1–19. Available at: https://www.researchgate.net/publication/346129504_The_knowledge_economy_innovation_and_the_new_challenges_to_universities_introduction_to_the_special_issue.

7. Sokolova T.D. Citizen and professional science: the great tide experiment's case. Cifrovoy uchenyj: laboratoriya filosofo = The Digital Scholar: Philosopher's Lab, 2020, vol. 3, no. 2, pp. 38–43. (In Russian).

8. Makhnach A.V., Laktionova A.I., Postylyakova Yu.V. Citizen science in socio-psychological research. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya = Social and Economic Psychology, 2019, vol. 4, no. 4, pp. 43–70. (In Russian).

9. Sivkov D.Yu. Access to space: Russian amateur technologies in space re-search and exploration. Sociologia nauki i tehnologij = Sociology of Science and Technology, 2020, vol. 11, no. 3, pp. 179–192. (In Russian).

10. Online developmental science to foster access, innovation, and impact. Trends in cognitive sciences, 2020, vol. 24, no. 9, pp. 675–677. Available at: <https://www.harvardlds.org/wp-content/uploads/2020/07/1-s2.0-S1364661320301455-main.pdf>. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Серова Ольга Александровна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса Псковского государственного университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Serova Olga Alexandrovna – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Pskov State University.

Статья поступила в редакцию 01.06.2022; одобрена после рецензирования 07.07.2022; принята к публикации 08.07.2022. The article was submitted 01.06.2022; approved after reviewing 07.07.2022; accepted for publication 08.07.2022.

Научная статья
УДК 349
DOI 10.33184/pravgos-2022.3.14

Original article

ТРОФИМЕЦ Ирина Александровна
Посольство Российской Федерации
в Королевстве Испания,
Мадрид, Королевство Испания;
e-mail: kosareva-khv@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0003-3610-0647>

TROFIMETS Irina Alexandrovna
Russian Embassy in the Kingdom of Spain,
Madrid, Kingdom of Spain.

ПРИНЦИПЫ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ЗАПИСЕЙ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

PRINCIPLES OF THE LEGAL INSTITUTION OF CIVIL REGISTRATION IN THE CONTEXT
OF DIGITALIZATION

Аннотация. Целью настоящей статьи является разработка концепции системы правовых принципов информационной системы записей актов гражданского состояния. Методы. При написании статьи были использованы различные современные методы научного познания: логический, исторический, юридико-технический, формальный, сравнительный, дедукции, индукции и др. Результаты: сделаны выводы, позволяющие оценить необходимость и целесообразность формирования концепции правовых принципов информационной системы записей актов гражданского состояния, включающей общеправовые и отраслевые (институциональные) руководящие начала правового регулирования этой сферы общественных отношений. Так, построение глобального информационного общества предполагает трансформацию всех сфер жизнедеятельности: экономической, социальной и государственного управления, в связи с внедрением технических средств и технологических процессов для сбора, обработки, передачи, обмена, предоставления информации об актах гражданского состояния, этот сектор государственного управления трансформировался в цифровой ЗАГС. Создание федеральной государственной информационной системы «Единый государственный реестр записей актов гражданского состояния» (ЕГР ЗАГС) и Единого федерального информационного регистра, содержащего сведения о населении Российской Федерации, базирующегося на данных из информационного ресурса записей актов гражданского состояния, сформировало новый правовой институт в отрасли информационного права, который включает в себя совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения в области информационной системы записей актов гражданского состояния, основанных на особых правовых принципах.

Ключевые слова: правовые нормы, регулирование общественных отношений, информационное право, правовой институт, общие правовые принципы, отраслевые правовые принципы, институциональные правовые принципы, принципы правовых институтов

Для цитирования: Трофимец И.А. Принципы правового института записей актов гражданского состояния в условиях цифровизации / И.А. Трофимец // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 3. – С. 104–110. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.14.

Abstract. The purpose of this article is to form the concept of a system of legal principles for the civil registration information system. Methods. In the course of writing the article, various modern methods of scientific cognition are used: logical, historical, legal-technical, formal, comparative, deduction, induction, etc. Results: conclusions are drawn to assess the necessity and expediency of forming the concept of legal principles for the civil registration information system, including general legal and sectoral guidelines for legal regulation of this sphere of public relations. Thus, the construction of a global information society involves the transformation of all spheres of life: economic, social and public administration, in connection with the introduction of technical means and technological processes for collecting, processing, transmitting, exchanging, providing information on civil registration, this public administration sector has transformed into a «Digital Registry Office». The creation of the federal state information system «Unified State Civil Registry» and the Unified Federal Information Register containing information on the population of the Russian Federation, based on data from the information resource of civil registration, has formed a new legal institution in the field of information law, which includes a set of legal norms regulating public relations in the field of civil registration information system, based on specific legal principles.

Keywords: legal norms, regulation of public relations, information law, legal institution, general legal principles, sectoral legal principles, institutional legal principles, principles of legal institutions

For citation: Trofimets I.A. Principles of the legal institution of civil registration in the context of digitalization. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 3, pp. 104–110. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.14 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Определение правовых принципов играет важную роль. Любая юридическая категория базируется на особых, присущих ей принципах своего построения. Правовые принципы (от лат. *principium* – начало, первооснова) выполняют системообразующую и интегрирующую функцию права. Новеллы информационного права в создании учетных информационных систем нуждаются в доктринальном осмыслении руководящих начал своего построения [1; 2].

К вопросам правовых принципов в своих работах обращались: С.С. Алексеев, В.К. Бабаев, М.И. Байтин, Е.В. Васьковский, О.С. Иоффе, Р.З. Лившиц, С.А. Муромцев, В.С. Нерсисянц, В.И. Никитинский, Г.А. Свердлык, В.М. Семёнов, О.В. Смирнов, Ф.Н. Тарановский, М.Д. Шаргородский, Л.С. Явич и многие другие ученые.

СООТНОШЕНИЕ ОБЩИХ И ОТРАСЛЕВЫХ (ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ) ПРАВОВЫХ ПРИНЦИПОВ

Традиционно в доктрине выделяют общие и отраслевые (институциональные) правовые принципы. Общие правовые принципы, как следует из их названия, считаются общепринятыми и общепризнанными нравственными (морально-этическими) началами правового регулирования общественных отношений, составляют основу всей правовой системы.

В научных кругах нет единства по вопросу перечня общих правовых принципов. Например, М.И. Байтин к этой правовой категории относил: справедливость, гуманизм, равенство, юридическую определенность, взаимосвязь прав и обязанностей, законность [3, с. 123–133]. Полагаем, что спорный характер этой правовой категории связан с отсутствием единого подхода к определению самого права и существованием множества теорий его происхождения (теологическая, естественная, психологическая, историческая, нормативистская, позитивистская, марксистская и др.). Тем не менее никем не отрицается, что право, являясь общесоциальным регулятором, аккумулирует в себе главные представления человечества о добре, компромиссе частных и публичных интересов и основывается на определенных идеях и концепциях, выраженных в принципах.

Общие правовые принципы развиваются на отраслевых и институциональных уровнях права. Отрасли права и отдельные правовые институты¹, в частности имеющие

комплексный (смешанный) характер, базируются на своих собственных принципах, на которых основывается составляющая их система правовых норм.

Заслуживает внимания проблема соотношения правовых принципов и правовых норм: между ними существует определенная субординация. Правовые нормы должны соответствовать правовым принципам. По своей сути правовые принципы тоже являются правовыми нормами и носят исключительно императивный характер. По этому вопросу заслуживает внимания позиция Е.В. Васьковского: «...юридическое основание, т. е. принцип, из которого вытекает данная норма ... нередко опирается на другой, высший принцип, который, в свою очередь, может быть следствием еще более общего и т. д. вплоть до какого-либо первоначального и основного положения права» [5, с. 70].

Допускается правовое регулирование общественных отношений по аналогии права. Именно в таких случаях правоприменитель должен исходить из принципов права. Аналогия права как способ правового регулирования в основном характерна для частного права.

ОТРАСЛЕВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ЗАПИСЕЙ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ

Акты гражданского состояния в качестве юридических фактов имеют значение не только для частноправовых, но и для публичных правоотношений. Традиционно, но, на наш взгляд, ошибочно институт государственной регистрации актов гражданского состояния относят к гражданскому и семейному праву. На это указывается в ст. 2 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»² (далее – Закон), а также в Указе Президента РФ от 5 октября 2002 г. № 1129 «О классификаторе правовых актов»³. Полагаем, что акты гражданского состояния, зарегистрированные в установленном порядке, являются универсальными юридическими фактами, определяющими правовой статус лица, и считаются основаниями возникновения, изменения и прекращения различных правоотношений, как частноправового, так и публичного характера.

Ценность и значимость информации, которая содержится в акте гражданского состояния, требует установления определенных правил ее сбора, обработки, передачи и хранения, в основе которых должны лежать

1 Об актуальности институционализации права см., например, работу Р.Г. Валиева [4].

2 Собрание законодательства РФ. 1997. № 47, ст. 5340.

3 Собрание законодательства РФ. 2000. № 12, ст. 1260.

соответствующие принципы, закрепляющие недопустимость нарушения прав и свобод лица, произвольного вмешательства в его частную (личную, семейную) жизнь.

Обращаемся к мнению В.В. Кулакова, который считает, что институт государственной регистрации актов гражданского состояния хотя и не входит в систему семейного права, тем не менее должен строиться на специальных принципах этой отрасли права: «являясь убежденным сторонником самостоятельности семейного права, понимаю, что помимо общих принципов права, присущих всем отраслям, должны быть и специальные принципы права семейного, которые должны учитывать в своей деятельности все правоприменители, в том числе органы ЗАГС» [6, с. 74]. Аргументирует свою точку зрения ученый ссылками на Семейный кодекс РФ, в котором содержатся множественные указания на государственную регистрацию актов гражданского состояния, в частности в ст. 10, 11, 19, 25 и 125. Не отрицается им и административно-правовой характер государственной регистрации актов гражданского состояния, но при этом сам институт государственной регистрации актов гражданского состояния он относит к межотраслевым (реперным), подтверждая свою позицию мнением В.П. Мозолина [7, с. 26–31].

Соглашаемся с концепцией, определяющей институт государственной регистрации актов гражданского состояния как межотраслевой правовой институт. Кроме того, правовой институт государственной регистрации актов гражданского состояния характеризуем как межотраслевой или комплексный (смешанный), процессуальный (процедурный), охранительный и законодательно закрепленный, представляющий собой систему, включающую правовые принципы, фундаментальные понятия, приемы, способы и средства (положения), связанные воедино, выраженные в правовых нормах. Представляется, что термин «специальные принципы» допустим в значении «отраслевые принципы, институциональные принципы (принципы правового института)» и составляет с ними синонимический ряд.

СИСТЕМА СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ ПРИНЦИПОВ ЗАПИСЕЙ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ

К специальным правовым принципам института государственной регистрации актов гражданского состояния относим следующие: легитимность, достоверность и актуальность, формальность, беспристрастность, ограничение

свободного доступа, экстерриториальность, минимизацию. Роль данных институциональных правовых принципов видим в том, что они выражают сущность института государственной регистрации актов гражданского состояния и основные направления государственной политики в сфере общественных отношений, регулируемых им, восполняют пробелы правового регулирования и способствуют правильному толкованию и применению составляющих его правовых норм.

1. Принцип легитимности института государственной регистрации актов гражданского состояния означает, что в целях учета населения, подтверждения существования лица и его определенного правового статуса, охраны личных неимущественных и имущественных прав граждан, обеспечения стабильности общественных отношений регистрацию актов гражданского состояния могут осуществлять уполномоченные на то государственные органы (органы местного самоуправления): «полномочия на государственную регистрацию актов гражданского состояния являются полномочиями Российской Федерации, которые передаются для осуществления органам государственной власти субъектов Российской Федерации (с возможностью делегирования органам местного самоуправления муниципальных районов, городских округов, городских, сельских поселений)» (абз. 3 п. 1 ст. 4 Закона).

В настоящее время государственную регистрацию актов гражданского состояния осуществляют работники органа ЗАГС или многофункционального центра предоставления государственных и муниципальных услуг. Зарегистрированный в установленном порядке акт гражданского состояния признается законным и подлежит признанию всеми участниками правоотношений, включая публичных субъектов. Кроме того, в силу п. 3 ст. 3 Закона «акты гражданского состояния, совершенные по религиозным обрядам до образования или восстановления органов записи актов гражданского состояния, приравниваются к актам гражданского состояния, совершенным в органах записи актов гражданского состояния в соответствии с действовавшим на момент их совершения законодательством, и не требуют последующей государственной регистрации». Легитимность акта гражданского состояния заключается в совершении его записи строго установленным кругом лиц: органы ЗАГС, консульские учреждения за пределами Российской Федерации (п. 3 ст. 4 и ст. 5 Закона) и религиозные организации (до образования структуры ЗАГС).

2. Принцип достоверности и актуальности видим в возложении на сотрудников ЗАГС обязанности проверки действительности и законности событий и действий, определяющих гражданское состояние лица. Поскольку деятельность ЗАГС носит бесспорный характер, обязанности по проверке действительности и законности событий и действий, определяющих гражданское состояние лица, осуществляются на основании представленных документов, как правило, подлинных или дубликатов, выданных в установленном законом порядке. Действует презумпция достоверности зарегистрированного акта гражданского состояния: аннулирование, исправление или изменение допускаются при наличии законных оснований и отсутствии спора между заинтересованными лицами. На значимость принципа достоверности в информационном праве в условиях цифровой трансформации указывают в своих работах О.В. Петровская [8, с. 46–49; 9, с. 130–132] и Е.В. Устюжанина [10, с. 47–52].

3. Принцип формальности заключается в том, что государственная регистрация акта гражданского состояния осуществляется в строго установленном порядке, являясь официальным признанием определенных юридических фактов (рождение, смерть, перемена имени, заключение и расторжение брака, установление отцовства и усыновление). Формы записи актов гражданского состояния в зависимости от вида регламентированы на законодательном уровне: п. 4 ст. 6 Закона и Приказ Министерства юстиции РФ от 1 октября 2018 г. № 202 «Об утверждении форм записей актов гражданского состояния и Правил заполнения форм записей актов гражданского состояния» (далее – Приказ)⁴. Принципу формальности соответствуют такие характеристики записи акта гражданского состояния, как официальность и унифицированность. К принципу формальности относится ведение делопроизводства в органах ЗАГС на русском языке (государственном языке Российской Федерации), допускается ведение делопроизводства на государственном языке субъекта Российской Федерации (республики), где национальный язык, согласно Конституции, имеет соответствующий статус.

4. Принцип беспристрастности при осуществлении деятельности ЗАГС четко не определен. Закон подразумевает, что при совершении государственной регистрации акта гражданского состояния должен отсутствовать личный, прямой или косвенный

интерес. Так, в соответствии с п. 6 ст. 6 Закона работник органа ЗАГС или многофункционального центра предоставления государственных и муниципальных услуг не вправе производить государственную регистрацию актов гражданского состояния в отношении себя, своего супруга, своих и его родственников (родителей, детей, внуков, дедушек, бабушек, родных братьев и сестер). Государственная регистрация актов гражданского состояния в таких случаях производится другим сотрудником органа ЗАГС или многофункционального центра предоставления государственных и муниципальных услуг либо в другом органе ЗАГС или другом многофункциональном центре предоставления государственных и муниципальных услуг. Закон исчерпывающе называет круг лиц, в отношении которых устанавливается ограничение на совершение записей актов гражданского состояния уполномоченным сотрудником. Хотелось бы отметить, что этот перечень достаточно широк, что, на наш взгляд, позволяет придерживаться принципа беспристрастности. Для сравнения: в нотариальной деятельности запрет установлен лишь в отношении супруга, родителей, детей и внуков. За счет законодательных ограничений сфере деятельности ЗАГС гарантируется отсутствие конфликта интересов.

5. Современный принцип ограниченного доступа к информации ЗАГС заменил действовавший принцип конфиденциальности⁵. С точки зрения Г.Г. Камаловой, конфиденциальность одновременно является правовым свойством информации ограниченного доступа и правовым режимом таких сведений [11, с. 385]. На наш взгляд, применение термина «конфиденциальность» к информации, содержащейся в актах гражданского состояния, вполне приемлемо, поскольку слово *confidentia* означает «секретный, не подлежащий разглашению». Полагаем, что терминологическое замещение не изменило существа традиционного принципа законодательства в сфере ЗАГС: соблюдение обязательного требования не передавать информацию об актах гражданского состояния третьим лицам без согласия лица, в отношении которого запись произведена. Данный принцип обеспечивается за счет ограничения предоставления сведений, носящих биографо-демографический характер.

В настоящее время сведения ЗАГС предоставляются гражданину, в отношении которого произведена запись акта гражданского

⁴ Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 04.10.2018).

⁵ Статья 12 «Конфиденциальность и порядок передачи сведений о государственной регистрации актов гражданского состояния» утратила силу с 01.10.2018.

состояния, или уполномоченному им лицу. Предлагаем ввести термин «бенефициар», обозначающий лицо (гражданина), в отношении которого произведена государственная регистрация акта гражданского состояния, поскольку данный прием юридической техники приведет к лаконичному изложению правовых норм, в которых используется словосочетание «лицо (гражданин), в отношении которого произведена государственная регистрация акта гражданского состояния». Кроме того, в соответствии с п. 8 ст. 6 Закона «сведения, ставшие известными работнику органа записи актов гражданского состояния или работнику многофункционального центра предоставления государственных и муниципальных услуг в связи с государственной регистрацией акта гражданского состояния, в том числе персональные данные, являются информацией, доступ к которой ограничен в соответствии с федеральными законами, и разглашению не подлежат». Считаем, что в этом случае можно утверждать об установлении «профессиональной тайны».

Записи актов гражданского состояния осуществляются как в частных, так и в публичных интересах. Представители власти при выполнении своих функций под свою ответственность могут получить доступ к данным, содержащимся в ЕГР ЗАГС.

Изменение принципа правового регулирования в сфере ЗАГС произошло по причине отнесения сведений об актах гражданского состояния к категории персональных данных. Оператор ЕГР ЗАГС принимает все необходимые меры, включая меры технического характера, для защиты персональной информации от неправомерного или случайного доступа, уничтожения, изменения. Несмотря на приватность информации ЗАГС, государственная регистрация актов гражданского состояния производится в том числе в публичных интересах. На комплексный характер правовой сущности конфиденциальности информации, являющейся одновременно правовым режимом информации ограниченного доступа и ее правовым свойством, указывает в своих работах Г.Г. Камалова [11, с. 59–71].

Действительно, поскольку жизненные обстоятельства подлежат обязательной государственной регистрации, то называть эти сведения конфиденциальными вроде бы неправильно, но поскольку они касаются частной жизни лица (личной и семейной), то черты секретности им присущи. Можно считать, что принцип ограниченного доступа

к информации ЗАГС есть проявление гибкости права: определять степень публичности приватной информации. Публичность приватной информации обеспечивает возможность ЕГР ЗАГС проверить обезличенно любое свидетельство о государственной регистрации акта гражданского состояния.

6. Принцип экстерриториальности новый для сферы ЗАГС. В настоящее время переход деятельности ЗАГС по экстерриториальному принципу только осуществляется. Закрепление принцип экстерриториальности получил в 2016 г., с принятием п. 6. ст. 13.2. Закона: «предоставление сведений о государственной регистрации актов гражданского состояния, содержащихся в Едином государственном реестре записей актов гражданского состояния, в электронной форме осуществляется посредством использования единой системы межведомственного электронного взаимодействия и подключаемых к ней региональных систем межведомственного электронного взаимодействия».

7. Минимизацию выделяем как один из институциональных принципов. Действующее законодательство строго регламентирует не только порядок осуществления государственной регистрации акта гражданского состояния, но и определяет перечень сведений, которые необходимо предоставить заявителю при обращении. Истребование дополнительных документов, не предусмотренных законом, не допускается. Закон исходит из ситуационного подхода при государственной регистрации отдельных видов актов гражданского состояния. Введение электронного формата государственной регистрации актов гражданского состояния способствует реализации принципа минимизации, поскольку необходимая информация может запрашиваться по внутриведомственным телекоммуникационным сетям сотрудниками ЗАГС.

Выводы

Исторически так сложилось, что при определении специального правового регулирования какой-либо группы однородных общественных отношений первоначально выделяют правовые принципы, на которых будут базироваться правовые нормы. Система правовых принципов института записей актов гражданского состояния направлена на эффективность и оптимальность данного сектора государственного управления. Сведения о населении, содержащиеся в ЕГР ЗАГС, имеют особую значимость. Население – это

группа людей, на которых распространяется юрисдикция государства. Население является атрибутом государства. Первой актовой записью о рождении человека подтверждается его политико-правовая связь с государством. Вопросы регулирования и обеспечения безопасности важной информации о населении, о каждом гражданине включаются в правовое поле и базируются на правовых принципах.

Цифровизация всех отраслей жизнедеятельности общества и государства меняет формат социальных регуляторов и требует переосмысления традиционных правовых концепций. Многие устоявшиеся правовые категории модернизировались. Трансформация правовых норм неизбежна под влиянием объективных причин.

Информационное право – это, пожалуй, самая молодая отрасль современного права, формирование которой определила действительная реальность – построение глобального информационного общества, переход к обществу знаний в условиях техногенной цивилизации. Новые направления становления этой отрасли права объективно обусловлены [12].

Стремительное развитие технологических процессов и цифровая трансформация общественных отношений затронули все области жизнедеятельности людей (экономика, социальная сфера, государственное управление). Информация становится главным благом. Вместе с тем информация как объект общественных отношений, регулируемых информационным правом, настолько разнообразна, что объективно имеется необходимость классифицировать ее на определенные группы в целях надлежащего правового регулирования.

В статье показано, что цифровизация реестра актов гражданского состояния, существование его исключительно в качестве электронного информационного ресурса позволяет включить этот правовой институт в систему информационного права со своим «приданым» – институциональными правовыми принципами, такими как легитимность, достоверность и актуальность, формальность, беспристрастность, ограничение свободного доступа, экстерриториальность, минимизация.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Трофимец И.А. Государственные информационные системы учета населения / И.А. Трофимец. – Москва : Русайнс, 2021. – 90 с.
2. Трофимец И.А. Публично-правовое значение актов гражданского состояния (на примере законодательства России и Испании) / И.А. Трофимец. – Москва : ИНФРА-М, 2022. – 160 с.
3. Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М.И. Байтин. – Саратов : СГАП, 2001. – 408 с.
4. Валиев Р.Г. Правовая институционализация и институты права: концептуальная модель / Р.Г. Валиев // Lex Russica. – 2020. – № 4. – С. 103–116.
5. Васильковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов / Е.В. Васильковский. – Москва : Городец, 1997. – 128 с.
6. Кулаков В.В. Некоторые аспекты учета принципов семейного права при регистрации актов гражданского состояния / В.В. Кулаков // Теоретические и практические проблемы государственной регистрации актов гражданского состояния : монография / Тверской государственный университет ; Тверское региональное отделение Ассоциации юристов России. – Тверь : Изд. А.Н. Кондратьев, 2017. – С. 71–73.
7. Мозолин В.П. Роль гражданского законодательства в регулировании комплексных имущественных отношений / В.П. Мозолин // Журнал российского права. – 2010. – № 1. – С. 26–31.
8. Петровская О.В. Принципы достоверности в информационном праве в условиях цифровой трансформации / О.В. Петровская // Мониторинг правоприменения. – 2021. – № 3 (40). – С. 46–49.
9. Петровская О.В. Цифровая трансформация и проблемы обеспечения достоверности информации / О.В. Петровская // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 3 (183). – С. 130–132.

REFERENCES

1. Trofimets I.A. Gosudarstvennyye informacionnyye sistemy ucheta naseleniya [State information systems of population registration]. Moscow, Rusajns Publ., 2021. 90 p.
2. Trofimets I.A. Publichno-pravovoe znachenie aktov grazhdanskogo sos-toyaniya (na primere zakonodatel'stva Rossii i Ispanii) [Public legal significance of civil registration (on the example of the legislation of Russia and Spain)]. Moscow, INFRA-M Publ., 2022. 160 p.
3. Baitin M.I. Sushchnost' prava (sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvuh vekov) [The essence of law (modern normative legal understanding on the verge of two centuries)]. Saratov State Academy of Law, 2001. 408 p.
4. Valiev R.G. Legal institutionalization and legal institutions: conceptual model. Lex Russica, 2020, no. 4, pp. 103–116. (In Russian).
5. Vaskovsky E.V. Rukovodstvo k tolkovaniyu i primeneniyu zakonov [Guide to the interpretation and application of laws]. Moscow, Gorodec Publ., 1997. 128 p.
6. Kulakov V.V. Some aspects of taking into account the principles of family law in civil registration. Teoreticheskie i prakticheskie problemy gosudarstvennoj registracii aktov grazhdanskogo sostoyaniya [Theoretical and practical problems of state civil registration]. Tver, A.N. Kondratiev Publ., 2017, pp. 71–73. (In Russian).
7. Mozolin V.P. The role of civil legislation in regulation of complex property relation. Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law, 2010, no. 1, pp. 26–31. (In Russian).
8. Petrovskaya O.V. Principles of reliability in information law in the context of digital transformation. Monitoring pravoprimeniya = Monitoring of Law Enforcement, 2021, no. 3 (40), pp. 46–49. (In Russian).
9. Petrovskaya O.V. Digital transformation and the problems of ensuring the reliability of information. Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and Land Law, 2020, no. 3 (183), pp. 130–132. (In Russian).

10. Устюжанина Е.В. Принцип достоверности информации: постановка проблемы / Е.В. Устюжанина // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2017. – № 4 (42). – С. 47–52.

11. Камалова Г.Г. Правовое обеспечение конфиденциальности информации в условиях развития информационного общества : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.13 / Г.Г. Камалова. – Москва, 2020. – 472 с.

12. Полякова Т.А. Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации / Т.А. Полякова, А.В. Минбалева, Н.В. Кроткова // Государство и право. – 2020. – № 5. – С. 75–87.

10. Ustyuzhanina E.V. The principle of reliability of information: a problem statement. Elektronnoe prilozhenie k «Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu» = Electronic supplement to «Russian Juridical Journal», 2017, no. 4 (42), pp. 47–52. (In Russian).

11. Kamalova G.G. Pravovoe obespechenie konfidencial'nosti informacii v usloviyah razvitiya informacionnogo obshchestva. Dokt. Diss. [Legal provision of confidentiality of information in the context of the development of information society. Doct. Diss.]. Moscow, 2020. 472 p.

12. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V. New vectors of information law development in the context of civilizational crisis and digital transformation. Gosudarstvo i pravo = State and Law, 2020, no. 5, pp. 75–87. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Трофимец Ирина Александровна – кандидат юридических наук, доцент, Посольство Российской Федерации в Королевстве Испания.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Trofimets Irina Alexandrovna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Russian Embassy in the Kingdom of Spain.

Статья поступила в редакцию 19.05.2022; одобрена после рецензирования 19.06.2022; принята к публикации 20.06.2022. The article was submitted 19.05.2022; approved after reviewing 19.06.2022; accepted for publication 20.06.2022.

Научная статья
УДК 347.91
DOI 10.33184/pravgos-2022.3.15

Original article

ЮДИН Андрей Владимирович
Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королёва, Самара, Россия;
Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия;
e-mail: udin77@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-9235-9680>

YUDIN Andrey Vladimirovich
Samara National Research University, Samara, Russia;
Saratov State Law Academy, Saratov, Russia.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА СРОКА НА ОБРАЩЕНИЕ В СУД ПО ДЕЛАМ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

THE LEGAL NATURE OF THE PERIOD FOR APPLYING TO THE COURT FOR ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

Аннотация. По делам административного судопроизводства в судах общей юрисдикции и в арбитражных судах установлен общий срок на обращение в суд с заявлением об оспаривании незаконных актов органов власти, составляющий три месяца. В судебной практике и в большинстве научных исследований данный срок практически безоговорочно квалифицируется в качестве срока процессуального, со всеми сопутствующими последствиями, касающимися режима восстановления срока, последствий его пропуска и др. Между тем подобный подход вызывает сомнения в силу иной правовой природы срока на обращение в суд, анализ которой и составляет предмет исследования. Цель: на основе критической оценки подходов судебной практики и научных исследований, априори причисляющих такой срок к процессуальным, установить правовую природу срока на обращение в суд по делам административного судопроизводства, главным образом в направлении отнесения его к срокам процессуальным или материально-правовым. Методы: эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридико-догматический и толкования правовых норм. Результаты: на основе системы аргументов исследование позволило выявить, что трехмесячный срок, установленный для обращения в суд в целях оспаривания актов органов власти, по своей природе является сроком материально-правовым, аналогом срока исковой давности в административных правоотношениях; позиционирование подобного срока в качестве процессуального со всеми сопутствующими последствиями ошибочно. Рассматриваемый в статье срок поименован процессуальным законом как срок обращения в суд или как срок подачи заявления, что представляется ошибочным в свете понимания данного срока как срока для защиты по требованию лица нарушенного права.

Ключевые слова: процессуальные сроки, материально-правовые сроки, сроки исковой давности, сроки обращения в суд, сроки защиты права, восстановление срока, административное судопроизводство, гражданское судопроизводство

Для цитирования: Юдин А.В. Правовая природа срока на обращение в суд по делам административного судопроизводства / А.В. Юдин // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 3. – С. 111–116 DOI 10.33184/pravgos-2022.3.15.

Abstract. In cases of administrative proceedings in courts of general jurisdiction and in arbitration courts, a general period of three months is established for an application to the court to challenge unlawful acts of authorities. This term is almost unconditionally positioned in judicial practice and in most scientific studies as a procedural term with all the accompanying consequences concerning the regime of restoration of the term, consequences of its omission, etc. Meanwhile, such an approach raises doubts due to the different legal nature of the period for applying to the court; the analysis of this nature is the purpose of the study. Purpose: based on a critical assessment of the approaches of judicial practice and doctrinal views that a priori classify such a period as procedural, to establish the legal nature of the period for applying to the court for administrative proceedings, mainly in the direction of attributing such a period to procedural or substantive legal terms. Methods: empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; specific scientific methods: legal-dogmatic and interpretation of legal norms. Results: the study reveals that the three-month period established for applying to the court in order to challenge acts of authorities is by its nature a substantive legal period, an analogue of the limitation period in administrative legal relations; positioning such a period as a procedural one with all the attendant consequences is erroneous. The term considered in the article is named by the procedural law as the term for applying to the court or as the term for filing an application, which seems to be erroneous in the light of understanding this term as the term for protecting the right at the request of a person whose right is violated.

Keywords: procedural terms, substantive terms, limitation periods, terms of appeal to the court, terms of protection of the right, restoration of the term, administrative proceedings, civil proceedings

For citation: Yudin A.V. The legal nature of the period for applying to the court for administrative proceedings. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 3, pp. 111–116. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.15. (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Обращение в суд общей или арбитражной юрисдикции, соответственно, административного истца или заявителя по делам об оспаривании незаконных действий (бездействия), ненормативных правовых актов, решений органов власти (далее также – по делам административного судопроизводства) подчинено трехмесячному сроку (ч. 1 ст. 219 КАС РФ, ч. 4 ст. 198 АПК РФ), пропуск которого без уважительных причин может привести к отказу в удовлетворении административного иска (заявления) по существу. Многие вопросы правоприменения в этой части остаются нерешенными или решенными непоследовательно, что порождает во многом из неопределенности природы трехмесячного срока на обращение в суд.

Недавно принятое Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства РФ и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса РФ»¹ (далее – Постановление № 21) со ссылкой на ч. 3 ст. 92 КАС РФ, ч. 4 ст. 113 и ч. 4 ст. 198 АПК РФ (абз. 1 п. 16) относит трехмесячный срок для обращения в суд к процессуальным срокам. Таким образом, высшая судебная инстанция недвусмысленно предлагает квалифицировать данный срок в качестве срока процессуального.

Отнесение рассматриваемого срока к срокам процессуальным поддерживается и в доктрине процесса [1, с. 390; 2, с. 341; 3]. Зачастую процессуальная природа срока на обращение в суд признается по умолчанию, без какой-либо дополнительной аргументации [4, с. 51–55; 5, с. 91–102].

Однако существуют и противоположные суждения, относящие такой срок к срокам материально-правовой природы. Так, правовое обоснование срока на обращение в суд по делам, возникающим из публично-правовых отношений, как аналога срока исковой давности в период нахождения данного производства в составе ГПК РФ было дано в диссертации Д.А. Грибкова [6, с. 9]. А.В. Ильин также квалифицирует рассматриваемый срок в качестве срока для судебного осуществления права требования, в течение которого судом могут быть удовлетворены заявленные требования, то есть в качестве срока материально-правового [7].

В судебной практике также встречается подход, отрицающий распространение на трехмесячный срок обращения режима исковой давности², однако такое отрицание может быть порождено принадлежностью этих сроков к разным сферам правоотношений, а не их материальной или процессуальной природой.

Характерно, что утратившее силу в 2016 г. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 2 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих»³, принятое и действующее в период нахождения производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, в структуре ГПК РФ (подразд. III разд. II ГПК РФ), хотя и обходило указанный вопрос молчанием, не причисляло трехмесячный срок обращения к срокам процессуальным.

ОБОСНОВАНИЕ МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ СРОКА НА ОБРАЩЕНИЕ В СУД ПО ДЕЛАМ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

По нашему мнению, трехмесячный срок, установленный для обращения в суд в целях оспаривания актов органов власти, а равно иной подобный срок (в частности, срок для оспаривания решений, действий, бездействия судебного пристава-исполнителя – ч. 3 ст. 219 КАС РФ) по своей природе является сроком материально-правовым, аналогом срока исковой давности в административных правоотношениях; позиционирование подобного срока в качестве процессуального со всеми сопутствующими последствиями ошибочно.

В доказательство данного суждения можно привести следующие аргументы.

1. Последствием пропуска срока на обращение в суд выступает именно отказ в удовлетворении требований по существу, но не погашение права на совершение процессуального действия (ч. 1 ст. 94 КАС РФ, ч. 1 ст. 115 АПК РФ), сопровождающееся возвращением лицу представленных по истечении

2 См., например: Постановление Президиума ВАС РФ от 09.11.2010 № 8148/10 по делу № А41-16045/07 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 27.07.2022).

3 Верховный Суд РФ : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8100/> (дата обращения: 27.07.2022).

1 Верховный Суд РФ : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/31334/> (дата обращения: 27.07.2022).

процессуального срока документов (ч. 2 ст. 94 КАС РФ, ч. 2 ст. 115 АПК РФ), что характерно для сроков процессуальных. Процессуальный закон и практика его применения акцентируют внимание на том, что пропуск срока не может являться основанием для «отказа в принятии административного искового заявления (заявления) к производству суда. Причины пропуска срока обращения в суд выясняются в предварительном судебном заседании или судебном заседании» (абз. 2 п. 16 Постановления № 21).

Аналогичный подход прослеживается и по отдельным категориям административных дел, предусматривающих сроки на обращение в суд. Так, пропуск срока на обращение в суд по делам об оспаривании постановления, действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя не является основанием для отказа в принятии заявления судом общей юрисдикции или возвращения заявления арбитражным судом (абз. 1 п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 ноября 2015 г. № 50 «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства»⁴). Один лишь этот факт уже не позволяет причислять сроки обращения в суд по таким делам к срокам процессуальным.

Нельзя не видеть, что пропуск процессуального срока оказывается неизбежно сопряжен с применением к лицу процессуальных санкций, которые, хотя бы и не имели характера мер процессуальной ответственности, оказывались бы сопряжены с негативными для субъекта последствиями (возвращение жалобы на судебный акт, отказ в удовлетворении процессуального ходатайства и пр.). Каких-либо процессуальных санкций или последствий пропуск трехмесячного срока не влечет.

2. Режим восстановления пропущенных процессуальных сроков и пропущенных сроков на обращение в суд по делам административного судопроизводства различен.

Вопрос соблюдения срока на обращение в суд по делам административного судопроизводства отнесен к числу юридически значимых обстоятельств дела, которые выясняются судом по собственной инициативе (п. 2 абз. 3 п. 15 Постановления № 21, п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 8 «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной

службе и статусе военнослужащих»⁵). Как разъяснено в абз. 2 п. 16 Постановления № 21, «уважительность причин пропуска срока оценивается судом независимо от того, заявлено ли гражданином, организацией отдельное ходатайство о восстановлении срока».

Как известно, с процессуальными сроками положение иное – их восстановление производится по инициативе лица, пропустившего срок; инициирование данного вопроса предполагает заявление отдельного ходатайства (ч. 1–2 ст. 95 КАС РФ, ч. 1–2 ст. 117 АПК РФ).

Различаются и другие атрибуты восстановления пропущенного процессуального срока и срока на обращение в суд. Так, восстановление пропущенного процессуального срока должно сопровождаться одновременным совершением необходимого процессуального действия (ч. 3 ст. 95 КАС РФ, ч. 3 ст. 117 АПК РФ), тогда как обращение в суд, даже по заданному требованию, необязательно должно сопровождаться заявлением ходатайства о восстановлении пропущенного процессуального срока. Иное означало бы, что административный истец или заявитель должны были бы обращаться в суд с заявлением о восстановлении срока на подачу заявления, ожидая от суда своего рода «разрешения» на подачу требования.

Для решения вопроса о восстановлении пропущенного процессуального срока установлен режим судебного заседания и предусмотрено вынесение итогового определения (ч. 2, 4 ст. 95 КАС РФ, ч. 4–6 ст. 117 АПК РФ). Вопрос о соблюдении срока на обращение в суд не требует обязательного проведения отдельного судебного заседания и вынесения отдельного определения, поскольку все эти вопросы могут найти отражение в итоговом судебном акте по существу спора, в котором суд либо отклонит требование, ссылаясь на отсутствие уважительных причин пропуска срока на обращение, либо удовлетворит его, посчитав срок пропущенным по уважительной причине (разумеется, в совокупности с другими обстоятельствами и доводами, касающимися существа дела).

Проведение отдельного судебного заседания, посвященного вопросу восстановления срока на обращение в суд, автономного от рассмотрения дела по существу, оказалось бы беспредметным и неэкономичным: если бы суд посчитал срок пропущенным без уважительных причин, то результат рассмотрения «основного» спора оказался бы предпрешенным

⁴ Верховный Суд РФ : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8459/> (дата обращения: 27.07.2022).

⁵ Верховный Суд РФ : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/8382/> (дата обращения: 27.07.2022).

и смысл разбирательства «основного» дела оказался бы утрачен; если бы суд посчитал срок пропущенным по уважительным причинам или вовсе не пропущенным, то это не оказало бы никакого влияния на разбирательство «основного» дела.

Нельзя не обратить внимание и на различные подходы в определении начала течения процессуального срока и срока, отведенного для обращения в суд. В первом случае течение срока начинается на следующий день после даты или наступления события, которыми определено его начало (ч. 3 ст. 92 КАС РФ, ч. 4 ст. 113 АПК РФ); во втором случае срок обращения в суд начинает исчисляться со дня, следующего за днем, когда лицу стало известно о нарушении его прав, свобод и законных интересов, о создании препятствий к осуществлению его прав и свобод, о возложении обязанности, о привлечении к ответственности (абз. 1 п. 16 Постановления № 21). Как известно, сходным образом определяется и начало течения срока исковой давности (п. 1 ст. 200 ГК РФ). Формализованность процессуальных действий исключает возможность определения момента начала течения процессуального срока указанием на то, когда лицо узнало о нарушении своего права, тогда как в отношении срока на обращение в суд такой подход является вполне оправданным.

3. Рассматриваемый нами срок поименован законом как срок обращения в суд (ст. 219 КАС РФ) или как срок подачи заявления (ч. 4 ст. 198 АПК РФ), что представляется ошибочным в свете понимания данного срока как срока для защиты по требованию лица нарушенного права. Диспозиции приведенных норм содержат указание на то, что заявление может быть подано в суд или в арбитражный суд в течение трех месяцев со дня, когда лицу стало известно о нарушении его прав (ч. 1 ст. 219 КАС РФ, ч. 4 ст. 198 АПК РФ). Однако простой анализ убеждает в том, что заявление может быть подано и по истечении трехмесячного срока. Сам по себе факт истечения срока не лишает лицо права на обращение. Вполне очевидно, что речь идет об утрате лицом права на удовлетворение заявления или права на иск в материальном смысле, при котором пропуск срока может явиться самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении требований, даже при правоте заявителя по существу дела и наличествующей незаконности оспариваемых актов органов власти.

Отсюда наименования приведенных норм должны устанавливать не срок обращения в суд или не срок подачи заявления, которого в действительности нет, а срок для защиты нарушенного административного права

в судебном порядке. Предлагаемые правила должны быть уточнены указанием на то, что заявление может быть удовлетворено в числе прочего, если обращение состоялось в трехмесячный срок с момента, когда лицу стало известно о нарушении его права.

4. Отождествление срока для защиты нарушенного административного права в судебном порядке со сроками процессуальными проистекает отчасти из того, что соответствующий срок установлен именно процессуальным законом, однако это не может являться доказательством процессуальной природы такого срока. Можно возразить, что включение соответствующих норм в процессуальный закон, в отличие, например, от закрепления сроков исковой давности в нормативно-правовом акте материального, а не процессуального права (в ГК РФ, а не в ГПК РФ), объясняется отсутствием в административном праве некоего единого кодифицированного акта, регулирующего административные правоотношения. В этом случае нерационально было бы закреплять срок для защиты административного права в судебном порядке применительно к каждой отдельной области государственного управления, в связи с чем он и включен в нормативно-правовой акт процессуального права.

5. Логика отождествления сроков процессуальных со сроком судебной защиты нарушенного административного права строится на том, что обращение в суд с административным иском (заявлением) имеет характер процессуального действия, для совершения которого и устанавливаются процессуальные сроки, однако такая аргументация является поверхностной. Процессуальные действия по определению могут совершаться после возникновения процесса, связываемого с актом возбуждения дела административного судопроизводства. Срок, в течение которого производится обращение в суд, предшествует процессу, этот срок хронологически допроцессуальный. Его «погашение» происходит в момент состоявшегося обращения.

Предъявление административного иска или подача заявления в арбитражном судопроизводстве, безусловно, относятся к юридическим фактам процессуального права, влекущим процессуально-правовые последствия. Однако, как было доказано, трехмесячный срок предназначен не для совершения процессуального действия в виде обращения в суд, а для оценки своевременности состоявшегося обращения как факта, входящего в предмет доказывания. То есть судебное административное дело, находящееся в производстве суда, уже несет в себе как некую данность соблюденный или пропущенный

срок на защиту нарушенного права. В этом качестве такой срок и включается в предмет доказывания по делу.

6. Разнится и функциональное назначение процессуального срока и трехмесячного срока для защиты права. Если первый нацелен на упорядочение процессуальных отношений, то второй направлен на обеспечение стабильности сферы государственного управления, исключения из нее возможной неопределенности, касающейся законности акта государственного управления. Своевременность обращения частного лица в суд с заявлением об оспаривании акта органа власти способствует укреплению сферы государственного управления, повышает предсказуемость поведения субъектов управленческих отношений, но для сферы процессуальных отношений данный срок безразличен, он имеет внешний по отношению к этой сфере характер. Установление факта его пропуска по уважительным причинам или при отсутствии таковых приведет к тому, что суд вынужден будет принять запрограммированное решение (с учетом прочих факторов) об удовлетворении или об отказе в удовлетворении требований. Пропуск или соблюдение трехмесячного срока сами по себе никакого влияния на стабильность процессуальных правоотношений не оказывают.

7. Материально-правовой характер срока для обращения по делам административного судопроизводства проявляется при сравнении его с другими сроками обращения в суд по требованиям, вытекающим из иных правоотношений. Речь может идти о сроках обращения в суд по трудовым спорам (ст. 392 ТК РФ), при оспаривании решений общих собраний участников обществ (ч. 4 ст. 43 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»⁶) и др. Пропуск подобных сроков аналогичным образом влечет отказ в удовлетворении требований по существу, но не какие-либо процессуальные последствия.

Позиционирование таких сроков в качестве сроков обращения в суд (сроков подачи заявления в суд) высвечивает подмеченную нами неточность: последствия их пропуска коренятся в отказе в требованиях по существу спора, в отсутствии права на иск в материальном смысле, но не в исчерпании или в утрате права на само обращение.

Вряд ли можно оправдать процессуальное понимание срока на обращение в суд правилом относительно возможности суда на предварительном судебном заседании при установлении факта пропуска срока без

уважительной причины принять решение об отказе в удовлетворении иска без исследования иных фактических обстоятельств по делу (ч. 6 ст. 152 ГПК РФ, ч. 5 ст. 138 КАС РФ). Помимо неуниверсального характера данного правила (отсутствие его в арбитражном процессе, возможность суда отложить решение данного вопроса до разрешения спора по существу, невозможность применения при коллегиальном рассмотрении дела и др.) можно возразить, что и оно не опровергает право лица обратиться в суд с пропуском установленного срока и его право на рассмотрение спора по существу, которое завершалось бы вынесением решения суда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило выявить, что трехмесячный срок, установленный для обращения в суд в целях оспаривания актов органов власти, по своей природе является сроком материально-правовым, аналогом срока исковой давности в административных правоотношениях; позиционирование подобного срока в качестве процессуального со всеми сопутствующими последствиями является ошибочным. В статье объяснена причина включения трехмесячного срока на обращение именно в процессуальные законы – отсутствие единого кодифицированного акта, регулирующего административные правоотношения, общего для всех областей государственного управления. Автором доказан допроцессуальный характер рассматриваемого срока, не позволяющий отождествлять его со сроком для совершения процессуального действия. Понимание данного срока именно в качестве срока для защиты по требованию лица нарушенного права требует уточнения наименования данного срока в процессуальных законах, а также уточнения правил восстановления пропущенного по уважительной причине срока, процедуры разрешения данного вопроса и др. В работе показано различное функциональное назначение процессуального срока и трехмесячного срока для защиты права, при котором первый нацелен на упорядочение процессуальных отношений, а второй направлен на обеспечение стабильности сферы государственного управления, на предотвращение неоправданного затягивания судебного оспаривания акта органа власти, который субъект считает незаконным.

6 Собрание законодательства РФ. 1998. № 7, ст. 785.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абсаямов А.В. Производство по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений / А.В. Абсаямов // Арбитражный процесс : учебник / отв. ред. В.В. Ярков. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва : Инфотропик Медиа, 2014. – 848 с.
2. Зеленов А.Б. Судебное административное право : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / А.Б. Зеленов, О.А. Ястребов / Рос. ун-т дружбы народов, Юрид. ин-т. – Москва : Статут, 2017. – 766 с.
3. Грин Е.В. К вопросу о различии понятий «сроки обращения в суд» по трудовым делам и «сроки исковой давности» / Е.В. Грин // Российская юстиция. – 2009. – № 3. – С. 23–27.
4. Некрасов С.Ю. Судейское усмотрение как обязанность судьи / С.Ю. Некрасов // Российский судья. – 2016. – № 11. – С. 51–55.
5. Абакумова С.С. Институт восстановления процессуальных сроков в арбитражном процессе как гарантия прав лиц, участвующих в деле / С.С. Абакумова, Р.Э. Котлов // Арбитражные споры. – 2019. – № 4. – С. 91–102.
6. Грибков Д.А. Исковая давность и иные сроки обращения в суд в гражданском судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Д.А. Грибков. – Москва, 2009. – 26 с.
7. Ильин А.В. О критериях установления момента начала течения срока на обращение в суд с заявлением в порядке гл. 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, гл. 25 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации / А.В. Ильин // Арбитражный и гражданский процесс. – 2014. – № 5. – С. 12–17.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юдин Андрей Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королёва, профессор кафедры арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yudin Andrey Vladimirovich – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Civil Procedural and Business Law, Samara National Research University, Professor of the Department of Arbitration Procedure, Saratov State Law Academy.

Статья поступила в редакцию 30.05.2022; одобрена после рецензирования 29.07.2022; принята к публикации 30.07.2022. The article was submitted 30.05.2022; approved after reviewing 29.07.2022; accepted for publication 30.07.2022.

REFERENCES

1. Absalyamov A.V. Proceedings in cases arising from administrative and other public legal relations. In Yarkov V.V. (ed.). Arbitrazhnyj process [Arbitration procedure]. 6th ed. Moscow, Infotropic Media Publ., 2014. 848 p.
2. Zelenov A.B., Yastrebov O.A. Sudebnoe administrativnoe pravo [Judicial administrative law]. Moscow, Statut Publ., 2017. 766 p.
3. Grin E.V. To the question of the difference between the concepts of «terms for applying to the court» in labor cases and «limitation periods». Rossijskaya yusticiya = Russian Justice, 2009, no. 3, pp. 23–27. (In Russian).
4. Nekrasov S.Yu. Judicial discretion as a judge's duty. Rossijskij sud'ya = Russian Judge, 2016, no. 11, pp. 51–55. (In Russian).
5. Abakumova S.S., Kotlov R.E. The institution of restoration of procedural terms in arbitration procedure as a guarantee of the rights of persons participating in the case. Arbitrazhnye spory = Arbitration Disputes, 2019, no. 4, pp. 91–102. (In Russian).
6. Gribov D.A. Iskovaya davnost' i inye sroki obrashcheniya v sud v grazhdanskom sudoproizvodstve. Avtoref. Kand. Diss. [Limitation period and other terms for applying to the court in civil proceedings. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2009. 26 p.
7. Ilyin A.V. On the criteria for establishing the moment of the beginning of the period for applying to the court with a statement in the order of Ch. 24 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, Ch. 25 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation. Arbitrazhnyj i grazhdanskij process = Arbitration and Civil Procedure, 2014, no. 5, pp. 12–17. (In Russian).

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Научная статья
УДК 342
DOI 10.33184/pravgos-2022.3.16

Original article

ВОРОНКОВ Кирилл Ильич
Нижегородский государственный
университет им. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия;
e-mail: vk166816@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0003-4846-7331>

VORONKOV Kirill Ilyich
Lobachevsky State University of Nizhny
Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

ИСМАГИЛОВ Рашид Фаатович
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: filippova@lotpp.ru;
<https://orcid.org/0000-0001-7913-528X>

ISMAGILOV Rashid Faatovich
Saint Petersburg, Russia.

САЛЬНИКОВ Михаил Викторович
Юридический институт,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: salnikov-mihail66@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0003-0879-6085>

SAL'NIKOV Mikhail Viktorovich
Law Institute, Saint Petersburg, Russia.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ ДОБРА И ВСЕОБЩЕГО СОЮЗА КАК ВОЗМОЖНЫЙ ВАРИАНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕОЛОГИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

THE NATIONAL IDEA OF GOODNESS AND GENERAL UNION AS A POSSIBLE OPTION OF THE STATE IDEOLOGY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В современных условиях ни одно государство не может существовать без национальной идеи, которая определяет основные направления его развития и выражается в государственной идеологии. Цель данной статьи заключается в определении национальной идеи, лежащей в основе российской суверенной государственно-правовой идеологии, что обусловлено современной политикой лидеров российского государства, которая должна быть адекватной вызовам сегодняшних глобальных процессов. Методы: диалектической логики, описания, системного и структурного анализа, сравнения и обобщения. Результаты: предпринята попытка обоснования необходимости национальной идеи добра и всеобщего союза, предложено рассматривать ее в качестве возможного варианта государственно-правовой идеологии. Установлено, что философия права Ф.М. Достоевского исходила из принципов человеческого всеединства, гуманизма. Сделан общий вывод о необходимости закрепления национальной идеи и суверенной государственно-правовой идеологии в законодательстве Российской Федерации.

Abstract. In modern conditions, no state can exist without a national idea, which determines the main directions of its development and is expressed in the state ideology. The purpose of this article is to determine the national idea underlying the Russian sovereign state law ideology, which is due to the modern policy of the leaders of the Russian state, which should be adequate to the challenges of today's global processes. Methods: the authors apply such methods as dialectical logic, description, system and structural analysis, comparison and generalization. Results: an attempt is made to substantiate the necessity of the national idea of goodness and general union. Proposals for its consideration as a possible variant of the state law ideology are formulated. It is established that the philosophy of law of F.M. Dostoevsky proceeded from the principles of human unity, humanism. The general conclusion is made about the need to consolidate the national idea and sovereign state law ideology in the legislation of the Russian Federation.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, национальная идея, государственная идеология, государственная политика

Для цитирования: Воронков К.И. Национальная идея добра и всеобщего союза как возможный вариант государственной идеологии в Российской Федерации / К.И. Воронков, Р.Ф. Исмагилов, М.В. Сальников // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 3. – С. 117–123. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.16.

Keywords: F.M. Dostoevsky, national idea, state ideology, state policy

For citation: Voronkov K.I., Ismagilov R.F., Sal'nikov M.V. The national idea of goodness and general union as a possible option of the state ideology in the Russian Federation. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 3, pp. 117–123. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.16. (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

В контексте поиска путей гармонизации частных и общественных интересов, в условиях роста глобальной нестабильности как мировой, так и национальной экономики, пандемии, затронувшей весь мир, проводимой политики западных стран по дискредитации Российской Федерации в мировом сообществе определение национальной идеи, лежащей в основе суверенной государственно-правовой идеологии, является критически важной задачей. Проводимая политика лидеров российского государства должна быть адекватна вызовам глобальных процессов. На фундаментальном уровне прослеживается ее связь с национальной идеей. Всемирно-историческое предназначение России всегда используется Президентом РФ в качестве весомого аргумента для обоснования значимых политических решений.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

К середине 2010-х годов в российском обществе начал складываться ценностный консенсус, опирающийся на многовековые традиции российской правовой культуры. Суть этого консенсуса в признании ценностных оснований права и, соответственно, права, государства, суверенитета в качестве базовых социально-нравственных ценностей. Зафиксировать этот национальный консенсус, своего рода аналог нового общественного договора, можно только посредством радикальной конституционной реформы – посредством принятия новой Конституции или, по крайней мере, новой редакции действующего Основного закона. А это, в свою очередь, ставит перед отечественными правоведами задачи, по масштабу сравнимые с тектоническими изменениями в общественном сознании. Речь идет о задачах разработки суверенной российской правовой идеологии и суверенной русской философии права на основе традиций классической философии права [1, с. 175].

В 2017 г. научно-практический журнал «Юридическая наука: история и современность» на своих страницах развернул дискуссию на тему «Право и революция» [2, с. 1]. Дискуссия началась публикацией статьи современного классика теории государства и права доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации и почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации В.В. Лазарева. Он утверждает, что «мы постоянно проигрываем, разоружаясь идеологически. Мы перестали критически анализировать западную правовую идеологию» [3, с. 31]. С данным тезисом автора невозможно не согласиться.

Любое государство не может существовать без движущей и определяющей направления его развития национальной идеи, выражающейся в государственной идеологии, так как по своей сути государство – это тоже идея: идея объединения, идея правопорядка, идея безопасности, идея власти. В ситуации отсутствия собственной национальной идеи и государственной идеологии Россия может попасть под чуждое идеологическое влияние, насаждаемое нашим гражданам. Такими примерами могут служить узаконенный и приемлемый в ряде стран однополый брак, усыновление детей однополыми партнерами и другие признаваемые за рубежом ценности. Полный отказ от идеологии ведет к неизбежному регрессу развития страны. Лежащая в основе государственной идеологии национальная идея представляет собой необходимое условие сохранения русского народа и государства.

Государственно-правовая идеология определяет смысл, назначение, сущность и приоритеты, функции, базовые ценности, цели, принципы государства. Она должна соответствовать идеалам народа, его традициям, историческим ценностям, менталитету, духу объединенной нации. Ценности, заложенные в основе патриотизма и любви к своей Родине, являются главенствующими для любого человека. Любовь к России выступает вечной

движущей силой развития страны. Подлинный государственный суверенитет выражается в наличии и продвижении собственной идеологии, основанной на самобытном пути российского государства.

Почти весь 2017 год на страницах журнала «Юридическая наука: история и современность» велась дискуссия, в которой приняли участие авторитетные ученые столичных вузов, в частности МГУ им. М.В. Ломоносова и МГЮА(У) – профессора С.М. Шахрай, А.Г. Хабибулин и А.В. Корнев, ученые из Санкт-Петербурга – профессора Р.А. Ромашов и Р.Б. Булатов. Не остались в стороне от дискуссии и представители политической элиты России. В ней принял участие известный государственный и политический деятель первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания РФ по конституционному законодательству и государственному строительству, член бюро Президиума Ассоциации юристов России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации А.И. Александров. Большой интерес вызвали также идеи профессоров Санкт-Петербургского университета МВД России Я.Л. Алиева и Ю.В. Аманацкого. Ученые проанализировали реальное состояние развития России накануне Первой мировой войны, причины ее падения в бездну революции, мифы и попытки фальсифицировать и очернить историю нашего Отечества, последствия, уроки и возрождение государства. Участники дискуссии пришли к выводу, что Конституция РФ не содержит норму, определяющую государственно-правовую идеологию. Более того, в ст. 13 она провозглашает идеологический плюрализм.

Под общенациональной идеей, охватывающей весь многонациональный народ России, понимается идея добра и всеобщего союза, основанного на патриотизме и любви к своей Родине, соединяющего национальности и побуждающего к сотрудничеству граждан всех стран мира. Идея добра и всеобщего союза подразумевается во всех сферах человеческой жизни. В экономической сфере это союз всех видов собственности, в брачно-семейных отношениях – союз мужчины и женщины в целях осуществления совместного быта, в общественных отношениях – союз государства, гражданского общества и народа, во внешних отношениях – союз российского народа с гражданами других стран, в духовной сфере – союз всех видов религий, служащих, наряду с правом, социальным регулятором общественных отношений, в политической сфере – союз и

плюрализм политических партий, государственных идеологий, многообразие мнений. В связи с этим предполагается, что XXI век может протекать в развитии глобального масштаба, основанного на принципах всеобщего мира взаимосвязанных союзных суверенных наций и культур. Проводимая внешняя политика ведущих цивилизованных стран может быть основана на принципах и идеалах нравственности, добра, всеобщего союза, признания прав и свобод человека и гражданина как высшей ценности, отождествлении права с идеей всеобщей справедливости. Демократические принципы идеологического плюрализма, закрепленные в Конституции РФ, предполагают признание альтернативных государственных идеологий, закрепленных в основополагающих законах других стран. Национальная идея добра и всеобщего союза в этом случае адекватно вписывается в концепцию непротиворечия российской идеологии другим государственным идеологиям.

Идеалы гуманизма, разработанные Ф.М. Достоевским, основанные на принципах патриотизма, абсолютного добра, идее единства нации, несомненно, являются актуальными и в настоящее время. Современное российское общество ответственно перед каждым гражданином, поскольку государство, будучи не только социально-правовым механизмом, является «живым» нравственным субъектом общественных отношений. Сила нации состоит в ее духовном развитии, в складывающихся веками традициях, в формировании и укреплении государственного суверенитета. Идеалы сильной, суверенной и глубоко нравственной в своих основах нации выступают драйверами развития страны. Значение русского национального духа придает силы нашим национальным ценностям.

О ГУМАНИЗМЕ

Гуманизм в настоящее время представляет собой общепризнанную идею, общий смысл которой можно выразить так: «человек – это высшая ценность». Человек в гуманизме выступает как мера всех вещей. Это означает, что с точки зрения благополучия человека оценивается все, что его окружает. За основу функционирования государства и права, развития общества берется человек как существо социальное, реализующее свои потребности в обществе [4, с. 198–205].

В 2021 г. в издательстве Фонда «Университет» в Санкт-Петербурге вышла работа

известных российских ученых и государственных деятелей докторов наук А.И. Бастрыкина, одного из авторов настоящей статьи – Р.Ф. Исмагилова, и В.П. Сальникова «Идея добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права» [5]. В этом фундаментальном труде раскрывается идея Ф.М. Достоевского о философии права. Основное внимание уделяется трактовке Ф.М. Достоевским основополагающих метафизических, философско-правовых, философско-религиозных, историософских идей: бытия, свободы, человека, души, русского народа и его ценностей, семьи, права, справедливости, исторического предназначения России, освещается жизненный путь великого писателя, анализируется опыт освоения его наследия русской и европейской философской мыслью XIX–XX вв. Авторы анализируют идею добра в творчестве великого русского писателя и примеряют ее к современному идеологическому дискурсу.

В философии Ф.М. Достоевского идея народа обретает конкретность через причастность двум идеям: идее «максимума» духовного бытия – идее Бога, и идее «минимума» духовного бытия – идее земли, почвы. Синтез этих двух идей, собственно, и определяет особенность бытия народа [6, с. 177]. В монографии обосновывается единство личности и народа, раскрывается внутренняя взаимосвязь российского государства, анализируется историческое предназначение русского народа, освещается жизненный путь Ф.М. Достоевского. Выдающаяся работа, посвященная идее добра в творчестве Ф.М. Достоевского, опубликованная А.И. Бастрыкиным, Р.Ф. Исмагиловым и В.П. Сальниковым, может быть расценена как методологическая основа, руководящая идея для разработки национальной идеи и суверенной государственно-правовой идеологии. Очевидно, что без современной российской правовой идеологии вся система суверенитета российского общества и государства будет уязвима для внешнего влияния. Перспектива развития государства и общества на основе традиционных ценностей народов России, выявленная авторами, несомненно, найдет свое отражение в современной действительности. Современный российский народ, как высшая ценность бытия и как высшая социальная ценность, в конечном итоге должен осознать необходимость наличия и закрепления в законодательстве Российской Федерации национальной идеи.

В России наблюдается процесс единения самых разных народов и культур.

Гармония, складывающаяся в отношениях между многочисленными народами России, в их широкой, открытой душам других народов культуре, на протяжении всей истории российского государства выступала связующим звеном между Востоком и Западом. В ее основе заложен принцип всеобщего идеала человека как высшей ценности. По этой причине Европа в лице Российской Федерации выступает главным партнером во взаимоотношениях с другими странами.

Специфический путь дальнейшего развития России будет возможен через различные реформы гражданского общества ввиду усложнения общественных отношений. Демократические традиции, заложенные в основу самоуправления в России, будут способствовать комплексному и системному характеру преобразований. Государственно-правовая деятельность по подготовке и осуществлению широкомасштабных и всесторонних реформ в России целенаправленно, комплексно и теоретически обоснованно позволит решить острую проблему отсутствия национальной идеи. Разработка основ суверенной идеологии в значительной мере определит характер будущих масштабных реформ. Конкретный образ национальной идеи обуславливается высокой степенью развития современного гражданского общества. Кардинальные сдвиги в общественном правосознании позволяют констатировать высокий уровень правовой культуры у современных российских граждан. Как верно заметил профессор В.В. Лазарев, «Правовое сознание общества состоит из сложной совокупности взаимно переплетающихся представлений, понятий, категорий, принципов, концепций, теорий» [7, с. 27].

Проводимый Президентом РФ В.В. Путиным курс, направленный на постепенное, поэтапное реформирование всех сфер общественной жизни, основывается на новых нравственных принципах, применяемых ко всем без исключения слоям общества. В 2002 г. в своем третьем Послании Федеральному Собранию В.В. Путин заявил: «Мы должны сделать Россию процветающей и зажиточной страной. Чтобы жить в ней было комфортно и безопасно. Чтобы люди могли свободно трудиться, без ограничений и страха зарабатывать для себя и для своих детей. И чтобы они стремились ехать в Россию, а не из нее. Воспитывать здесь своих детей, строить здесь свой дом»¹.

¹ Послание Президента Российской Федерации Путина В.В. Федеральному Собранию Российской Федерации // Российская юстиция. 2002. № 6. С. 2–3.

В 2003 г. Президент обозначил необходимость консолидации общества вокруг базовых общенациональных ценностей и задач. К таким ценностям он отнес целостность страны, мир в государстве, стабильную жизнь, обращение к традиционным ценностям, сохранение уникального сообщества народов при сильных позициях страны в мире. В.В. Путин подчеркнул, что именно такая консолидация общества способствует противостоянию основным угрозам.

СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА

С начала 2000-х годов и вплоть до кризисного 2008 г. было сделано многое для более эффективной реализации государством социальной функции: увеличивались расходы на социальную сферу, была сформулирована Программа приоритетных национальных проектов «Здоровье», «Образование», «Жилье». В 2008 г. Распоряжением Правительства РФ была утверждена Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., одной из целей которой было установлено определение путей и способов обеспечения устойчивого повышения благосостояния российских граждан. Было заявлено о начале перехода к инновационному социально ориентированному типу экономического развития, делался акцент на развитии человеческого потенциала. В Концепции утверждалось, что реализация провозглашенных стратегических целей «требует достижения социального согласия, содействия развитию механизмов социальной адаптации и социальной поддержки населения, снижения социального неравенства. Меры, обеспечивающие решение данных задач, должны быть направлены на гармонизацию действий рынков, государства, семьи в области повышения уровня и качества жизни населения, создания в России общества равных возможностей. Для этого, в свою очередь, потребуются модернизация и развитие сектора социальных услуг, адресных программ для бедных и льготных категорий населения. Необходимо обеспечить формирование системы социальной поддержки и адаптации, отвечающей потребностям современного общества, реализующей помимо социальной защиты функции социального развития и создающей доступные механизмы «социального лифта» для всех, в том числе для

социально уязвимых категорий населения»². Таким образом, Концепция заложила основы трансформации политики российского государства, которые получили свое развитие в последующие годы.

В 2013 г. был принят новый базовый Закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», который закрепил принципы, условия и порядок предоставления, а также состав и содержание социальных услуг. Среди принципов, закрепленных в данном законе, значатся адресность предоставления социальных услуг, равный доступ, конфиденциальность и др. Закон определил широкий перечень видов социальных услуг, в том числе социально-психологических, предусматривающих оказание помощи в коррекции психологического состояния получателей социальных услуг для адаптации в социальной среде; социально-педагогических, направленных на профилактику отклонений в поведении и развитии личности получателей социальных услуг, формирование у них позитивных интересов (в том числе в сфере досуга), организацию их досуга, оказание помощи семье в воспитании детей; социально-трудовых, направленных на оказание помощи в трудоустройстве и в решении других проблем, связанных с трудовой адаптацией; услуг в целях повышения коммуникативного потенциала получателей социальных услуг, имеющих ограничения жизнедеятельности³.

Современное государство при осуществлении политики опирается и на институты гражданского общества. Так, анализируемый закон включил в систему социального обслуживания негосударственные (коммерческие и некоммерческие) организации социального обслуживания, в том числе социально ориентированные некоммерческие организации, предоставляющие социальные услуги.

В целях «дальнейшего стимулирования деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций, направленной

2 О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»): распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/ (дата обращения: 09.06.2022).

3 Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: федер. закон от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52 (ч. I), ст. 7007.

на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации» Указом Президента РФ от 8 августа 2016 г. № 398 «Об утверждении приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг» было закреплено 21 приоритетное направление деятельности в социальной сфере¹.

Постановление Правительства РФ от 27 октября 2016 г. № 1096 «Об утверждении перечня общественно полезных услуг и критериев оценки качества их оказания» конкретизирует утвержденные Указом Президента РФ от 8 августа 2016 г. приоритетные направления перечнем, состоящим из 21 общественно полезной услуги².

В Послании Федеральному Собранию 2020 г. Президент РФ обратил внимание на то, что Россия должна и дальше развиваться как правовое социальное государство, «в котором высшей ценностью являются свободы и права граждан, достоинство человека, его благополучие. И конечно, в любом случае, при любой ситуации и на всей территории страны должны исполняться социальные обязательства государства»³.

В июле 2020 г. «в целях осуществления прорывного развития Российской Федерации, увеличения численности населения страны, повышения уровня жизни граждан, создания комфортных условий для их проживания, а также раскрытия таланта каждого человека» Президентом РФ были определены 5 национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 г.: «сохранение населения, здоровье и благополучие людей; возможности для самореализации и развития талантов; комфортная и безопасная среда для жизни; достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство; цифровая трансформация», и установлены четкие целевые показатели, характеризующие достижение национальных целей к 2030 г.⁴

1 Собрание законодательства РФ. 2016. № 33, ст. 5164.

2 Российская газета. 2016. № 251.

3 Ежегодное Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15.01.2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 09.06.2022).

4 О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 09.06.2022).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проводимая модернизация в широком контексте догоняющего развития, выразившаяся в необходимости кардинальных изменений в экономической, социальной, правовой политике, позволит решить задачи поддержания в обществе режима законности, выступает определенной формой контроля за социальными процессами. Совершенствование таких мер является одной из важных задач, стоящих перед государством в рамках политики по охране правопорядка и обеспечения прав и свобод человека и гражданина на своей территории. Реализация проводимой модернизации на конструктивной основе вписывается в рамки действующего правового режима.

Универсальность концепции добра и всеобщего союза придает значительный импульс для мировой гармонии. Глубокие интерпретации человеческого наследия, анализ каждого шага всемирной и российской истории выражается в понимании народом смысла идей гуманизма, о которых высказывался Ф.М. Достоевский. Мера этого понимания определяет пути и динамику развития государства и человека. Высшая нравственная идея находит практическое воплощение в особенной форме нашего исторического государства, является всеобщим основанием развития страны, определяет место России в истории человечества. Высший идеал общественных отношений есть внутреннее свободное единство всех людей, осознание их общей ответственности. Конечно, для него нужны уступки со всех сторон. Только так можно достигнуть состояния «всемирного братства», заключающегося в солидарной ответственности людей. Если же противоречащие друг другу элементы социальной жизни по существу своему непримиримы, то это означает, что никакими усилиями человеческой воли невозможно достичь абсолютной рационализации социальных отношений. В этом суть нового способа построения общества, суть сближения мира с народом России. Ценности духовности и патриотизма, семьи, веры в государство, честности, собственности, нравственного достоинства личности являются моральным оправданием суверенитета российского государства, его основой и его целью. Указанные ценности выступают трансцендентальным основанием социального мировоззрения в об разе современного российского государства.

Список источников

1. Сальников В.П. К вопросу об историко-философских основаниях суверенной философии права как формы выражения национальных социально-правовых ценностей / В.П. Сальников, С.И. Захарцев, Д.В. Масленников, А.И. Морозов // Мир политики и социологии. – 2018. – № 11. – С. 174–180.
2. Приглашаем к дискуссии «О государственно-правовой идеологии» в связи со статьей-презентацией классика теории государства и права, доктора юридических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации, Почетного работника высшего профессионального образования российской Федерации В.В. Лазарева «Идеологическое сопровождение современного правосудия» // Мир политики и социологии. – 2019. – № 4. – С. 11–16.
3. Лазарев В.В. Идеологическое сопровождение современного правосудия / В.В. Лазарев // Мир политики и социологии. – 2019. – № 4. – С. 17–32.
4. Евдеева Н.В. Гуманизм: общетеоретический аспект и его конституционная реализация / Н.В. Евдеева // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 198–205.
5. Бастрыкин А.И. Идея добра в творчестве Ф.М. Достоевского и ее влияние на развитие философии права (к 200-летию Ф.М. Достоевского) / А.И. Бастрыкин, Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников. – Санкт-Петербург : Фонд «Университет», 2021. – 380 с.
6. Бастрыкин А.И. Взаимосвязь идеи абсолютного добра и свободы человека в философии права Ф.М. Достоевского / А.И. Бастрыкин, Р.Ф. Исмагилов, В.П. Сальников // Юридическая наука: история и современность. – 2021. – № 6. – С. 176–181.
7. Лазарев В.В. Идеологические страсти на конституционном уровне / В.В. Лазарев // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 25–33.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Воронков Кирилл Ильич – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Лобачевского;

Исмагилов Рашид Фаатович – доктор юридических наук, профессор;

Сальников Михаил Викторович – доктор юридических наук, профессор, академик РАН, президент Фонда содействия науке и образованию в области правоохранительной деятельности «Университет», главный научный сотрудник Юридического института (Санкт-Петербург).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Voronkov Kirill Ilyich – Candidate of Sciences (Law), Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law of the Faculty of Law, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

Ismagilov Rashid Faatovich – Doctor of Law, Professor;

Sal'nikov Mikhail Viktorovich – Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, President of the Foundation for the Promotion of Science and Education in the Field of Law Enforcement «University», Chief Researcher of the Law Institute (Saint Petersburg).

Статья поступила в редакцию 19.07.2022; одобрена после рецензирования 19.08.2022; принята к публикации 19.08.2022. The article was submitted 19.07.2022; approved after reviewing 19.08.2022; accepted for publication 19.08.2022.

References

1. Sal'nikov V.P., Zakhartsev S.I., Maslennikov D.V., Morozov A.I. On the issue of the historical and philosophical foundations of the sovereign philosophy of law as a form of expression of national social and legal value. *Mir politiki i sociologii = World of Politics and Sociology*, 2018, no. 11, pp. 174–180. (In Russian).
2. We invite you to the discussion «On State Law Ideology» in connection with the article-presentation of the classic of theory of state and law, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation V.V. Lazarev «Ideological support of modern justice». *Mir politiki i sociologii = World of Politics and Sociology*, 2019, no. 4, pp. 11–16. (In Russian).
3. Lazarev V.V. Ideological support of modern justice. *Mir politiki i sociologii = World of Politics and Sociology*, 2019, no. 4, pp. 17–32. (In Russian).
4. Evdeeva N.V. Humanism: the theoretical aspect of the constitutional implementation. *Mir politiki i sociologii = World of Politics and Sociology*, 2015, no. 1, pp. 198–205. (In Russian).
5. Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. *Ideya dobra v tvorchestve F.M. Dostoevskogo i ee vliyaniye na razvitiye filosofii prava (k 200-letiyu F.M. Dostoevskogo)* [The idea of goodness in the works of F.M. Dostoevsky and its influence on the development of the philosophy of law (to the 200th anniversary of F.M. Dostoevsky)]. Saint Petersburg, Fond «Universitet» Publ., 2021. 380 p.
6. Bastrykin A.I., Ismagilov R.F., Sal'nikov V.P. The relationship between the idea of absolute goodness and human freedom in the philosophy of law of F.M. Dostoevsky. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and the Presence*, 2021, no. 6, pp. 176–181. (In Russian).
7. Lazarev V.V. Ideological passions at the constitutional level. *Mir politiki i sociologii = World of Politics and Sociology*, 2019, no. 9, pp. 25–33. (In Russian).

Научная статья
УДК 340
DOI 10.33184/pravgos-2022.3.17

Original article

ИГНАТЬЕВА Светлана Викторовна
Санкт-Петербургский государственный
университет аэрокосмического
приборостроения, Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: svetignateva60@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-2143-2609>

IGNAT'EVA Svetlana Viktorovna
Saint-Petersburg State University of Aerospace
Instrumentation, Saint Petersburg, Russia.

ВАШКОВИЧ Наталья Юрьевна
Санкт-Петербургский государственный
университет аэрокосмического приборо-
строения, Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: nvashkovich@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0003-0879-6085>

VASHKOVICH Natalia Yur'evna
Saint-Petersburg State University of Aerospace
Instrumentation, Saint Petersburg, Russia.

ГАЛИЕВ Фарит Хатипович
Башкирский государственный университет,
Уфа, Россия;
e-mail: galievfarikh@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-4849-4367>

GALIEV Farit Khatipovich
Bashkir State University, Ufa, Russia.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ К ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

THE NATIONAL IDEA OF GOODNESS AND GENERAL UNION AS A POSSIBLE OPTION
OF THE STATE IDEOLOGY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В современных условиях особо актуализируются теоретические аспекты привлечения к юридической ответственности должностных лиц. Статья посвящена исследованию тех особенностей привлечения к юридической ответственности должностных лиц, которые связаны не с наложением мер уголовного или административного характера, а опосредуются правовым положением должностного лица. Цель: анализ условий получения должности, предъявляемых к должностным лицам государственных органов, сравнительная характеристика таких правовых категорий, как «запреты», «ограничения» и «обязанности», формулировка их определений. Методы: диалектической логики, описания, системного и структурного анализа, сравнения и обобщения. Результаты: классификация аморальных деяний, являющихся основанием применения к должностному лицу мер дисциплинарной ответственности, определение системы деяний, несовместимых с должностью, совершение которых может повлечь за собой соответствующую санкцию в виде утраты должности.

Ключевые слова: юридическая ответственность должностных лиц, условия получения должности, запреты, ограничения и обязанности должностных лиц, несовместимые с должностью деяния, асоциальные деяния

Для цитирования: Игнатьева С.В. Теоретические аспекты привлечения должностных лиц к юридической ответственности / С.В. Игнатьева, Н.Ю. Вашкович, Ф.Х. Галиев // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 3. – С. 124–131. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.17.

Abstract. In modern conditions, the theoretical aspects of bringing officials to legal responsibility are especially updated. The article is devoted to the study of those features of bringing officials to legal responsibility, which are not associated with the imposition of criminal or administrative measures, but are mediated by the official's legal position. Purpose: to analyze the conditions for obtaining a position imposed on officials of state bodies, comparative characteristics of such legal categories as «prohibitions», «restrictions» and «duties», the wording of their definitions. Methods: the authors use such methods as dialectical logic, descriptions, system and structural analysis, comparisons and generalizations. Results: classifying the immoral acts that give rise to disciplinary measures against an official, determining a range of acts incompatible with the position, the commission of which may be sanctioned by its loss.

Keywords: legal responsibility of officials; conditions for obtaining a position; prohibitions, restrictions and duties of officials; acts incompatible with the position; antisocial acts

For citation: Ignat'eva S.V., Vashkovich N.Yu., Galiev F.Kh. Theoretical aspects of bringing officials to legal responsibility. Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 3, pp. 124–131. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.17. (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Юридическая ответственность должностных лиц является ключевой гарантией соблюдения законности государственными органами, поскольку даже потенциальная возможность наложения тех или иных видов санкций на должностное лицо, нарушившее закон, выступает тем самым сдерживающим, превентивным фактором, который обуславливает поддержание стабильного уровня законности в стране. Даже если проанализировать цели, например, административного или уголовного наказания, обозначенные в соответствующих кодексах, то основной их целью неслучайно будет названа как частная, так и общая превенция, то есть предотвращение совершения такого правонарушения/преступления в будущем не только самим нарушителем, но и всеми иными лицами, которые под страхом наказания, санкции не дерзнут нарушать закон. Об этом пишут в своих работах Н.А. Боброва, С.М. Медведев, С.В. Роженцев, А.И. Числов и др. [1; 2; 3].

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

Безусловно, мера устрашения – это не то, к чему должно стремиться правовое государство и гражданское общество. В идеальном порядке вещей в обществе должен сложиться такой уровень правовой культуры и правового воспитания, который будет формировать надлежащий моральный облик гражданина, в том числе должностного лица, вне зависимости от устрашения санкцией [4, с. 7]. Однако в настоящее время, когда в обществе процветает правовой нигилизм, недоверие к представителям государственных органов, в том числе ввиду высокой степени их коррумпированности, именно меры юридической ответственности являются тем ключевым гарантом законности, который не просто обозначен декларативно и формально, а действительно претворяется в жизнь.

Повышенное внимание со стороны законодателя к персоне должностного лица вполне обоснованно. В частности, общественная опасность преступлений, совершенных должностным лицом, несколько выше, нежели у других составов, что непосредственно связано со спецификой субъекта правонарушения и возможностями, которыми он в силу занимаемой должности и служебного положения может воспользоваться при совершении правонарушения.

Однако все же в системе публичной службы,

как государственной, так и муниципальной, традиционно преобладают и признаются наиболее эффективными меры дисциплинарной ответственности. По справедливому замечанию М.Б. Добробаба, дисциплинарная ответственность имеет высокое значение для государственного управления, поскольку она позволяет повышать его эффективность без применения таких жестких санкций, как административная ответственность, предполагающая исключительно императивный порядок реагирования на различного рода правонарушения [5, с. 120]. Тем самым посредством сравнительно мягкого регулирования работодатель – государство или орган местного самоуправления – может добиваться увеличения эффективности работы своих служащих, повышая их компетентность, уровень ответственности, а также трудовой и служебной дисциплины.

Именно по этой причине мы бы хотели остановиться в большей степени на порядке привлечения к юридической ответственности должностных лиц, который связан не с наложением мер уголовного или административного характера, а опосредуется правовым положением должностного лица. Кроме того, привлечение к уголовной и административной ответственности таких лиц не отличается от порядка привлечения к такой ответственности любого другого субъекта преступления/правонарушения, поскольку данные виды юридической ответственности строго формализованы и имеют императивный порядок применения.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ

Правовой статус должностных лиц складывается из двух типов обязанностей: функциональных и сопутствующих. Функциональные обязанности – это обязанности, которые определяют основное назначение должности субъекта, цель его деятельности как должностного лица, а сопутствующие, исходя из названия, напрямую с правовым статусом субъекта и занимаемой им должностью не связаны, но тем не менее также должны исполняться. Если же должностное лицо не исполняет свои функциональные или сопутствующие обязанности, одной из действенных мер ответственности, предусмотренной за это в законодательстве, является прекращение должностных полномочий по причине совершения деяния, несовместимого с должностью.

На наш взгляд, подробное рассмотрение именно этой санкции как меры дисциплинарной ответственности является важным и

актуальным в силу того, что это не только распространённый вид санкции (по различным статистическим данным, ежегодно от 1 до 2% гражданских служащих отстраняются от должности именно по этой причине), но также и потому, что некоторые деяния, несовместимые с должностью, могут иметь криминальный характер (речь идет о совершении преступлений по злоупотреблению полномочиями, превышению должностных полномочий, за которые лишь в первом полугодии 2022 г. было осуждено более 300 человек)¹.

Требования к лицам, занимающим должности в государственных или муниципальных органах власти, носят более строгий характер, что вполне объяснимо желанием законодателя дать понять таким субъектам, что они, как исполнители публично-правовых функций, обязаны действовать не в личных, а сугубо в общественных интересах. Поэтому все требования, которые предъявляются к должностным лицам государственных органов, преследуют основную цель – недопущение совершения деяний, которые могут причинить вред общественным благам.

Такие требования в различных законах имеют самостоятельные названия: «запреты», «обязанности», «ограничения». По своей правовой природе все эти понятия есть должностования, которые предъявляются к должностным лицам, но основная проблема заключается в том, что из-за терминологической неоднозначности в одном и том же законе одинаковое основание может формулироваться под различными заголовками.

По нашему мнению, наиболее удачная юридическая техника изложения всех требований, которые предъявляются к должностному лицу, содержится в Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации»², так как в нем прослеживается четкое разграничение запретов, ограничений и обязанностей, для каждой из этих категорий имеется свой перечень. Примером неудачного подхода законодателя к регулированию этого вопроса является Федеральный закон «О статусе сенатора

Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»³, где все три вышеназванные правовые категории объединены под одним заголовком – «Условия осуществления сенатором Российской Федерации, депутатом Государственной Думы своих полномочий» (ст. 6).

На первый взгляд может показаться, что формулирование всех требований к должностным лицам – это вопрос исключительно теоретический, никакого практического смысла он не несет. Однако заметим, что это не так. Семантический и юридический смысл понятий «ограничения», «запреты» и «обязанности» различен, и объединяться они могут лишь условно, в обывательском смысле, но фактически синонимами не являются и с позиции юридической техники не могут находиться под одним титулом.

ОГРАНИЧЕНИЯ, ЗАПРЕТЫ, ОБЯЗАННОСТИ

Лексический анализ каждого из этих слов показывает, что ограничения – это правила, устанавливающие рамки, границы. Запреты – это отсутствие правомочия на что-либо, перечень неразрешенных действий. Обязанность – это возложенный на лицо круг действий, обязательных для исполнения.

Различия прослеживаются и при анализе нормативно-правового содержания данных категорий. Так, соблюдение обязанностей должностным лицом – это конкретные требования активного поведения с его стороны, перечень действий, которые он обязан совершать ввиду занимаемой должности. Запреты и ограничения – это акты пассивного поведения, то есть тот перечень действий, которые должностное лицо совершать не вправе, от которых обязано воздерживаться. При этом отличить запреты от ограничений тоже достаточно просто: ограничения всегда связаны со спецификой возложенных на должностных лиц полномочий, а запрет представляет собой запрещение деяний, никак не связанных с занимаемой должностью, принципиально недопустимых, аморальных, преступных и т. д.

Кроме того, важно отличать от ограничений, запретов и обязанностей такое понятие, как «условия получения должности». В общем смысле условия – это тоже требования

¹ Данные портала правовой статистики за 2020–2021 гг. [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 25.05.2022).

² О государственной гражданской службе Российской Федерации : федер. закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (в ред. от 30.12.2021) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://www.zakonrf.info/doc-15740247/> (дата обращения: 10.08.2022).

³ О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : федер. закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ (в ред. от 14.07.2022) [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-08051994-n-3-fz-s/> (дата обращения: 10.08.2022).

к субъекту, однако они предваряют его правовой статус как должностного лица, предъявляются к нему не как к лицу, занимающему должность в государственном органе, а как к кандидату на эту должность. Если условия соблюдены не будут, они повлекут за собой лишь одно последствие – неполучение должности лицом, претендующим на нее. В том случае, если несоблюдение условия будет иметь признаки правонарушения или преступления (например, представление подложных документов и недостоверных сведений), то такой субъект понесет соответствующее наказание, однако, не как должностное лицо, а как обычный гражданин [6, с. 148].

Следуя толкованию понятий «обязанность», «ограничения» и «запреты», полагаем, что к ограничениям в отношении должностных лиц, можно отнести:

- занятие одновременно иной должности государственной (муниципальной) службы или выборной государственной (муниципальной) должности;
- сохранение близкого родства или свойства, если исполнение обязанности связано с непосредственной подчиненностью или подконтрольностью между родственниками или свойственниками;
- приобретение гражданства иностранного государства (вида на жительство);
- занятие предпринимательской деятельностью лично или через доверенных лиц, участие в управлении коммерческой или некоммерческой организацией;
- получение подарков и иных вознаграждений в качестве должностного лица;
- допуск публичных высказываний, суждений и оценок, в том числе в средствах массовой информации, в отношении деятельности органа и его руководителя, в котором и под руководством которого лицо работает, если это не входит в его должностные обязанности;
- публичное выражение своего отношения к политическим партиям, религиозным и другим общественным объединениям;
- прекращение исполнения должностных обязанностей в целях урегулирования трудового спора;
- вхождение в состав органов управления, попечительских или наблюдательных советов, иных органов иностранных некоммерческих неправительственных организаций, действующих на территории Российской Федерации, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации;
- занятие без письменного разрешения

представителя нанимателя (работодателя), иного руководителя оплачиваемой деятельностью, финансируемой исключительно за счет средств иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства, если иное не предусмотрено международным договором Российской Федерации или законодательством Российской Федерации;

- занятие иной оплачиваемой деятельностью, за исключением преподавательской, научной и иной творческой деятельности;
- вхождение в состав политической партии, занятия должности в общественно-политической или религиозной организации (для лиц, замещающих большинство государственных и муниципальных должностей);
- открытие, сохранение счета (вклада), хранение денежных ценностей в иностранных банках, пользование иностранными финансовыми инструментами;
- приобретение в случаях, установленных федеральным законом, ценных бумаг, по которым может быть получен доход;
- получение гонорара за публичное выступление в качестве должностного лица.

Как запреты для должностных лиц могут выступать:

- постановка семьи в тяжелое материальное положение в результате пристрастия к азартным играм, злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами, что подтверждается признанием судом гражданина ограниченно дееспособным (п. 1 ст. 30 ГК РФ);
- совершение преступления, установленного в судебном порядке и послужившего основанием исключения возможности лица исполнять обязанности по должности;
- использование в целях, не связанных с исполнением должностных обязанностей, средств материально-технического, финансового и иного обеспечения, другого государственного имущества;
- разглашение или использование в целях, не связанных с исполнением должностных обязанностей, сведений, отнесенных к сведениям конфиденциального характера, или служебной информации, ставших известными в связи с исполнением должностных обязанностей;
- использование преимуществ должностного положения в интересах политических партий, религиозных и других общественных объединений, а также публичное выражение отношения к указанным объединениям в качестве должностного лица.

В свою очередь, обязанностями, которые можно назвать должностными обязанностями применительно к государственным служащим, являются:

- представление сведений о доходах и расходах, об имуществе, обязательствах имущественного характера;
- представление сведений о размещении информации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет;
- передача ценных бумаг, акций (долей участия в уставных капиталах организаций) в доверительное управление, если владение приносящими доход ценными бумагами, акциями (долями участия в уставных капиталах организаций) может привести к конфликту интересов;
- сообщение о возникновении личной заинтересованности при осуществлении своих полномочий, которая приводит или может привести к конфликту интересов, принятие мер по предотвращению или урегулированию такого конфликта.

Полагаем, что четкое понимание системы ограничений, запретов и обязанностей, с построением их структуры и императивного перечня, позволит правоприменителям эффективнее взаимодействовать с нормативно-правовым материалом, а руководителям должностных лиц принимать своевременные меры по наложению на последних соразмерных и справедливых мер ответственности за то или иное деяние: нарушение запрета, ограничения или прямой должностной обязанности. Кроме того, это также позволит контрольным и надзорным органам осуществлять свои функции в отношении должностных лиц качественнее и оперативнее принимать соответствующие решения по пресечению нарушений.

ДЕЯНИЯ, НЕСОВМЕСТИМЫЕ С ДОЛЖНОСТЬЮ

Исходя из представленной выше системы должностных обязанностей, запретов и ограничений предлагаем определить систему деяний, которые следует отнести к несовместимым с должностью и совершение которых должно повлечь соответствующую санкцию в виде утраты должности. Так, к деяниям, несовместимым с должностью, относятся:

- неисполнение должностным лицом функциональных обязанностей;
- нарушение должностным лицом запретов, связанных с недопущением асоциального поведения;
- неисполнение ограничений, направленных на обеспечение осуществления целевых полномочий.

Особые вопросы в этом контексте вызывает трактовка асоциального поведения как основания применения к должностному лицу мер ответственности. В литературе принято делить асоциальные деяния на общеасоциальные и асоциально-должностные [7]. Оба вида этих деяний признаются несовместимыми с должностью субъекта, занимаемой в государственных органах, с той лишь разницей, что за совершение общеасоциального деяния лицо понесет ответственность не только в виде утраты должности, но также административную, уголовную, иную дисциплинарную, а сугубо асоциально-должностные поступки лица демонстрируют несоответствие его занимаемой должности, но не свидетельствуют о том, что он совершил что-то противозаконное и нарушил тем самым права и свободы других лиц.

В качестве общеасоциальных деяний принято рассматривать три возможных варианта: совершение должностным лицом преступления, административного правонарушения или аморального поступка. Наиболее часто на практике встречаются, как неоднократно было отмечено ранее, случаи совершения должностными лицами преступлений коррупционной направленности (ст. 290, 291 УК РФ); преступлений против государственной власти и интересов государственной службы (ст. 285, 286, 288 УК РФ), но не исключается и возможность увольнения с должности в случае совершения любого вида преступления (например, преступления против личности).

Многие другие законодательные акты также предусматривают такой вид санкции, как увольнение с должности в случае нарушения должностным лицом уголовного закона. Но имеют место и такие законодательные нормы, которые предусматривают увольнение должностного лица с должности в случае совершения лишь конкретного вида преступления. Это редкое законодательное явление, но оно встречается в тексте ст. 93 Конституции РФ в отношении Президента РФ, которой предусматривается его отрешение от должности в случае совершения им государственной измены или иного тяжкого преступления⁴.

Встретить административный проступок в качестве основания для освобождения от должности можно еще реже. В качестве примера приведем Федеральный закон «О Счетной палате РФ», п. 1 ч. 8 ст. 7, п. 1 ч. 8 ст.

⁴ Конституция РФ. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 30.06.2021).

8, п. 1 ч. 10 ст. 9 которого устанавливают такие основания и правовые последствия в отношении аудиторов Счетной палаты⁵.

АМОРАЛЬНЫЕ ПОСТУПКИ

К аморальным поступкам, которые носят гражданско-правовой характер и влекут за собой наложение санкции в виде увольнения должностного лица, относятся пристрастие к азартным играм, злоупотребление спиртными напитками или наркотическими веществами, если этими действиями семья ставится в тяжелое материальное положение. Мы также полагаем, что имеет смысл в качестве основания прекращения должностных полномочий предусмотреть совершение должностными лицами ряда семейных правонарушений – отказ от родительских прав или совершение деяний, повлекших их утрату, уклонение от уплаты алиментов и т. д. Все это относится к частной сфере жизни должностного лица, но при этом прямо влияет на его имидж и на авторитет государственного органа, должностным лицом которого оно является.

В то же время нельзя забывать, что семья в России исторически определялась как социальная ценность. Традиционная семья – это российское национальное достояние и важное условие безопасности нашего Отечества, что единодушно признают многие исследователи данного вопроса.

Вторая группа асоциальных поступков – асоциально-должностные. Чаще всего к ним относят различные нарушения норм этики служебного поведения, этических кодексов (если они предусмотрены для занимаемой должности), иные аморальные (не преступные и не нарушающие нормы права) поступки, например, внеслужебное общение с заинтересованными лицами, использование имени и положения должностного лица членами его семьи для получения преференций и т. д.

Логично встает вопрос о том, насколько уместно вменять в вину должностному лицу его морально-нравственное поведение вне рабочего времени, никак не связанное с нарушением закона. Рассуждая на эту тему, одни авторы приходят к выводу о том, что моральные нормы не должны служить ориентиром при вынесении решения о противоправности поведения лица в силу их субъективного

оценочного характера [8]. Другие утверждают, что факт включения в запрещающую норму аморального поступка является свидетельством наделения его противоправностью, то есть облечением в правовую форму [9].

Склонны согласиться с авторами, придерживающимися второй точки зрения, поскольку если аморальный поступок включен законом в запреты, связанные с осуществлением должностных полномочий, то он априори становится пусть не преступным, не относясь к правонарушению, но обладает признаком противоправности. Конституционный Суд РФ также поддерживает эту позицию, указывая в своих постановлениях и определениях, что законодатель вправе устанавливать для сотрудников, проходящих службу в государственных органах, особые требования и особые обязанности, в том числе морально-нравственного толка, что обуславливается их особым правовым статусом и теми функциями, которые они выполняют⁶.

Наибольший же вопрос для нас представляет возможность не допустить злоупотреблений при оценивании поступка как аморального, так как ни его понятие, ни его содержание в законе не раскрываются.

Мы солидарны с теми авторами, которые видят выход из ситуации в нормативном закреплении перечня поступков, которые могут быть признаны аморальными, или хотя бы оговорки о том, что «основанием отрешения лица от должности является совершение им аморального поступка, включенного в перечень соответствующих поступков специальным общественным и (или) дисциплинарным органом» [10]. Безусловно, императивно закрепить закрытый перечень аморальных поступков не представляется возможным, но

5 О Счетной палате Российской Федерации : федер. закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ (в ред. от 30.04.2021) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=398299> (дата обращения: 10.08.2022).

6 По делу о проверке конституционности положения пункта 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобами граждан А.М. Асельдерова, К.Г. Рабаданова, Г.К. Сулейманова и Е.В. Тарышкина : постановление Конституционного Суда РФ № 7-П [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://www.law.ru/npd/doc/docid/499084441/modid/96> (дата обращения: 10.08.2022). ; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Журавлева Анатолия Петровича на нарушение его конституционных прав положениями части первой статьи 19 Закона Российской Федерации «О милиции», части пятой статьи 11 Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации и части первой статьи 221 Кодекса законов о труде Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ № 460-О [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://rulaws.ru/acts/Opredelenie-Konstitutsionnogo-Suda-RF-ot-21.12.2004-N-460-O/> (дата обращения: 10.08.2022).

наложить на какой-либо незаинтересованный орган, например Общественную палату, функцию по составлению и обновлению такого перечня видится удачной идеей.

Особую актуальность имеют особенности правового регулирования института ответственности должностных лиц за коррупционные правонарушения. Не останавливаясь детально на коррупционной преступности и ее составляющих, так как это не входит в предмет нашего исследования, отметим лишь основные, фундаментальные законодательные недочеты, которые, на наш взгляд, были допущены в этой сфере:

- нарушение принципа независимости государственных органов как по вертикали, так и по горизонтали, что проявляется в отсутствии субординации и грамотного распределения вопросов контроля за исполнением антикоррупционного законодательства и антикоррупционных обязанностей между органами, в предоставлении безусловного права по преданию гласности факта несоблюдения требований антикоррупционного законодательства, а также права по применению к правонарушителю санкций;

- нарушение принципа единства в вопросах применения мер ответственности за несоблюдение антикоррупционных требований, так как в настоящее время за одно и то же деяние лицо может нести ответственность перед несколькими органами сразу;

- нарушение принципа соразмерности деяния и наказания за него, в качестве примера которого можно привести ситуацию освобождения от занимаемой должности ввиду акта коррупции лица, не исполнившего обязанность по предоставлению определенного рода сведений в отведенный законом срок, что не всегда свидетельствует о коррупционной составляющей, а отсутствие права оправдаться и объясниться только подтверждает вывод о несправедливости такой меры ответственности в такой ситуации;

- нарушение принципа личной ответственности, что прослеживается в ситуации, когда должностное лицо вынуждено нести ответственность за действия супруга или близкого члена своей семьи;

- нарушение принципа равенства, что проявляется в запрете совпадения в одном лице обязанного и контролирующего (налагающего ответственность) субъекта, в то время как высшее должностное лицо страны правомочно выступать сразу в двух этих качествах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как показало исследование, должностное лицо в зависимости от характера совершенного нарушения закона, общественной опасности такого нарушения, своей вины в совершенном и при учете прочих обстоятельств может нести уголовную, административную или гражданскую ответственность, как и любой гражданин, не обладающий статусом должностного лица. Однако специфика юридической ответственности именно должностных лиц, на наш взгляд, проявляется в наложении отдельных дисциплинарных мер на таких лиц, к которым, согласно занимаемой должности, предъявляются особые, повышенные требования: к поведению в ходе исполнения своих должностных обязанностей, к репутационному прошлому и даже к моральному облику. Тем самым на должностных лиц, которые несут ответственность и перед государством, и перед отдельными физическими и юридическими лицами, возлагается повышенная мера ответственности, проявляющаяся в том числе в наличии ряда запретов, ограничений и обязанностей, неисполнение которых расценивается как несоответствие занимаемой должности.

Среди недостатков правового регулирования в этой области мы отметили следующее:

- терминологическая неопределенность ряда законодательных актов, в которых нужно привести в соответствие систему деяний, несовместимых с должностью (в частности, разграничить между собой такие разные правовые категории, как обязанности, запреты и ограничения);

- как следствие этого, нарушение требований об определенности регламентации оснований ответственности, поскольку четкой системы так и не создано (что отчетливо проявляется в путанице коррупционных правонарушений, их перечня и оснований);

- также имеет место искажение основных принципов построения юридической ответственности, в частности принципа разделения властей, соразмерности ответственности и полномочий, а также соразмерности ответственности и совершенного деяния, равенства граждан и личной ответственности.

Список источников

1. Боброва Н.А. Общетеоретические и межотраслевой аспекты юридической ответственности : монография / Н.А. Боброва. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 544 с.
2. Медведев С.М. Юридическая ответственность в механизме правового регулирования: роль и место / С.М. Медведев, А.И. Числов // Юридическая наука: история и современность. – 2013. – № 9. – С. 37–46.
3. Роженцев С.В. Юридическая ответственность органов местного самоуправления и их должностных лиц: понятие и классификация / С.В. Роженцев, А.И. Числов // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 72–85.
4. Сальников В.П. Правовая культура и правовое государство / В.П. Сальников // Ученые записки юридического факультета. – 1998. – № 3. – С. 7.
5. Добробаба М.Б. Служебно-деликтные дисциплинарные правоотношения (административно-правовое исследование) : монография / М.Б. Добробаба ; науч. ред. А.Ю. Соколов. – Москва : Юрлитинформ, 2017. – 412.
6. Панферкина И.С. К вопросу об ответственности должностных лиц и органов местного самоуправления / И.С. Панферкина, Е.А. Булдыгина, С.С. Пархоменко // Научный альманах. – 2021. – № 1-1 (75). – С. 147–149.
7. Шеремет К.А. Должностные лица как субъекты ответственности: теоретические и практические проблемы / К.А. Шеремет, Н.Н. Федосеева // Административное право и процесс. – 2008. – № 5. – С. 11–14.
8. Чернова О.Ю. «Право» на однополый брак в контексте личных прав человека / О.Ю. Чернова // Ученые записки юридического факультета. – 2015. – № 38 (48). – С. 81–85.
9. Тамасханов И.А. Актуальные вопросы ответственности должностных лиц публично-правовых органов / И.А. Тамасханов // Государственная власть и местное самоуправление. – 2018. – № 1. – С. 39–44.
10. Носонова Е.В. Современные проблемы ответственности главы муниципального образования / Е.В. Носонова, И.И. Овчинников // Вестник науки. – 2022. – Т. 3, № 1 (46). – С. 131–142. URL: <https://www.vestnik-nauki.pf/article/5146>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Игнат'ева Светлана Викторовна – доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры государственного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения;

Вашкович Наталья Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения;

Галиев Фарит Хатипович – доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Института права Башкирского государственного университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ignat'eva Svetlana Viktorovna – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of State Law, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation;

Vashkovich Natalia Yur'evna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Assistant Professor of the Department of Civil Law, Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation;

Galiev Farit Khatipovich – Doctor of Law, Professor of Chair of Theory of State and Law of the Institute of Law, Bashkir State University.

Статья поступила в редакцию 18.07.2022; одобрена после рецензирования 18.08.2022; принята к публикации 19.08.2022. The article was submitted 18.07.2022; approved after reviewing 18.08.2022; accepted for publication 19.08.2022.

References

1. Bobrova N.A. Obshcheteoreticheskie i mezhotraslevoe aspekty yuridicheskoy otvetstvennosti [General theoretical and intersectoral aspects of legal responsibility]. Moscow, YurLitinform Publ., 2019. 544 p.
2. Medvedev S.M., Chislov A.I. Legal responsibility in the mechanism of legal regulation: the role and the place. Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost' = Legal Science: History and the Presence, 2013, no. 9, pp. 37–46. (In Russian).
3. Rozhentzev S.V., Chislov A.I. Legal responsibility of local self-governing authorities and their officials: concept and classification. Mir politiki i sociologii = World of Politics and Sociology, 2013, no. 9, pp. 72–85. (In Russian).
4. Sal'nikov V.P. Legal culture and the rule-of-law state. Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta = Academic Notes of the Faculty of Law, 1998, no. 3, pp. 7. (In Russian).
5. Dobrobaba M.B.; Sokolov A.Yu. (ed.). Sluzhebno-deliktnye disciplinarnye pravootnosheniya (administrativno-pravovoe issledovanie) [Service-tort disciplinary legal relations (administrative law research)]. Moscow, YurLitinform Publ., 2017. 412.
6. Panferkina I.S., Buldygina E.A., Parkhomenko S.S. On the issue of responsibility of officials and local self-government bodies. Nauchnyj al'manah = Science Almanac, 2021, no. 1-1 (75), pp. 147–149. (In Russian).
7. Sheremet K.A., Fedoseeva N.N. Officials as subjects of responsibility: theoretical and practical problems. Administrativnoe pravo i process = Administrative Law and Procedure, 2008, no. 5, pp. 11–14. (In Russian).
8. Chernova O.Yu. The «right» to same-sex marriage in the context of personal human rights. Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta = Academic Notes of the Faculty of Law, 2015, no. 38 (48), pp. 81–85. (In Russian).
9. Tamaskhanov I.A. Topical issues of responsibility of officials of public law bodies. Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-government, 2018, no. 1, pp. 39–44 (In Russian).
10. Nosonova E.V., Ovchinnikov I.I. Modern problems of responsibility of the head of the municipality. Vestnik nauki = Herald of Science, 2022, vol. 3, no. 1 (46), pp. 131–142. Available at: <https://www.vestnik-nauki.pf/article/5146>.

МАЛЫЙ Александр Фёдорович

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия;
e-mail: afm-10@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-9983-4894>

MALYI Alexander Fedorovich

Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia.

НИГМЕТЗЯНОВ Алмаз Альбертович

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия;
e-mail: diamondnig@mail.ru;
<https://orcid.org/0000-0001-7222-1986>

NIGMETZYANOV Almaz Albertovich

Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia.

МОДИФИКАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА – ВЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

MODIFICATION OF THE ELECTORAL LEGISLATION IS THE IMPERATIVE OF OUR TIMES

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы модернизации избирательного законодательства, осуществленной в последние несколько лет, факторы, обусловившие появление новаций, и их содержание. Значительную роль в этом процессе сыграла политическая составляющая – противостояние двух подходов к пониманию будущего России: усиление государственных начал и следование либеральным идеям. Акцентировано внимание на нововведениях, появившихся в условиях пандемии, дано краткое их изложение. Цель: показать модификацию избирательного законодательства в России в увязке с политической и эпидемиологической обстановкой, а также возможность решения текущих задач посредством отражения их в нормативном правовом регулировании. Методы: сравнительный метод использовался при сопоставлении норм избирательного права; метод формальной логики позволил показать взаимосвязь политической и эпидемиологической составляющих при модификации избирательного законодательства; формально-юридический метод применялся в процессе оценки новаций избирательного права. Результаты: сделан вывод о том, что законодатель при формировании правовой основы выборов обязан учитывать политические, социально-экономические, эпидемиологические условия. Всенародное голосование является единственным способом выражения воли народа, обеспечения доверия избирателей к их представителям, проводимой органами власти политике.

Ключевые слова: выборы, избирательное право, пандемия, модернизация законодательства

Для цитирования: Малай А.Ф. Модификация избирательного законодательства – веление времени / А.Ф. Малай, А.А. Нигметзянов // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 3. – С. 132–136. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.18.

Abstract. The article discusses the issues of modernization of the electoral legislation implemented in the last few years. The factors that caused the appearance of innovations and their content are considered. A significant role in this process was played by the political component, the increased confrontation between two approaches to understanding the future of Russia: strengthening state principles and following liberal ideas. Attention is focused on the innovations that appeared in the conditions of the pandemic. A brief summary of them is given. Purpose: to show the modification of the electoral legislation in Russia in connection with the political and epidemiological situation in the country, to demonstrate the possibility of solving current problems by reflecting them in the statutory legal regulation. Methods: the comparative method is used to compare the norms of electoral law. The method of formal logic allows to show the relationship of political and epidemiological components in the modification of electoral legislation. The formally legal method is applied in the process of evaluating the innovations of electoral law. The result of the study is that the legislator is obliged to take into account political, socio-economic, epidemiological conditions when forming the legal basis of elections. A popular vote is the only way to express the will of the people and to ensure that voters trust their representatives in the policies pursued by the authorities.

Keywords: elections, electoral law, pandemic, modernization of legislation

For citation: Malyi A.F., Nigmatzyanov A.A. Modification of the electoral legislation is the imperative of our times. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 3, pp. 132–136. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.18. (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Выборы общенационального масштаба являются знаковым событием для конкретной страны и привлекают внимание зарубежных аналитиков и комментаторов. В период выборов происходит обострение внутриполитического противостояния, активизируются значительные массы избирателей, нередко проявляется стремление определенных политических сил воспользоваться не только легальными средствами политической борьбы, но и запрещенными методами склонения избирателей на свою сторону (вплоть до прямого подкупа голосующих).

Несмотря на все недостатки существующих систем формирования представительных органов, всенародное голосование – единственный способ выражения воли народа, обеспечения доверия избирателей не только к избранным представителям, но и проводимой ими политике. Народовластие, реализуемое посредством голосования, – это основание любого демократического государства [1, с. 22].

Избрание федерального и региональных парламентов в России (Государственной Думы РФ, представительных органов субъектов Российской Федерации) всегда вызывало повышенный интерес национального политического истеблишмента и зарубежных политических деятелей, политтехнологов, комментаторов различного ранга. Причем последние часто еще до проведения голосования говорили о грядущих возможных нарушениях, о возможности непризнания итогов голосования. Поводом для таких суждений являлись как действительные (выявляемые каждый раз при очередном голосовании) нарушения, так и формируемые и активно распространяемые западными и отечественными «доброжелателями» подделки о якобы выявленных нарушениях, не имеющие ничего общего с действительностью.

НОВАЦИИ – ОБЪЕКТИВНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

В каждой избирательной кампании выявлялись нарушения, анализ которых позволял обратить внимание законодателя на недостатки избирательного законодательства и корректировать его. Можно наблюдать постоянные изменения федеральных и региональных законов о выборах.

В последние два года на ситуацию с выборами повлияла пандемия, связанная с широким распространением коронавируса

COVID-19. В такой ситуации российский законодатель вынужден был учесть вновь возникшие обстоятельства. На вооружение были взяты доктринальные разработки и рекомендации, обсуждавшиеся на различных конференциях и форумах, в том числе связанные с проникновением в нашу жизнь новых технологий [2, с. 32]. Использование цифровых средств коммуникации позволило внедрить ряд новаций в российскую избирательную систему. Прежде всего, это дистанционное электронное голосование.

Федеральный закон от 23 мая 2020 г. № 154-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ закрепил понятие «дистанционное электронное голосование», под которым понимается «голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием специального программного обеспечения». Этим же законом изменен Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Его ст. 81 дополнена пунктом 17: «в случаях и порядке, установленных Центральной избирательной комиссией Российской Федерации, может быть предусмотрена возможность голосования избирателей по почте, а также посредством дистанционного электронного голосования».

На выборах в сентябре 2020 г. было проведено дистанционное электронное голосование в одномандатных избирательных округах. Постановлением ЦИК РФ от 27 июля 2020 г. № 261/1924-7 «О проведении дистанционного электронного голосования на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации седьмого созыва по одномандатным избирательным округам 13 сентября 2020 года»² предусматривалось проведение дистанционного электронного голосования на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы седьмого созыва по двум одномандатным избирательным округам в Курской и Ярославской областях.

НОРМАТИВНАЯ ОСНОВА

Руководствуясь законом, ЦИК принял ряд документов, позволивших создать нормативную основу такого голосования. В частности, Постановлением ЦИК России был утвержден

¹ Собрание законодательства РФ. 2020. № 21, ст. 3233

² Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.12.2021).

Порядок дистанционного электронного голосования на дополнительных выборах депутатов Государственной Думы 13 сентября 2020 г.³ Для подачи заявки использовался портал «Госуслуги». Заявку на участие в дистанционном электронном голосовании можно было подать в период с 29 июля по 8 сентября 2020 г. Голосование зарегистрированных избирателей осуществлялось через личный кабинет с 8.00 час. 11 сентября до 20.00 час. 13 сентября.

Если такое голосование было проведено на федеральном уровне впервые, то в субъектах Российской Федерации оно уже было опробовано. В 2019 г. был принят Федеральный закон от 29 мая 2019 г. № 103-ФЗ «О проведении эксперимента по организации и осуществлению дистанционного электронного голосования на выборах депутатов Московской городской Думы седьмого созыва»⁴. Проведенный эксперимент был оценен скорее негативно, чем позитивно. Причина в том, что электронные системы не были надлежащим образом подготовлены, произошел сбой, а организаторов обвинили в подтасовках результатов голосования⁵.

В числе важнейших нововведений следует отметить законодательное закрепление возможности проведения голосования в течение нескольких дней. Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 267-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶ в Закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» введена ст. 63.1 «Дни голосования на выборах, референдумах», согласно которой допускается проведение голосования в течение нескольких дней подряд, но не более трех дней. Решение о проведении голосования «вне помещения для голосования на территориях и в местах, пригодных к оборудованию для проведения голосования (на придомовых территориях, на территориях общего пользования и в иных местах)» принимает соответствующая избирательная комиссия.

Критика такого положения появилась сразу же. Однако следует отметить, что его авторы исходили из необходимости учитывать условия, в которых проводилось голосование. Пандемия

требовала принятия адекватных мер для минимизации негативных последствий, связанных с концентрацией людей на небольшом пространстве в избирательных участках. Возможно и другое объяснение принятому решению о проведении голосования вне избирательных участков, но все высказанные суждения основаны на предположениях, которые тоже являются частью политической борьбы.

Любые нововведения предполагают появление правовых конструкций. Если отвлечься от политической оценки законодательных новаций и сосредоточить внимание на их юридической составляющей, то акцент на понятийном аппарате оправдан. Законодатель должен реагировать на вызовы, расширять понятийный ряд, уточнять содержание терминов. Это обязанность нормотворческого органа, который в том числе снимает неопределенность в понимании нормы вне зависимости от сферы правового регулирования [3, с. 71].

Все эти новации не могли не повлиять как на явку избирателей в условиях пандемии, так и на результат голосования. История развития избирательного законодательства показывает, что эксперименты с нормативным регулированием могут оказать существенное влияние на итоги голосования [4, с. 33–34]. Не всегда они оказываются продуктивными, что тоже является результатом и позволяет скорректировать правовое установление.

На итоги выборов оказывают влияние многие факторы, основным, но не единственным из которых является политический фактор. Приоритеты избирателя формируются социально-экономическими условиями, авторитетом политических партий и их лидеров, чьи кандидаты претендуют на места в представительных органах, авторитетом самих кандидатов. Эти приоритеты определяются не только во время предвыборной агитации, но и задолго до дня голосования. Можно говорить и о готовности избирателя воспринимать идеи и планы кандидатов, поддержку тех или иных политических программ. Важно и доверие к законодательству, тем методам политической борьбы и способам волеизъявления, которые оно закрепляет. Сегодня вряд ли значительную роль играют правовые знания, хотя их распространение, особенно в популярной форме [5, с. 6–7], может оказать помощь избирателю в оценке работы участников избирательного процесса.

Использованные избирательные технологии в период выборов в 2020 г. были реализованы при проведении избирательной кампании

3 Дистанционное электронное голосование : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://vybory-gov.ru> (дата обращения: 08.12.2021).

4 Собрание законодательства РФ. 2019. № 22, ст. 2659.

5 Электронное голосование на выборах в Мосгордуму в 2019 году [Электронный ресурс]. URL: www.drivt.google.com (дата обращения: 08.12.2021).

6 Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (ч. I), ст. 5026.

2021 г. Выборы 2021 г. были более масштабными: переизбирался состав Государственной Думы Федерального Собрания, многие представительные органы субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, избирались главы регионов. Проведенные точечные изменения затронули федеральное избирательное законодательство, а также соответствующее нормативное правовое регулирование в субъектах Российской Федерации.

В течение 2021 г. федеральный законодатель принял пять законов, которыми дополнил избирательные установления. В частности, законом от 9 марта 2021 г.⁷ были расширены полномочия избирательных комиссий – им было предоставлено право обращаться в уполномоченный орган, осуществляющий функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи с представлениями о пресечении распространения в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет, агитационных материалов, изготовленных и (или) распространяемых с нарушением требований законодательства Российской Федерации о выборах, а также в суд. Законом от 5 апреля 2021 г.⁸ внесены изменения, затрагивающие порядок формирования избирательных комиссий, касающиеся особенностей информирования избирателей о кандидатах (изложение сведений о кандидатах), если в бюллетень для тайного голосования внесено более десяти зарегистрированных кандидатов. Законом от 20 апреля 2021 г.⁹ избирательное законодательство дополнено положениями, уточняющими избирательный статус кандидатов, выполняющих функции иностранного агента. Законом от 30 апреля 2021 г.¹⁰ уточнены основания судебного обжалования решений или действий (бездействия) избирательных

комиссий. Законом от 4 июня 2021 г.¹¹ в избирательное законодательство внесены дополнения, касающиеся ограничений избирательных прав граждан, являющихся членами экстремистских или террористических организаций.

ЦИК РФ также расширил свою нормативную базу, приняв ряд правовых документов. Так, Постановлением ЦИК РФ от 1 июля 2021 г. № 13/103-8 утверждено «Положение об особенностях голосования, установления итогов голосования при проведении голосования на выборах, референдумах, назначенных на 19 сентября 2021 года, в течение нескольких дней подряд»¹². Данным постановлением подтверждалась возможность голосования вне помещения для голосования, которое в прессе называли голосованием «на пеньках». Действительно, голосование признавалось возможным на придомовых территориях, а также в населенных пунктах и иных местах, где отсутствуют помещения для голосования, и транспортное сообщение с которыми затруднено. Это создало условия для нарушения процедуры голосования, которые были официально зафиксированы и отражены в материалах ЦИК.

Выводы

Мотивы изменения избирательного права могут быть различными. Во-первых, поскольку избирательное законодательство формируется государством, то понятно желание законодателя следовать принципу обеспечения политической стабильности и максимально ограничить возможности оказания влияния на результаты голосования иностранных политических игроков. Во-вторых, выборы должны быть легитимными, результаты – точно отражать волю народа и вызывать доверие у граждан, а потому быть прозрачными. Это тоже одно из

7 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 09.03.2021 № 43-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 11, ст. 1708.

8 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 05.04.2021 № 89-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 15 (ч. I), ст. 2456.

9 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 20.04.2021 № 91-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 17, ст. 2877.

10 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 30.04.2021 № 115-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 18, ст. 3059.

11 О внесении изменений в статью 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статью 4 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» : федер. закон от 04.06.2021 № 157-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 23, ст. 3916.

12 Положение об особенностях голосования, установления итогов голосования при проведении голосования на выборах, референдумах, назначенных на 19 сентября 2021 года, в течение нескольких дней подряд : постановление ЦИК РФ от 01.07.2021 № 13/103-8 (ред. от 01.09.2021) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.12.2021).

условий политической стабильности, поскольку в противном случае оппозиция получает козырь в политической борьбе, а народ – основание для протестного движения. В-третьих, процедуры агитации и голосования должны исключать распространение недостоверной информации, фальсификации, подтасовки итогов. Изменение положений избирательного закона должно быть направлено на создание равных условий для всех, имеющих право принимать участие в выборах.

У политического истеблишмента всегда есть соблазн воспользоваться своим особым

положением и подправить законодательство в целях создания более благоприятных условий для голосования в нужном направлении. В то же время есть и опасность создать ситуацию, благоприятную для возникновения политического кризиса. Так что законодатель при модификации правовой основы выборов обязан учитывать политические, социально-экономические, эпидемиологические и географические условия, оценивать последствия своих решений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Малый А.Ф. Народовластие – фундамент демократического государства / А.Ф. Малый, А.А. Нигметзянов, И.Г. Никитенко // Правовое государство: теория и практика. – 2021. – № 3 (65). – С. 21–31.
2. Курячая М.М. Электронное голосование как этап развития непосредственной демократии / М.М. Курячая // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 11. – С. 31–35.
3. Нигметзянов А.А. О понятии права на государственную награду / А.А. Нигметзянов // Вестник Евразийской академии административных наук. – 2018. – № 2 (43). – С. 68–72.
4. Вискулова В.В. Голосование «против всех»: исключить нельзя оставить (в свете решений Конституционного Суда РФ) / В.В. Вискулова // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 5. – С. 28–34.
5. Малый А.Ф. Избирательная система Российской Федерации : учебное пособие в схемах / А.Ф. Малый. – Саранск : Изд-во Мордовского ун-та, 1995. – 80 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Малый Александр Фёдорович – доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета;

Нигметзянов Алмаз Альбертович – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Malyi Alexander Fedorovich – Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Kazan (Volga Region) Federal University;

Nigmatzyanov Almaz Albertovich – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law, Kazan (Volga Region) Federal University.

Статья поступила в редакцию 11.05.2022; одобрена после рецензирования 15.06.2022; принята к публикации 17.06.2022. The article was submitted 11.05.2022; approved after reviewing 15.06.2022; accepted for publication 17.06.2022.

REFERENCES

1. Malyi A.F., Nigmatzyanov A.A., Nikitenko I.G. The government by the people – the foundation of a democratic state. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2021, no. 3 (65), pp. 21–31. (In Russian).
2. Kuryachaya M.M. Electronic voting as a direct democracy development stage. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo* = Constitutional and Municipal Law, 2017, no. 11, pp. 31–35. (In Russian).
3. Nigmatzyanov A.A. On the concept of the right to state award. *Vestnik Evrazijskoj akademii administrativnyh nauk* = Herald of the Eurasian Academy of Administrative Sciences, 2018, no. 2 (43), pp. 68–72. (In Russian).
4. Viskulova V.V. Voting «against all»: it cannot be excluded (in the light of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation). *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo* = Constitutional and Municipal Law, 2008, no. 5, pp. 28–34. (In Russian).
5. Malyi A.F. *Izбирatel'naya sistema Rossijskoj Federacii* [The electoral system of the Russian Federation]. Mordovia State University, 1995. 80 p.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Научная статья

УДК 349.2

DOI 10.33184/pravgos-2022.3.19

ГОЛЫЦОВ Владимир Борисович

Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета РФ,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: kafgp@skspba.ru;
<https://orcid.org/0000-0003-4510-0841>

ГОЛОВАНОВ Николай Михайлович

Государственный институт экономики,
финансов, права и технологий (ГИЭФПТ),
Гатчина, Россия;
<https://orcid.org/0000-0002-6870-4376>

ИГБАЕВА Гузель Римовна

Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета РФ,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: kafgp@skspba.ru;
<https://orcid.org/0000-0001-5095-5559>

Original article

GOLTISOV Vladimir Borisovich

Saint Petersburg Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russia.

GOLOVANOV Nikolay Mikhailovich

State Institute of Economics, Finance,
Law and Technology,
Gatchina, Russia.

IGBAEVA Guzel Rimovna

Saint Petersburg Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russia.

ПРОБЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЛУЖЕБНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЛЕДСТВЕННОМ КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

GAPS IN THE LEGAL REGULATION OF EMPLOYMENT RELATIONS
IN THE INVESTIGATIVE COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Аннотация. В статье рассматривается терминология, используемая при регулировании служебно-трудовых отношений в организациях Следственного комитета РФ. Обращается внимание на то, что эти отношения отличаются значительной спецификой, что должно учитываться, но не всегда учитывается при издании ведомственных нормативных правовых актов Следственного комитета РФ. Предлагаются варианты устранения имеющихся недочетов в использовании терминов «работник», «сотрудник» применительно к Следственному комитету РФ. Цель: выявление пробелов правового регулирования служебно-трудовых отношений в Следственном комитете РФ. Методы: эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридико-догматический и толкования правовых норм. Результаты: исследование позволило выявить двойственный характер служебно-трудовых отношений в Следственном комитете РФ. Особенности регулирования правового статуса сотрудника Следственного комитета РФ и содержания его профессиональной деятельности позволили выявить пробелы в юридической технике и юридическом языке нормативных правовых актов Следственного комитета РФ.

Abstract. The article considers the terminology used while regulating employment relations in the bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation. Attention is drawn to the fact that these relations have a significant specificity, which should be taken into account, but is not always taken into account when issuing departmental normative legal acts of the Investigative Committee of the Russian Federation. The article offers options of elimination of existing shortcomings in the use of terms «worker», «employee» in relation to the Investigative Committee of the Russian Federation. Purpose: to identify gaps in the legal regulation of employment relations in the Investigative Committee of the Russian Federation. Methods: the authors apply empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; specific scientific methods: legal-dogmatic and interpretation of legal norms. Results: the study reveals the dual nature of employment relations in the Investigative Committee of the Russian Federation. The features of regulating the legal status of a staff member of the Investigative Committee of the Russian Federation and the content of his professional activities make it possible to identify gaps in the legal technique and legal language of the normative legal acts of the Investigative Committee of the Russian Federation.

© Гольцов В.Б., Голованов Н.М., Игбаева Г.Р., 2022

Ключевые слова: трудовой договор, работодатель, работник, служебный контракт, наниматель, гражданин, сотрудник, правовой статус, служебная деятельность, служебный порядок

Для цитирования: Гольцов В.Б. Пробелы правового регулирования служебно-трудовых отношений в Следственном комитете Российской Федерации / В.Б. Гольцов, Н.М. Голованов, Г.Р. Избаева // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 3. – С. 137–143. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.19

Keywords: employment contract, employer, worker, service contract, hirer, citizen, employee, legal status, official activity, official order

For citation: Goltsov V.B., Golovanov N.M., Igbaeva G.R. Gaps in the legal regulation of employment relations in the Investigative Committee of the Russian Federation. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 3, pp. 137–143. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.19. (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Регулирование разноплановых отношений, складывающихся в правоохранительных органах современной России, характеризуется активным воздействием на них норм трудового законодательства, в отличие от преобладающего воздействия на служебные отношения норм административного законодательства до распада СССР.

Вопросы соотношения отношений, возникающих из прохождения службы, с трудовыми отношениями привлекают внимание исследователей. Так, С.А. Шаповалов рассматривает соотношение военной службы с государственной гражданской службой и службой в правоохранительных органах [1]; особенности правового регулирования государственной гражданской службы в Российской Федерации исследовал А.А. Гришковец [2]. Много исследований проведено в сфере служебно-трудовых отношений в отдельных правоохранительных органах (МЧС, МВД, ФСИН и др.) [3; 4; 5].

Приоритетное преобладание норм трудового законодательства характерно для деятельности Следственного комитета РФ (далее – СК РФ), на сотрудников которого (кроме военнослужащих), согласно п. 3 ст. 15 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (в ред. от 25 февраля 2022 г.)¹, распространяется трудовое законодательство с особенностями, предусмотренными указанным законом (далее – Закон об СК РФ). Это означает, что если в специальном (служебном) законодательстве не оговорены те или иные вопросы, связанные с особенностями службы в организациях СК РФ, то в этих случаях следует руководствоваться нормами трудового законодательства Российской Федерации [6, с. 89–92].

Анализ правовой основы деятельности СК РФ в части регламентации возникновения

отношений гражданина с данным ведомством, их изменения и прекращения позволяет говорить о том, что эти отношения строятся на договорной основе как равноправные и регламентируемые исключительно ТК РФ (ст. 16–19, 72–76, 77–84.1).

Без какой-либо корректировки применительно к СК РФ нормы ТК РФ применяются для регулирования отношений, касающихся организации и деятельности профессиональных союзов в СК РФ (ст. 370–378), социального партнерства (ст. 23–55), охраны труда (ст. 209–231), материальной ответственности сотрудников (ст. 232–250), рассмотрения трудовых споров (ст. 381–408).

Таким образом, отношения, регулируемые указанными статьями ТК РФ, подпадают под полное регулируемое воздействие норм трудового права.

С незначительными особенностями нормы ТК РФ применяются к регламентации рабочего (служебного) времени и времени отдыха сотрудников СК РФ (ст. 91–108), дисциплины труда (ст. 189–195) и защиты служебно-трудовых прав сотрудников (ст. 352–380). Эти отношения носят характер служебно-трудовых, основой которых являются императивные нормы административно-правового характера, предусмотренные Правилами внутреннего трудового распорядка СК РФ² и рядом других локальных актов³.

² Об утверждении Правил внутреннего трудового распорядка Следственного комитета Российской Федерации : приказ СК РФ от 30.09.2011 № 138 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2022).

³ О порядке назначения на должность, освобождения от должности и увольнения сотрудников и работников, осуществляющих профессиональную деятельность по профессиям рабочих Следственного комитета Российской Федерации : приказ СК РФ от 08.08.2011 № 114 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2022); Об утверждении Порядка приема на службу (работу) в Следственный комитет Российской Федерации, назначения, перевода на должность, освобождения от должности и увольнения из Следственного комитета Российской Федерации : приказ СК РФ от 06.07.2018 № 66 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.04.2022).

¹ Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.04.2022).

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА СОТРУДНИКА СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Значительная специфика наблюдается в регламентации правового статуса сотрудника СК РФ, обусловленная содержанием его служебной деятельности, что определяется особенностями осуществляемой им правоохранительной функции в сфере уголовного судопроизводства, главной составляющей которой является оперативное и качественное расследование преступлений в соответствии с подследственностью, установленной УПК РФ.

Следует согласиться с мнением И.А. Дякиной о том, что федеральных государственных служащих характеризует базовый общеправовой статус, административно-правовой статус, обусловленный требованием конкретной должности в рамках структуры и штатного расписания государственного органа и его аппарата, соотношение компонентов которых «зависит от правового режима федеральной государственной службы, устанавливаемого в гражданских ведомствах, органах специальной компетенции и на военной службе» [7]. В соответствии с действующим законодательством СК РФ является органом специальной компетенции.

В соответствии с Законом об СК РФ сотрудник СК РФ является федеральным государственным служащим (п. 2 ст. 5), на которого распространяются особые требования при приеме на службу (ст. 16); ограничения, запреты и обязанности, связанные с прохождением службы (ст. 17); испытание при приеме на службу (ст. 18); прием Присяги сотрудника СК РФ (ст. 19); специальные звания сотрудников (ст. 20); аттестация сотрудников в целях определения их квалификации (ст. 21) и др.

Сотрудник СК РФ выполняет специфические обязанности, касающиеся обеспечения поддержки конституционного строя и соблюдения Конституции РФ, реализации действующего законодательства, соблюдения требований присяги и служебного поведения, недопущения совершения проступков, порочащих честь сотрудника СК РФ, и др.

К этому можно добавить требования ведомственных приказов об уведомлении руководства обо всех случаях обращения к сотрудникам с коррупционными предложениями⁴,

4 О порядке уведомления сотрудниками и федеральными государственными гражданскими служащими Следственного комитета Российской Федерации представителя нанимателя (работодателя) обо всех случаях обращения к ним каких-либо лиц в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений : приказ СК РФ от 15.01.2011 № 11 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2022).

об осуществлении контроля за расходами сотрудников, их супругов и несовершеннолетних детей⁵.

Что касается содержания профессиональной деятельности сотрудника СК РФ, занимающего должность следователя, то его полномочия устанавливаются ст. 38 УПК РФ и ст. 7 Закона об СК РФ, которые определяют порядок возбуждения и расследования преступлений, подследственных СК РФ, и, соответственно, наделяют его специфическими полномочиями для их раскрытия [4, с. 91–92].

Приведенная составляющая в регулировании правового статуса сотрудника СК РФ и содержания его профессиональной деятельности является преобладающей в сравнении с регулированием всех других его отношений с ведомством, что позволяет говорить не только о трудовых или служебно-трудовых отношениях, возникающих у сотрудника с организациями СК РФ, но и о чисто служебных.

Данный вывод позволяет выделить отдельные неточности в формулировках, используемых в нормативных правовых актах СК РФ, при регулировании различных по своей правовой природе складывающихся в нем отношений.

СООТНОШЕНИЕ «СЛУЖБЫ» И «РАБОТЫ» В СЛЕДСТВЕННОМ КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пункт 1.4 Правил внутреннего трудового распорядка СК РФ относит его сотрудников к работникам. Как представляется, таковыми могут считаться только те лица, которые осуществляют трудовую деятельность на должностях, не являющихся должностями федеральной государственной службы, и такого его вида, как федеральная государственная гражданская служба, то есть работниками могут считаться только те лица, которые занимают должности по профессиям работающих в соответствии с ТК РФ и на которых распространяется его исключительное регулирующее воздействие.

Что касается сотрудников СК РФ, то они служат, а не работают. Такое понимание их

5 Об утверждении Порядка принятия решения об осуществлении контроля за расходами федеральных государственных служащих (федеральных государственных гражданских служащих) Следственного комитета Российской Федерации, работников, замещающих отдельные должности на основании трудового договора в организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед Следственным комитетом Российской Федерации, а также за расходами их супруг (супругов) и несовершеннолетних детей : приказ СК РФ от 22.05.2018 № 39 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.04.2022)

предназначения закреплено в Законе об СК РФ, где указывается, что сотрудник служит государству, участвуя в решении задачи расследования преступлений, посягающих на общественные отношения, охраняемые уголовным законодательством, и причиняющих вред охраняемым законом интересам личности, общества и государства (ст. 15).

Сотрудник принимает присягу, в которой клянется посвятить себя «служению России и Закону» (ст. 19). Он обязан соблюдать Кодекс этики и служебного поведения, утвержденный Председателем СК РФ⁶.

За свою службу сотрудник получает не заработную плату, а денежное содержание. Заработная плата – это плата за сделанную работу. Чем больший объем работы сделал работник, тем больше он получил, так как это компенсация за прилагаемые им физические и умственные усилия. Сотрудник СК РФ содержится государством. Отсюда и наименование его материального обеспечения и стимулирования исполнения служебных обязанностей по занимаемой должности – денежное содержание, которое включает оклад по должности и специальному званию, процентную надбавку за выслугу лет, за особые условия службы, за сложность, напряженность, высокие достижения в службе и др. (ст. 35).

Сотрудник для осуществления своих обязанностей наделяется властными полномочиями, позволяющими ему эффективно расследовать преступления. На него налагается ряд ограничений, носящих характер антикоррупционного стандарта поведения (ст. 17). Сотрудники имеют право на постоянное ношение, хранение и применение предназначенного для личной защиты оружия и специальных средств (п. 4 ст. 37).

Особенности государственной службы сотрудников СК РФ порождают и особые требования к их дисциплине. Законом об СК РФ установлен более широкий, но исчерпывающий перечень дисциплинарных взысканий, которые не применяются к обычным работникам (понижение в специальном звании, лишение медалей СК РФ и нагрудных знаков, предупреждение о неполном служебном соответствии) (ст. 28). То же самое можно сказать и о системе поощрений, включающих такие неизвестные для обычных тружеников виды поощрений, как награждение именным оружием, досрочное

присвоение очередного специального звания или специального звания на ступень выше (ст. 27).

В связи со сказанным вызывает возражение название упоминавшегося ведомственного акта – Правила внутреннего трудового распорядка Следственного комитета РФ – и использованные в нем термины «трудоустройство», «трудоустройство», «работодатель» (разд. 2, 3, 4 и др.).

В рассматриваемом нормативном правовом акте неоправданно соединены требования, касающиеся сотрудников, обязанных соблюдать служебный распорядок, и требования к работникам по профессиям рабочих, которые должны соблюдать именно трудовой распорядок.

Так, только сотрудников касаются положения об аттестации (п. 2.7), продвижении по службе (подп. «з» п. 6), участии в реализации федеральных законов (подп. «а» п. 3.2.), соблюдении присяги (подп. «б» п. 3.2.), неразглашении служебных сведений (подп. «ж» п. 3.2.), ношении форменной одежды (подп. «к» п. 3.2.), награждении именным оружием (подп. «ж» п. 6.1.), досрочном присвоении специального звания (подп. «з» п. 6.1.), предупреждении о неполном служебном соответствии (подп. «в» п. 7.2.) и др.

В этой связи было бы целесообразно разработать и принять нормативный правовой акт, отдельно регламентирующий служебный распорядок, распространяющий свое действие исключительно на сотрудников СК РФ, либо изменить название Правил внутреннего трудового распорядка Следственного комитета РФ на «Правила внутреннего распорядка Следственного комитета РФ» с разбивкой его на разделы, регламентирующие служебно-трудоустройство сотрудников и трудовые отношения лиц, работающих по профессиям рабочих.

СООТНОШЕНИЕ ТРУДОВОГО ДОГОВОРА И СЛУЖЕБНОГО КОНТРАКТА В РЕГУЛИРОВАНИИ СЛУЖЕБНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЛЕДСТВЕННОМ КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Трудовой договор регулирует отношения между работодателем и работником. Предметом трудового договора выступает трудовая деятельность, содержание которой составляет оказание услуг работником работодателю. Положения трудового договора определяют ТК РФ, не учитывающий специфику отношений в СК РФ, которые возникают между нанимателем и гражданином по поводу государственной службы.

⁶ Кодекс этики и служебного поведения федеральных государственных служащих Следственного комитета Российской Федерации (утв. Следственным комитетом РФ 11.04.2011) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2022).

Сотрудником СК РФ может быть только гражданин Российской Федерации, отвечающий повышенным требованиям к моральным, физическим и профессиональным качествам. Эта специфика учитывается Законом об СК РФ, в котором имеется гл. 3 «Служба в Следственном комитете. Правовое положение сотрудников Следственного комитета». Отсюда правильнее было бы говорить не о трудовом договоре, заключаемом работником с работодателем, а о служебном контракте, регламентирующем прохождение службы, сторонами которого выступают гражданин и наниматель.

В служебном контракте руководитель организации СК РФ должен брать на себя обязанность обеспечить гражданину, поступающему на службу, прохождение ее в соответствии с Законом об СК РФ, своевременно и в полном объеме выплачивать ему денежное содержание и предоставлять социальные гарантии. Все это подлежит детализации с учетом занимаемой гражданином должности. Последний в свою очередь обязуется выполнять служебные обязанности в соответствии с должностными инструкциями и соблюдать ограничения и запреты, связанные со службой, а также внутренний служебный порядок, установленный в органе (учреждении), подразделении СК РФ. Служебный контракт следует заключать и при замещении должности в СК РФ по мере продвижения сотрудника по службе.

Контракт может заключаться на неопределенный срок (например, до достижения предельного срока пребывания на службе) или на определенный срок (например, на четыре года – для гражданина, впервые поступающего на службу; на пять лет – для последующей службы после завершения первого контракта; для замещения должности временно отсутствующего сотрудника; на период обучения гражданина в учебном заведении СК РФ с обязательством последующей службы в организации СК РФ, направившей его на обучение, и др.).

Целесообразность заключения служебного контракта объясняется также и тем, что с лицами, оформляемыми для прохождения государственной гражданской службы в СК РФ, заключается именно контракт. В отношении заключения такого контракта Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (в ред. от 30 декабря 2021 г.)⁷ закрепляет, что его стороной является наниматель (п. 2 ст. 1), а не работодатель, как

в СК РФ. В указанном законе не говорится, что гражданин, поступающий на государственную гражданскую службу, является работником или становится работником, он именуется именно гражданином, гражданским служащим (ст. 23).

Правовой статус гражданского служащего (ст. 14–20.1) во многом совпадает с правовым статусом сотрудника СК РФ. В этой связи совершенно непонятно, почему гражданин, поступающий на государственную службу в организациях СК РФ, именуется работником, а гражданин, поступающий на государственную гражданскую службу, в аналогичной ситуации таковым не является.

Понятие «работник» применительно к сотруднику СК РФ ведомственные приказы используют и в других случаях, например, при регламентации ограничений и запретов, налагаемых на должностных лиц, выполняющих задачи, стоящие перед СК РФ⁸, контроле за их расходами, оказании им материальной помощи⁹.

Наблюдается и отход от этой терминологии. Так, сотрудники, а не работники должны расследовать преступления¹⁰, государственное личное страхование касается сотрудников, а не работников¹¹, именно сотрудники

8 О распространении на работников, замещающих отдельные должности на основании трудового договора в организациях, созданных для выполнения задач, поставленных перед Следственным комитетом Российской Федерации, ограничений, запретов и обязанностей, установленных для федеральных государственных служащих : приказ СК РФ от 02.09.2015 № 74 [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.04.2022).

9 Об утверждении Положения о порядке выплаты ежемесячных и иных дополнительных выплат, а также материальной помощи работникам Следственного комитета Российской Федерации, замещающим должности, не являющиеся должностями федеральной государственной гражданской службы : приказ СК РФ от 08.08.2016 № 73 [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.04.2022).

10 Об утверждении Перечня должностей сотрудников в подразделениях по расследованию особо важных дел следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, расследующих дела по организованной преступной деятельности и коррупции, служба в которых предоставляет право на исчисление выслуги лет для назначения пенсии на льготных условиях : приказ СК РФ от 08.10.2020 № 106 [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.04.2022).

11 О порядке организации обязательного государственного личного страхования сотрудников Следственного комитета Российской Федерации, оформления документов и выплаты страховых сумм и компенсаций : приказ СК РФ от 12.10.2011 № 401-ф [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2022).

⁷ Собрание законодательства РФ. 2004. № 31, ст. 3215.

должны внимательно и вежливо относиться к гражданам¹², они же должны уведомлять руководство об обращениях к ним с коррупционными предложениями. О сотрудниках идет речь при направлении их на медицинское освидетельствование.

В отдельных приказах СК РФ говорится отдельно о сотрудниках и работниках. Это касается порядка назначения на должности и увольнения сотрудников и работников¹³, предоставления отпусков сотрудникам и работникам¹⁴.

Имеются приказы, в названии которых вообще не указываются категории лиц, на которых они распространяются, например, регламентирующие прием, назначение, перевод на должность, освобождение от должности

12 О вежливом и внимательном отношении сотрудников Следственного комитета Российской Федерации к гражданам : приказ СК РФ от 15.01.2011 № 7 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2022).

13 Там же.

14 Об утверждении Инструкции о порядке предоставления отпусков сотрудникам, федеральным государственным гражданским служащим и работникам Следственного комитета Российской Федерации : приказ СК РФ от 15.08.2016 № 79 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.04.2022).

и увольнение из организаций СК РФ, проведение служебных проверок¹⁵.

Как представляется, такой разнотой следует устранить. Ведомственные нормативные правовые акты должны четко обозначать, на кого они рассчитаны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, отметим, что использование адекватной терминологии в процессе правового регулирования служебно-трудовой деятельности органов и учреждений СК РФ требует совершенствования в направлении большего учета ее специфики. Нормотворческие подразделения СК РФ должны учитывать эту специфику при подготовке проектов соответствующих ведомственных актов, что усилит их адресность, непротиворечивость, точное восприятие и использование в практической деятельности.

15 Об утверждении Порядка проведения служебных проверок в Следственном комитете Российской Федерации : приказ СК РФ от 24.05.2021 № 77 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.04.2022).

Список источников

1. Шаповалов С.А. Соотношение военной службы с государственной гражданской службой и службой в правоохранительных органах / С.А. Шаповалов // Новая наука: опыт, традиции, инновации. – 2017. – Т. 1, № 2. – С. 198–200.
2. Гришковец А.А. Правовое регулирование государственной гражданской службы в Российской Федерации : учебный курс / А.А. Гришковец. – Москва : Дело и сервис, 2014. – 463 с.
3. Винокуров В.А. Отдельные вопросы правового положения лиц, осуществляющих служебную (трудовую) деятельность в системе МЧС России при проведении гуманитарных операций в условиях вооруженных конфликтов / В.А. Винокуров, А.А. Корчуков // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. – 2020. – № 1. – С. 130–140.
4. Афанасьев М.В. Регулирование труда в системе МВД России / М.В. Афанасьев, А.Ю. Павлов, Т.Ю. Голубева // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 4. – С. 132–142.
5. Анискина Н.В. Государственная служба в уголовно-исполнительной системе : учебное пособие / Н.В. Анискина и др. – Вологда : ВИПЭ ФСИН России, 2018. – 309 с.
6. Гольцов В.Б. Трудовое право : учебник / В.Б. Гольцов, Н.М. Голованов, Т.О. Бозиев. – Москва : Кнорус, 2022. – 150 с.

References

1. Shapovalov S.A. Correlation of military service with state civil service and law enforcement service. *Novaya nauka: opyt, tradicii, innovacii* = New Science: Experience, Traditions, Innovations, 2017, vol. 1, no. 2, pp. 198–200. (In Russian).
2. Grishkovets A.A. *Pravovoe regulirovanie gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby v Rossijskoj Federacii* [Legal regulation of the state civil service in the Russian Federation]. Moscow, Delo i servis Publ., 2014. 463 p.
3. Vinokurov V.A., Korchukov A.A. Certain issues of legal status of persons, performing the service (labor) activities in the Emercom of Russia when conducting humanitarian operations in situations of armed conflict. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta Gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby MCHS Rossii* = Bulletin of the St. Petersburg university of the state fire service of the Ministry of emergency situations of Russia, 2020, no. 1, pp. 130–140. (In Russian).
4. Afanasiev M.A., Pavlov A.Y., Golubeva T.Yu. Labor regulation in the Russian interior ministry. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve* = Gaps in Russian Legislation, 2016, no. 4, pp. 132–142. (In Russian).
5. Aniskina N.V., Derbina O.V., Durbin S.V., Dazmarova T.N., Zavitova S.V., Kalyashin A.V., Kirilovsky O.V. et al. *Gosudarstvennaya sluzhba v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme* [Public service in the penitentiary system]. Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, 2018. 309 p.

7. Дякина И.А. Федеральный государственный служащий: правовое обеспечение нормативного статуса : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / И.А. Дякина. – Ростов-на-Дону, 2001. – 176 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/federalnyi-gosudarstvennyi-sluzhashchii-pravovoe-obespechenie-normativnogo-statusa>.

6. Goltsov V.B., Golovanov N.M., Boziev T.O. *Trudovoe pravo* [Labor law]. Moscow, Knorus Publ., 2022. 150 p.

7. Dyakina I.A. *Federal'nyj gosudarstvennyj sluzhashchij: pravovoe obes-pechenie normativnogo statusa*. Kand. Diss. [Federal Civil Servant: Legal Support for Regulatory Status. Cand. Diss.]. Rostov-on-Don, 2001. 176 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/federalnyi-gosudarstvennyi-sluzhashchii-pravovoe-obespechenie-normativnogo-statusa>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гольцов Владимир Борисович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ;

Голованов Николай Михайлович – кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Государственного института экономики, финансов, права и технологий (ГИЭФПТ);

Игбаева Гузель Римовна – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Goltsov Vladimir Borisovich – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines, Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation;

Golovanov Nikolay Mikhailovich – Candidate of Sciences (Law), Professor of the Department of Civil Law Disciplines, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology

Igbaeva Guzel Rimovna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines, Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 11.06.2022; одобрена после рецензирования 14.07.2022; принята к публикации 15.07.2022. The article was submitted 11.06.2022; approved after reviewing 14.07.2022; accepted for publication 15.07.2022.

ПАШКОВА Татьяна Валерьевна
Башкирский государственный университет,
Уфа, Россия;
e-mail: tatyana.p1609@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0001-9061-0352>

PASHKOVA Tatyana Valerievna
Bashkir State University, Ufa, Russia.

ДЕЛЕГИРОВАНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

DELEGATION OF POWERS WITHIN THE SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITY

Аннотация. Актуальность темы публикации обусловлена вступившими в силу 4 июля 2020 г. поправками к Конституции РФ, закрепившими, в частности, принцип единства системы публичной власти в Российской Федерации (ч. 3 ст. 132). Внесенные поправки предусматривают необходимость изменения существующего законодательства и принятия нормативных актов, более детально регламентирующих отношения в рамках единой системы публичной власти между ее уровнями – федеральным, региональным, муниципальным, а также реализацию принципа единства системы публичной власти, его влияние на механизм передачи полномочий между уровнями публичной власти. Целью настоящей публикации является анализ действующего законодательства и складывающихся на практике отношений по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти Российской Федерации. Методы: анализа нормативно-правового регулирования, формально-юридический, сравнительно-правовой. Результаты: определены компоненты системы публичной власти в Российской Федерации, механизмы передачи полномочий между уровнями публичной власти. Выявлено, что поправки к Конституции РФ и принятое в развитие их положений законодательство закрепили существующие на практике отношения по передаче полномочий между федеральным, региональным и муниципальным уровнями.

Ключевые слова: поправки к Конституции РФ, система публичной власти, органы государственной власти, органы местного самоуправления, передача полномочий

Для цитирования: Пашкова Т.В. Делегирование полномочий в системе органов публичной власти / Т.В. Пашкова // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 3. – С. 144–149. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.20.

Abstract. The relevance of the topic of the article is due to the amendments to the Constitution of the Russian Federation that entered into force on July 4, 2020, and enshrined, in particular, the principle of the unity of the system of public authority in the Russian Federation (Part 3 of Article 132). The amendments provide for the need to change the existing legislation and adopt normative acts regulating in more detail the relations within the unified system of public authority between its levels - federal, regional, municipal, as well as the implementation of the principle of the unity of the system of public authority, its impact on the mechanism for transferring powers between the levels of public authority. The purpose of this article is to analyze the current legislation and the relations that are developing in practice on the transfer of powers between the levels of public authority of the Russian Federation. Methods: analysis of legal regulation, formal legal, comparative legal. Results: the article identifies the components of the system of public authority in the Russian Federation, the mechanisms for the transfer of powers between the levels of public authority. It is revealed that the amendments to the Constitution of the Russian Federation and the legislation adopted in the development of their provisions have consolidated the relations existing in practice on the transfer of powers between the federal, regional and municipal levels.

Keywords: amendments to the Constitution of the Russian Federation, system of public authority, bodies of state authority, local governments, transfer of powers

For citation: Pashkova T.V. Delegation of powers within the system of public authority. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 3, pp. 144–149. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.20 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Законом РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»¹ ст. 132 Конституции РФ дополнена частью 3, провозгласившей существование единой системы публичной власти в Российской Федерации, состоящей из органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Несмотря на то что термин «публичная власть» ранее отсутствовал как в Конституции РФ, так и в федеральном законодательстве, он не является новым для российского права: конструкцию «публичная власть» в своих решениях использовал Конституционный Суд РФ². Конституционный Суд отмечал, что осуществление различными уровнями публичной власти общих функций является определяющим критерием объединения уровней власти в единую систему [1]. Кроме того, конституционное закрепление единой системы публичной власти, по сути, стало отражением уже существующих отношений между уровнями государственной власти и местным самоуправлением [2]. Так, Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»³ (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ) регламентировано

наделение органов местного самоуправления посредством федерального или регионального закона отдельными государственными полномочиями (гл. 4), предусмотрена возможность перераспределения полномочий между органами государственной власти субъекта и органами местного самоуправления (ч. 1.2 ст. 17), допускается участие муниципальных органов в осуществлении государственных полномочий (ч. 4.1 ст. 20).

Существующие реалии нашли отражение и в закреплении конструкции публичной власти на законодательном уровне. Федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации»⁴, регламентирующий деятельность органа, призванного обеспечить согласованное функционирование и взаимодействие органов публичной власти, закрепил понятие единой системы публичной власти: федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие в конституционно установленных пределах на основе принципов согласованного функционирования и устанавливаемого на основании Конституции РФ и в соответствии с законодательством организационно-правового, функционального и финансово-бюджетного взаимодействия, в том числе по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти, свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства.

При этом объединение в одной категории «публичная власть» органов государственной власти и органов местного самоуправления вовсе не свидетельствует об утрате последними самостоятельности, а также не возводит местное самоуправление на уровень государственной власти. В Тематическом комментарии к Закону РФ о поправке к Конституции РФ отмечается, что единая система публичной власти необходима исключительно для того, чтобы установить более тесное взаимодействие органов государственной власти и органов местного самоуправления с одновременным стремлением к осуществлению публичной власти наиболее эффективным образом, то есть на соответствующем уровне публичной власти [3, с. 207–214], в том числе

1 Собрание законодательства РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

2 По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 № 30-П // Собрание законодательства РФ. 2015. № 50, ст. 7226 ; По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 24.12.2012 № 32-П // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. II), ст. 8062.

3 Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4 Собрание законодательства РФ. 2020. № 50 (ч. III), ст. 8039.

путем делегирования полномочий между различными уровнями публичной власти.

Как уже было отмечено, распределение полномочий между различными уровнями публичной власти имело место и до конституционного закрепления единства системы публичной власти. При этом с учетом конституционных поправок, а именно отнесением на федеральный уровень полномочий по организации публичной власти (п. «г» ст. 71 Конституции РФ), отнесение к полномочиям Президента РФ обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти (ч. 2 ст. 80 Конституции РФ), для чего формируется специальный орган – Государственный Совет, необходимо проанализировать, произошли ли изменения в процедуре передачи полномочий между уровнями публичной власти.

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

В развитие положений Закона РФ о поправке к Конституции РФ 21 декабря 2021 г. принят Федеральный закон № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 414-ФЗ). Закон должен заменить Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 184-ФЗ), который служил основой для всей системы государственной власти на федеральном и региональном уровнях, а также для системы выстраивания отношений и разграничения компетенций между уровнями власти.

Большая часть положений Федерального закона № 414-ФЗ вступила в силу с 27 декабря 2021 г., за исключением отдельных положений. В частности, гл. 7, устанавливающая общие принципы разграничения полномочий между федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъекта и органами местного самоуправления, вступает в силу с 1 января 2023 г. Нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, муниципальные правовые акты подлежат приведению в соответствие с законом не позднее этой даты.

В Федеральном законе № 414-ФЗ закреплён принцип согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти на федеральном, региональном, муниципальном уровнях, который имеет значение и для механизма передачи полномочий между уровнями публичной власти. Ранее, хотя органы государственной власти субъекта или, в особенности, органы местного самоуправления имели право осуществлять переданные им государственные полномочия, такую ситуацию вряд ли можно было в полной мере рассматривать как случай взаимодействия в общепринятом смысле, говорить можно было скорее об административной передаче полномочий «сверху вниз»⁵, без возможности отказа от принятия передаваемых полномочий.

Федеральный закон № 414-ФЗ в отношении разграничения полномочий между уровнями публичной власти почти полностью сохранил действующие положения Федерального закона № 184-ФЗ. Так, в отношении передачи полномочий органов государственной власти Российской Федерации органам государственной власти субъекта предусмотрены следующие возможности. Во-первых, Федеральный закон № 414-ФЗ, как и Федеральный закон № 184-ФЗ, предусматривает возможность передачи полномочий органов государственной власти Российской Федерации органам государственной власти субъектов федеральными законами (ст. 45). Во-вторых, возможна передача отдельных полномочий федеральных органов исполнительной власти органам государственной власти субъектов нормативными правовыми актами Президента РФ или Правительства РФ (ст. 46). В целом механизм передачи полномочий не был изменен: передача осуществляется на основании федерального закона, в котором должны содержаться положения, определяющие перечень передаваемых полномочий, ответственные федеральные органы исполнительной власти, их права и обязанности, порядок определения финансирования, предоставление высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации отчетности об осуществлении полномочий, порядок изъятия переданных полномочий, механизм контроля за осуществлением переданных полномочий. Федеральные законы, посредством которых предусматривается передача полномочий, вступают в силу с начала финансового года и

⁵ Всероссийский Совет местного самоуправления : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsmsinfo.ru/dokumenty-i-materialy> (дата обращения: 01.05.2022).

принимаются не позднее чем за 4 месяца до его начала. При этом представляется возможным отметить некоторые новшества.

Так, Федеральным законом № 414-ФЗ предусмотрено право органов государственной власти субъектов обратиться к Правительству РФ с предложением об установлении особого порядка реализации государственных полномочий, переданных органам государственной власти субъекта в соответствии с законом (ст. 45). Необходимость в установлении особого порядка может возникнуть тогда, когда из законодательства не ясна процедура реализации переданного полномочия или когда субъект Российской Федерации сталкивается с нехваткой средств на осуществление переданного полномочия [4]. В Федеральном законе № 184-ФЗ указывалось, что установление такого особого порядка допускается в целях совершенствования механизмов предоставления государственных услуг. В Федеральном законе № 414-ФЗ указание на цели установления особого порядка отсутствует. Вероятно, поскольку функционирование органов государственной власти и органов местного самоуправления в единой системе публичной власти само по себе предполагает взаимодействие для наиболее эффективного решения задач, такое упоминание излишне.

ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Наиболее важные изменения произошли, пожалуй, в сфере передачи полномочий органам местного самоуправления.

В законодательстве предусмотрены случаи, когда органы местного самоуправления могут осуществлять отдельные государственные полномочия – такие, которые закреплены федеральным и региональным законодательством и передаются органам местного самоуправления в строго регламентированном порядке. Ограничений по возможным передаваемым полномочиям нет, важно лишь, чтобы полномочия были отнесены к компетенции Российской Федерации, субъектов Российской Федерации⁶ или к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации с предусмотренной законом возможностью передачи полномочий органам местного самоуправления.

⁶ Вопросы по предметам ведения субъекта Российской Федерации либо вопросы, которые могут быть переданы в соответствии с Федеральным законом № 184-ФЗ, при этом возможные к передаче вопросы должны быть непосредственно перечислены в ст. 26.3 Федерального закона № 131-ФЗ.

По сравнению с Федеральным законом № 184-ФЗ новый закон содержит более детальное регулирование, касающееся наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями. Однако закрепление в законе более развернутых положений не является новшеством с точки зрения содержания – закон в большей степени продублировал нормы, закрепленные в Федеральном законе № 131-ФЗ, также с небольшими изменениями, касающимися в первую очередь внесения в закон формулировок Конституции РФ. Так, в Федеральном законе № 414-ФЗ установлены финансовые гарантии местного самоуправления при передаче государственных полномочий. Частью 1 ст. 52 Федерального закона № 414-ФЗ предусмотрено, что субъекты Российской Федерации имеют право передавать органам местного самоуправления отдельные государственные полномочия, осуществляемые субъектами Российской Федерации, только при условии передачи им необходимых для осуществления таких полномочий материальных и финансовых средств – за счет предоставляемых местным бюджетам субвенций.

Кроме того, Федеральный закон № 414-ФЗ не содержит закрепленный Федеральным законом № 131-ФЗ запрет наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями иначе как федеральным законом или законом субъекта Российской Федерации. Будет ли указанное ограничение отсутствовать и в новом законе об органах местного самоуправления? Намеренно ли законодатель отказался от такого ограничения? Означает ли это, что допустимо наделение органов местного самоуправления полномочиями иными нормативными правовыми актами, как это происходило до 2003 г.? Возможна ли передача полномочий органов местного самоуправления на основании договора?

В Федеральном законе № 414-ФЗ также предусмотрены положения, регламентирующие проведение государственного контроля за осуществлением органами местного самоуправления полномочий органов государственной власти. Ранее детальное регулирование способов и методов контроля отражалось в законодательстве субъектов о передаче полномочий органам местного самоуправления, к которым относились: дача указаний по вопросам реализации переданных полномочий; согласование решений по вопросам осуществления соответствующих полномочий; проведение правовых экспертиз актов органов местного самоуправления, принимаемых

в связи с исполнением переданных им отдельных государственных полномочий; направление запросов и получение документов и иной информации по вопросам реализации переданных полномочий; заслушивание отчетов органов местного самоуправления; проведение проверок и ревизий деятельности органов местного самоуправления и др. Федеральный закон № 414-ФЗ помимо возможности выдачи письменных предписаний устанавливает нормы об изъятии отдельных государственных полномочий в случае выявления нарушений требований законов по вопросам осуществления органами местного самоуправления данных полномочий. Кроме того, в Федеральном законе № 414-ФЗ перечислены полномочия субъектов Российской Федерации, которые не могут быть переданы на муниципальный уровень.

Отдельный вопрос о перераспределении полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления возникает в связи с новеллой Конституции РФ, а именно с возможностью органов местного самоуправления выполнять публичные функции во взаимодействии с органами государственной власти. Какова процедура передачи таких полномочий? Новый ли это институт или он охватывает уже существующие варианты передачи полномочий: перераспределение, договоры и соглашения, принятие на себя отдельных государственных полномочий при финансовой возможности их осуществления?

Часть 4 ст. 17 Федерального закона о Государственном Совете устанавливает, что органы местного самоуправления участвуют в осуществлении имеющих государственное значение публичных функций как в порядке наделения органов местного самоуправления отдельными государственными

полномочиями, так и в ином порядке в соответствии с федеральным законом. Из приведенной формулировки неясно, подразумевает ли «иной порядок» уже существующие способы распределения полномочий между уровнями публичной власти, которые были названы ранее, или же это новый институт, требующий законодательного регламентирования. Связано ли отсутствие ограничения относительно наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями с деятельностью Государственного Совета?

Более детально об изменениях в регулировании деятельности органов местного самоуправления как одного из уровней публичной власти в полной мере можно будет сказать после принятия федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», проект которого находится на рассмотрении в Государственной Думе РФ⁷.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, можно констатировать, что механизм передачи полномочий между уровнями публичной власти не подвергся существенным изменениям, напротив, закрепил существующие в практике реалии на законодательном уровне, при этом введен ряд положений, подчеркивающих единство системы публичной власти в Российской Федерации и направленных на эффективное функционирование и взаимодействие между федеральным, региональным и муниципальными уровнями.

⁷ По состоянию на дату написания статьи документ находится во втором чтении, дата представления поправки изменена на 20.05.2022.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баженова О.И. Реализация преобразованной конституционной модели местного самоуправления в России: первые шаги / О.И. Баженова // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 12. – С. 30–40. URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=SzISOBT2rjnn4Vq4&cacheid=9D1BFD64545132D00AFED9090F229F67&mode=splus&rnd=jnMo4w&base=CJI&n=133811#4uDRxBTxQ0VuFhFV>.
2. Чеботарев Г.Н. Конституционно-правовые механизмы формирования единой системы публичной власти в Российской Федерации / Г.Н. Чеботарев // Российский юридический журнал. – 2020. – № 6. – С. 9–17. URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=SzISOBT2rjnn4Vq4&cacheid=45F2E881E5A2ABF2C67E38CC215108D5&mode=splus&rnd=jnMo4w&base=CJI&n=135028#DWGVxBTMQzC7TMB6>.

REFERENCES

1. Bazhenova O.I. Implementation of the transformed constitutional model of local self-government in Russia: first steps. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo* = Constitutional and Municipal Law, 2020, no. 12, pp. 30–40. Available at: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=SzISOBT2rjnn4Vq4&cacheid=9D1BFD64545132D00AFED9090F229F67&mode=splus&rnd=jnMo4w&base=CJI&n=133811#4uDRxBTxQ0VuFhFV>.
2. Chebotarev G.N. Constitutional and legal mechanisms for forming a unified system of public power in the Russian Federation. *Rossiiskij yuridicheskij zhurnal* = Russian Juridical Journal, 2020, no. 6, pp. 9–17. Available at: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&ts=SzISOBT2rjnn4Vq4&cacheid=45F2E881E5A2ABF2C67E38CC215108D5&mode=splus&rnd=jnMo4w&base=CJI&n=135028#DWGVxBTMQzC7TMB6>.

3. Хабриева Т.Я. Тематический комментарий к Закону Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» / Т.Я. Хабриева, А.А. Клишас. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2020. – 240 с.

4. Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (постатейный). URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=8c1MCA&base=CMB&n=16683&dst=100735&field=134#3gBWxBTtFDfj7QFT>.

3. Khabrieva T.Ya., Klishas A.A. Tematicheskij kommentarij k Zakonu Rossijskoj Federacii o popravke k Konstitucii Rossijskoj Federacii ot 14 marta 2020 g. № 1-FKZ «O sovershenstvovanii regulirovaniya otidel'nyh voprosov organizacii i funkcionirovaniya publichnoj vlasti» [Thematic commentary to the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 No. 1-FKZ «On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authority»]. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2020. 240 p.

4. Borisov A.N. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 6 oktyabrya 1999 g. № 184-FZ «Ob obshchih principah organizacii zakonodatel'nyh (predstavitel'nyh) i ispolnitel'nyh organov gosudarstvennoj vlasti sub»ektov Rossijskoj Federacii» (postatejnyj) [Commentary to the Federal Law of October 6, 1999 No. 184-FZ «On the General Principles of the Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Constituent Entities of the Russian Federation» (article-by-article)]. Available at: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=8c1MCA&base=CMB&n=16683&dst=100735&field=134#3gBWxBTtFDfj7QFT>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пашкова Татьяна Валерьевна – ассистент кафедры государственного права Института права Башкирского государственного университета.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pashkova Tatyana Valerievna – Teaching Assistant of the Chair of State Law of the Institute of Law, Bashkir State University.

Статья поступила в редакцию 03.06.2022; одобрена после рецензирования 05.07.2022; принята к публикации 07.07.2022. The article was submitted 03.06.2022; approved after reviewing 05.07.2022; accepted for publication 07.07.2022.

ТРОЯН Наталья Анатольевна

Институт государства и права РАН,
Москва, Россия;

e-mail: n-fadeeva@yandex.ru;

<https://orcid.org/0000-0003-1572-8902>

TROYAN Natalia Anatolievna

Institute of State and Law of the Russian
Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРАВОВОЙ ИНФОРМАЦИИ НА ОСНОВЕ ЕДИНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ

BUILDING THE LEGAL INFORMATION SYSTEM BASED ON A UNIFIED INFORMATION INFRASTRUCTURE

Аннотация. Статья посвящена актуальным вопросам развития системы правовой информации на базе современных конвергентных технологий и цифровых платформенных решений в условиях информационного общества. Цель: научно обосновать концепцию формирования инфраструктуры национальной системы правовой информации. Метод исследования: работа основана на системном анализе, позволяющем комплексно исследовать проблему развития системы правовой информации в контексте правового регулирования в условиях цифровизации. Результаты: сделан вывод о том, что в условиях цифровизации правовая информация является ключевым стратегическим ресурсом; выявлена связь цифровизации и с появлением нового типа общественных отношений, и с активизацией развития цифровых платформ, используемых как в государственном управлении, так и в иных сферах. В условиях турбулентности в мире обосновано значение национальной системы правовой информации, имеющей официальный, комплексный, интегрированный, многоуровневый характер, открытой и базирующейся на принципах территориальной распределенности и достоверности информации, на новых платформенных решениях с использованием цифровых и иных технологий, направленных на информационно-правовое обеспечение национальных интересов.

Ключевые слова: национальная безопасность, правовое обеспечение, информационная безопасность, цифровая эпоха, система информационного права, правовые риски, правовая информация, цифровые технологии

Финансирование. Статья выполнена в рамках Государственного задания № 0136-2021-0042 «Правовое регулирование цифровой экономики, искусственного интеллекта, информационной безопасности».

Для цитирования: Троян Н.А. Формирование системы правовой информации на основе единой информационной инфраструктуры / Н.А. Троян // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 3. – С. 150–158. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.21.

Abstract. The article is devoted to the topical issues of the development of the legal information system based on modern convergent technologies and digital platform solutions in the information society. Purpose: to scientifically substantiate the concept of the formation of the infrastructure of the national legal information system. Research method: the work is based on a system analysis that allows studying comprehensively the problem of the development of the legal information system in the context of legal regulation in the digital environment. Results: it is concluded that, in the context of digitalization, legal information is a key strategic resource; the link between digitalization and the emergence of a new type of social relations and with the intensification of the development of digital platforms used both in public administration and in other areas is revealed. Under conditions of turbulence in the world, the author justifies the significance of the national legal information system, which has an official, comprehensive, integrated, multi-level, open character, and is based on the principles of territorial distribution and reliability of information, on new platform solutions using digital and other technologies aimed at information and legal support of national interests.

Keywords: national security, legal support, information security, digital age, legal information system, legal risks, legal information, digital technologies

For citation: Troyan N.A. Building the legal information system based on a unified information infrastructure. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 3, pp. 150–158. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.21 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Развитие информационного общества и постепенный переход России к обществу знаний детерминирован так называемым процессом цифровизации, затрагивающим все сферы общественной жизни. Информационные и коммуникационные технологии, включая цифровые, оказывают существенное воздействие на развитие различных сфер экономики, на социальные отрасли, государственное и муниципальное управление, оборону и безопасность государства, обеспечение правопорядка и становятся частью их управленческих систем [1, с. 13].

Ключевая роль информации в информационном обществе не вызывает сомнений, это подтверждается позициями различных ученых [2; 3; 4]. Однако очевидна неустойчивость информационной сферы, расширение ее пространства, развитие технологий, а также представлений «о границах конфиденциальности информации и одновременно ее массовости, доступности и открытости», на что указывала И.Л. Бачило [5, с. 14].

Значение информации, информационных ресурсов в условиях развития информационного общества возрастает, но порождает и новые правовые вызовы (проблемы), связанные с их обращением (сбором, обработкой, предоставлением, хранением и т. д.), необходимостью их защиты, информационной безопасности.

ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ПОЯВЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ИНФОРМАЦИИ»

Определение понятия «информация» является одним из наиболее противоречивых и дискуссионных. В настоящее время оно находится в фокусе внимания исследователей, что, как полагает О.А. Городов, объясняется необходимостью развития теории связи и возрастанием роли обмена различными сведениями в общественной жизни и деятельности [6, с. 5].

В трудах Р. Фишера [7], Р. Хартли [8], К. Шеннона [9] и ряда других ученых много внимания уделялось изучению понятия «информация». На основе анализа доктринальных толкований следует согласиться с мнением ученых, стоявших у истоков теории информации, определявших ее как «связь» [9, с. 243] «разнообразие» [10, с. 18] «меру сложности» [11, с. 15], «знание» [12, с. 36–37], «всеобщую методологию науки» [13, с. 12], «обозначение содержания» [14, с. 31]. Однако до настоящего времени отсутствует универсальное

для различных отраслей науки определение понятия «информация», несмотря на то что в Федеральном законе об информации¹ это понятие нашло закрепление.

Человечество активно приступило к созданию на основе цифровых технологий высокоэффективной информационной среды. Само существование информационного общества основано на обращении информации. При этом правовые проблемы обращения информации исследуются на основе модели информационной среды – сферы производства, преобразования и потребления информации.

Анализ различных правовых определений понятия «информация» будет недостаточным, если не отметить позицию И.Л. Бачило, по мнению которой «информация – это основа и источник формирования мировой системы знаний» [5, с. 27].

Схожую позицию занимает Т.А. Полякова, справедливо указывающая на то, что «важными направлениями научных исследований становится информация как источник знаний, пространственные технологии, различные объекты информационной сферы в их системной связи, формируемая инфраструктура нового состояния информационной среды (включая критическую информационную инфраструктуру) и системы информационных отношений» [15, с. 65].

Исследуя данную тему, следует отметить, что информация находится в прямой связи со знанием. Отличие информации и знания заключается в том, что они характеризуют человеческое познание по-разному: знание – с гносеологической точки зрения, информация – в основном с коммуникативной.

В данной статье полагаем важным отметить, что Б.А. Семеновкер в своем исследовании, посвященном информационной деятельности, предлагает рассматривать сохранение информации как «организацию памяти, в которой содержатся сведения для индивида и общества». Рассматривая путь информации от ее устной формы к последующему фиксации, он отмечает необходимость «надежной фиксации документов и их собраний для долговременного хранения и последующей передачи» [16, с. 17]. При этом Б.А. Семеновкер связывает формы фиксации информации с четырьмя этапами информационной революции, где информация фиксировалась в следующих формах: устная, рукописная,

¹ Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1), ст. 3448.

полиграфическая, цифровая. Вместе с тем он отмечает значение таких инструментов, «как язык и речь, письменность, печатный станок или компьютер» [16, с. 19].

В связи с этим представляет интерес мнение Ю.М. Лотмана о развитии информационной деятельности. Он обратил внимание на то, что «постепенные процессы обладают мощной силой прогресса. В этом смысле интересно соотношение научных открытий и технических реализаций. Величайшие научные идеи в определенном смысле сродни искусству: происхождение их подобно взрыву. Техническая реализация новых идей развивается по законам постепенной динамики» [17, с. 18].

Следует также обратиться к работам Н. Винера, который одним из первых определил информацию как объект исследования в период становления и развития компьютерных технологий, указав, что информация – это «обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему наших чувств. Процесс получения и использования информации является процессом нашего приспособления к случайностям внешней среды и нашей жизнедеятельности в этой среде» [14]. При этом взаимодействие самого процесса и передачи информации можно назвать информированием.

Считаем интересной философскую позицию профессора О.Ю. Рыбакова, который предлагает под информацией понимать «обусловленные бытием человека сведения об окружающей действительности, изменяющиеся в процессе жизнедеятельности человека» [18, с. 72].

Между тем необходимо признать, что сегодня вопросы, связанные с определением понятия «информация», являются дискуссионными, учитывая различные критерии. Так, И.Л. Бачило подчеркивала, что «правовое определение информации можно сформулировать при более широком понимании этого феномена: информация – это воспринимаемая и понимаемая человеком характеристика окружающего мира во всем его разнообразии, которая возникает в процессе познания последнего и позволяет на основе свойств предметов, процессов, фактов и отражения их в различных формах восприятия отличать их признаки, значения, устанавливая связи и зависимости всего многообразия проявления материального, духовного, идеологического мира – формировать мировую систему знаний» [5, с. 28].

ИНФОРМАЦИОННАЯ СРЕДА И ПРАВОВАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Сегодня человечество активно приступило к созданию на основе цифровых технологий высокоэффективной информационной среды. Еще полвека назад предпринимались попытки построить квантовую теорию информации. Так, в 1980 г. ученый Ю.И. Манин высказал свою позицию о квантовых вычислениях, в 1981 г. Нобелевский лауреат по физике Р. Фейнман предложил первую модель квантового компьютера, способного решать более сложные задачи. Идея состояла в том, что простейшая квантовая система намного сложнее простейшей классической системы, то есть у нее большее количество состояний, которые могут служить основой более эффективных квантовых вычислительных алгоритмов. [19, с. 19].

Разделяя условно исторические процессы на хронологические периоды, следует отметить, что сначала была эпоха компьютеризации, потом информатизации, а на современном этапе – цифровизация. При этом роль информации как объекта права существенно возросла и поднялась на уровень особого объекта правоотношений. В этой связи К.А. Мефодьева полагает, что «цифровые данные – это информация, представленная в цифровой форме (в виде числового кода, который обеспечивает возможность ее обработки компьютером). Правовое значение выделения данного понятия состоит в том, чтобы различные данные могли быть объединены с целью поиска закономерностей и потребностей в выработке общих подходов к правовому регулированию» [20, с. 10].

По мнению Ю.М. Батурина, «вещество, энергия, информация – три ракурса, с которых наука видит наш мир, три формы его представления. Именно через них и ближайшие к ним понятия логично формировать правовую среду жизнедеятельности людей, в том числе – и правовую среду «цифровизации»» [19, с. 22].

Вместе с тем необходимо признать, что правовая информация слишком неоднородна, и в связи с отсутствием ее полной, четкой дефиниции продолжаются дискуссии по рассмотрению правовой информации как важного условия для успешной реализации российской правовой политики на современном этапе. Однако О.Ю. Рыбаков отмечает, что не любые сведения и знания о праве являются по своей природе правовыми, так как они могут включать индивидуальный опыт и эмоциональные оценки, и предлагает свое определение правовой информации [21, с. 106].

ДОСТОВЕРНОСТЬ ИНФОРМАЦИИ

На современном этапе в Российской Федерации усиливается значение достоверности информации как принципа правового регулирования в информационном праве. В процессе цифровой трансформации информационного общества и увеличения объемов информации требуют особого внимания вопросы формирования национальной системы правовой информации и обеспечения открытого доступа к ней. Вопросы доступа к информации, ее достоверности, юридической значимости имеют межотраслевой характер и приобретают особую актуальность, что обусловлено не только социально-экономическим значением информации, но и экспоненциальным усилением трансформирующего воздействия цифровых технологий. Это позволяет утверждать, что информация сегодня приобретает характер стратегического ресурса в системе органов публичной власти, а также становится ключевым фактором в образовательной среде, здравоохранении, включая телемедицину, в сфере социального обеспечения, экономике и т. д. Рост цифровизации способствует трансформации структуры всех традиционных правовых институтов в новые цифровые форматы. Как справедливо отмечает в связи с этим А.В. Минбалева, «право и иные регуляторы не могут оставаться в статичном состоянии, с учетом стремительности процессов трансформации и острой необходимости эффективно реагировать на существующие вызовы» [22, с. 178]. В этой связи, полагаем, следует обратить внимание на слова академика В.С. Степина, отмечавшего, что «при переходе к новым стратегиям цивилизационного развития пока не найдены точки развития новых ценностей» [23, с. 9]. Сегодня, в условиях информационного общества, увеличение объемов официальной информации усиливает значение совершенствования системы обеспечения доступа к правовой информации как основы реализации права человека на информацию. Цифровые технологии, находясь в постоянном развитии и расширяя доступ к информации на основе электронного взаимодействия различных субъектов, создают условия для перехода государственного управления на новый уровень и повышения качества жизни населения, что требует научного осмысления с позиции информационного права и дальнейшего совершенствования правового регулирования отношений в информационной сфере.

Следует признать, что роль информации в правовой системе только возрастает, так как именно юридические свойства определяют ее как объект правоотношений и обеспечивают реализацию конституционных прав и свобод в информационной сфере. Сегодня информационная сфера весьма неустойчива, так как меняются не только технологии, но и информационные представления о границах конфиденциальности информации. Это связано, прежде всего, с необходимостью реализации информационных прав и свобод человека и гражданина, а также обеспечения развития единого информационного пространства государства. Так, О.Ю. Рыбаков отмечает многоплановость роли права в обеспечении достоверности информации [21, с. 106]. Следует также согласиться с О.В. Петровской в том, что «для понимания (осознания) своего места в существующей действительности, в обществе жизненно важным является соблюдение фактора достоверности получаемой информации, недопустимости ее искажения. Таким образом, достоверность информации должна иметь ключевое значение в формировании системы общественных отношений, причем касаться это будет как в случае, когда объектом этих взаимоотношений являются материальные блага, так и в случае, когда в центре внимания будут блага нематериальные» [24, с. 131–132].

Происходящие сегодня события приводят к тому, что недостоверная информация становится угрозой информационной безопасности всего общества, поскольку искажение реальной действительности, фактов, массовое предоставление фейковой информации вводит в заблуждение не только отдельных граждан (личности), но и целые государства и страны. На это обращено внимание в Распоряжении Правительства РФ от 22 октября 2021 г. № 2998-р, где указано, что в рамках стратегического развития в области цифровой трансформации государственного управления ключевой проблемой при цифровизации является недостаток достоверных сведений (данных), доступных в режиме реального времени, необходимых для принятия управленческих решений².

В основополагающих стратегических правовых актах Российской Федерации отражена

² Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления: распоряжение Правительства РФ от 22.10.2021 № 2998-р [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.06.2022).

необходимость использования инструментария, разработанного в рамках реализации стратегических направлений, выделенных в указах Президента РФ³.

ЦИФРОВЫЕ ПЛАТФОРМЫ И ПРАВОВАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Современные цифровые технологии, несомненно, влияют и на развитие правовой системы, существенным образом меняют жизнь человека. При этом одним из активно развивающихся программно-технологических решений является создание и использование цифровых платформ, исследованию которых посвящены работы и в правовой сфере [25; 26; 27]. В частности, предлагается инновационная модель правового регулирования использования цифровых технологий в различных сферах деятельности – «Платформенное право». По мнению М.В. Мажориной, «на стыке права и информационных технологий возникают явления, обусловленные формированием новых массивов норм, которые концептуализируются в юридической науке под разными терминами: компьютерное право (computer law), киберправо или право киберпространства (cyber or cyberspace law) и т. д.» [26, с. 110].

Важно отметить, что одним из основных направлений деятельности Правительства РФ на период до 2024 г.⁴ является осуществление мер по внедрению цифровых технологий и платформенных решений в практическую деятельность органов государственного управления. По этому поводу Т.А. Полякова и Г.Г. Камалова отмечают, что «среди существующих моделей государственного управления в последнее время в условиях новой цифровой парадигмы в контексте выработки новых инновационных подходов все большую популярность набирает система управления с

использованием цифровых платформ. Развитие модели «Государство как цифровая платформа» предполагает качественное развитие концепции «электронного государства» путем внедрения прорывных цифровых технологий и взаимодействия всех субъектов в ходе решения государственно-управленческих платформ» [28, с. 26].

Нельзя оставить без внимания то, что Правительством РФ 17 декабря 2019 г. утверждена Концепция, направленная на формирование цифровой аналитической платформы предоставления статистических данных⁵, представляющая собой совокупность информационных инструментов, обеспечивающих автоматизацию процессов подготовки, сбора, хранения и распределения статистических данных, согласованность с единой системой нормативной справочной информации. Координация процессов перевода государственных информационных ресурсов в государственную единую облачную платформу возложена на Минцифры России. Правительством РФ в соответствии с Распоряжением от 28 августа 2019 г. № 1911-р предусмотрен поэтапный переход к использованию информационной инфраструктуры ГИС и программно-аппаратного обеспечения на облачных технологиях⁶. В условиях происходящих трансформаций информационно-технологическое обеспечение законодательной деятельности состоит в использовании современных решений в области электронной обработки информации и цифрового взаимодействия при разработке и принятии нормативных правовых актов, организации работы государственных органов.

Подчеркивая важность данного вопроса, необходимо отметить пилотные проекты (на федеральном и региональном уровнях) по внедрению государственной единой облачной платформы (ГЕОП, «ГосОблако») и Национальной системы управления данными (НСУД). Обращает на себя внимание и развитие сервисов на Единой цифровой платформе «Гостех» как комплексной платформе, в рамках которой

3 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 02.06.2021 № 400 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.06.2022); О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.: указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.06.2022); Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 20.06.2022).

4 Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года (утв. Правительством РФ 29.09.2018 № 8028-П13) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.06.2022).

5 Концепция создания цифровой аналитической платформы (вместе с «Концепцией создания цифровой аналитической платформы предоставления статистических данных») : распоряжение Правительства РФ от 17.12.2019 № 3074-р [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.06.2022).

6 Об утверждении Концепции создания государственной единой облачной платформы : распоряжение Правительства РФ от 28.08.2019 № 1911-р [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 20.06.2022).

предполагается стандартизировать требования к разработке, применению сервисов информационной безопасности⁷. В 2022 г. планируется внедрение облачной системы для работы российского бизнеса, оператором которой является Ростелеком, предоставляющий мощности дата-центров, призванных обеспечить бесперебойную автоматизированную работу для «ГосОблака»⁸. Указанный проект нацелен на предоставление органам государственной власти единой облачной платформы и перевод информационных систем федеральных органов исполнительной власти на Государственную единую облачную платформу, развитие межведомственных цифровых платформ для обеспечения деятельности органов государственной власти, включая Национальную систему управления данными (НСУД).

Полагаем важным обратить внимание на развитие конституционных положений о создании единой системы органов публичной власти, что позволит органам государственной власти на основе единой системы и цифровой платформы осуществлять взаимодействие и иметь доступ к интегрированной информации. Инфраструктура электронного правительства включает единую систему межведомственного электронного взаимодействия, единую систему нормативной справочной информации, единую систему идентификации и аутентификации.

Среди ключевых и приоритетных задач следует отметить проблему импортозамещения и обеспечения безопасности для государственных структур и госкомпаний с государственным участием, подпадающих под действие Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»⁹.

Заслуживают особого внимания задачи обеспечения развития современных прорывных технологий, включая квантовые, для обеспечения конкурентоспособности государства (в части развития рынка квантовых технологий). Учитывая темпы развития данных технологий, необходимо опережающее

регулирование сферы квантовых технологий, в том числе квантовых коммуникаций, что особенно важно для больших массивов правовой информации. Системный анализ действующего законодательства в сфере квантовых коммуникаций позволил выявить необходимость его формирования и развития на различных уровнях, в разных отраслях российского законодательства.

Учитывая указанные тенденции развития технологий в настоящее время, представляется, что в фокусе внимания должны быть проблемы развития правового регулирования формирования национальной системы правовой информации. Следует признать, что сегодня важное место принадлежит информационным ресурсам Минюста России, учитывая его опыт и полномочия. При этом необходимо заметить, что «разработка методологических и организационных основ построения системы правовой информации, начавшаяся в 1990-х годах, весьма актуальна не только для Минюста России, но и в целом для государственного управления.

Российские органы юстиции имеют опыт работы в области законодательства и систематизации, правовой информатизации, правового просвещения и мониторинга правоприменения, а также создания системы нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, субъектов Российской Федерации, муниципальных органов, а также иных электронных информационно-правовых ресурсов. Важным представляется приоритетное направление законодательной деятельности и задач создания системы органов публичной власти в Российской Федерации, оказание бесплатной юридической помощи с применением электронных сервисов. Основой информационной системы «Правовая помощь» является единый портал правового просвещения и бесплатной юридической помощи. Необходимо взаимодействие портала с единым порталом государственных услуг и другими информационными системами, получение актуальной правовой информации, формирование первичного обращения при помощи бесплатного «Конструктора документов». Следовательно, с помощью данного портала можно оказывать информационную помощь, правовое консультирование граждан. Для предоставления достоверной правовой информации Минюстом России осуществляется ведение портала «Нормативные правовые акты в Российской Федерации». В связи с этим представляется целесообразным определение Министерства

7 ФОРС: цифровизация госсектора движется в направлении суперсервисов и комплексных платформ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 02.06.2022).

8 Гособлако. Государственная единая облачная платформа (ГЕОП) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 02.06.2022).

9 Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» / Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 26.06.2022).

юстиции РФ в качестве уполномоченного органа по ведению национальной системы правовой информации и возложение на него полномочий по реализации государственной информационной политики в области правовой цифровизации в России.

Полагаем, что вопросы формирования и развития национальной системы правовой информации на основе единой цифровой платформы [29, с. 13], разработки нового цифрового правового классификатора, обеспечения информационной безопасности являются ключевыми на современном этапе. Проведенное нами исследование системы правовой информации в России позволяет утверждать, что она имеет многоуровневый характер, в нее включены ресурсы, которые не всегда имеют официальный статус, нуждаются в упорядочении, унификации, актуализации, исследовании их целостности, достоверности, использовании для ведения единой информационной инфраструктуры и цифровой платформы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что на современном этапе необходимо внедрение единой цифровой платформы, включающей в себя единую программно-аппаратную среду, методологию, способствующую взаимоотношениям граждан, государственных органов и коммерческих организаций на базе цифровых технологий. Безусловно, создание единого пространства на платформенной основе является прогрессивным, поэтому в рамках реализации указанного подхода необходимо развитие национальной системы правовой информации на основе платформенных решений. Вместе с тем предлагаются соответствующие изменения законодательства и интеграция государственных информационных ресурсов, цифровых технологий, а также

всего массива правовой информации, направленные на обеспечение взаимодействия всех субъектов информационного обмена.

Правовая информация в информационном обществе на современном этапе приобретает, безусловно, характер стратегического ресурса, трансформируясь в систему цифровизации и государственного управления, это позволит государственным информационным системам перейти на платформенное обеспечение.

Развитие информационной инфраструктуры государственной системы правовой информации возможно реализовать на основе междисциплинарных концептуальных подходов, увеличения уровня интеграции цифровых средств, а также защиты больших данных на основе применения искусственного интеллекта, облачных технологий и платформенных решений. В связи с этим в условиях происходящих трансформаций и новых вызовов праву необходимы новые научно обоснованные подходы, касающиеся отнесения информационной инфраструктуры национальной системы правовой информации (включая единую цифровую платформу) к критической информационной инфраструктуре. Такая система должна быть официальной, комплексной, интегрированной, многоуровневой и открытой с учетом принципа территориальной распределенности, достоверности, базироваться на новых платформенных решениях.

Представляются приоритетными задачи развития публичного права, включая информационное право, организационно-правовое обеспечение формирования национальной системы правовой информации и совершенствование ее информационной инфраструктуры, достоверности информации, противодействия угрозам распространения недостоверной информации различных аспектов информационной безопасности, цифровой зрелости и т. д.

Список источников

1. Право и иные регуляторы в развитии цифровых технологий / А.В. Минбалеев и др. ; под общ. ред. А.В. Минбалеева ; Ин-т государства и права РАН. – Саратов : Амирит, 2022. – 338 с.
2. Минбалеев А.В. Теоретические основания правового регулирования массовых коммуникаций в условиях развития информационного общества : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14. / А.В. Минбалеев. – Челябинск, 2012. – 44 с.
3. Минбалеев А.В. Роль медиаобразования в формировании информационно-правовой культуры современной молодежи / А.В. Минбалеев // Медиаобразование. – 2007. – №1. – С. 12–16.

REFERENCES

1. Minbaleev A.V., Martynov A.V., Kamalova G.G., Chubukova S.G., Sushkova O.V., Bundin M.V., Zhernova V.M. et al.; Minbaleev A.V. (ed.). *Pravo i inye regulatory v razvitiy cifrovyyh tekhnologiy* [Law and other regulators in the development of digital technologies]. Saratov, Amirit Publ., 2022. 338 p.
2. Minbaleev A.V. *Teoreticheskie osnovaniya pravovogo regulirovaniya massovykh kommunikacij v usloviyah razvitiya informacionnogo obshchestva*. Avtoref. Kand. Diss. [Theoretical foundations of legal regulation of mass communications in the context of the development of information society. Cand. Diss. Thesis]. Chelyabinsk, 2012. 44 p.

4. Полякова Т.А. Методологические подходы к систематизации информационного законодательства в условиях перехода к информационному обществу / Т.А. Полякова // Вестник Российской правовой академии. – 2007. – № 4. – С. 85–87.
5. Бачило И.Л. Информационное право : учебник для вузов / И.Л. Бачило. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2020. – 419 с.
6. Городов О.А. Информационное право : учебник / О.А. Городов. – Москва : Проспект, 2011. – 242 с.
7. Fisher S.R. Statistical Methods for Research Workers / S.R. Fisher. – London : Oliver & Boyd, Ltd., 1925. – 336 с.
8. Hariley R.V.L. Transmission of Information / R.V.L. Hariley // BSTJ. – 1928. – № 7. – Р. 535–563.
9. Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике / К. Шеннон. – Москва, 1963. – 824 с.
10. Эшби У.Р. Введение в кибернетику / У.Р. Эшби. – Москва, 1958. – 432 с.
11. Моль А. Теория информации и эстетическое восприятие / А. Моль. – Москва, 1966. – 352 с.
12. Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США / Ф. Махлуп. – Москва, 1966. – 462 с.
13. Бриллюэн Л. Научная неопределенность и информация / Бриллюэн Л.; под ред. Т.А. Кузнецова. – Москва : Мир, 1966. – 271 с.
14. Винер Н. Кибернетика и общество / Н. Винер. – Москва : Иностранная литература, 1958. – 200 с. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000816/st000.shtml>.
15. Формирование системы правового регулирования обеспечения информационной безопасности в условиях больших вызовов в глобальном информационном обществе : монография / Т.А. Полякова и др.; под общ. ред. Т.А. Поляковой ; Ин-т государства и права РАН. – Москва ; Саратов : Амрит, 2022. – 332 с.
16. Семеновкер Б.А. Эволюция информационной деятельности до книгопечатания / Б.А. Семеновкер. – Москва : Пашков дом, 2017. – 589 с.
17. Лотман Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. – Москва : Прогресс, 1992. – 272 с.
18. Рыбаков О.Ю. Приоритеты развития информационного общества в России: правовое обеспечение / О.Ю. Рыбаков // Мониторинг правоприменения. – 2017. – № 3 (24). – С. 71–76.
19. Цифровая трансформация: вызовы праву и векторы научных исследований : монография / Т.А. Полякова и др.; под общ. ред. А.Н. Савенкова, Т.А. Поляковой, А.В. Минбалева. – Москва : РГ-Пресс, 2021. – 334 с.
20. Мefодьева К.А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / К.А. Мefодьева. – Москва, 2019. – 228 с.
21. Рыбаков О.Ю. Правовая информация как условие реализации современной российской правовой политики / О.Ю. Рыбаков // Журнал российского права. – 2015. – № 4 (220). – С. 105–112.
22. Информационно-технологическое обеспечение юридической деятельности (Legal Tech) : учебник / А.В. Минбалева и др.; под ред. А.В. Минбалева. – Москва : Проспект, 2022. – 368 с.
23. Степин В.С. Современные цивилизационные кризисы и проблема новых стратегий развития / В.С. Степин. – Москва, 2018. – 28 с.
24. Петровская О.В. Цифровая трансформация и проблемы обеспечения достоверности информации / О.В. Петровская // Аграрное и земельное право. – 2020. – № 3. – С. 131–132.
25. Габов А.В. Цифровая платформа как новое правовое явление / А.В. Габов // Пермский юридический альманах. – 2021. – № 4. – С. 13–82.
3. Minbaleev A.V. The role of media education in shaping the information and legal culture of modern youth. Mediaobrazovanie = Media Education, 2007, no. 1, pp. 12–16. (In Russian).
4. Polyakova T.A. Methodological approaches to the systematization of information legislation in the context of the transition to the information society. Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii = Bulletin of the Russian Law Academy, 2007, no. 4, pp. 85–87. (In Russian).
5. Bachilo I.L. Informacionnoe pravo [Information law]. 5th ed. Moscow, Yurajt Publ., 2020. 419 p.
6. Gorodov O.A. Informacionnoe pravo [Information law]. Moscow, Prospekt Publ., 2011. 242 p.
7. Fisher S.R. Statistical Methods for Research Workers. London, Oliver & Boyd, Ltd., 1925. 336 p.
8. Hariley R.V.L. Transmission of Information. BSTJ, 1928, no. 7, pp. 535–563.
9. Shannon K. Raboty po teorii informacii i kibernetike [Works on information theory and cybernetics]. Moscow, 1963. 824 p.
10. Ashby W.R. Vvedenie v kibernetiku [Introduction to Cybernetics]. Moscow, 1958. 432 p.
11. Mol A. Teoriya informacii i esteticheskoe vospriyatie [Information theory and aesthetic perception]. Moscow, 1966. 352 p.
12. Machlup F. Proizvodstvo i rasprostranenie znaniy v SSHA [Production and dissemination of knowledge in the United States]. Moscow, 1966. 462 p.
13. Brillouin L.; Kuznetsov T.A. (ed.). Nauchnaya neopredelennost' i informaciya [Scientific uncertainty and information]. Moscow, Mir Publ., 1966. 271 p.
14. Viner N. Kibernetika i obshchestvo [Cybernetics and Society]. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1958. 200 p. Available at: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000816/st000.shtml>.
15. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Chebotareva A.A., Naumov V.B., Boychenko I.S.; Polyakova T.A. (ed.). Formirovanie sistemy pravovogo regulirovaniya obespecheniya informacionnoj bezopasnosti v usloviyah bol'shih vyzovov v global'nom informacionnom obshchestve [Formation of the legal regulation system for ensuring information security in the face of great challenges in the global information society]. Moscow, Saratov, Amirit Publ., 2022. 332 p.
16. Semenovker B.A. Evolyuciya informacionnoj deyatel'nosti do knigopechataniya [Evolution of information activity to book printing]. Moscow, Pashkov dom Publ., 2017. 589 p.
17. Lotman Yu.M. Kul'tura i vzryv [Culture and explosion]. Moscow, Progress Publ., 1992. 272 p.
18. Rybakov O.Yu. Priorities for the development of the information society in Russia: legal support. Monitoring pravoprimeneniya = Law Enforcement Monitoring, 2017, no. 3 (24), pp. 71–76. (In Russian).
19. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Amelin R.V., Baturin Yu.M., Boychenko I.S., Borisova L.V., Bundin M.V. et al.; Savenkov A.N., Polyakova T.A., Minbaleev A.V. (eds.). Cifrovaya transformaciya: vyzovy pravu i vektory nauchnyh issledovaniy [Digital transformation: challenges to law and vectors of scientific research]. Moscow, RG-Press Publ., 2021. 334 p.
20. Mefodieva K.A. Cifrovye dannye kak ob'ekt grazhdansko-pravovogo regulirovaniya v Germanii, SSHA i Rossii. Kand. Diss. [Digital data as an object of civil law regulation in Germany, the USA and Russia. Cand. Diss.]. Moscow, 2019. 228 p.
21. Rybakov O.Yu. Legal information as the requirement for the implementation of modern Russian legal policy. Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law, 2015, no. 4 (220), pp. 105–112. (In Russian)
22. Minbaleev A.V., Polyakova T.A., Dobrobaba M.B., Chubukova S.G., Palyanova N.V., Martynova T.L., Sushkova O.V. et al.; Minbaleev A.V. (ed.). Informacionno-tehnologicheskoe obespechenie yuridicheskoy deyatel'nosti (Legal Tech)

26. Мажорина М.В. Цифровые платформы и международное частное право, или Есть ли будущее у киберправа / М.В. Мажорина // Lex Russia. – 2019. – № 2 (147). – С. 107–120.

27. Алтухов А.В. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине / А.В. Алтухов, С.Ю. Кашкин // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 7 (128). – С. 86–94.

28. Полякова Т.А. Концептуальные основания развития института доступа к информации в Российской Федерации при применении цифровых технологий / Т.А. Полякова, Г.Г. Камалова // Мониторинг правоприменения. – 2020. – № 4 (37). – С. 20–27.

29. Троян Н.А. Информационно-правовое обеспечение развития национальной системы правовой информации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.13 / Н.А. Троян. – Москва, 2021. – 204 с.

[Information and technological support of legal activity (Legal Tech)]. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 368 p.

23. Stepin V.S. Sovremennye civilizatsionnye krizisy i problema novykh strategij razvitiya [Modern civilizational crises and the problem of new development strategies]. Moscow, 2018. 28 p.

24. Petrovskaya O.V. Digital transformation and problems of information assurance. Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and Land Law, 2020, no. 3, pp. 131–132. (In Russian).

25. Gabov A.V. Digital platform as a new legal phenomenon. Permskij yuridicheskij al'manah = Perm Legal Almanac, 2021, № 4, no. 13–82. (In Russian).

26. Mazhorina M.V. Digital platforms and international private law, or is there a future for cyber law? Lex Russica, 2019, no. 2 (147), pp. 107–120. (In Russian).

27. Altukhov A.V., Kashkin S.Yu. The Legal Nature of Digital Platforms in the Russian and Foreign Doctrines. Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law, 2021, vol. 16, no. 7 (128), pp. 86–94. (In Russian).

28. Polyakova T.A., Kamalova G.G. Conceptual Foundations for the Development of the Institute of Access to Information in the Russian Federation in the Application of Digital Technologies. Monitoring pravoprimeneniya = Law Enforcement Monitoring, 2020, no. 4 (37), pp. 20–27. (In Russian).

29. Troyan N.A. Informacionno-pravovoe obespechenie razvitiya nacional'noj sistemy pravovoj informacii. Kand. Diss. [Information and legal support for the development of the national system of legal information. Cand. Diss.]. Moscow, 2021. 204 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Троян Наталья Анатольевна – кандидат юридических наук, научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Troyan Natalia Anatolievna – Candidate of Sciences (Law), Researcher of the Information Law and International Information Security Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редакцию 20.07.2022; одобрена после рецензирования 21.08.2022; принята к публикации 22.08.2022. The article was submitted 20.07.2022; approved after reviewing 21.08.2022; accepted for publication 22.08.2022.

Научная статья
УДК 342
DOI 10.33184/pravgos-2022.3.22

Original article

ХИМЧЕНКО Алексей Игоревич
Московский государственный
юридический университет
им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
Москва, Россия;
e-mail: alekseykhimchenko@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0003-1171-6023>

KHIMCHENKO Aleksey Igorevich
Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Moscow, Russia.

ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ ДОВЕРИЯ КАК СТРУКТУРНОГО ЭЛЕМЕНТА В ЦИФРОВИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

ISSUES OF CREATING THE DIGITAL ENVIRONMENT OF TRUST AS A STRUCTURAL
ELEMENT IN THE DIGITALIZATION OF PUBLIC ADMINISTRATION

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовых аспектов цифровой среды доверия, выявлению тенденций и проблем, связанных с особенностями ее формирования в условиях цифровизации государственного управления. В процессе цифровой трансформации государственного управления происходит видоизменение форм и механизмов реализации, формирование новых инструментов взаимодействия. Возникающая при этом тенденция повышения роли дистанционных коммуникаций требует научного осмысления имеющихся проблем в целях формирования цифровой среды доверия. Цели исследования: анализ механизмов реализации доверенных коммуникаций, формирование предложений по стимулированию цифровой среды доверия. Методы исследования: анализа, системный, абстрагирования, построения гипотез, идеализации, правового моделирования, сравнительно-правовой. Результаты: в статье выделяются векторы развития механизмов доверенных коммуникаций, анализируются текущая ситуация и проблемные вопросы, формулируются предложения по формированию цифровой среды доверия.

Ключевые слова: информационная инфраструктура, доверенная сторона, цифровое пространство, среда доверия, цифровая трансформация

Для цитирования: Химченко А.И. Вопросы формирования цифровой среды доверия как структурного элемента в цифровизации государственного управления / А.И. Химченко // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 3. – С. 159–164. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.22.

Abstract. The article is devoted to the study of legal aspects of the digital environment of trust, identifying trends and problems related to the peculiarities of its formation in the context of digitalization of public administration. The emerging trend of increasing the role of remote communication requires a scientific understanding of the existing problems in order to create the digital environment of trust. In the process of digital transformation of public administration, there is a modification of forms and mechanisms of implementation, formation of new tools of interaction. The emerging trend of increasing the role of remote communication requires a scientific understanding of the problems in order to create the digital environment of trust. Purpose: to analyze the mechanisms for the implementation of trusted communications, to form proposals to stimulate the digital environment of trust. Research methods: analysis, systemic, abstraction, hypotheses, idealization, legal modeling, comparative legal. Results: the article identifies the development vectors of trusted communication mechanisms, analyzes the current situation and problematic issues and formulates proposals for the formation of the digital environment of trust.

Keywords: information infrastructure, trusted party, digital space, environment of trust, digital transformation

For citation: Khimchenko A.I. Issues of formation of the digital environment of trust as a structural element in the digitalization of public administration. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 3, pp. 159–164. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.22 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Государственное управление традиционно является одним из приоритетных объектов цифровизации. Принимая во внимание относительно недавний тренд на активную цифровизацию, а также отсутствие нормативного признания понятия «цифровая среда», следует отметить, что информатизация системы государственного управления продолжается длительное время, в процессе ее вопросы обеспечения доверенных коммуникаций всегда были актуальны.

Важным этапом деятельности по цифровизации государственного управления стало выделение в приоритеты государственной политики задачи по цифровизации экономики, выполнение программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»», а также специального федерального проекта «Цифровое государственное управление» в его структуре.

Активные процессы цифровизации трансформируют процесс функционирования государственных институтов, перестраивая привычные принципы взаимодействия и формируя новые.

Результатом активного внедрения информационно-коммуникационных и цифровых технологий в процессы государственного управления, среди которых предоставление услуг и функций, информационный обмен между участниками, надзор и контроль, осуществление судебных функций, стало увеличение удельной доли дистанционных технологий, электронного взаимодействия и усложнение специфики их функционирования.

В сложившихся условиях специфика, цели и задачи современных технологических преобразований определяют потребности в создании качественных отраслевых решений по формированию среды доверия субъектов цифрового взаимодействия.

Проблематика формирования среды доверия является признанной задачей и с определенного времени находится в фокусе государственного управления. Так, при разработке программы «Цифровая экономика Российской Федерации» среди вызовов цифровой трансформации была выделена проблема обеспечения доверия граждан к цифровой среде. При этом в научных работах формирование единой цифровой среды доверия признавалось и как условие формирования цифровой экономики [1].

Вместе с этим, согласно Указу Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской

Федерации на 2017–2030 годы»¹, в состав ключевых направлений развития российских информационных и коммуникационных технологий включены доверенные технологии электронной идентификации и аутентификации. Кроме того, формирование безопасной среды оборота достоверной информации признается Доктриной информационной безопасности РФ² в числе направлений реализации национальных интересов в информационной сфере.

Таким образом, формирование цифровой среды доверия является актуальной задачей в вопросе цифровизации государственного управления и отражает национальные интересы в информационной сфере.

ТЕКУЩАЯ СИТУАЦИЯ

В условиях отсутствия нормативного закрепления термина «цифровая среда», при этом исходя из логики понимания под ним условной совокупности информационных ресурсов и соответствующей инфраструктуры взаимодействия, очевидно, что в основе доверия лежит идентификация субъектов соответствующего цифрового взаимодействия, а также механизмы безопасного взаимодействия, возможности бесшовного применения информации во взаимодействии с внешней средой, реализации своих прав субъектами взаимодействия.

Технологии идентификации (ЕСИА, ЕБС, видеопоток). Технологии идентификации традиционно востребованы как при оказании традиционных государственных услуг и функций, так и при развитии структурных элементов цифровой экономики, реализации дистанционных форматов их функционирования. Актуальность тематики показывает и фокус внимания научного сообщества. Так, на необходимость создания системы правового регулирования доверенных коммуникаций обращал внимание В.Б. Наумов, выделяя ее как важный шаг в обеспечении безопасности идентификации субъектов правоотношений в цифровую эпоху [2, с. 75].

Проблематика удаленной идентификации длительное время не находила своего законодательного урегулирования. При этом разработка специального законодательства необходима для развития правового института идентификации [3, с. 139].

Поскольку ключевой риск идентификации состоит в возможности совершения юридически значимых действий под чужим

1 Собрание законодательства РФ. 2017. № 20, ст. 2901.

2 Собрание законодательства РФ. 2016. № 50, ст. 7074.

идентификатором помимо воли его законного владельца, приоритетным вопросом формирования среды доверия становится минимизация возможности осуществления таких действий [4, с. 27].

Кроме того, идентификация не должна быть исключительно атрибутом экономических отношений, стимулируя коммерческие цели развития, она должна быть связана и с гуманитарными и культурными задачами, в числе которых, как справедливо отмечают Т.А. Полякова и А.В. Минбалева, и стратегическая задача формирования «электронного пространства знаний», где связь объектов и субъектов и информационная безопасность последних играют значимую роль [5, с. 236].

В настоящее время основным механизмом, реализующим технологию удаленной идентификации, является Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА), реализованная в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 28 ноября 2011 г. № 977 «О федеральной государственной информационной системе «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме»³.

Актуальной тенденцией развития института удаленной идентификации стало формирование механизмов на основе биометрических персональных данных.

Не имея возможности подробно остановиться на сущности биометрических персональных данных и специфике их оборота [5] проанализируем динамику развития реализуемых на их основе механизмов удаленной идентификации.

Так, положениями Федерального закона от 31 декабря 2017 г. № 482-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴ были созданы правовые основы для реализации удаленной идентификации граждан по биометрическим персональным данным.

Ключевое значение в этом процессе имеет Единая биометрическая система (далее – ЕБС), которая в соответствии со ст. 14.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁵ является государственной информационной системой, обеспечивающей обработку, включая сбор и хранение, биометрических персональных данных, их

проверку и передачу информации о степени их соответствия предоставленным биометрическим персональным данным физического лица. ЕБС функционирует в целях повышения качества и доступности услуг в электронном виде, при этом регулирование порядка функционирования ЕБС осуществляется специальными требованиями законодательства.

До определенного момента специфика использования финансовыми институтами ЕБС ограничивалась открытием счетов и кредитованием. Обязательным условием для работы с биометрическими данными при этом было наличие базовой банковской лицензии.

В дальнейшем Федеральным законом от 29 декабря 2020 г. № 479-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶ были внесены поправки, направленные на развитие биометрических технологий, а отдельными нормативными актами в течение 2021 г. производилась детальная настройка соответствующего механизма биометрической идентификации (например, Постановление Правительства РФ от 24 декабря 2021 г. № 2459 «О внесении изменений в Постановление Правительства Российской Федерации от 8 июня 2011 г. № 451»⁷, Постановление Правительства РФ от 23.10.2021 № 1815 «Об утверждении перечня случаев осуществления сбора и обработки используемых для идентификации либо идентификации и аутентификации биометрических персональных данных в информационных системах организаций, осуществляющих идентификацию и (или) аутентификацию с использованием биометрических персональных данных физических лиц, а также случаев использования организациями, за исключением кредитных организаций, некредитных финансовых организаций, которые осуществляют указанные в части первой статьи 76.1 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» виды деятельности, субъектами национальной платежной системы, индивидуальными предпринимателями указанных информационных систем для идентификации либо идентификации и аутентификации физического лица, выразившего согласие на их проведение»⁸, Приказ Минцифры России от 10.09.2021 № 930 «Об утверждении порядка обработки, включая сбор и хранение, параметров биометрических персональных данных, порядка размещения и обновления биометрических персональных данных в единой биометрической

3 Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. 5), ст. 7284.

4 Собрание законодательства РФ. 2018. № 1 (ч. 1), ст. 66.

5 Собрание законодательства РФ. 2018. № 1 (ч. 1), ст. 66.

6 Собрание законодательства РФ. 2021, № 1 (ч. 1), ст. 18.

7 Собрание законодательства РФ. 2022, № 1 (ч. 2), ст. 166.

8 Собрание законодательства РФ. 2021, № 44 (ч. 3), ст. 7423.

системе и в иных информационных системах, обеспечивающих идентификацию и (или) аутентификацию с использованием биометрических персональных данных физических лиц, а также требований к информационным технологиям и техническим средствам, предназначенным для обработки биометрических персональных данных в целях проведения идентификации»⁹).

С 1 января 2021 г. с использованием ЕБС и ЕСИА разрешено проводить все банковские операции с юридическими и физическими лицами. Был усовершенствован процесс сбора биометрических персональных данных и осуществления дистанционной биометрической идентификации. Расширены возможности использования ЕБС при оказании государственных и муниципальных услуг, созданы регуляторные условия для реализации корпоративных биометрических систем.

Также следует отметить поиск возможностей расширения механизмов удаленной идентификации. Так, дорожная карта Банка России по развитию финансирования субъектов малого и среднего предпринимательства¹⁰ предусматривает рассмотрение возможности проведения банками процедуры удаленной идентификации клиента посредством технологий видеопотока с проведением пилотирования инициативы в регулятивной песочнице Банка России.

Анализ международного опыта показывает, что регуляторы отдельных стран – участниц Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) уже допускают проведение идентификации посредством применения технологий видеопотока.

Так, в соответствии с уведомлением № 2/2018¹¹ была подтверждена возможность реализации процедуры дистанционной идентификации посредством механизма видеоконференции. Кроме того, в соответствии с решением Федерального управления финансового надзора Германии (BaFin) применяется Циркуляр № 3/2017: «Процедуры

видеоидентификации»¹², регламентирующий применение видеоидентификации в практике финансовых организаций.

Обеспечение безопасного взаимодействия. Ключевой задачей формирования цифровой среды доверия становится необходимость обеспечения безопасности взаимодействия субъектов цифровой среды. В контексте развития инфраструктуры безопасного взаимодействия необходимо отметить Федеральный закон от 27 декабря 2019 г. № 476-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электронной подписи» и статью 1 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»¹³, в соответствии с положениями которого были реализованы меры, направленные на повышение качества соответствующего взаимодействия посредством установления системы требований к удостоверяющим центрам, введение института «Доверенной третьей стороны», а также реализацию возможности использования «облачной» электронной подписи.

Вместе с тем вопрос организации безопасного взаимодействия содержит набор требующих к себе внимания моментов. Необходимо совершенствование механики выдачи и обращения электронной подписи (далее – ЭП) в целях минимизации возможности получения незаконного доступа к ключу проверки ЭП. Так, ситуацию осложняет отсутствие единого централизованного реестра усиленных квалифицированных электронных подписей (далее – УКЭП), выданных удостоверяющими центрами. Кроме того, отсутствует единый стандарт процесса выдачи УКЭП, не стандартизирован защищенный носитель УКЭП, протоколы проверки УКЭП дифференцированы как в зависимости от удостоверяющего центра, так и региона обращения.

Реализация прав субъектов. Не менее важным среди элементов, составляющих ландшафт цифровой среды доверия, является создание механизмов контроля предоставляемых данных субъектом взаимодействия на протяжении всего процесса дистанционного взаимодействия и их жизненного цикла в целом. На случай нарушения прав субъекта

⁹ Офиц. интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.07.2022).

¹⁰ Дорожная карта Банка России по развитию финансирования субъектов малого и среднего предпринимательства: приказ Банка России от 13.09.2018 № ОД-2387 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.07.2022).

¹¹ Banco de Portugal: сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.bportugal.pt/sites/default/files/anexos/cartascirculares/329407737_5.docx.pdf (дата обращения: 01.07.2022).

¹² Federal Financial Supervisory Authority: сайт [Электронный ресурс]. URL: https://www.bafin.de/SharedDocs/Veroeffentlichungen/EN/Rundschreiben/2017/rs_1703_gw_videoident_en.html (дата обращения: 01.07.2022).

¹³ Собрание законодательства РФ. 2019. № 52 (ч. 21), ст. 7794.

в процессе взаимодействия логичным является наличие действующих правовых механизмов защиты прав субъектов взаимодействия, определение подсудности и подведомственности споров в указанной сфере. Кроме того, необходимо определение критериев и механизмов допустимости информации для подтверждения необходимых фактов (в качестве доказательств) в цифровой среде.

Действующее законодательство не содержит однозначного ответа на вопрос о порядке применения информации, формируемой в цифровой среде, в процессуальных отношениях. Так, ст. 71 ГПК РФ допускает использование документов и материалов, выполненных в форме цифровой записи, в качестве письменных доказательств. Вместе с тем в соответствии с п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 в случае направления в суд электронных образов доказательств суд после возбуждения производства по делу может потребовать представления подлинников данных доказательств.

В указанной ситуации представляется целесообразным расширение инструментов доверенных коммуникаций посредством создания правового механизма «Доверенной стороны» для фиксации необходимой информации и фактов, законодательное определение соответствующего термина, закрепление статуса, прав и обязанностей, ответственности и регламентация правил работы с ней субъектов цифровой среды. Такое решение будет способствовать совершенствованию регуляторной среды, развитию инструментария доверенных коммуникаций и формированию рынка соответствующих технологических решений.

При этом, как уже было отмечено, в действующем законодательстве в целях обеспечения доверия при обмене данными и электронными документами уже создан институт «Доверенной третьей стороны», предназначенный для проверки электронной подписи в электронных документах в конкретный момент времени в отношении лица, подписавшего электронный документ.

Кроме того, в решении Коллегии Евразийской экономической комиссии от 28 сентября 2015 г. № 125 реализован механизм службы доверенной третьей стороны интегрированной системы, определенный как совокупность сервисов доверенной третьей стороны государств-членов и Комиссии, обеспечивающих единое трансграничное пространство доверия при обмене электронными документами в интегрированной системе.

Пути решения

Для снижения возникающих факторов риска и формирования контура цифровой среды доверия необходим комплекс взаимосвязанных действий, среди которых правовые, технологические, методологические мероприятия.

1. Идентификация. Формирование цифровой среды доверия подразумевает совершенствование правовых механизмов идентификации. В действующем законодательстве необходимо определить состав субъектов в сфере идентификации, их правовой статус, права, обязанности и ответственность. Целесообразно также разработать дифференцированный подход к определению необходимого (применимого) уровня идентификации в зависимости от правоотношений (упрощенная, обычная, усиленная). Кроме того, необходимо определить ролевую модель в процессе идентификации таких потенциальных участников, как нерезиденты Российской Федерации, организации без создания юридического лица, индивидуальные предприниматели (ИП), адвокаты, иные лица, занимающиеся частной практикой и заинтересованные в удаленной идентификации.

2. Взаимодействие. В целях минимизации возможности неправомерного доступа к ключу проверки ЭП необходимо совершенствование механизма его выдачи и обращения. Целесообразно создание централизованного реестра УКЭП, стандартизация процесса выдачи УКЭП, стандартизация защищенного носителя УКЭП, обеспечение возможности использования физическими и юридическими лицами УКЭП, а также усиленной неквалифицированной ЭП ЕСИА (УНЭП ЕСИА). Указанные мероприятия целесообразно реализовывать при участии Банка России, с созданием соответствующего удостоверяющего центра Банка России.

3. Методологические. Необходима реализация технологических и методологических решений, среди которых разработка инструментов мониторинга, надлежащее выполнение сторонами (организациями, платформами) требований информационной безопасности идентификации клиентов. Вопросы разработки технических спецификаций, интеграции технических средств идентификации в информационную инфраструктуру организаций (цифровых платформ) целесообразно регламентировать.

Выводы

Формирование цифровой среды доверия отражает национальные интересы в информационной сфере, является сложной комплексной задачей и предполагает создание качественных правовых, технологических и методологических решений для функционирования эффективных и безопасных средств дистанционного взаимодействия.

Среди них развитие механизмов удаленной идентификации личности, расширение инструментов идентификации и аутентификации физических и юридических лиц, разработка сервисов доверенной стороны,

выработка условий признания результатов электронного взаимодействия.

Помимо создания безальтернативных условий для идентификации субъекта правоотношений в цифровой среде формирование цифровой среды доверия подразумевает выработку системы гарантий конфиденциальности, целостности и неизменности данных, а также обеспечение достоверности информации. Указанные решения находятся в фокусе вопросов информационной безопасности, что, в свою очередь, актуализирует проблематику форм и методов ее обеспечения на всех уровнях взаимодействия: от коммерческих компаний до государственных институтов.

Список источников

1. Терещенко Л.К. Единая цифровая среда доверия как условие формирования цифровой экономики / Л.К. Терещенко // Информационное право. – 2020. – № 4. – С. 12–15.
2. Формирование системы правового регулирования обеспечения информационной безопасности в условиях больших вызовов в глобальном информационном обществе: монография / Т.А. Полякова и др.; под общ. ред. Т.А. Поляковой; Ин-т государства и права РАН. – Москва; Саратов: Амрит, 2022. – 332 с.
3. Наумов В.Б. Задача обеспечения тайны идентификации в информационном праве / В.Б. Наумов // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 3 (32). – С. 70–75.
4. Наумов В. Цифровая среда доверия / В. Наумов, Е. Авакян, А. Чубурков, Р. Янковский, С. Белова, М. Тевс, Э. Махносов, В. Рыбалко // Закон. – 2019. – № 9. – С. 25–38.
5. Камалова Г.Г. Биометрические персональные данные: определение и сущность / Г.Г. Камалова // Информационное право. – 2016. – № 3. – С. 8–12.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Химченко Алексей Игоревич – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khimchenko Aleksey Igorevich – Candidate of Sciences (Law), Senior Lecturer of the Department of Information Law and Digital Technologies, Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Статья поступила в редакцию 06.06.2022; одобрена после рецензирования 10.07.2022; принята к публикации 19.08.2022. The article was submitted 06.06.2022; approved after reviewing 10.07.2022; accepted for publication 19.08.2022.

REFERENCES

1. Tereshchenko L.K. Unified digital environment of trust as a condition for the formation of the digital economy. *Informacionnoe pravo = Information Law*, 2020, no. 4, pp. 12–15. (In Russian).
2. Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Naumov V.B., Zharova A.K., Boychenko I.S., Berman A.M.; Polyakova T.A. (ed.). *Formirovanie sistemy pravovogo regulirovaniya obespecheniya informacionnoj bezopasnosti v usloviyah bol'shikh vyzovov v global'nom informacionnom obshchestve* [Formation of the system of legal regulation of information security in the face of great challenges in the global information society]. Moscow, Saratov, Amirit Publ., 2022. 332 p.
3. Naumov V.B. The task of ensuring the secrecy of identification in information technology law. *Monitoring pravoprimeneniya = Monitoring of Law Enforcement*, 2019, no. 3 (32), pp. 70–75. (In Russian).
4. Naumov V., Avakyan E., Chuburkov A., Yankovsky R., Belova S., Tevs M., Makhnosov E., Rybalko V. Digital Environment of Trust. *Zakon = Law*, 2019, no. 9, pp. 25–38. (In Russian).
5. Kamalova G.G. Biometric personal data: definition and nature. *Informacionnoe pravo = Information Law*, 2016, no. 3, pp. 8–12. (In Russian).

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

CRIMINAL LAW SCIENCES

Научная статья

УДК 343.2

DOI 10.33184/pravgos-2022.3.23

Original article

СЕЙТЕНОВ Калиолла КабаевичАкадемия правоохранительных органов при
Генеральной прокуратуре Республики

Казахстан, Нур-Султан, Казахстан;

e-mail: ise.astana@yandex.kz;

<https://orcid.org/0000-0003-2275-7242>**SEITENOV Kaliolla Kabaevich**

Academy of Law Enforcement Agencies under

the Prosecutor General's Office of the Republic of

Kazakhstan, Nur-Sultan, Kazakhstan.

**ПОНЯТИЕ УГОЛОВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**THE CONCEPT OF A CRIMINAL OFFENSE IN THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC
OF KAZAKHSTAN: CURRENT STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

Аннотация. Понятие «уголовное правонарушение» занимает достаточно серьезное место в законодательстве Республики Казахстан. Актуальность и необходимость решения этого вопроса обозначены в Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 г. При этом следует провести анализ практики уголовного судопроизводства тех стран мира, в уголовном законодательстве которых данная правовая категория закреплена. В Уголовном кодексе Республики Казахстан (далее – УК РК) имеются определения понятий «уголовный проступок» и «уголовное преступление», но не содержится определения понятия «уголовное правонарушение», важное для доктрины уголовного права и практики применения уголовного законодательства. Цель: изложение авторской концепции необходимости анализа и законодательного закрепления понятия «уголовное правонарушение» в уголовном законе Республики Казахстан, определение его признаков. Научная новизна публикации заключается в принципиально новом подходе к выделению признаков уголовного правонарушения и его формулированию в УК РК. При подготовке статьи использованы общенаучные и частнонаучные методы исследования, в частности методы исторического и сравнительно-правового анализа. Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в рамках института уголовного правонарушения, предметом – нормы уголовного права, регламентирующие правовую природу института уголовного правонарушения. Результаты: 1) в уголовном законодательстве Казахстана важнейшим и базовым является институт уголовного правонарушения, сложились теоретические подходы к понятию «уголовное правонарушение», при этом его определение в законодательных актах отсутствует; 2) понятие уголовного правонарушения и определение его признаков имеют важнейшее значение для практики применения уголовного закона и разрабатываемых Верховным Судом РК постановлений, его законодательное закрепление необходимо, что корреспондирует с реализацией основных направлений уголовной политики страны.

Abstract. The concept of «criminal offense» occupies an important place in the legislation of the Republic of Kazakhstan. The relevance and necessity of solving this issue is indicated in the Concept of Legal Policy of the Republic of Kazakhstan until 2030. At the same time, an analysis should be carried out from the practice of criminal proceedings in the countries of the world whose criminal legislation contains this legal category. In the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan, there are definitions of «criminal misdeed» and «criminal act», but there is no definition of «criminal offense», which is important for the doctrine of criminal law and the practice of applying criminal legislation. The purpose of this article is to present the author's concept of the need for an analysis and legislative consolidation of the concept of «criminal offense» in the criminal law of the Republic of Kazakhstan and to define its features. The scientific novelty of the article is determined by a fundamentally new approach to the identification of signs of a criminal offense and its formulation in the Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. The article uses general scientific and specific scientific methods of research, in particular, methods of historical and comparative legal analysis. The object of the study is the social relations arising within the framework of the institution of a criminal offense, and the subject is the rules of criminal law governing the legal nature of the institution of a criminal offense. Results: 1) in the criminal legislation of Kazakhstan, the most important and basic is the institution of a criminal offense, there are theoretical approaches to the concept of a criminal offense, while there is no legislative definition of it; 2) the concept of a criminal offense and the definition of its signs are of crucial importance for the practice of applying the criminal law and regulatory decisions of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan, it is essential that this concept be enshrined in law, which corresponds to the implementation of the country's main criminal policy.

Ключевые слова: административное правонарушение, виновность, наказуемость, общественная опасность, противоправность, уголовное правонарушение, преступление, уголовный проступок, уголовно-правовая политика

Для цитирования: Сейтенов К.К. Понятие уголовного правонарушения в законодательстве Республики Казахстан: современное состояние и перспективы развития / К.К. Сейтенов // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 3. – С. 165–170. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.23.

Keywords: administrative offense, guilt, punishability, public danger, unlawfulness, criminal offense, crime, criminal misdeed, criminal policy

For citation: Seitenov K.K. The concept of a criminal offense in the legislation of the Republic of Kazakhstan: current state and prospects of development. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 3, pp. 165–170. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.23 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Положения уголовной политики Республики Казахстан закреплены в ряде программных документов. Так, в Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 г. отмечается, что «важнейшим звеном правовой политики государства является уголовная политика, совершенствование которой осуществляется путем комплексной, взаимосвязанной коррекции уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права, а также правоприменения.

Оценивая современное состояние уголовного права, можно констатировать, что в целом обеспечено его поступательное развитие. Действующий Уголовный кодекс – достаточно эффективный инструмент борьбы с преступностью и уголовно-правовой защиты прав и свобод человека, интересов государства и общества»¹.

Уголовно-правовая политика Республики Казахстан, будучи одной из ключевых составляющих уголовной политики, претерпела существенные изменения. Итогом реализации уголовно-правовой политики Казахстана стала значительная новаторская переработка основных институтов национального законодательства, в том числе института уголовного правонарушения.

Одной из важнейших новелл УК РК от 3 июля 2014 г.² стало появление в нем нового термина «уголовное правонарушение» (ст. 10).

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Институт уголовного правонарушения для уголовного права не является новым, он применяется на протяжении десятилетий

во многих государствах, в частности в странах англосаксонской правовой семьи. Ранее действовавший УК РК 1997 г. (введен в действие с 1 января 1998 г.), разработанный на базе Модельного Уголовного кодекса для государств – участников Содружества Независимых Государств от 17 февраля 1996 г. и положений уголовного закона Казахской ССР 1959 г., оперировал исключительно понятием «преступление». Принятый 3 июля 2014 г. новый УК РК расширил подходы к преступному посягательству и ввел термин «уголовное правонарушение». Положительным является то, что в ст. 10 УК РК дано определение двух видов уголовных правонарушений (уголовный проступок и преступление). В то же время сам термин «уголовное правонарушение» не был подвергнут разработке и научному обоснованию и в Кодексе отсутствует. Представляется, что наступило время обратить внимание на это и разработать законодательное определение уголовного правонарушения как базового термина, который активно используется и в уголовном, и в уголовно-процессуальном законе, а также разработанных и принятых Верховным судом Республики Казахстан постановлений. Также предлагаем собственные подходы к решению данного вопроса с учетом основных направлений уголовной политики республики, в частности Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 г.³

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В качестве основных материалов исследования выступают научные работы известных казахстанских ученых: У.С. Джекебаева, К.Ж. Балтабаева, С.М. Рахметова, которые обосновали научные подходы к новеллам уголовного законодательства, в том числе по вопросам правовой природы преступного посягательства. Исследованы и в ходе анализа

1 Концепция правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года, утв. Указом Президента РК от 24.08.2009 № 858 [Электронный ресурс]. URL: <http://adilet.zan> (дата обращения: 20.03.2022).

2 Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V ЗРК [Электронный ресурс]. URL: <http://adilet.zan> (дата обращения: 20.03.2022).

3 Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года: указ Президента РК от 15.10.2021 № 674 [Электронный ресурс]. URL: <http://adilet.zan> (дата обращения: 21.03.2022).

использовались научные работы и рекомендации Н.Д. Дурманова, Н.Ф. Кузнецовой, В.И. Курляндского, А.Е. Лунева, Ю.В. Субоцкого, А.Н. Трайнина, которые еще в советский период ставили вопрос о существовании и развитии доктрины уголовного правонарушения и обоснованности введения уголовного проступка в законодательство советской эпохи.

Правовую основу исследования составили программные документы Республики Казахстан: Концепция правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 г., Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 г. и УК РК 2014 г. При подготовке исследования были проанализированы положения Модельного Уголовного кодекса для государств – участников Содружества Независимых Государств 1996 г. и уголовного закона Казахской ССР 1959 г.

РЕТРОСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОМ ПРАВОНАРУШЕНИИ

Историческому развитию уголовного права известны законодательные и научные позиции о введении дефиниции «уголовный проступок», с разграничением понятий «проступок» и «преступление». В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. было закреплено следующее определение: «Преступлением или проступком признается как самое противозаконное деяние, так и неисполнение того, что под страхом наказания законом предписано» [1, с. 6].

В Уголовном уложении 1903 г. деяния, за которые субъект получал наказание в виде заключения под стражу с дальнейшей изоляцией от общества в тюремной камере, считались преступлениями.

В 1960–1970-е годы коллективом авторов ВНИИ Прокуратуры СССР во главе с профессором В.И. Курляндским был предложен проект Кодекса уголовных проступков. Констатировалось, что «выделение в этот кодекс некоторых малозначительных преступлений и введение за них не уголовной, а иной ответственности (в проекте она именовалась судебной), может иметь ряд преимуществ» [2]. В.И. Курляндский предлагал считать проступком «деяние, по степени своей общественной опасности не являющееся преступлением, но нарушающее социалистический правопорядок, охраняемые законом интересы государства и общества, а также права и интересы отдельных граждан» [2].

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА О ПОНЯТИИ УГОЛОВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

В Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 г. законодателю предписано обратить внимание на необходимость разработки «новых подходов в определении критериев классификации и категоризации уголовных правонарушений. Как это сделано в ряде зарубежных стран мира, Уголовный кодекс мог бы базироваться на иной классификации уголовно наказуемых деяний: преступления соответствующих категорий и уголовные проступки ... таким образом, уголовная политика государства должна быть направлена на введение в уголовный закон категории «уголовный проступок».

В настоящее время, в период реализации Концепции уголовно-правовой политики до 2030 г., значительная роль отведена практическому воплощению Концепции, в которой отмечено, что «важным направлением правовой политики является политика государства в области противодействия преступности». В качестве одного из ключевых вопросов, требующих разрешения для достижения целей уголовного законодательства, Концепция определяет выработку нового понятия – «уголовное правонарушение».

Изменение подходов к определению и классификации преступных посягательств в уголовном законе в 2014 г. можно признать достаточно прорывным.

Введение понятий «уголовное правонарушение» и «уголовный проступок» является фундаментальным в уголовно-правовой политике Казахстана, но при этом оно вызвало ряд сложных вопросов, требующих разрешения: отсутствие понятия уголовного правонарушения, отличий уголовных проступков от административных правонарушений и поиск нового баланса между административно-деликтной и уголовно-правовой сферами.

Понятие «уголовное правонарушение», включающее уголовные проступки и преступления, разделило традиционно сложившееся единое понятие преступления, что породило необходимость терминологического новобразования, которое позволит на концептуальном уровне соединить два вида преступных проявлений.

Уголовное правонарушение – ключевая категория уголовного права, для выработки и формулирования которой требуется серьезный анализ теоретического фундамента, выходящий за рамки традиционного набора

ранее существовавших (до 2014 г.) уголовно-правовых догм. Следует отметить, что в УК РК отсутствует дефиниция «уголовное правонарушение», определены только его виды: «уголовный проступок» (ч. 3 ст. 10) и «преступление» (ч. 2 ст. 10).

Так, «преступлением признается совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ограничения свободы или лишения свободы».

Уголовный проступок – это «совершенное виновно деяние (действие либо бездействие), не представляющее большой общественной опасности, причинившее незначительный вред либо создавшее угрозу причинения вреда личности, организации, обществу или государству, за совершение которого предусмотрено наказание в виде штрафа, исправительных работ, привлечения к общественным работам, ареста, выдворения за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства».

Правильное восприятие и понимание термина «уголовное правонарушение» имеет большое значение не только для деятельности правоохранительных органов, но и для граждан, так как за преступное поведение, которое является одним из видов человеческого поведения, выходящего за рамки дозволенного, гражданин может быть наказан самым суровым образом.

В теории уголовного права сформулировано понятие «уголовное правонарушение» с акцентом на то, что это не просто деяние, запрещенное законом, а действие или бездействие, по своему содержанию опасное для личности, интересов общества, государства.

Для определения понятия уголовного правонарушения следует выявить отличие уголовного проступка от преступления. При разграничении акцент следует делать на их признаках, которые в комплексе формируют понятие уголовного правонарушения.

К.Ж. Балтабаев отмечает, что «основанием отнесения деяний к категории уголовных проступков могли бы являться общественная опасность, а также виды наказаний, назначаемых за их совершение» [3, с. 20].

Полагаем, что главным недостатком при определении уголовного проступка является то, что в нем законодательно не закреплён признак противоправности. Разграничивая виды уголовных правонарушений, можно выделить следующие отличия:

1) уголовным проступком является деяние, не представляющее большой общественной опасности; преступление – это деяние, несущее в себе большую общественную опасность;

2) за совершение уголовного проступка определены иные, менее строгие виды и размеры наказаний, чем за совершение преступления;

3) за совершение уголовного проступка следует наказание без осуждения.

Таким образом, ключевым признаком, отличающим преступления от уголовных проступков, является общественная опасность. В практике применения закона наличие или отсутствие данного признака определяется в зависимости от ряда факторов: сумма причиненного ущерба, объем дохода, полученного в результате совершения уголовного правонарушения, и иных обязательных признаков состава конкретного уголовного правонарушения.

На важность признака «общественная опасность» указывают и другие ученые, в частности С.М. Рахметов. Он пишет: «Установление характера общественной опасности уголовного правонарушения ... важно в законотворческой деятельности, в том числе для признания деяния уголовным правонарушением... В большинстве норм УК признак общественной опасности связан с размером причиняемого преступлением или уголовным проступком ущерба, суммой полученного от уголовного правонарушения дохода» [4, с. 119].

Исследователь советского уголовного права Н.Д. Дурманов считал, «что проступкам не свойственна общественная опасность (а только преступлениям)» [5, с. 230].

Н.Ф. Кузнецова в 60-х годах XX в. предлагала «различать преступную и непроступную общественную опасность» [6, с. 76]. Близких к данной точке зрения взглядов придерживались А.Н. Трайнин [7, с. 167], А.Е. Лунев [8, с. 27], Ю.В. Субоцкий [9, с. 170–179] и др.

Существенным критерием отличия уголовных проступков от преступлений на сегодняшний день в соответствии с уголовно-правовой регламентацией является их наказуемость. Наказания за уголовные проступки отличаются меньшей суровостью, хотя по видам в большинстве своем совпадают с наказаниями за преступления (штраф, исправительные работы, общественные работы), но срок их значительно ниже, чем за совершение преступления. Например, штраф за уголовный проступок для совершеннолетнего

преступника составляет от 20 до 200 месячных расчетных показателей (МРП), за преступления – от 200 до 10 000 МРП либо в кратном размере.

Мы согласны с позицией У.С. Джекебаева о том, что «правильное понимание сущности наказания, раскрытие его содержания, а также установление взаимосвязи целей уголовного наказания и средств их достижений имеют решающее значение не только для повышения действенности мер уголовного наказания в борьбе с преступностью, но и в деле защиты прав личности, обеспечения ее законных интересов в уголовном процессе и при исполнении наказания» [10, с. 38].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из изложенного, беря за основу законодательные определения преступления и уголовного проступка, основные аспекты их разграничения, следует, что для уголовного правонарушения характерна совокупность обязательных признаков:

- 1) уголовная противоправность;
- 2) общественная опасность;
- 3) виновность;
- 4) наказуемость.

Ключевым признаком уголовного правонарушения в соответствии с положениями теории уголовного права является не формальный признак – запрещенность уголовным

законом, а материальный – общественная опасность деяния. Понятие «уголовное правонарушение» через материальный признак раскрывает его содержание, имеет в своей основе не формальную характеристику, а материальное воплощение.

Таким образом, назрела необходимость в выработке единого понятия, которое охватит две разновидности уголовно наказуемых деяний (уголовные проступки и преступления). Данное понятие, по нашему мнению, следует закрепить в уголовном законе в целях восприятия правоприменительной практикой и формирования правового менталитета.

С учетом этого предлагаем:

1) изложить ст. 10 УК РК в следующей редакции: «Понятие уголовного правонарушения и его виды»;

2) дополнить ч. 1 ст. 10 УК РК новым абзацем, закрепляющим законодательно термин «уголовное правонарушение», и изложить ее в следующей редакции: «1. Уголовным правонарушением признается совершенное виновно общественно опасное деяние (действие или бездействие), запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания.

Уголовные правонарушения в зависимости от степени общественной опасности и наказуемости подразделяются на преступления и уголовные проступки».

Список источников

1. Волков В.В. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издания 1885 г. и по прод. 1912 г. (с извлечениями из решений Правительствующего Сената, Свода Законов, Сводов Военных и Морских Постановлений, с указанием подсудности, судопроизводственных правил и приложениями) / В.В. Волков. – Санкт-Петербург, 1914. – 186 с.
2. Курляндский В.И. Кодекс уголовных проступков. Преступление и проступок / В.И. Курляндский // Литературная газета. – 1974. – 30 декабря.
3. Балтабаев К.Ж. Особенности Уголовного кодекса Республики Казахстан / К.Ж. Балтабаев // Уголовное право. – 2017. – № 4. – С. 19–24.
4. Рахметов С.М. Проблемы отграничения уголовных проступков от административных правонарушений и преступлений / С.М. Рахметов // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2016. – № 4 (45). – С. 118–124.
5. Дурманов Н.Д. Понятие преступления / Н.Д. Дурманов. – Москва, 1948. – 242 с.
6. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. Категории: особо тяжкие преступления, преступления и уголовные проступки / Н.Ф. Кузнецова. – Москва, 1962. – 585 с.

REFERENCES

1. Volkov V.V. Ulozhenie o nakazaniyah ugolovnyh i ispravitel'nyh. Izdaniya 1885 g. i po prod. 1912 g. (s izvlecheniyami iz reshenij Pravitel'stvuyushchego Senata, Svoda Zakonov, Svodov Voennyh i Morskih Postanovlenij, s ukazaniem podsudnosti, sudoproizvodstvennyh pravil i prilozheniyami) [Code of penalties for criminal and correctional. Editions of 1885 and 1912 (with extracts from the decisions of the Governing Senate, the Code of Laws, the Codes of Military and Naval Ordinances, indicating jurisdiction, legal proceedings and applications)]. Saint Petersburg, 1914. 186 p.
2. Kurlyandsky V.I. Code of Criminal Offences. Crime and misdemeanor. Literaturnaya gazeta = Literary Newspaper, 1974, December 30.
3. Baltabayev K.Zh. Features of the Criminal Code of Kazakhstan. Ugolovnoe pravo = Criminal law, 2017, no. 4, pp. 19–24. (In Russian).
4. Rakhmetov S.M. Problems of differentiation of criminal infractions against administrative offenses and crimes. Vestnik Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazakhstan = Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan, 2016, no. 4 (45), pp. 118–124. (In Russian).

7. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступлений / А.Н. Трайнин. – Москва, 1957. – 258 с.
8. Лунев А.Е. Административная ответственность за правонарушения / А.Е. Лунев. – Москва, 1961. – 110 с.
9. Субоцкий Ю.В. Административное правонарушение и преступление / Ю.В. Субоцкий // Вестник Московского университета. Сер.: Право. – 1959. – № 2. – С. 170–179.
10. Джекебаев У.С. Основные принципы уголовного права Республики Казахстан (сравнительный комментарий к книге Дж. Флетчера и А.В. Наумова «Основные концепции современного уголовного права») / У.С. Джекебаев. – Алматы : Жеті жарғы, 2001. – 256 с.
5. Durmanov N.D. Ponyatie prestupleniya [The concept of crime]. Moscow, 1948. 242 p.
6. Kuznetsova N.F. Prestuplenie i prestupnost'. Kategorii: osobo tyazhkie prestupleniya, prestupleniya i ugovolnye prostupki [Crime and criminality. Categories: especially grave crimes, crimes and criminal offenses]. Moscow, 1962. 585 p.
7. Trainin A.N. Obshcheye uchenie o sostave prestupleniya [General doctrine of the composition of the crime]. Moscow, 1957. 258 p.
8. Lunev A.E. Administrativnaya otvetstvennost' za pravonarusheniya [Administrative responsibility for offenses]. Moscow, 1961. 110 p.
9. Subotsky Yu.V. Administrative offense and crime. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of Moscow University. Series: Law, 1959, no. 2, pp. 170–179. (In Russian).
10. Dzhekebaev U.S. Osnovnye principy ugovolnogo prava Respubliki Kazakhstan (sravnitel'nyj kommentarij k knige Dzh. Fletchera i A.V. Naumova «Osnovnye koncepcii sovremennogo ugovolnogo prava») [Basic principles of criminal law of the Republic of Kazakhstan (comparative commentary on the book by J. Fletcher and A.V. Naumov «Basic concepts of modern criminal law»)]. Almaty, 2001. 256 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сейтенов Калиолла Кабаевич – доктор юридических наук, профессор, первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Seitenov Kaliolla Kabaevich – Doctor of Law, Professor, First Vice-Rector of the Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan.

Статья поступила в редакцию 10.07.2022; одобрена после рецензирования 11.08.2022; принята к публикации 11.08.2022. The article was submitted 10.07.2022; approved after reviewing 11.08.2022; accepted for publication 11.08.2022.

Научная статья
УДК 343.7
DOI 10.33184/pravgos-2022.3.25

Original article

ФИЛЬЧЕНКО Андрей Петрович
Академия управления МВД России,
Москва, Россия;
e-mail: apfilchenko@yandex.ru;
<https://orcid.org/0000-0002-0099-731X>

FILCHENKO Andrey Petrovich
Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia.

ЖАНДРОВ Владимир Юрьевич
Московский университет МВД России
им. В.Я. Кикотя, Москва, Россия;
e-mail: vaisvladimir74@gmail.com;
<https://orcid.org/0000-0002-1353-2837>

ZHANDROV Vladimir Yuryevich
Vladimir Kikot Moscow University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЖИМА САНКЦИЙ И СИСТЕМЫ КОМПЛАЕНС В СНИЖЕНИИ РИСКОВ НЕЗАКОННЫХ ОПЕРАЦИЙ С ВИРТУАЛЬНЫМИ АКТИВАМИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ И РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

THE USE OF THE SANCTIONS REGIME AND COMPLIANCE SYSTEM TO REDUCE
THE RISKS OF ILLEGAL TRANSACTIONS INVOLVING VIRTUAL ASSETS:
FOREIGN AND RUSSIAN EXPERIENCE

Аннотация. Криминологически значимым следствием развития информационно-телекоммуникационных и цифровых технологий, появления использующих элементы криптографии нестандартных платежных средств стало увеличение рисков проведения незаконных операций, прежде всего легализации доходов от преступной деятельности и финансирования терроризма. Анонимность, с которой действуют представители высокотехнологичной преступности, заставляет правительства менять подходы к регулированию оборота виртуальных активов, искать новые управленческие, правовые и экономические инструменты, которые окажутся эффективными для выявления, предупреждения и минимизации ущерба от незаконных финансовых операций. Данные обстоятельства вызывают острую необходимость научного обоснования и последующей оценки организационного опыта разных стран в сфере контроля оборота виртуальных активов. Преимущества виртуальных активов, которые используются для ведения незаконной деятельности, требуют компенсации за счет расширения контролирующей функции государственного управления путем введения санкций и внедрения обеспечивающей их выполнение системы комплаенс для физических и юридических лиц, участвующих в производстве и обороте виртуальных активов. Цель: на основе анализа опыта США по применению санкций и внедрению обеспечивающей их выполнение системы комплаенс определить уязвимости и возможности данного подхода по установлению государственного контроля в сфере оборота виртуальных активов, оценить перспективы его использования в юрисдикции России. Методы: для разграничения основных видов виртуальных активов использовался метод классификации, при формировании терминологии исследования – аксиоматический метод, для установления правовой природы санкций – метод юридического анализа, для оценки опыта США и России по внедре-

Abstract. Criminologically significant consequence of the development of information and telecommunications and digital technologies, the emergence of non-standard means of payment using elements of cryptography virtual currencies, has been an increase in the risks of illegal transactions, and, above all, the legalization of proceeds from criminal activity and terrorist financing. The anonymity with which high-tech criminals operate forces governments to change approaches to regulating the turnover of virtual assets, to look for new management, legal and economic tools that will be effective in identifying, preventing and minimizing damage from illegal financial transactions. These circumstances cause an urgent need for scientific justification and subsequent assessment of the organizational experience of different countries in the field of control of the turnover of virtual assets. The advantages of virtual assets that are used for conducting illegal activities require compensation by expanding the controlling function of state administration by imposing sanctions and implementing a compliance system that ensures their implementation for individuals and legal entities involved in the production and turnover of virtual assets. Purpose: based on the analysis of the US experience in applying sanctions and implementing the compliance system that ensures their fulfillment, to determine the vulnerabilities and possibilities of this approach of establishing state control in the sphere of virtual assets and to assess the prospects for its use in Russian jurisdiction. Methods: the classification method is used to distinguish the main types of virtual assets; the axiomatic method is used to form the terminology of the study; the legal analysis is used to establish the legal nature of sanctions; the method of comparative study of regulatory legal acts and related documents is used to assess the US and Russian experience in implementing the compliance system; the logical and expert-analytical methods are used to identify the advantages and vulnerabilities of sanctions. Results:

© Фильченко А.П., Жандров В.Ю., 2022

нию системы комплаенс – метод сравнительного изучения нормативных правовых актов и сопутствующих документов, для выявления преимуществ и уязвимостей санкционного контроля – логический и экспертно-аналитический методы. Результаты: авторы пришли к следующим выводам: контролирующая функция государства в отношении оборота всех видов виртуальных активов может быть расширена путем введения режима санкций в отношении участников обмена и конвертации виртуальных активов, полученных преступным путем; обеспечить эффективность применения санкций возможно путем внедрения в деятельность участников оборота виртуальных активов системы комплаенс, направленной, прежде всего, на преодоление анонимности в цифровой среде; уязвимостями системы санкционного и связанного с ним комплаенс-контроля являются постоянное усложнение введенных санкций и несформированность единой позиции разных органов и учреждений относительно перечня и статуса виртуальных активов в разных юрисдикциях, что в условиях кризиса международного права приводит к превосходству национальных инструментов контроля.

Ключевые слова: криптовалюта, виртуальная валюта, цифровая валюта, комплаенс, санкции, незаконные операции, легализация доходов, финансирование терроризма

Для цитирования: Фильченко А.П. Использование режима санкций и системы комплаенс в снижении рисков незаконных операций с виртуальными активами: зарубежный и российский опыт / А.П. Фильченко, В.Ю. Жандров // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 3. – С. 171–183. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.25.

the authors conclude that the controlling function of the state in relation to the turnover of all types of virtual assets can be expanded by introducing a sanctions regime against participants in the exchange and conversion of virtual assets acquired by criminal means; it is possible to ensure the effectiveness of sanctions by introducing a compliance system into the activities of participants in the turnover of virtual assets, aimed primarily at overcoming anonymity in digital environment; the vulnerabilities of the system of sanctions and related compliance control are the constant complication of the network of imposed sanctions and the lack of a unified position of different bodies and institutions regarding the list and status of virtual assets in different jurisdictions, which in a crisis of international law leads to the superiority of national control instruments.

Keywords: cryptocurrency, virtual currency, digital currency, compliance, sanctions, illegal transactions, money laundering, terrorist financing

For citation: Filchenko A.P., Zhandrov V.Yu. The use of the sanctions regime and compliance system to reduce the risks of illegal transactions involving virtual assets: foreign and Russian experience. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* = The Rule-of-Law State: Theory and Practice, 2022, no. 3, pp. 173–183. DOI 10.33184/pravgos-2022.3.25 (In Russian).

ВВЕДЕНИЕ

Появление цифровых объектов с функциями платежных средств существенно повлияло на финансовые операции во всем мире, изменив не только их структуру, но и саму технологию транзакций. Наряду с очевидными преимуществами новые формы расчетов значительно увеличили риски незаконной деятельности, связанной, прежде всего, с легализацией доходов, полученных преступным путем [1]. В отсутствие центрального регулятора операций с цифровыми объектами правительства ищут инструменты, которые позволят компенсировать контролируемую функцию за эмиссией и оборотом нетрадиционных платежных средств и противодействовать незаконной финансовой деятельности с использованием цифровых объектов.

ТЕРМИНОЛОГИЯ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Одним из способов восстановления функции государственного контроля в этом отношении является признание цифровой

валюты официальным платежным средством. В совместном отчете Банка международных расчетов и ряда зарубежных национальных банков за 2020 г.¹ указывалось, что в отсутствие четкого определения «цифровая валюта центрального банка» большинство суверенных юрисдикций рассматривают ее как новую форму денег, с множеством полезных преимуществ. Среди них: технологическая эффективность денежных переводов и платежей; снижение транзакционных сборов; возможность любому гражданину получить бесплатный или недорогой банковский счет и, что самое важное, перспектива отслеживания местоположения единицы валюты. Последнее из указанных преимуществ значительно затрудняет уклонение от уплаты налогов и облегчает обнаружение преступной деятельности, поскольку позволяет представить доказательство в виде цифровой записи существующей транзакции.

¹ Central bank digital currencies: foundational principles and core features. Bank for International Settlements 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www.bis.org/publ/othp33.pdf?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (дата обращения: 05.07.2022).

Первым платежным инструментом такого рода, эмитированным крупной экономикой мира, стал выпущенный в 2022 г. Народным банком Китая цифровой юань, выпуск которого стал результатом работы Института цифровой валюты, разработавшим Обоснование концепции цифровой фиатной валюты². Вслед за этим три суверенных центральных банка – Центральный банк Багамских островов, Восточно-Карибский центральный банк и Центральный банк Нигерии – также эмитировали собственные цифровые валюты. В свою очередь, Центральный банк России в начале 2022 г. приступил к тестированию платформы цифрового рубля и успешно провел первые переводы между гражданами³. Предполагается, что цифровые рубли будут использоваться, как и обычные купюры (монеты, банковские карты, электронные кошельки) с равным эквивалентом для наличного и безналичного расчетов.

Очевидно, что признание цифровой валюты допустимым платежным средством не способно связать официальными правилами обращение всех имеющих ценность виртуальных объектов. Спектр последних довольно широк, постоянно появляются новые виды криптографических конструкторов.

Как известно, разработка и запуск в 2009 г. первой децентрализованной платежной системы Bitcoin положило начало развитию целой индустрии и появлению нового термина «криптовалюта» [2, с. 355] – созданного с применением технологии блокчейн цифрового представления какого-либо актива (например, фиатных денежных средств). Приобретая новые формы, криптовалюты стали именоваться криптоактивами, которые по своим функциональным задачам разделились на те, которые используются в качестве платежей (Bitcoin, Altcoin, Stablecoin), и те, которые удостоверяют какие-либо имущественные права (Tokens). Часть названия «крипто-» объясняется использованием при создании актива криптографии, то есть специальной процедуры обеспечения конфиденциальности, аутентификации, шифрования и невозможности незаметного изменения

информации. Криптографический алгоритм служит для проверки и защиты транзакций, отражаемых в цифровом виде в системе распределенного реестра.

Термины «криптовалюта» и «криптоактив» стали широкоупотребимыми в обиходе российской публицистики, тогда как официальным термином зарубежного законодательства стал термин «виртуальная валюта». Напомним, что в 2013 г. Агентство по борьбе с финансовыми преступлениями Министерства финансов США (Financial Crimes Enforcement Network, далее – FinCEN) опубликовало Руководство по применению Правил для лиц, управляющих, обменивающих или использующих виртуальную валюту. Руководство определило данный объект как «средство обмена, которое работает как валюта в некоторых средах, но не обладает всеми атрибутами реальной валюты и не имеет статуса законного платежного средства ни в одной юрисдикции»⁴. Данное понятие было уточнено в докладе Европейского банковского управления (European Banking Authority) 2014 г.: «цифровое выражение стоимости, которое не выпускается центральным банком или государственным органом и не обязательно привязано к фиатной валюте, но принимается физическими или юридическими лицами в качестве средства обмена и может передаваться, храниться или продаваться в электронном виде»⁵.

В последующем понятие виртуальной валюты было расширено Директивой (ЕС) 2018/843 Европейского парламента и Совета от 30 мая 2018 г. о внесении поправок в Директиву (ЕС) 2015/849 «О предотвращении использования финансовой системы в целях отмывания денег или финансирования терроризма, а также о внесении изменений в Директивы 2009/138 / ЕС и 2013/36 / EU»: «цифровое представление стоимости, которое не выпущено или не гарантировано центральным банком или государственным органом, не обязательно привязано к законно установленной валюте и не обладает юридическим статусом валюты или денег, но принимается

2 Progress of Research & Development of E-CNY in China Working Group on E-CNY Research and Development of the People's Bank of China. July, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/4293696/2021072014364791207.pdf> (дата обращения: 05.07.2022).

3 Цифровой рубль: старт тестирования [Электронный ресурс]. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=12685> (дата обращения: 05.07.2022).

4 Guidance FIN-2013-G001. March 18, 2013. Application of FinCEN's Regulations to Persons Administering, Exchanging, or Using Virtual Currencies [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fincen.gov/sites/default/files/shared/FIN-2013-G001.pdf> (дата обращения: 05.07.2022).

5 EBA Opinion on 'virtual currencies'. 4 July 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eba.europa.eu/sites/default/documents/files/documents/10180/657547/81409b94-4222-45d7-ba3b-7deb5863ab57/EBA-Op-2014-08%20Opinion%20on%20Virtual%20Currencies.pdf> (дата обращения: 05.07.2022).

физическими или юридическими лицами в качестве средства обмена и которое может передаваться, храниться и продаваться в электронном виде»⁶. Сегодня в мире насчитывается более 1500 виртуальных валют [3, с. 9].

Как видно, по своему значению российский термин «криптовалюта» и зарубежный термин «виртуальная валюта» обозначают один класс объектов, имеющих одинаковый правовой режим (выпускаются и контролируются частным эмитентом и потому не подчиняются кредитно-денежной политике государства). В то же время криптовалюты могут быть централизованы (иметь единого администратора системы) или децентрализованы (когда специальный заданный программный алгоритм аутентифицирует транзакции, подтверждая подлинность переводов).

Основными преимуществами криптовалюты принято считать удобство в международных расчетах и значительное снижение стоимости транзакции за счет отсутствия посредников в виде банков [4, с. 130]. Однако все эти выгоды достигаются за счет нахождения рассматриваемых активов вне законодательства, регулирующего борьбу с отмыванием преступных доходов и финансированием терроризма (далее – ПОД/ФТ). Выпадая из-под контроля и государственного администрирования, система обеспечения крипторасчетов повышает риски осуществления незаконных операций.

Вовлечение все большего числа лиц в инвестиции и торговлю криптоактивами стимулирует правительства различных стран на поиск инструментов, позволяющих снизить криминальные риски в этой сфере. Как показала политическая практика, официальные регуляторы располагают выбором одного из двух подходов воздействия на данную отрасль.

Первого подхода придерживаются государства, принявшие решение ввести криптоактивы в сферу правового регулирования и сформировать соответствующую нормативно-правовую базу, позволяющую применять к их обороту налогообложение [5, с. 53] и законодательные средства по борьбе с отмыванием преступных доходов и финансированием терроризма. Так, в сентябре 2021 г. Сальвадор принял Bitcoin в качестве

законного платежного средства⁷. Согласно Отчету Управления глобальных юридических исследований Юридической библиотеки Конгресса США в 2021 г. 103 юрисдикции, включая государства – члены Европейского союза (за исключением Болгарии), применяли к криптовалютам налоговое законодательство и нормы ПОД/ФТ как отдельно, так и в рамках одного законодательного акта⁸.

Второй подход заключается в прямом или косвенном запрете государствами оборота криптоактивов при одновременном использовании инструментов деанонимизации проводимых транзакций. Сегодня в мире насчитывается 9 юрисдикций с абсолютным запретом на использование криптовалют и 42 – с неявным запретом⁹.

Оборот как легализованных, так и не признанных в качестве допустимых платежных средств видов виртуальной валюты привлекает внимание организаций, разрабатывающих международные стандарты для финансовых структур в части противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма. Основные правила ПОД/ФТ в настоящее время формирует межправительственная организация Financial Action Task Force (далее – FATF), которая для этих целей в октябре 2018 г. включила в специальный глоссарий новый термин «виртуальные активы» – «цифровое представление стоимости, которое может быть продано или передано в цифровом виде, а также может быть использовано для оплаты или инвестиционных целей»¹⁰. Как видно, понятие виртуального актива перешагнуло границы виртуальной валюты, поскольку по своему технологическому исполнению виртуальный актив необязательно должен быть основан на структуре распределенного реестра и в него могут быть включены, например, артефакты сетевых компьютерных игр.

⁷ В Сальвадоре вступил в силу закон о признании биткойна официальным платежным средством [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/12316283> (дата обращения: 05.07.2022).

⁸ Regulation of cryptocurrency around the world : Albania, Algeria, Angola, Anguilla, Antigua and Barbuda, Argentina, Australia, Azerbaijan, Bahamas, Bahrain, Bangladesh, Belarus, Belgium / prepared by the Staff of the Global Legal Research Directorate. November, 2021. Washington, D.C.: The Law Library of Congress, Global Legal Research Directorate, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.loc.gov/item/2021687419> (дата обращения: 05.07.2022).

⁹ Там же.

¹⁰ Glossary – Financial Action Task Force (FATF) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fatf-gafi.org/glossary/u-z/> (дата обращения: 07.07.2022).

⁶ Directive (EU) 2018/843 of the European Parliament and of the Council of 30 May 2018 amending Directive (EU) 2015/849 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing, and amending Directives 2009/138/EC and 2013/36/EU (Text with EEA relevance) [Электронный ресурс]. URL: <https://lexpandency.org/eu/32018L0843/> (дата обращения: 05.07.2022).

«Поставщиком услуг виртуальных активов» глоссарий обозначил любое физическое или юридическое лицо, которое не подпадает под действие Рекомендаций FATF и в качестве бизнеса осуществляет одно или несколько из следующих действий или операций от имени другого физического или юридического лица: 1) обмен между виртуальными активами и фиатными валютами; 2) обмен между одной или несколькими формами виртуальных активов; 3) передачу виртуального актива (проведение транзакции от имени другого физического или юридического лица, которая перемещает виртуальный актив с одного адреса или учетной записи виртуального актива на другой); 4) хранение и (или) управление виртуальными активами или инструментами, позволяющими контролировать виртуальные активы; 5) участие/предоставление финансовых услуг, связанных с предложением эмитента и (или) продаж виртуального актива¹¹.

Предложенные FATF определения «виртуального актива» и «поставщика услуг виртуальных активов» свидетельствуют о значительных подвижках в официальной позиции организации. Признание высокорискованными с точки зрения отмывания денег и финансирования терроризма сделок по обмену виртуальных активов между собой, а также на фиатные валюты привело к отмене Руководства FATF по риск-ориентированному подходу к виртуальным валютам 2015 г.¹² и принятию нового Руководства 2019 г., которое не только признало появление новых рисков в сфере регулирования ПОД/ФТ, но и расширило круг провайдеров услуг в криптосфере¹³.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Лавинообразное приумножение видов виртуальных активов, увеличение объема транзакций с ними побуждает национальные контролирующие органы реагировать на возникающие в связи с этим значительные криминальные риски. Учитывая, что виртуальные активы используют в своей преступной

деятельности представители так называемой высокотехнологичной преступности [6, с. 122], большинство юрисдикций с развитыми финансовыми рынками поступательно вводят ограничительные меры, направленные на преодоление анонимности в цифровой среде¹⁴.

Вынужденная необходимость государств препятствовать отмыванию преступных доходов, торговле людьми и наркотиками, финансированию терроризма и распространению оружия массового поражения объективно сближает оба подхода в попытках контролировать оборот виртуальных активов, будь то легализация отдельных видов криптовалют или их полный запрет. Такое сближение становится очевидным на фоне стремления привести национальные законодательства в соответствие с нормами ПОТ/ФТ в части регулирования оборота виртуальных активов. Значение данной работы определятся тем, что ограниченные возможности по деанонимизации всех участников операций с виртуальными активами не просто опасно, но создает вызов для действующей глобальной системы ПОД/ФТ и потому обуславливает необходимость ее совершенствования¹⁵.

Шагом революционного значения на пути формирования ответа новым вызовам стало опубликование 21 сентября 2021 г. Управлением по контролю за иностранными активами Министерства финансов США (далее – OFAC) Рекомендации о потенциальных санкционных рисках за содействие выплатам с помощью программ-вымогателей¹⁶ (далее – Рекомендация). Не являясь законом, имея статус консультативного заключения, данный документ тем не менее разъяснил порядок реагирования государственных органов

14 Jurisdictions move towards full implementation of standards for financial market infrastructures. Press release Committee on Payments and Market Infrastructures (CPMI) and the International Organization of Securities Commissions. 08 April, 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://www-bis-org.translate.goog/press/p200408.htm?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=op,sc (дата обращения: 07.07.2022).

15 Криптовалюты: тренды, риски, меры: доклад для общественных консультаций. Информация Центрального Банка Российской Федерации, 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 05.07.2022).

16 Updated Advisory on Potential Sanctions Risks for Facilitating Ransomware Payments. 2021. September. Department of the treasury. Washington, D.C. [Электронный ресурс]. URL: https://home.treasury.gov/system/files/126/ofac_ransomware_advisory.pdf (дата обращения: 30.06.2022).

11 Там же.

12 Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Currencies. FATF [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/reports/Guidance-RBA-Virtual-Currencies.pdf> (дата обращения: 07.07.2022).

13 Виртуальные активы и провайдеры услуг виртуальных активов: руководство по применению риск-ориентированного подхода. FATF. Июнь, 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fatf-gafi.org/media/fatf/documents/recommendations/MUMCFM-FATF-Guidance-RBA-VA-VASPs.pdf> (дата обращения: 07.07.2022).

США на выявленные риски незаконных финансовых операций в связи с использованием вредоносного программного обеспечения. Согласно Рекомендации государственные органы США оставляют за собой право применять законодательство о санкциях против криптовалютных бирж, уличенных в содействии выплатам киберпреступникам денежных средств путем конвертации виртуальных активов, полученных в результате использования для вымогательства специального программного обеспечения – RaaS (англ. ransomware-as-a-service – программа-вымогатель как услуга).

СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЙ СПИСОК

Достаточным основанием для введения ограничений (санкций) является размещение OFAC данных физического или юридического лица в «Списке особо назначенных граждан и заблокированных лиц» (далее – SDN)¹⁷, где перечисляются субъекты, с которыми гражданам, постоянным жителям США, включая юридических лиц, запрещено вести бизнес. Обновление SDN сопровождается размещением на официальном сайте OFAC всей необходимой информации, поясняющей внесение дополнений.

Список неоднороден и включает две основные категории лиц: 1) исполнителей атак, использующих программы-вымогатели; 2) тех, кто способствует транзакциям активов, полученных с использованием программ-вымогателей. В целом санкции могут быть направлены на любого участника индустрии – технологические компании, обменники, администраторов, майнеров, поставщиков кошельков и пользователей.

Так, в число исполнителей атак OFAC включила российскую киберпреступную организацию Evil Corp и в декабре 2019 г. ввела против нее санкции за разработку и распространение вредоносного программного обеспечения Dridex¹⁸, с помощью которого происходило заражение компьютеров и собирались учетные данные для входа в сотни банков и финансовых учреждений в более чем

40 странах, что привело к краже более 100 млн долларов¹⁹.

Однако в большей степени Рекомендация направлена на применение санкционных инструментов в отношении лиц, оказывающих содействие платежам, проводимым в связи с использованием программ-вымогателей – криптобирж и обменников виртуальной валюты. Главная цель документа – воспрепятствовать криминальной спайке криптоагрегаторов с кибервымогателями на этапе конвертации виртуальных активов в фиатную валюту. При обналаживании виртуальных активов киберпреступники наиболее уязвимы, что используется Министерством финансов США для их выявления и последующей борьбы с преступной деятельностью.

Для отслеживания незаконных операций с виртуальными активами используются программные инструменты, специально разрабатываемые аналитическими компаниями (Chainalysis, Coinfirm, An Chain, Crystal, Ciphertrace, Elliptic, Titanium и др.). Современные технологические возможности позволяют проследить цепочку совершенных транзакций и установить учетную запись бенефициара до определения его учетной записи на криптобирже или обменнике виртуальной валюты, где финансовые правила требуют от пользователей подтверждения своей личности.

РЕЖИМ САНКЦИЙ

Законодательство США в качестве санкций предусматривает ряд ограничений, основными из которых являются:

- а) аннулирование лицензии на ведение деятельности, связанной с оборотом виртуальных активов;
- б) запрет на ведение с подпадавшим под санкции лицом какой-либо коммерческой деятельности;
- в) запрет сотрудничества санкционируемого с официальными органами государственного контроля;
- г) замораживание активов лица, на которое наложены санкции.

Некоторые санкции могут носить характер секторальных запретов, предусматривающих ограничение на проведение финансовых операций с конкретными предприятиями

¹⁷ Specially Designated Nationals And Blocked Persons List (SDN). U.S. Department of the Treasury [Электронный ресурс]. URL: <https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/specially-designated-nationals-and-blocked-persons-list-sdn-human-readable-lists> (дата обращения: 07.07.2022).

¹⁸ Суд США в рамках «дела Bugat» запретил трем россиянам использовать вредоносное ПО [Электронный ресурс]. URL: https://rapsinews.ru/international_news/20200113/305301592.html (дата обращения: 07.07.2022).

¹⁹ Treasury Department Sanctions Evil Corp, the Russian Cybercriminal Group Behind the Dridex Malware [Электронный ресурс]. URL: https://home-treasury.gov.translate.google.com/news/press-releases/sm845?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (дата обращения: 07.07.2022).

определенных отраслей, а также запрет на предоставление какой-либо помощи объектам контроля.

Следование нормативному регулированию США в части, касающейся оборота криптоактивов, может быть достаточно непростой задачей, сопряженной с рядом жестких требований: регистрация на федеральном уровне, внедрение программ по борьбе с отмыиванием доходов и получение лицензии на переводы денежных средств на уровне штата. При этом универсальной лицензии для работы по всей стране не существует, поскольку у правительств штатов имеются разные подходы к определению и регулированию виртуальных валют. Десять таких государственно-территориальных образований активно внедряют криптоиндустрию, в трех штатах введены достаточно жесткие требования, но большинство относится нейтрально к данной отрасли²⁰.

Так, федеральное законодательство США, регулирующее криптовалюту как товар, предписывает фирмам, осуществляющим ее оборот, быть зарегистрированными как предприятия, занимающиеся переводом или конверсией денежных средств, с регистрацией и получением соответствующей лицензии MSB²¹, в каждом штате, кроме Монтаны. Получение лицензии MSB в США – необходимая процедура для ведения финансовой деятельности. Главным регулятором здесь выступает Закон США о банковской тайне (BSA)²², а основным контролирующим и надзорным органом – FinCEN.

После регистрации фирмы, осуществляющей операции с виртуальными активами, в FinCEN и получения лицензии в тех штатах, где она намеревается работать, организация обязана на постоянной основе самостоятельно отслеживать любые законодательные изменения на федеральном уровне и на уровне

субъекта. Это строгое обязательство, так как изменение нормативных документов может осуществляться достаточно быстро, без каких-либо консультаций и заблаговременного предупреждения. В этой связи криптоагрегаторы обязаны постоянно отслеживать открытые интернет-ресурсы Министерства финансов США, а также порталы отчетности лицензируемых штатов.

В Кодексе Соединенных Штатов Америки, в разделе 18 «Преступления и уголовный процесс», предусмотрена уголовная ответственность за нарушение лицензии, выданной на операции по переводу. Наказание предполагает наложение крупного денежного штрафа либо лишение свободы сроком до 5 лет²³. Подобная ситуация может сложиться в случае, если лицо не прошло регистрацию в FinCEN или работает в штате без соответствующей лицензии. При этом термин «не лицензируемый бизнес по переводу денег» в диспозиции статьи рассматривается достаточно широко, охватывая всю деятельность, которая каким-либо образом или в какой-либо степени влияет на межгосударственную или иностранную торговлю.

Весьма значимо обстоятельство: Министерство финансов США не принимает во внимание международно-правовую юрисдикцию объекта санкционного контроля, которая не имеет значения для исполнения запретов. Достаточным основанием введения ограничений считается факт причинения ущерба гражданам США. Любая транзакция, совершенная вопреки требованиям Закона о международных чрезвычайных экономических полномочиях (IEEPA)²⁴, включая транзакцию лица, не являющегося гражданином США, но которая заставляет гражданина США нарушать какие-либо запреты на санкции, основанные на этом законе, также рассматривается как запрещенная.

Демонстрацией обеспечения соблюдения наложенных санкций на объект, расположенный в другой юрисдикции, стало включение в SDN внебиржевого криптовалютного брокера SUEXOTC S.R.O. (далее – Suex), также

20 Money Transmitter Registration And Licensing: U.S. Cryptocurrency Entities. A Brief Overview of the Cryptocurrency Industry. February 24, 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://www.sia-partners.com.translate.google/en/news-and-publications/from-our-experts/money-transmitter-registration-and-licensing-us?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (дата обращения: 06.07.2022).

21 Fact Sheet on MSB Registration Rule. Glossary. An official website of the United States Government [Электронный ресурс]. URL: https://www.fincen.gov.translate.google/fact-sheet-msb-registration-rule?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (дата обращения: 05.07.2022).

22 The Bank Secrecy Act of 1970 (BSA). U.S. Legislation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fincen.gov/resources/statutes-and-regulations/bank-secrecy-act> (дата обращения: 05.07.2022).

23 U.S. Code. Title 18. Part I. Chapter 95. § 1960. – Prohibition of unlicensed money transmitting businesses [Электронный ресурс]. URL: https://www-law-cornell-edu.translate.google/uscode/text/18/1960?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (дата обращения: 06.07.2022).

24 The International Emergency Economic Powers Act (IEEPA), Title II of Pub.L. 95–223, 91 Stat. 1626, enacted October 28, 1977 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.congress.gov/bill/95th-congress/house-bill/7738> (дата обращения: 06.07.2022).

известного как «Успешный обмен»²⁵. Данный агрегатор имел регистрацию в Чехии (Прага), а его фактическое местонахождение было определено Министерством финансов США в России (Москва)²⁶. Указом Президента США № 13694 от 1 апреля 2015 г.²⁷ введен запрет американским гражданам на любые формы взаимодействия с данной компанией.

Основанием для введения ограничений послужило аналитическое исследование IT-компании Chainalysis, проведенное во взаимодействии с государственным американским финансовым органом. Согласно предоставленным данным, Suex конвертировал криптовалюту на сотни миллионов долларов, большая часть которой поступала из незаконных и высокорискованных источников. В одной только криптовалюте Bitcoin депозитные адреса агрегатора, размещенные на крупных биржах, получили более 160 млн долларов от участников программ-вымогателей, мошенников и операторов рынка DarkNet. Расследование Chainalysis показало, что Suex переводил криптовалюту в наличные денежные средства в филиалах, расположенных в Москве и Санкт-Петербурге, а также, возможно, в других офисах за пределами России. По мнению аналитиков Chainalysis, Suex являлся одним из самых крупных и активных сервисов, предоставлявших незаконные услуги по отмыванию денег для всех преступлений, связанных с криптовалютой²⁸. Таким образом, введенные Министерством финансов США санкции в отношении Suex имели целью поставить под контроль операции, связанные с конвер-

тацией незаконно полученной криптовалюты в фиатную, и сделали весьма затруднительным для киберпреступников процесс перевода и размещения похищенных денежных средств на криптоагрегаторах.

Особого внимания заслуживает пример проведенного 5 апреля 2022 г. мероприятия при участии Министерства юстиции США, Федерального бюро расследований, Управления по борьбе с наркотиками, Налоговой службы по уголовным делам, Службы расследований национальной безопасности США и Федеральной уголовной полиции Германии в отношении HydraMarket (далее – Hydra) – крупнейшего маркетплейса русскоязычного криминального сегмента DarkNet. В рамках осуществленных мероприятий по предотвращению распространения вредоносных киберпреступных сервисов, а также сбыта наркотиков с использованием Интернета на территории ФРГ были отключены серверы Hydra и конфискованы виртуальные активы в Bitcoin на сумму 25 млн долларов США. По мнению государственных органов США, маркетплейс Hydra, открытый в 2015 г., являлся самым крупным в мире рынком торговли запрещенными веществами, предоставляя в числе прочих и различные хакерские услуги, включая программы-вымогатели. Согласно проведенному расследованию, доходы от последнего вида незаконной деятельности составили 8 млн долларов, которые прошли через виртуальные счета Hydra. Отмечено, что порядка 86 % Bitcoins, незаконно полученных российскими биржами виртуальных валют в 2019 г., поступило именно от Hydra. До действий правоохранительных органов США выручка Hydra резко выросла с менее чем 10 млн долларов в 2016 г. до более 1,3 млрд долларов в 2020 г. Такой рост прибыли был возможен из-за связи Hydra с российскими незаконными финансами²⁹.

Помимо самого Hydra Управление по контролю за иностранными активами Министерства финансов США включило в SDN биржу виртуальной валюты GARANTEX EUROPE OU (далее – Garantex)³⁰. Государственными органами США объявлено, что основанная

25 Treasury Takes Robust Actions to Counter Ransomware. U.S. Department of the Treasury. Press Releases. September 21, 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://home-treasury.gov.translate.google.com/news/press-releases/jy0364?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (дата обращения: 06.07.2022).

26 Publication of Updated Ransomware Advisory; Cyber-related Designation. U.S. Department of the Treasury. September 21, 2021 [Электронный ресурс]. URL: https://home-treasury.gov.translate.google.com/policy-issues/financial-sanctions/recent-actions/20210921?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (дата обращения: 05.07.2022).

27 Blocking the Property of Certain Persons Engaging in Significant Malicious Cyber-Enabled Activities. Executive Order. April 01, 2015 [Электронный ресурс]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov.translate.google.com/the-press-office/2015/04/01/executive-order-blocking-property-certain-persons-engaging-significant-m?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=op,sc (дата обращения: 07.07.2022).

28 Chainalysis in Action: OFAC Sanctions Russian Cryptocurrency OTC Suex that Received Over \$160 million from Ransomware Attackers, Scammers, and Darknet Markets. September 22, 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.chainalysis.com/reports/ofac-sanction-suex-september-2021> (дата обращения: 06.07.2022).

29 U.S. Department of the Treasury. Treasury Sanctions Russia-Based Hydra, World's Largest Darknet Market, and Ransomware-Enabling Virtual Currency Exchange Garantex. Press Releases. April 5, 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://home-treasury.gov.translate.google.com/news/press-releases/jy0701?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (дата обращения: 06.07.2022).

30 U.S. Department of the Treasury. Specisly Designated Nationals List Up-date. May 04, 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/recent-actions/20220405> (дата обращения: 06.06.2022).

в 2019 г. и зарегистрированная изначально в Эстонии указанная биржа фактически осуществляла свою деятельность на территории России. Однако в феврале 2022 г. Garantex лишилась лицензии на предоставление услуг по обмену виртуальной валюты по причине нарушений законодательства в сфере ПОД/ФТ, выявленных Службой финансовой разведки Эстонии. Так, было обнаружено взаимодействие между Garantex и виртуальными кошельками, используемыми для криминальной деятельности, с транзакциями на сумму более 100 млн долларов, в том числе около 2,6 млн долларов – с Hydra.

Введенные в отношении Hydra и Garantex санкции выразились в блокировании действий со всем имуществом и интересом в собственности физических или юридических лиц, находящихся в США или под контролем лиц США. Все финансовые операции, включающие в себя внесение любого вклада или предоставление средств, товаров, услуг любым заблокированным лицом или в его пользу, а также получение любого вклада или предоставление средств, товаров, совершаемые лицами из США или в пределах США, находятся под запретом.

СИСТЕМА КОМПЛАЕНС

Организационно-правовая деятельность Министерства финансов США со всей очевидностью показывает решительность, с которой государственный аппарат намерен активизировать работу по продвижению санкционной политики. Выделяемые для этого значительные административные и материальные ресурсы способствуют углублению межведомственного взаимодействия органов и учреждений. Гарантеей же эффективности санкционного режима является вменение обязанности администратору ресурса внедрять систему комплаенс, предусматривающую осуществление внутреннего контроля за доставкой платежа, полученного, например, в результате использования программы-вымогателя. Невыполнение данной обязанности всегда влечет ответственность, даже если администратор не знал или не имел оснований знать, что он участвовал в сделке, которая была запрещена законами и правилами о санкциях, вводимыми OFAC. Таким образом, механизм комплаенса становится обязательным, заставляет администратора криптобиржи или обменника виртуальной валюты получать сведения и удостоверяться

в получателе средств платежа. Тем самым комплаенс нивелирует уклонение от санкций с помощью виртуальной валюты [7, с. 42].

Чтобы помочь общественности в разработке эффективной программы соблюдения санкций, в 2019 г. OFAC опубликовало «Концепцию обязательств Управления по контролю за иностранными активами по соблюдению требований»³¹. Документ настоятельно рекомендует организациям, подпадающим под юрисдикцию США, а также иностранным организациям, которые ведут бизнес в Соединенных Штатах или с ними, лицам из США или использующим товары/услуги американского происхождения применять риск-ориентированный подход к соблюдению санкций путем разработки, внедрения и регулярного обновления программы соблюдения санкций (SCP). Каждая программа вне зависимости от особенностей и условий применения должна включать пять основных компонентов: (1) обязательства руководства, (2) оценка рисков, (3) внутренний контроль, (4) тестирование и аудит, (5) обучение. Согласно официальной позиции, все перечисленные условия в полной мере распространяются и на компании, аффилированные с криптоагрегаторами – организациями, занимающимися предоставлением услуг по киберстрахованию, цифровой криминалистике, реагированию на киберинциденты, а также предоставляющими финансовые услуги, включающие обработку платежей с выкупом.

Функционирование системы комплаенс-контроля обеспечивается криптоагрегаторами путем выполнения рекомендаций по внедрению в деятельность специализированных программ, позволяющих в автоматическом режиме проводить оценку рисков, связанных с нарушением наложенных санкций. Расширяя сферу предупреждения рисков, 9 марта 2022 г. Президент США издал «Исполнительный указ об обеспечении ответственного развития цифровых активов»³², в котором наряду с описанием государственной стратегии по развитию цифровых технологий отмечена опасность возможного использования

31 A Framework for OFAC Compliance Commitments. Department of the treasury. Washington, D.C. 20220 [Электронный ресурс]. URL: https://home.treasury.gov/system/files/126/framework_ofac_cc.pdf (дата обращения: 07.07.2022).

32 Executive Order on Ensuring Responsible Development of Digital Assets. March 09, 2022. Presidential Actions [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2022/03/09/executive-order-on-ensuring-responsible-development-of-digital-assets/> (дата обращения: 07.07.2022).

виртуальных активов в качестве инструмента для обхода режима финансовых санкций. В развернутых правилах по недопущению обхода санкций, введенных против внешней деятельности России, Министерство финансов США предписывает своим гражданам, где бы они ни находились, в ходе совершения сделок с виртуальной валютой руководствоваться инструкциями OFAC³³, а также рекомендациями FinCEN от 7 марта 2022 г.³⁴

Исходя из понимания, что находящиеся под санкциями лица могут использовать виртуальные активы вкупе с инструментами анонимизации, суть принятых инструкций и правил сводится к ряду комплаенс-требований. Организации, предоставляющие услуги по обороту криптоактивов, должны проводить тщательную комплексную проверку для изучения всех потенциальных угроз, включая глобальные операции клиентов, деловых партнеров и сотрудников из регионов, находящихся под санкциями.

Так, участники оборота виртуальных активов обязуются обеспечить наличие и функционирование средств контроля know your customer (англ. – знай своего клиента) и anti-money laundering (англ. – борьба с отмыванием денег) в их соответствии отраслевым финансовым требованиям, указанным в нормативных актах. С целью выявления подставных компаний и виртуальных активов, используемых для сокрытия прав собственности и финансовых потоков, криптоагрегаторам рекомендуется использовать следующие автоматизированные банковские системы: скрининг геолокации, программы достоверной идентификации контрагентов клиента, мониторинг IP-адресов, а также обновляемые программы проверки списков OFAC. При этом операция будет отнесена к разряду подозрительных, если:

- транзакции клиента инициируются или отправляются на IP-адреса из ненадежных источников, из криптоадресов, ранее помеченных как подозрительные, а также находящиеся под санкциями юрисдикций, и т. п.;

33 Russian harmful foreign activities sanctions. 1021. Do the prohibitions of Executive Order (E.O.) 14024 and other Russia-related sanctions extend to virtual currency? U.S. Department of the Treasury [Электронный ресурс]. URL: <https://home.treasury.gov/policy-issues/financial-sanctions/faqs/1021> (дата обращения: 07.07.2022).

34 FinCEN Advises Increased Vigilance for Potential Russian Sanctions Evasion Attempts. FIN-2022-Alert001. March 7, 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fincen.gov/sites/default/files/2022-03/FinCEN%20Alert%20Russian%20Sanctions%20Evasion%20FINAL%20508.pdf> (дата обращения: 07.07.2022).

- транзакции клиента связаны с криптовалютными адресами, внесенными в список особо обозначенных граждан и заблокированных лиц OFAC;

- клиент использует биржу виртуальных активов или иностранный бизнес по обслуживанию денег в юрисдикции с высоким уровнем риска (Россия, Иран и др.);

- клиент получает виртуальный актив из внешнего кошелька и немедленно инициирует несколько быстрых сделок между несколькими криптовалютами без очевидной цели, после чего следует транзакция вне платформы, в возможной попытке запутать транзакцию;

- программное обеспечение для отслеживания цепочки блоков определяет, что клиент прямо или косвенно подтвержден транзакциями кода CVC (англ. – проверка карты), связанной с атакой программ-вымогателей³⁵.

Использование указанных инструментов в рамках комплаенс-контроля позволяет выявлять попытки участников операций и аффилированных с ними лиц обойти финансовые санкции и препятствовать осуществлению конвертации виртуальных активов, полученных преступным путем (прежде всего, от применения программ-вымогателей), в фиатную валюту.

Уязвимости режима санкций и системы комплаенс

Используемый США режим санкций и связанный с ним комплаенс-контроль не лишены уязвимостей, две из которых являются основными.

Первая уязвимость состоит в постоянном усложнении введенных санкций. В условиях расширения возможностей и усиления внимания фискальных органов к проблеме оборота виртуальных активов такое усложнение создает повышенную регуляторную проблему рисков и для граждан США, и для взаимодействующих с ними субъектов бизнеса, особенно финансовых учреждений и финтех-компаний.

Вторая уязвимость следует из несформированности единой позиции разных органов и учреждений относительно перечня и статуса виртуальных активов, подлежащих контролю. На административном и ведомственном уровне криптовалюту как объект контроля рассматривают сразу несколько федеральных органов: Комиссия по торговле товарными фьючерсами (CFTC), Комиссия по ценным

35 Там же.

бумагам и биржам США (SEC), Федеральная торговая комиссия (FTC), Налоговая служба США (IRS), Управление валютного контроля (OCC), Федеральный резерв (FED) и FinCEN.

При формировании позиции по регулированию виртуальных активов каждый из перечисленных регуляторов исходит из специфики выполнения им поставленных задач. В одних случаях криптовалюта представляется как ценная бумага, в других – как товар, в третьих – как собственность. Так, в своих правилах FinCEN разъяснило, что с точки зрения законодательства о денежных переводах оно не проводит различий между фиатной и виртуальной валютой³⁶. Согласно информации этого надзорного органа основной операцией, осуществляемой подпадающими под контроль лицензиатами, является денежный перевод, представляющий собой прием виртуальной валюты от одной стороны другой стороне и наоборот, либо даже обычный прием криптовалюты клиентов от имени продавца. При этом частные лица и предприятия, которые обменивают криптовалюту на товары и услуги и наоборот, под нормативное регулирование правил FinCEN не подпадают. Таким образом, виртуальный актив в зависимости от использования может рассматриваться как товар либо фиатная валюта, что затрудняет контроль за выполнением санкций.

Российский опыт

Российская Федерация следует глобальному мировому тренду, направленному на контроль оборота виртуальных активов с помощью национальных законодательных инструментов. Сегодня в стране последовательно формируется нормативная правовая база, в которой определяется глоссарий, порядок выпуска и обращения виртуальных активов, закрепляются требования по идентификации, учету и сертифицированию участников цифровой индустрии.

Согласно докладу председателя Правительства РФ М.В. Мишустина, представленного Государственной Думе в 2022 г., объем хранимых российскими гражданами виртуальных активов превышает 10 трлн рублей. При этом официальная позиция в отношении криптовалюты как законного средства платежа

остаётся осторожной³⁷. Тем не менее в вопросе регулирования оборота виртуальных активов органы власти продолжают законотворческую деятельность, направленную на стимулирование инвестиций в данную отрасль и создание соответствующей инфраструктуры.

Значимыми шагами на данном пути стали разработанные Министерством финансов РФ законопроекты: «О цифровой валюте»³⁸ и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О цифровой валюте»³⁹. Указанные проекты появились в связи с поручением Правительства РФ в целях необходимости создания нормативной правовой базы для осуществления легальной деятельности, связанной с совершением операций с цифровыми валютами и их выпуском. Среди предлагаемых Минфином России мер указаны:

- установление требования к биржам и обменникам, осуществляющим оборот цифровых валют (включая иностранные), об осуществлении регистрации на территории России с одновременным созданием их специального реестра. При этом сама деятельность криптоагрегаторов предполагает лицензирование и контроль специально уполномоченным органом Правительства РФ;

- принятие условия конвертации криптовалюты в фиатные деньги и обратно только через расчетный счет, открытый в российском банке. Таким образом предполагается идентифицировать владельца виртуального актива как в ходе регистрации клиента на криптоплатформе, так и в ходе открытия им банковского счета;

- введение процедуры ПОД/ФТ всеми участниками оборота цифровых валют, информирование подразделений финансовой разведки о выявленных подозрительных транзакциях. Биржи и обменники будут обязаны вести

37 В криптокошельках россиян больше 10 трлн рублей [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2022/04/07/mishustin-v-kriptokoshelkah-rossiian-bolshe-10-trln-rublej.html> (дата обращения: 07.07.2022).

38 О цифровой валюте : проект нормативно-правового акта Минфина России от 17.02.2022. ID проекта 02/04/02-22/00125083 [Электронный ресурс]. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=125083> (дата обращения: 07.03.2022).

39 внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О цифровой валюте» : проект нормативно-правового акта Минфина России от 17.02.2022. ID проекта 02/04/02-22/00125084 [Электронный ресурс]. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=125084> (дата обращения: 07.03.2022).

36 Guidance FIN-2013-G001. March 18, 2013. Application of FinCEN's Regulations to Persons Administering, Exchanging, or Using Virtual Currencies [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fincen.gov/sites/default/files/shared/FIN-2013-G001.pdf> (дата обращения: 06.07.2022).

реестры с указанием адресов – идентификаторов каждого обладателя цифровых валют;

– закрепление понятия цифрового майнинга и фискального механизма налоговых органов.

Указанные меры по своему содержанию и направленности свидетельствуют о начале формирования в российском правовом поле системы контроля выпуска и оборота виртуальных активов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное сравнительно-правовое исследование позволяет сформулировать ряд значимых для уголовной политики современной России положений.

1. Интересы предупреждения легализации преступно нажитых доходов и финансирования терроризма предполагают расширение контролирующей функции государства в отношении оборота всех видов виртуальных активов – как легализованных (цифровая валюта), так и не признанных в качестве допустимых платежных средств (криптовалюта, токены, игровые артефакты и т. д.).

2. Ограниченные возможности государственного контроля за оборотом виртуальных активов могут быть компенсированы введением режима санкций в отношении участников обмена и конвертации виртуальных активов,

полученных преступным путем (прежде всего, криптобирж и обменников криптовалют), независимо от международно-правовой юрисдикции.

3. Выполнение санкционного режима может быть достигнуто путем внедрения в деятельность участников оборота виртуальных активов системы комплаенс, направленной, прежде всего, на преодоление анонимности в цифровой среде.

4. Компании и физические лица, не исполняющие санкции, должны нести юридические, репутационные и коммерческие риски. При формировании данной системы необходимо принимать во внимание уязвимости режима санкций и комплаенс-контроля: (1) постоянное усложнение введенных санкций, увеличивающее вероятность их несоблюдения и (2) несформированность единой позиции разных органов и учреждений относительно перечня и статуса виртуальных активов в разных юрисдикциях, снижающее согласованность контроля и в условиях кризиса международного права неизбежно приводящее к превосходству национальных инструментов.

Данные положения должны учитываться при формировании дальнейших законодательных инициатив российских органов государственной власти в сфере определения статуса разных видов виртуальных активов и контроля за их оборотом.

Список источников

1. Vondráčková A. Regulation of Virtual Currency in the European Union // Charles University in Prague Faculty of Law Research Paper. – 2016. – № 3. URL: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2896911>.
2. Родичева В.Б. Криптовалюта: история происхождения и развитие / В.Б. Родичева // Российские регионы в фокусе перемен : сборник докладов XII Международной конференции. – Екатеринбург, 2018. – С. 355–357.
3. Dabrowski M. Virtual Currencies and Their Potential Impact on Financial Markets and Monetary Policy / M. Dabrowski, L. Janikowski // CASE Research Paper. – 2018. – № 495. – 46 p.
4. Кочергин Д.А. Место и роль виртуальных валют в современной платежной системе / Д.А. Кочергин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2017. – Т. 33, вып. 1. – С. 119–140.
5. Кочергин Д.А. Международный опыт налогообложения криптоактивов / Д.А. Кочергин, Н.В. Покровская // Экономический журнал ВШЭ. – 2020. – № 1. – С. 53–84.
6. Высокотехнологичная преступность: новые вызовы для общества, государства и бизнеса : материалы круглого стола Комитета гражданских инициатив // Индекс безопасности. – 2016. – Т. 22, № 1 (116). – С. 121–136.

REFERENCES

1. Vondráčková A. Regulation of Virtual Currency in the European Union. Charles University in Prague Faculty of Law Research Paper, 2016, no. 3. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2896911>.
2. Rodicheva V.B. Cryptocurrency: history of origin and development. Rossijskie regiony v fokuse peremen. Sbornik dokladov XII Mezhdunarodnoj konferencii [Russian regions in the focus of change. Collection of reports of the XII International Conference]. Yekaterinburg, 2018, pp. 355–357. (In Russian).
3. Dabrowski M., Janikowski L. Virtual Currencies and Their Potential Impact on Financial Markets and Monetary Policy. CASE Research Paper, 2018, no. 495. 46 p.
4. Kochergin D.A. The roles of virtual currencies in the modern payment system. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika = St Petersburg University Journal of Economic Studies, 2017, vol. 33, iss. 1, pp. 119–140. (In Russian).
5. Kochergin D.A., Pokrovskaja N.V. International Experience of Taxation of Cryptoassets. Ekonomicheskij zhurnal VSHE = HSE Economic Journal, 2020, no. 1, pp. 53–84. (In Russian).
6. High-tech crime: new challenges for society, state and business. Materials of the round table of the Committee of

7. Kirkpatrick K. Virtual currency in sanctioned jurisdictions: stepping outside of SWIFT / K. Kirkpatrick, C. Savage, R. Johnston, M. Hanson // Journal of Investment Compliance. – 2019. – Vol. 20, № 2. – P. 39–44.

Civil Initiatives. Indeks bezopasnosti = Safety Index, 2016, vol. 22, no. 1 (116), pp. 121–136. (In Russian).

7. Kirkpatrick K., Savage C., Johnston R., Hanson M. Virtual currency in sanctioned jurisdictions: stepping outside of SWIFT. Journal of Investment Compliance, 2019, vol. 20, no. 2, pp. 39–44.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фильченко Андрей Петрович – доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника кафедры уголовной политики Академии управления МВД России;

Жандров Владимир Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Filchenko Andrey Petrovich – Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the Department of Criminal Policy, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Zhandrov Vladimir Yuryevich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of Operative Investigative Activities and Special Equipment, Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редакцию 19.06.2022; одобрена после рецензирования 14.07.2022; принята к публикации 15.07.2022. The article was submitted 19.06.2022; approved after reviewing 14.07.2022; accepted for publication 15.07.2022.

© Уфа: Башкирский государственный университет, 2022

[12+]

Периодическое печатное издание (журнал):
«Правовое государство: теория и практика» № 3 (69) 2022.
Учредитель Башкирский государственный университет.

Главный редактор: Гизатуллин И.А.

Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Регистрационный номер: ПИ № ФС77-73609 от 31 августа 2018 г.

Адрес издателя и редакции: 450005, Российская Федерация, Республика Башкортостан,
г. Уфа, ул. Достоевского, д. 131.
Тел: (347) 228-83-51;
e-mail: ippravgos@yandex.ru;
сайт: <http://pravgos.ru>.

Подписной индекс в объединенном каталоге
«Газеты. Журналы» (Урал-Пресс): 81192.

Требования и условия публикации статей
размещены на сайте журнала pravgos.ru.

Подписан в печать 06.10.2022 г. Вышел в свет 14.10.2022 г.
Бумага писчая. Формат 60x84¹/₈. Гарнитура Cambria.
Усл. печ. л. 21,39. Уч. изд. л. 20,98. Тираж 500. Заказ 629.
Свободная цена.

Отпечатано в редакционно-издательском центре
Башкирского государственного университета
450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32, физ-мат. корпус, каб. 113.

